

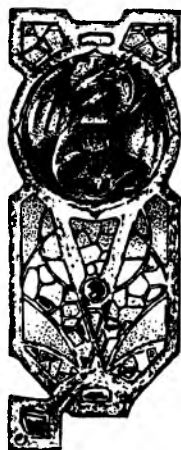
ЭЛИЗАБЕТ БОЙЕ ВОИН И ЧАРОДЕЙ

ЛЕГЕНДЫ СКАРПСЕЯ

САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ

ЛЕГЕНДЫ СКАРПСЕЯ
ЛЕТОПИСЬ ВТОРАЯ

Легенды Старпсея

ЭЛИЗАБЕТ БОЙЕ

ВОИН И ЧАРОДЕЙ

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Издательский центр "Терра"
1996

ББК 84.7 США
Б 77

Перевод Татьяны Кухты

The wizard and the warlord
© 1983 by Elizabeth H. Boyer

Бойе Э.

Б. 77 Воин и чародей: Роман / Пер. с англ. — СПб.:
Терра — Азбука, 1996. — 480 с.
ISBN 5-7684-0056-7

Книга «Воин и чародей» продолжает повествование об удивительной земле Скарпсей и ее обитателях. Вторая Летопись посвящена приключениям молодого воина Сигурда.

Поневоле втянутый в отчаянную схватку колдунов, Сигурд отправляется в дальнее странствие. На долгом, нелегком пути воин открывает для себя таинственный мир, где живут альвы и гномы, тролли и драконы.

© Кухта Т., перевод, 1996
© Борозенец П., дизайн, 1996
© «Азбука» — «Терра».
Русское издание, 1996

ISBN 5-7684-0056-7

Глава I

Бесконечный дождь понемногу превращался в снег. Сидя на замшелом валуне, Сигурд утрюмо смотрел вниз, на небольшую долину, где за мутью дождя и тумана скрывался дом его бабушки. Да какое там дом! — жалкая лачуга, которой он с весны пытался придать вид приличного дома, но лето выдалось сырое, дождливое, и у Сигурда не хватало духу резать торф под дождем. Теперь он сильно сомневался, что закончит с этим делом до наступления зимы, тем более что оба его раба сбежали. Их напугали толки, что Торарна, бабушка Сигурда, ведьма и насылает порчу и несчастья на своих соседей.

Сигурд с ненавистью поглядел на домишки, разбросанные по соседним долинам. Старик Богмод, ближайший их сосед, нашел вчера издохшего жеребенка и теперь в полный голос винил в его смерти Торарну — это после двадцати-то лет мирного житья бок о бок, с тех самых пор, как Торарна появилась на берегах фьорда Тонгуль, одна-одинешенька, с рыже-волосым младенцем на руках! Ничто не могло убедить Сигурда, что их соседей изводит чье-то лихое колдовство, а не простое невезение, которому подвержены и самые удачливые.

Однако, когда обитатели этого отдаленного края обжитых земель собирались вместе, они ни о чем ином не могли толковать, как только о коровах и овцах, которые расшиблись насмерть, упав со скалы и провалившись в расщелину, потому что обезумели по какой-то сверхъестественной причине, да еще о сырах и молоке, испорченных завистливым проклятием. Никто не мог припомнить времен, когда бы рыба ловилась так худо, а больше всего винили за то, что лето сырое и холодное, сено гниет, не успев просохнуть, а главное, дождь начинается сразу же, как только кто-нибудь скосит свой лужок. Торарну обвиняли даже в том, что она якобы напустила на поселенцев духа здешней земли, а уж он обернулся здоровенной крысой, которая укусила за большой палец ноги Беру из Альфгримссюнова Подвора, да притом вцепилась в свою жертву с таким ожесточением, какое редко встретишь даже у крыс.

При мысли обо всех нападках и обвинениях Сигурда окатила жаркая волна злобы. Никто даже не подумал, как это дряхлой одинокой старухе удастся проделывать такие фокусы: насылать простуду и лихорадку на самый южный хутор и в тот же самый миг превращать двадцатью милями южнее всех коров в недоинных тощих уродин. Тем более никто не сомневался в способности Торарны за одну ночь свернуть шею зараз пятнадцати овцам или скакать галопом на коне по крышам соседских усадеб без усталости от заката до вос-

хода. Сигурд между тем подозревал, что все эти пакости проделывает кое-кто другой, а потом сваливает на колдовство Торарны. Бабка Сигурда доживала на свете восьмой десяток и была маленькая, как гномик, такая худенькая и хрупкая, что Сигурд без труда закидывал ее в седло — весила она не больше ребенка.

Сигурд ничего так не хотел, как положить конец этим злобным сплетням раз и навсегда, однако сплетники, едва заведя его, спешили убраться восвояси, якобы вспомнив о неотложных делах. Сигурд не отличался ни высоким ростом, ни могучим телосложением, и все же не находилось охотника испытать на себе его гордый и воинственный нрав. Поселенцы понятия не имели, где он мог научиться так ловко обращаться с оружием, а сам Сигурд никому и не стал бы говорить, что обучила его этому Торарна. С детских лет она учила внука сражаться мечом и секирой, гоняла его по крутым склонам холмов, пока сердце у него не начинало разрываться от усталости, а ноги не отказывались повиноваться. Когда Сигурд подрос, он уже многому научился у Торарны и мог драться с другими ребятами, хотя у Сигурда не было отца и старших братьев — обыкновенно-то младших обучали они. Он не признавал над собой вышших, очень немногих считал равными, и эта воинственная гордыня помогла ему выиграть немало безнадежных схваток, а заодно и снизить уважение, к которому примешивалась

изрядная доля обычного страха, в сердцах обитателей отдаленного от мира фьорда Тонгуль. Пока Сигурд был рядом с бабкой и защищал ее от грязных сплетен, никто не посмел бы причинить ей вреда — иначе Сигурд выхватил бы секиру и поглядел бы, посмеет ли кто-нибудь при нем открыто обвинить Торарну в колдовстве.

Сигурд натянул капюшон на глаза; он понимал, что глупо сидеть вот так, размышляя и с каждой минутой промокая все сильнее; но ему необходимо было как следует пропитаться злостью и горечью, прежде чем перейти к решительным действиям. Ему до чертиков надоело быть сиротой двадцати одного года от роду и мечтать об отце и множестве родичей — как бы они восторгались им, как бы его подбадривали! А так он был один против целого мира. Его немногочисленные друзья очень быстро научились не дразнить Сигурда тем, что его воспитывала бабка.

Никто не знал, как истово лелеял он в сердце тайную надежду, что ему повезет так же, как одному болвану по имени Хеминг: его настоящий отец почитал древние традиции и послал за сыном, когда тому исполнилось шестнадцать. Сигурд пытался изображать высокомерное равнодушие — в конце концов, расти без отца не считалось зазорным в поселении, где часто гостили торговцы и викинги. Никто не смел попрекать этим Сигурда — уж об этом он позаботился, давая быстрый и жесткий отпор всякому мальчишке, который

осмеливался насмехаться над ним или его неизвестными родителями. Надежда еще долго жила в Сигурде — он вообще нелегко смирялся с поражением, и, даже когда ему сравнялось восемнадцать, он все еще продолжал надеяться на чудо, хотя был чересчур горд, чтобы признаться в этом кому бы то ни было, даже себе самому.

До тех пор он безжалостно осаждал Торарну расспросами о своих родителях, но бабка была упряма — не хуже внука — и твердила всегда лишь одно: «На смертном одре я тебе расскажу все до последнего, а до тех пор буду хранить тайну. Я-то уже приучилась жить с этим грузом на сердце, но ты пока не готов к этому». И отсылала внука заняться каким-нибудь сложным делом, чтобы он, измотавшись, позабыл о своем опасном любопытстве.

Когда Сигурду минуло восемнадцать, его интерес к собственному происхождению слегка поугас: обнаружились иные, не менее интересные дела, — к примеру, первый в его жизни поход по морю с неким дружественным викингом, который намеревался посетить острова к югу от Скрапсея. Из похода Сигурд вернулся настоящим мужчиной, и Торарна только радовалась, видя, как он становится хозяином в их маленьком доме. Он купил рабов, чтобы поставить еще бочек для сена, увеличить овечье стадо и распахать побольше земель. Торарна решила, что вопрос о родителях тихо сошел на нет, и вздохнула с облегчением.

Сигурд между тем просто оставил этот вопрос на потом, а вернее, на те времена, когда по мирным берегам фьорда Тонгульль не перестанут рыскать, точно хищные рыбы, мерзкие слухи о Торарне. Только-только Сигурд утвердился во мнении соседей как удачливый викинг и рачительный хозяин — и на тебе! Слухи тем более злили его, что ясно показывали, что думают соседи о нем и его бабушке. Битва или кораблекрушение могут оборвать жизнь человека, но память о нем останется жить — либо добрая, либо худая. Положение Сигурда становилось шатким, и, если бы жители фьорда Тонгульль решили выгнать Торарну, ему пришлось бы или умереть, сражаясь с ними, или стать безземельным бродягой, жалким нищим изгоем. Второе означало медленную смерть от голода и холода.

Сигурд хмуро уставился на носки своих башмаков и совсем не удивился, даже не разозлился, когда под его взглядом у башмака отвалилась подошва. Всю его жизнь стоило ему рассердиться, как его начинали преследовать всякие неприятности, большие и маленькие. Неведомая сила ломала плуги и инструменты, рвала в клочья упряжь; весла падали за борт, паруса трескались — словом, творилось все, что могло еще больше разозлить Сигурда. Сейчас он, проклиная свое невезение, поднялся, чтобы наконец уйти отсюда, и вдруг заметил прямо перед собой на гребне крутого холма неподвижного всадника на коне. Сигурд тотчас обнажил меч. Друг

окликнул бы его; только враг мог бесшумно подобраться так близко и глазеть на него так невежливо и вызывающе.

— Ты кто такой? А ну, назовись! — громко велел Сигурд, взмахнув мечом, и сделал два шага вперед, чтобы лучше разглядеть чужака.

Тот, закутанный в плащ с головы до ног, не шевельнулся. Сигурд остановился, глядя на чужака так же пристально, и вдруг ему почудилось, что перед ним призрак. Незнакомец повернул коня вдоль склона, все еще не отрывая глаз от Сигурда. В эту минуту дождь хлынул с новой силой, и, когда Сигурд протер забрызганные водой глаза, силуэт неизвестного всадника уже таял в тумане.

Сигурд заморгал.

— Это альв, чтоб мне провалиться! — пробормотал он вслух, на мгновение забыв о том, что промок до нитки, — так затрепетало его сердце. Затем он стремглав помчался вниз по склону, чтобы рассказать об этой встрече Торарне, — та, похоже, знала древние предания как никакой другой скиплинг. Она истово хранила свою веру, хотя вокруг все меньше людей верили в истинность незримого мира и его обитателей. На бегу Сигурд сунул меч в ножны, с улыбкой представляя себе, как изумится Торарна, когда услышит его рассказ.

Однако когда он прибежал домой, то увидел, что Торарна совсем не настроена выслушивать его рассказы. Она чесала шерсть, а

это занятие означало, что бабка на кого-то или на что-то особенно зла. Сегодня она дергала волокна с такой силой, словно это были жилы ее злейшего врага.

— Подумаешь! — фыркнула она, враждебно сверкнув глазами, когда запыхавшийся Сигурд изложил свою историю. — Альв ему почудился, надо же! Просто ты заснул, и тебе это все приснилось. Значит, всадник подъехал к тебе и пристально на тебя глазел? Немалая наглость, если вспомнить, что альвам в этом мире не место. Я бы не удивилась, если б он вздумал тебя похитить. Да погляди ты на себя — весь промок и заледенел, точно рыба! Разве взрослый мужчина в своем уме будет бродить под дождем? Верно, у тебя начинается лихорадка, вот тебе и мерещатся всякие всадники!

— Да нет у меня никакой лихорадки. — Сигурд повесил мокрый плащ и присел у очага, сунув ноги в войлочные боты. Недоброе предчувствие шевельнулось в нем, когда он заметил, что Торарна не чешет шерсть, а раздирает ее в клочья, которые сыплются к ее ногам. Руки у нее тряслись, а подозрительно блестящие глаза смотрели в никуда, точно видели что-то далекое и зловещее.

— Бабушка, что-то стряслось? — спросил Сигурд.

— Стряслось! Да что ты, мальчишка, в этом смыслишь?

— Я уже не мальчишка, — мягко напомнил он, но бабка в ответ только фыркнула.

Когда это было ей выгодно, Торарна безжалостно одергивала Сигурда, как двенадцатилетнего несмышленика. Девять лет назад у нее хватало сил на то, чтобы выпороть его ивовым прутом, и даже сейчас она частенько этим грешила.

Сигурд задумчиво и грустно смотрел на бабу, теперь только осознавая, как высохла и съежилась она за эти годы. Куда же девалась вся ее живость? Сейчас она больше всего походила на сучок с растрескавшейся от старости корой.

— Я что, не предупреждала тебя насчет чужаков, которые могут наплевистить, что знали тебя когда-то? — наставительным тоном продолжала Торарна. — Опасно тебе болтать с незнакомцами!

Сигурд попытался ее рассмешить:

— И верно, бабуля, погляди: я дрожу как осиновый лист — я, здоровенный детина, который три лета назад ходил с викингами! Уж мне-то пора бы уметь обороняться! Скажи лучше, чего ты так волнуешься?

— Ничего я не волнуюсь! Это ты трясешься в ознобе и лихорадке и вдобавок пристаешь с расспросами об отце и матери, а потом удивляешься, что мне не по себе! — Руки у нее сильно дрожали, она сама не заметила, как уронила чесалки, и лишь растерянно теребила волосы, платье, точно не понимая, что делает.

Сигурд встревоженно подскочил, видя, как сильно она дрожит.

— Бабушка, тебе дурно. Что-то с тобой не так. Слушай, я ведь давно уже решил не спрашивать тебя о родителях — они уж точно давно умерли. Прилегла бы ты; давай-ка помогу. — Он осторожно помог старушке встать и бережно уложил ее на кровать в стенной нише.

— Давно умерли!.. — странным голосом пробормотала Торарна, испуганно озираясь, точно забыла, где находится.

— Может, вскипятить чаю, чтобы ты успокоилась? — Сигурд неловко подоткнул одеяло. — Руки у тебя совсем ледяные, да и ножки тоже, бедная ты моя. Что с тобой, бабушка, отчего ты так съежилась? Только не говори мне, что это из-за старости, — Грелод тебя вдвое старше, а между тем толстеет с каждым годом.

Торарна бессильно сверкала на него глазами, но голос у нее был благодарный.

— Ах ты, большой дурачок, неужели ты думаешь, что я не способна позаботиться о себе, как заботилась о тебе все эти годы? Ежели, конечно, мне кто-нибудь немножко поможет, — выразительно добавила она. — Ладно, Сигурд, согрей чайку. Надо мне прополоскать мозги. Сегодня кое-что случилось... Тебе об этом покуда нечего беспокоиться. Один гость... можно сказать, из могилы, — добавила она сонным шепотом, но острый слух Сигурда уже уловил слово «гость».

— Что, опять этот идиот Богмод винил тебя, что его третий жеребенок сдох? Если он

и вправду посмел сюда явиться, я ему шею сверну! Довольно с меня глупых сплетен. Сейчас же пойду к нему и...

— Ш-ш, Сигурд, утихомирься. — Голос у нее был слабый и усталый. — Не дергайся, приготовь-ка лучше чай. Разве могут пересуды повредить моим старым костям? — Торарна открыла глаза, и в них мелькнул прежний молодой огонек. — А вот тебе они повредят наверняка. Я хочу, чтобы ты покинул эти места прежде, чем твое доброе имя смешают с грязью. Не хочу я, чтобы ты из-за меня пострадал.

Сигурд фыркнул, ожегшись кипятком.

— Похоже, она точно выжила из ума. Думает, что я ее брошу одну, старую и больную, что я настолько не мужчина, что способен оставить мою бабушку на произвол судьбы среди злых соседей и холмов, кишящих троллями.

Торарна подняла руку, делая ему знак помолчать.

— По крайней мере, я еще не говорю сама с собой, — отрезала она. — А теперь слушай меня внимательно и перестань дурачиться, точно я и в самом деле дряхлая старуха, а ты взрослый мужчина! Ты полагаешь, что защищаешь меня, но, поверь, это ненадолго. Чем дальше, тем меньше нуждаюсь я в защите. Сигурд, я требую, чтобы ты немедленно покинул фьорд Тонгуль. Нынче вечером или хотя бы завтра. Тут становится небезопасно.

Сигурд подал ей чай.

— Так ведь ты же сама с детских лет обучала меня воинским искусствам. Ты говорила, что когда-нибудь мое умение защитит и меня, и тебя. Зачем же все это было нужно, если теперь я должен удирать как заяц?

Торарна нетерпеливо тряхнула головой:

— Дурачок, ну как ты не понимаешь, что тебе не справиться с мóроками и троллями? Они все пуще донимают поселенцев, и очень скоро наши глупцы поймут, что все невзгоды на фьорд Тонгульль насылают не старуха Торарна, а кое-кто пострашнее! С завтрашнего дня напасти только усилятся, а все из-за того, Сигурд, что находится в этом доме: из-за тебя, меня и некоей резной шкатулки — она лежит в сундуке у ткацкого станка. Все эти двадцать лет рок преследовал нас. Пусть я стану его жертвой — я готова умереть хоть сейчас, — но ты должен уцелеть, Сигурд! Беги!

— Бежать? Нет, бабушка, я буду драться! Я не отдам наш дом морокам и троллям!

— Какой же ты дурачок! Эти твари пришли из иного мира. Нам не выстоять против них... вернее, против того, кто стремится завладеть шкатулкой и ее содержимым. — Глаза ее вспыхнули, и она с трудом приподнялась. — Двадцать с лишним лет мне удавалось перехитрить их всех. Я от всей души ненавижу их, Сигурд, и хочу, чтобы ты тоже возненавидел их. Вот почему я спрятала от них тебя и эту шкатулку.

Сигурд недоуменно воззрился на нее, уселся на табурете рядом с кроватью и спросил:
— Кто они, бабушка?

Он так встревожился, что под его взглядом кружка выпала из рук Торарны и чай расплескался по земляному полу. С балки сорвалась большая кровяная колбаса, а метла с грохотом рухнула на ведра и котлы.

Торарна глянула на весь этот беспорядок и прикрыла глаза ладонью.

— Ну, ступай, Сигги, я слишком устала, чтоб развлекать тебя рассказнями. Беги во двор, погуляй, ладно? — Ее сонный голос точно угас, и Сигурду оставалось только в бессильной ярости расхаживать по комнате, стискивая кулаки и гадая, кто же это навестил сегодня его бабу и кто глазел на него с вершины холма. Наконец он набросил плащ и пошел седлать коня — привезти из Богмодова Подворья женщину, которая присмотрела бы за Торарной.

Когда он вернулся, уже совсем стемнело, и теперь прибывшая старуха Грелод восседала у очага, словно дракон, стерегущий свои сокровища, куталась в платки и рылась в сумках, битком набитых всякими пахучими снадобьями. На каждый случай жизни, от рождения до погребального костра, у нее было свое снадобье или амулет — высушенная лапа или коготь, а то и что-нибудь совсем омерзительное. Сигурд в душе считал ее настоящей колдуньей, и было что-то злое и неизбежное в том, как она хлопотала

над Торарной, выставив Сигурда прочь, — мужчине не было места в предстоящем действе. Судьба Торарны целиком была в руках Грелод, которая что-то деловито смешивала, растирала и подсыпала щепотью в горшочки над огнем, издававшие нестерпимую вонь.

Сигурд держался от нее подальше, чувствуя, что он тут совершенно ни к чему. Он устроился на ночь в амбаре и все не мог заснуть, прислушиваясь к голосам троллей — мерзких тварей, которые с недавнего времени сновали по холмам Тонгулля. Их рев напоминал мычанье быка и вопли тюленей, и скот, заслышав его, никак не мог утомиться. Сигурд знал, что именно его и Торарну преследуют тролли, и эта мысль не давала ему сомкнуть глаз.

К немалому разочарованию Сигурда, Грелод как будто навеки обосновалась на теплом местечке у очага. Торарна все не выздоравливала. Сигурд очень скоро оставил надежду, будто ее хворь убедит тупоголовых соседей, что Торарна невиновна в чародейских преступлениях. Несчастья становились все чаще и сокрушительней. Тролли уже больше не трудились скрываться от человеческих глаз в сумерках после захода солнца, а ночные часы превратились в непрерывный ужас для всех поселений. Люди шептались, что мертвецы больше не лежат спокойно в своих могилах, а бродят по округе и творят такие лихие дела, что кровь стынет в жилах.

Два семейства погрузили свои пожитки в ладьи и отплыли на юг, как раз перед тем, как холод окончательно сковал льдом воды фьорда. Долгая беспросветная зима застала многие усадьбы с едва ли половинным запасом топлива, скудными припасами; хозяева были охвачены страхом: они вслушивались, как тролли в холмах ревут и вопят, насмехаясь над людским отчаянием.

Весной уцелевшие поселенцы подсчитали убытки от суровой зимы и прожорливых троллей — и начали грузить ладьи или же уговаривали угрюмых купцов-мореходов прихватить их с собой на юг. В отчаянии следил Сигурд, как они уплывают один за другим, и то, что Торарну больше не обвиняли во всех грехах, мало его утешало. Одно было хорошо: он избавился от старухи Грелод, которая по горло была сыта царапаньем в двери и неизвестно чьими следами на снегу.

Торарна упрямо отказывалась сесть на корабль и кляла Сигурда последними словами за то, что он не хочет уплыть один. С бессильной яростью смотрел он, как суда покидают гавань, а со скал по обе стороны фьорда их то и дело обстреливают камнями незримые наблюдатели. Сигурд не расставался с мечом и мечтал подстрелить из лука кого-нибудь из грабительских шаяк. Он знал, что разбойники скрываются в лавовых холмах, поджидая удачного случая, особенно после заката. Все острее Сигурд ощущал, что он и прочие скиплинги лишь пришельцы на древней земле

Скарпсея, а это не слишком приятно сознавать в сумерках, когда зловещие тени заполняют расселины и складки холмов.

К середине лета опустели все усадьбы на берегах фьорда Тонгуль, остались лишь Сигурд и еще два семейства, которые не теряли надежды на лучшие времена. Тролли и мороки рыскали по округе, мародерствуя хуже прежнего. Сигурд умолял соседей остаться, хотя их скот уже можно было сосчитать на пальцах и ни один торговец не осмеливался навлекать на себя злобу троллей, которые засели на скалах по берегам фьорда.

— Надо нам уносить ноги, если хотим сберечь свои шкуры, — объявил наконец Богмод, который уже не был так толст, рыж и благодушен, как прежде. Сигурд знал, что Богмод намеревался присвоить себе все покинутые земли, но теперь и он упал духом. — Еще одну такую зиму мы не переживем. До чего же я возненавидел этот проклятый край! — И он со злостью оглянулся на гниющее сено и жалких овец с грустными глазами.

Снёлъф с согласным ворчанием дернул плечом в сторону холмов:

— Пусть себе подавятся! Я уже потерял все, что нажили мои предки и ради чего трудился я сам. Что поделаешь, тролли победили. Я всегда знал, что так и будет, — они просто таились и выжидали. — Он почти виновато глянул на Сигурда. — Ты и твоя бабка можете погрузиться в мою ладью. Мы не бросим вас здесь одних на верную смерть.

Сигурд со вздохом кивнул и даже не сказал, как обычно, что все земли на юге уже заняты и придется им обрабатывать чужие поля вместо своих собственных.

— Когда-нибудь вы пожалеете, что бросили свои усадьбы, — все же не удержался он.

— Нет, не пожалею, если хочу увидеть своих детей взрослыми, а здесь мне до этого не дожить, — отрезал Снэльф, и его жена громко фыркнула в знак согласия. — Не знаю, как уж вам с Торарной до сих пор удавалось уцелеть, ведь вы ближе всех к холмам и троллям. Нет, я не говорю, что она отгоняет их заклинаниями, — поспешно добавил он, видя, что Сигурд вот-вот вспыхнет от гнева. — Это все в прошлом, во всяком случае, я так надеюсь. Да я на самом деле никогда и не думал, что это ее рук дело. Что-то большее таится за этим злосчастьем... — Он широко развел руки, точно пытаясь охватить всю землю, но больше ничего не добавил и лишь подавленно вздохнул. — Завтра будь с Торарной на пристани. С вечерним приливом мы выйдем в море.

— Мы тебя не задержим, — отозвался Сигурд, спотыкаясь о свертки и корзины, в которые женщины с решительным видом набивали домашние пожитки. Он знал, что вдвоем им с Торарной не выжить среди троллей, которые будут свободно рыскать по опустевшим пастбищам и грабить покинутые дома. — Только вот мою бабушку нелегко убедить. Она хочет, чтобы уехал я один, а ее оставил здесь умирать.

— Об этом и речи нет! — воскликнул Богмод. — Вечно она упрямится, когда дело коснется ее добра. Сигурд, переупряжь ее! Доставь ее завтра на пристань, даже если придется нести ее всю дорогу, а она, уж верно, будет вырываться и лягаться.

Женщины покачали головами и дружно передернулись.

— Подумать только, — воскликнула одна из них, — остаться здесь одной на верную смерть!

Было еще далеко до темноты, когда Сигурд возвращался домой с кулем муки, за которой, собственно, и ходил к соседу, но даже при свете дня он чувствовал себя неуютно, пока не дошел до дома, — ему все время казалось, что за ним следят. У амбара навстречу ему вышли две уцелевшие гусыни, гогоча так громко и требовательно, точно Торарна вовсе их не кормила. Сигурд подсыпал им корма и вошел в дом, громко выкрикнув приветствие, — но тут же осекся. Дом был пуст. С нарастающей тревогой смотрел он то на погасший очаг, то на сыр и хлеб, засыхавшие на столе, то на пустой крюк, где обыкновенно висел плащ Торарны. Громко крича, Сигурд выбежал из дома и бросился на поиски. Остановившись на миг, он прислушался и уловил слабый крик — он доносился со склона холма над домом.

Там он и нашел Торарну — весь день под дождем и ветром лежала она на холме не в силах подняться.

— Пятнистый ягненок, чтоб ему пусто было, убежал от меня утром, — едва слышно проговорила бледная Торарна. — А я упала и не могла подняться. Ночи не пройдет, как его сожрут тролли.

— Тс-с, помолчи, — отвечал он, стараясь унять дрожь в голосе. — Пускай себе тролли сожрут хоть все стадо. Незачем тебе было подниматься сюда одной. Что, если бы ты сломала руку или ногу?

Не обращая внимания на протест Торарны, Сигурд поднял ее на руки и отнес домой. С ужасом ощутил он, что кости ее, обтянутые кожей, стали хрупкими, точно птичьи. Когда-то Торарна была так крепка, что запросто после целого дня трудов таскала на спине снопы сена и легко могла повалить наземь овцу для стрижки. Почти ничего не осталось в ней от прежней его бабушки, и Сигурд вдруг почувствовал себя до смерти одиноким, а холм точно всей своей темной тяжестью навалился на его спину.

Он запер двери, разжег огонь в очаге, зажег лампу с китовым жиром и лишь тогда рассказал Торарне о предложении Снэльфа взять их с собой.

— Деваться некуда, бабушка, — заключил он твердым голосом, — надо ехать. Здоровье твое неважное, а на юге, говорят, зимы куда мягче здешних. А когда ты снова окрепнешь и хоть немного обрастешь жирком, мы вернемся сюда, в эту хижину. Будем жить, как лисы, кормиться ягодами, птицами и зайчатинной,

всем, что ни подвернется под руку, а на лето я буду отправляться в походы с викингами.

Торарна устало покачивала головой, комкая одеяло под подбородком.

— Никуда я не поеду, Сигурд. Или ты не видишь, что я умираю? Я хочу, чтобы мой прах сгнил в земле именно здесь, а этого ждать уже недолго. Что-то странное стряслось со мною нынче — словно половина моего тела уже отмерла, и вдобавок я разучилась думать. — Она тяжело вздохнула и закрыла глаза. — Так хочется спать. Я еще должна что-то рассказать тебе... если только вспомню что. И все же я точно знаю, что ты должен отплыть с Богмодом и Снэльфом. Отправляйся на юг, Сигурд. Завтра же.

Сигурд сел, сложив на груди руки.

— Без тебя я не уеду, бабушка, и кончено.

Она тяжело, с усилием помотала головой и разлепила веки.

— Вижу, настала пора рассказать тебе о твоих отце и матери. Печальная это будет история...

— Нет-нет, — поспешно перебил ее Сигурд, — ты слишком устала. Вовсе незачем рассказывать именно сейчас. Ты упала и вдобавок простудилась, бабушка, а это не к спеху.

— Помолчи, детка. Я знаю, что делаю. Сегодня я видела во сне, как издыхала старая овца, — это вещий знак. На сей раз здесь нет старой Грелод, чтобы разогревать мою жизнь снадобьями и заклинаниями. Она будет сер-

даться, что я так бессовестно обманывала ее, стоило ей повернуться ко мне спиной... Эх, Сигги, она была мне верным другом. Если что-то ты и перенял у меня, так пусть это будет умение отличать истинных друзей от мнимых. Ну, к делу... пока эта дряхлая плоть совсем не лишилась сил. Твоя мать... я причинила ей много боли, Сигурд. Она была моей дочерью, и звали ее Асхильд. — Имя отозвалось приступом боли, и Торарна без сил упала на ложе, бледнея и задыхаясь. — Я отреклась от нее, из-за того что она вышла замуж... Двадцать лет я не произносила ее имени... но теперь настала пора простить ее.

Сигурд опустил на колени рядом с ней, с ужасом понимая, что ей совсем худо.

— Бабушка, что мне сделать для тебя? — прошептал он. — Тебе больно?

Торарна нехотя открыла глаза.

— О да, больно... от ревности. Он увел ее у меня... но тебя не получит, если только это в моих силах. Двое их было... не помню, который женился на ней и который убил ее... но я ненавижу обоих. — Ее слабый голос превратился в бессмысленное бормотание.

— Говори же, бабушка, — потеревил ее Сигурд. — Скажи мне, кто мой отец. — Он с трудом выдавливал слова.

— Отец... всадник на холме... вчера это было? Или год назад? Я сказала ему... сын погиб в огне, его нет. Когда-нибудь ты простишь меня, Сигурд. Не позволяй ему увести тебя в иной мир. Тот, другой, тоже искал

тебя... нет, это он... тролли, мороки. Я сказала ему — сына нет. Он не поверил. Не дай ему забрать резную шкатулку Асхильд... ее свадебный подарок от... от... он забрал Асхильд... она умерла... в огне...

Сигурд пытался отыскать смысл в ее бормотании, но его сообразительность безмолвствовала перед страхом, что Торарна умирает.

— Так мой отец был здесь? Он посылал за мной?

— Посылал! Насылал мороков! Он убьет тебя, Сигурд! — Торарна вцепилась в его руку маленькими ледяными пальцами, дико глядя за его спину. — Сбереги шкатулку Асхильд... ярл хочет завладеть ею... Злыдень, лиходей... сжег твою мать...

— Кто сделал это — мой отец или тот, другой? Помнишь ты его имя?

— Имя... имя... — Ее веки трепетали, а дыхание было таким слабым, что Сигурд боялся, как бы оно не прервалось совсем. — Асхильд... о, Асхильд, прости меня! Я пыталась сберечь его... убереечь шкатулку от них... чародеев и полководцев. Асхильд, ты здесь? Дай мне руку.

Сигурд ласково сжал ее ладошку; Торарна бормотала что-то бессмысленное, обращаясь к Асхильд, и наконец задремала. Дышала она неровно, чуть слышно, но все же дышала. Он надеялся, что у нее достанет сил завтра рассказать ему все еще раз и более связно. Сигурд все еще почти ничего не знал об отце и матери, а сам ничего толком не помнил, кро-

ме детских страшных снов о большом пожаре. Он печально подумал, что эти сны могли быть памятью о пожаре, в котором погибла его мать. Торарна ведь сказала ему, что история будет печальной, и, похоже, она оказалась права.

Всю ночь он сидел у постели, не смыкая глаз. Старуха спала тихо, лишь несколько раз вскидывалась, бессвязно звала Асхильд, но всякий раз Сигурду удавалось успокоить ее, и она снова засыпала. Незадолго до рассвета, на севере весьма раннего, Торарна вдруг широко раскрыла совершенно бессонные глаза и громко воскликнула:

— Асхильд, достань мой лучший фартук и брошь — твой отец вернулся домой!

Она дернулась, точно пытаясь подняться, и с последним вздохом затихла у Сигурда на руках.

Глава 2

уже давно занялся день, когда Сигурд наломал с дома достаточно дерева для погребального костра своей бабушки. Застывшим взглядом он следил, как гигантское пламя жадно, прынуло к серому небу. К полудню костер все еще горел, и столб черного дыма вздымался вверх, точно огромное знамя.

Наконец Сигурд вспомнил, что его ждут на пристани Богмод и Снэльф, и спешно принялся собирать пожитки. Он понимал, что, скорее всего, уже поздно, но все же торопился, надеялся — они видели дым и поняли, что Торарна умерла. Немыслимо было бы бросить ее здесь несожженной и непогребенной. Впрочем, они ведь могли и решить, что это тролли подожгли дом...

Пробежав четыре мили, Сигурд увидел пустую пристань и понял, что надежды его оказались напрасны. От ладей и их хозяев не осталось ни слуху ни духу, только старая лопнувшая корзина валялась на берегу. Видимо, аккуратная хозяйка переложила ее содержимое в другую корзину, и на сыром песке лежала лишь забытая ячменная лепешка. Сигурд с усилием отвернулся от этого жалкого зрелища, зная, что уже больше никогда

не увидит на берегах фьорда Тонгульль иного следа человеческого обитания. С горьким чувством одиночества смотрел он на море, а с прибрежных скал все громче доносилось хриплое хихиканье, словно невидимки знали какую-то недоступную Сигурду тайну и предостерегали его, что до заката не так уж и далеко. Он огляделся, и тягостным показался ему знакомый пейзаж, отныне опустевший и оттого зловещий. Обреченность словно кинжалом пронзила сердце Сигурда, и он пошел прочь от моря, которое лишь напоминало ему, что он ничтожная пылинка рядом с этой бескрайней и безлюдной пустотой.

Могли бы и дождаться, в сотый раз повторял он себе этой ночью, не так уж они были напуганы. За стенами покинутого дома, в котором укрылся Сигурд, с омерзительным торжеством ревели и ухали тролли, засевшие в прибрежных скалах. Какая бы сверхъестественная сила ни терзала Тонгульль, на сей раз она одержала победу. Сигурд не спал, в оцепенении прислушиваясь, как кто-то жадно принюхивается под дверью, что-то бурчит и молотит по доскам.

Утром Сигурд вернулся к своему дому и понял, что там побывали ночные грабители. Он ничуть не удивился, обнаружив, что овцы и гуси бесследно исчезли. Сигурд молча разглядывал отпечатки лап на мягкой земле — никакой человек или зверь не мог оставить таких следов. Он потряс головой и

нахмурился. Горькие мысли о смерти Торарны, отчаяние одиночества потускнели в его душе. Горящими глазами обвел он жалкие останки своего жилища и горы, высившиеся над усадьбой, и жгучая ярость овладела им. С чуткой сосредоточенностью охотника, преследующего добычу, он обошел усадьбу в поисках других следов. На вершине холма, где была сожжена Торарна, он обнаружил следы подков и отпечатки сапог — всадники спешили, чтобы поглядеть на пепел. Сигурд крепче сжал секиру и с ненавистью оглядел горы, окутанные завесой туч и тумана, гадая, где могут таиться его враги — за водопадом, в тени утеса или в пещере лавовых потоков?

— Выходите, трусы! — проревел он с вызовом. — Жалкие твари! Бойтесь сразиться со мной?

Ответом на его яростные крики была непроницаемая тишина. Пробормотав последнее проклятье, Сигурд вернулся в свой разоренный дом и с отчаянием оглядел разрушения. Котлы, посуда, мебель — все было разбросано и изломано. Везде валялись лоскутья ткани, которую Торарна так усердно ткала долгими зимними вечерами, и от ее любимой утвари остались одни осколки. Ярость Сигурда все росла при виде такого разора. Уцелел лишь большой резной сундук Торарны — правда, он был весь иссечен топорами, но запоры чудесным образом выдержали. Быть может, сундук спасло появление тех самых

всадников, потому что твари, пытавшиеся его взломать, явно не были людьми. Сигурд замер, глядя на сундук и пытаясь понять, кто же были эти всадники. Должно быть, изгои, осмелевшие после отбытия законных хозяев. Сигурд ухмыльнулся с мрачным удовлетворением, подумав о том, какая неприятная неожиданность для этих бродяг затаилась в скалах фьорда.

Он вынул из кошелья ключ от сундука Торарны и, отперев запоры, откинул тяжелую крышку. Аромат сушеных трав и педантично уложенные вещи с такой силой напомнили ему Торарну, что он едва не разрыдался от нахлынувшей горечи потери. Бережно перебирал он наряды и памятки, решив про себя, что непременно сожжет и их, дабы их сущность последовала за духом Торарны, удалившимся к своим предкам. Торарна обиделась бы на него, если бы при ней не оказалось ее лучших парадов.

Сигурд не сразу увидел цель своих поисков — небольшая резная шкатулка лежала на самом дне сундука, точно Торарна не хотела слишком часто на нее наткаться. Только сейчас он смог как следует ее рассмотреть. Торарне не слишком-то удавалось хранить тайны от пронырливого и вездесущего мальчишки, но она никогда не позволяла ему не то что сунуть нос в шкатулку, но даже приглядеться к ней. Шкатулка была сработана из незнакомой темной древесины и покрыта поистине чудесной резьбой, но Сигурду сейчас

было не до ее красот — он слишком спешил открыть шкатулку и найти в ней сведения о своем отце или же о злейшем враге. К его немалой растерянности, на шкатулке не оказалось ни замка, ни петель. Сделано мастерски, изумленно подумал Сигурд, убедившись, что не может даже отыскать зазора, обозначающего крышку. Он потряс шкатулку, и внутри что-то тихо прошуршало — верно, кусок выдубленной овечьей шкуры, на котором записано все, что он должен бы знать. На миг он даже хотел разбить шкатулку, чтобы добраться до ее содержимого, и уже нанес один удар, когда взгляд его упал на резьбу, изображавшую сплетенных змей и точно намекавшую, что дело может кончиться неудачей; да и лица фигур, вырезанных на шкатулке, казалось, предостерегали его. Шкатулка была невелика, с ломоть хлеба, не более, и не так уж трудно прихватить ее с собой куда бы то ни было. Печальные обломки дома Торарны и осквернение всех его детских воспоминаний сделали свое дело — Сигурд не хотел больше оставаться в Тонгулле, теперь ему предстояло лишь собрать пожитки и решить, куда по-даться.

До самого вечера он сжигал лучшие наряды и вещи Торарны, затем выкопал из пепла остатки ее костей и надежно захоронил их под большим черным валуном, на который она частенько присаживалась отдохнуть и откуда присматривала за маленьким Сигурдом, чтобы он не уваливал от работы по хозяй-

ству. Не счесть, сколько раз она гонялась вокруг этого валуна за внуком с прутом в руках, обучая Сигурда защищаться от врага, который, она знала, обязательно должен был появиться, — от яра...

Поскольку тролли уволокли все, что было в доме съедобного, остаток дня Сигурд провел, пытаясь изловить птицу или зайца. Наконец он понял, что дичь либо чересчур осторожна, чтобы близко подпустить его, либо ее совсем распугали. Зато он обнаружил место, где тролли сожрали его овец. Шкуры и большая часть мяса валялись на земле — увы, безнадежно испорченные. Когда Сигурд к вечеру вернулся в свой оскверненный дом, его пустой желудок сводили судороги недоброго предчувствия.

Все же он ухитрился заснуть, свернувшись клубком у очага среди развалин своего прошлого. Как ни был измотан Сигурд, он тотчас проснулся, когда услышал, что по торфяной крыше прошуршали едва слышные шаги. Еще вечером он припер чем пришлось окна и двери, а торфяные стены были десяти футов толщиной. Все же Сигурд вооружился и ждал, что произойдет, слушая, как твари скребут и колотят по крепким дверным косякам и раскапывают торф на крыше. Впрочем, рассвет положил конец их трудам. Разглядывая следы ночных гостей, Сигурд гадал, удастся ли ему пережить еще одну ночь. Он нашел небольшой сверток сушеного мяса, который Торарна припрятала под стрехой, —

тролли чудом до него не добрались, — а потом принялся заделывать самые большие дыры.

В эту ночь троллей было явно больше, и все же им не удалось проделать в крыше дыру — удалось только на следующую ночь. Сигурд поджидал их у дыры с секирой, глядя, как земляные комья осыпаются из-под усердно скребущих лап. Тролли ожесточенно грызлись и лягались, яростно борясь за право первыми его сцапать, — точь-в-точь псы, загнавшие крысу. Когда в дыру протискивалась голова или лапа, Сигурд тотчас пускал в ход секиру, и мерзкий тролль с воем отступал. Сигурд упорно не желал умирать, да и приход зари отнял силы у непрошенных гостей; наконец они по очереди удалились, недовольно ворча. Когда луч солнца проник сквозь дыру в крыше, Сигурд высунул голову и увидел четыре груды камней — там, где солнечный свет коснулся тел убитых троллей. Он был так изможден, что почти потерял способность удивляться и провел день, отсыпаясь и укрепляя свою ненадежную и весьма порушенную крепость. Вскарabкавшись на крышу, он обнаружил, что тролли в конце концов додумались копать в торфяной крыше еще одну дыру. Если б им это удалось, дюжина тварей легко бы покончила с одиноким противником. Впрочем, не так уж легко, утрюмо пообещал себе Сигурд и позаботился о том, чтобы как следует наточить оружие.

Тролли вернулись около полуночи, и совсем незадолго до зари им наконец удалось пробить вторую дыру — этот успех они приветствовали жутким хриплым ревом. Однако Сигурд еще в прошлую ночь так их испугнул, что твари не спешили протиснуться в дыру и наброситься на него. Они отпрянули от дыры, пихаясь и возясь, точно пытались вытолкнуть вперед троллей поменьше, — пусть себе Сигурд настругает из них ленточки, пока остальные будут готовить решающий удар.

Сигурд неотступно рубил и крошил троллей и наконец отступил с чердака, покуда троллям явно не хотелось нападать на него. Он, как мог, завалил снизу ход на чердак и дожидался, когда тролли начнут протискиваться сверху в узкое отверстие, представляя собой отменную мишень.

В минуту затишья ему почудилось, что где-то высоко в горах трубят рожок. Сигурд сказал себе, что это, верно, в ушах у него звенит от напряжения и усталости... и вдруг понял, что наверху стало совсем тихо. Тролли несколько мгновений не двигались, затем зашевелились, карабкаясь назад, на крышу. Почти бесшумно сползли они по низкой стрехе на землю и помчались прочь. Выглянув в щель, Сигурд успел заметить сгорбленные шерстистые спины, длинные лапы и большие уши торчком над волосатыми макушками. Прорулююкав что-то напоследок, тролли исчезли в тених за опустевшей овчарней.

Сигурд распахнул дверь и прислушался. Рассвет был близко, и небо на востоке уже светилось, отчего земля казалась еще чернее. Ничего интересного он не увидел и не услышал, захлопнул дверь и, присев, принялся рассеянно жевать кусок сушеного мяса, стараясь не думать ни о чем, особенно о грядущем дне. Его разум, измученный бессонницей, решительно был неспособен к какому-нибудь здравому решению. Если он уйдет отсюда, тролли неминуемо выследят его и легко прикончат под открытым небом.

Должно быть, он так и уснул сидя и очнулся лишь от шума за дверью. Сигурд вскочил, схватившись за топор, и воззрился на дверь, которая сотрясалась под градом могучих ударов. Снаружи фыркали и топотали кони, и слышно было, как бренчит сбруя. Услышал Сигурд и приглушенные голоса, затем повелительный стук возобновился с новой силой.

— Есть здесь кто-нибудь? — спросил низкий голос, и громко брякнула щеколда. — Заперто изнутри, значит, кто-то там должен быть.

— Непохоже, — отозвался другой голос. — Последние скиплинги покинули эти места пару дней назад. Верно, там затаился тролль.

— Нет, тролли пытались прокопаться внутрь — значит, кто-то должен был уцелеть. Кто-то ведь сжег мертвое тело на холме. — Дверь закрипела на петлях, словно на нее для проверки навалились плечом. — Эгей! —

позвал тот же голос. — Есть там кто? Тебе незачем нас бояться!

— Старуху ты в этом вряд ли убедишь, — отозвался другой. — Она отменно от тебя таилась все эти двадцать лет. — Снова начался приглушенный разговор по ту сторону двери, и Сигурд подполз поближе, пытаясь расслышать, что там могут рассказать о Торарне и, быть может, о нем самом.

Кто-то предлагал вышибить дверь молнией, другой пророчил, что внутри им расставлена западня. Вмешался третий голос:

— Да эти бедолаги, верно, померли с голоду, и там, внутри, одни трупы. Тролли растащили все мало-мальски съедобное. Оставь ты это дело, Хальвдан.

Дверь снова затряслась и заскрипела под ударами.

— Нет, я слишком долго искал, чтобы сдать так легко! Придется нам отворять дверь заклинаниями — похоже, старуха приготовила нам не слишком теплый прием.

Гнев с новой силой запылал в Сигурде. Мороки, тролли, опустевшие берега фьорда Тонгуль — все это были лишь приготовления к сегодняшней встрече. Теперь он понял, что человек — или колдун, или невесть что — по ту сторону двери и есть тот ярл, к борьбе с которым готовила его Торарна, — ярл, который неизвестно почему желал его смерти.

Сигурд рывком отодвинул засов и распахнул дверь. С секирой в руке глядел он на

пришельцев, которые устали на него в дружном изумлении. Все они были закутаны в плащи и капюшоны, спасавшие от ночного холода, и Сигурд мало что мог разглядеть, кроме того, что было их десятка полтора и все при оружии.

— Кто вы и что вам нужно от меня? — резко спросил он. — Или не довольно, что столько народу погибло, что все покинули эти места, кроме меня? Что за обида такая, которую вы лелеяли целых двадцать лет?

Человек, стоявший впереди, — тот, что стучал в двери, — угрожающе приподнял секиру. Это был рослый могучий воин, и густая борода чернела на его хмуром лице.

— Кто ты? — грубо спросил он, шагнув вперед.

— Мое имя Сигурд, если тебе это о чем-то говорит. Бабушка рассказывала мне о тебе, и я сам за последний год видел немало причиненных тобой бед, так что даже рад с тобой наконец повстречаться. Твоих рук дело — мороки, тролли, гибель множества скиплингов. Я считаю тебя виновным в этих преступлениях и говорю тебе: защищайся, если ты мужчина! — Сигурд крепче перехватил секиру и занял оборонительную позицию.

Чужаки взволнованно перешептывались. Их вожак, которого звали Хальвдан, отшвырнул свой плащ и обнажил секиру.

— Не хочу оскорблять твое мужество, отказавшись драться с тобой, не хочу и про-

слыть трусом, не желая боя, но твои обвинения не оставляют мне иного выбора, кроме как защищать свою честь. Что бы ни случилось с тобой дурного — сам будешь виноват. Но прежде я хочу узнать имя старухи, которая жила в этом доме. Ее ли сожгли вчера на вершине холма?

— Не знаю, какое тебе до этого дело, — огрызнулся Сигурд. — Не вздумай сказать о ней дурного слова — то была моя бабушка Торарна.

Хальвдан долго молча смотрел на него.

— Каково было ее истинное имя? Как звали ее отца? И кто твои родители?

— Я не слышал, чтобы она называла себя другим именем, — отрезал Сигурд. — И о родителях она рассказала мне лишь на смертном ложе, а что именно — я не намерен говорить чужаку, да еще и врагу. Ну что, закончил ты спрашивать?

— Не совсем. Имя Хальвдана из Хравнборга ничего не говорит тебе? Быть может, ты слышал его иначе — Хальвдан Ярл?

Светало, и все яснее становилось видно суровое, мрачное лицо Хальвдана.

— Если таково твое имя, для меня оно означает лишь одно — это имя моего врага! — бросил Сигурд. — Бабушка рассказывала мне, что некий ярл стремится меня уничтожить, что он насылает на Тонгуль морозов и троллей. Должно быть, старая и непримиримая вражда причиной тому, что ты так много лет преследовал меня и мою бабушку, но сегодня,

я думаю, этому придет конец. — Он нетерпеливо взмахнул секирой и смерил взглядом противника.

Хальвдан поднял секиру и шагнул ближе.

— Твоя бабка отменно научила тебя ненавидеть того, кого ты даже не знал. Если я скажу тебе, что она ошибалась, ты, верно, оскорбишься? Может быть, ты слишком поспешно судишь меня и мои деяния.

— Бабушка никогда не лгала мне! — гневно ответил Сигурд. — Тебе меня не переубедить. Я знаю, ты — тот самый ярл, о котором она говорила, который из-за злобы к нам обрушил несчастья на весь Тонгуль. Ты лиходей, и я вызываю тебя на смертельный поединок! — Он угрожающе занес секиру.

— А ты — невежа и торопыга, но я всегда рад помочь глупцу расстаться с жизнью, — отвечал Хальвдан.

Он позволил Сигурду нанести первый удар, с легкостью отразил его — и далее вел бой по собственной воле, позволяя Сигурду истощать силы в бесплодных попытках взломать оборону противника. Сигурд дрался точно целое войско, но вся его ярость была ничем против хладнокровного искусства, с которым Хальвдан отражал любой его натиск. Каждый ответный удар ярла доказывал Сигурду, что его противник может завершить поединок, когда пожелает, и это приводило Сигурда в еще бóльшую ярость.

— Ну, довольно, ты потерял рассудок, — сказал Хальвдан и свалил Сигурда наземь

одним ударом рукояти секиры. — Дерешься ты неплохо, но тебе недостает обучения и практики. Кой-какой опыт, я вижу, ты уже приобрел. Нет, не тянись за своей секирой — поединок окончен. — Он наступил на секиру Сигурда. — Дагрун, нельзя бросать его здесь на поживу троллям. Посади его позади Скейфа, а я пока пошарю в доме.

Сигурд неуверенно сел. Череп его от удара, казалось, раскололся надвое, и секиру у него отобрали, но это не лишило его дерзости.

— Почему это я должен уезжать? Я уж лучше попытаю счастья с троллями, чем с изгоями. Тут мой дом, и я намерен защищать его и прах моей бабушки. — Он с трудом поднялся и стиснул кулаки, видя, что Хальвдан выходит из дома.

— Не мели чепухи, — отрезал Хальвдан. — Другой ночи тебе не пережить. Тролли и так добрались бы до тебя, если б мы их вовремя не спугнули, так что тебе уже, считай, повезло. Собирай свои пожитки, да побыстрее, нечего нас задерживать. Дагрун, иди с ним да будь внимателен — может, у него где-нибудь запрятан меч. — И он пошел прочь, напоследок одарив Сигурда презрительным взглядом своих рыжих лисьих глаз.

Дагрун шагнул вперед.

— Ну, пойдем, — сварливо сказал он Сигурду. — Добрый воин с секирой нам всегда пригодится. Да не дури ты! Только полный

дурак по собственной воле согласится пойти на ужин шайке вонючих троллей. Бери с собой не много — Хальвдан снабжает нас всем необходимым.

— Если уж меня увозят силой, мне нужно только одно, — проворчал Сигурд, входя в свой полуразрушенный дом. Он опустился на колени возле очага и сунул руку в тайник, выкопанный им под одним из камней очага, — там он спрятал резную шкатулку. Не обращая внимания на любопытные взгляды всадников, Сигурд в сопровождении Дагруна вернулся к коням и сердито посмотрел на человека, державшего его секиру.

— Мы ненадолго оставим у себя твое оружие, — сказал Дагун. — Это Скейф, ты поедешь позади него на крупе коня. Ты же не жалеешь, что уезжаешь из этих безлюдных мест? — Он говорил ворчливо, точно надеялся, что с Сигурдом у него не будет хлопот.

Вздыхнув, Сигурд набросил плащ и в последний раз оглянулся на дом и горы.

— В Хравнборге не так уж плохо, — продолжал Дагун. — Если ты любитель подраться, тебе там понравится. Когда Хальвдан сочтет тебя достойным, будешь выезжать с нами в рейд, охотиться на троллей и налетать на горные форты наших врагов. Ждать этого недолго — с секирой ты неплохо себя выказал. Рольф, к примеру, владеет секирой куда хуже, и вдобавок от него одни неприятности.

— Что такое? — вскричал юный пронзительный голос. — Можно подумать, я ходячая неприятность! Что ж, тогда мне недолго осталось ходить — альвы Бьярнхарда вот-вот до меня доберутся, так что можешь утешиться. Кстати, Сигурд, схватка была — пальчики оближешь. Меня зовут Рольф, я здесь самый младший и затюканный, и вечно меня заставляют смотреть за лошадьми да собирать хворост для костра, но все же я от души рад нашему знакомству. И кстати, во все незачем тебе ехать с этим старым брюзгой Скейфом — со мной веселее. Ну, давай руку!

— Уймись ты, Рольф. Хальвдан велел...

Рольф перегнулся с седла, с приятельской ухмылкой протягивая руку.

— Вот увидишь, Сигурд, мы скоро подружмся. Давай-ка пожмем руки друг другу!

Сигурд неохотно протянул руку.

— Рад познакомиться... — начал было он, но тут Рольф с силой дернул его вверх и втащил на коня.

— Если ты не против, буду звать тебя Сигги, — весело сказал Рольф. — Я уже для тебя кое-что придумал...

— Никто, кроме бабушки, за всю мою жизнь ни разу не называл меня Сигги! Не терплю панибратства! — горячо объявил Сигурд. Но это было все, что он мог сделать, ведь ему приходилось цепляться за Рольфа — тот развернул коня и ударил шпорами. Конь рванулся и помчался галопом по камням и кустарнику

вслед за Хальвданом — на фоне утреннего серебряного неба его черный силуэт резко выделялся.

У Сигурда не было никакой охоты разговаривать, зато Рольф не закрывал рта, явно не нуждаясь в собеседнике. Этот юнец обладал несомненным даром болтать без умолку — хоть с самим собой, хоть с конем, хоть с придорожным камнем. Наконец Сигурд не выдержал и перебил его:

— Где находится этот Хравнборг? Я о нем никогда не слыхал.

Рольф расхохотался и позволил коню перейти на тряскую рысь.

— Если бы слыхал, я бы, знаешь, страшно удивился. Да уж что тут поделаешь, если ты родился скиплингом! Я об этом почти забыл. Ну, это добавит нам веселья, если только ты так же невежествен, как прочие скиплинги. Ну-ка скажи мне, кто мы, по-твоему, такие? Все наши имена я тебе перечислил, так что они не в счет.

Сигурд хмуро взглянул на Рольфа; тот, лукаво ухмыляясь, поглядывал на Сигурда.

— Вот чудак! Откуда же мне знать, что ты имеешь в виду? Ну, наверно, вы изгой. Прятались где-нибудь во внутренних землях, грабили проезжих и одинокие хутора...

Рольф перебил его таким громким взрывом радостного хохота, что кое-кто из его спутников подъехал поближе, чтобы испепелить его взглядом и жестом приказать заткнуться.

— Так ты и понятия не имеешь, кто мы и куда направляемся? Какая прелесть! Надеюсь, Сигги, ты не слишком испугаешься. Слышал ты когда-нибудь о льёсальвах и доккальвах?

— Само собой, слышал. У нас есть предания...

— Предания, хо-хо! Ну да и то утешительно. Но ведь в самом деле ты не веришь, что на этом острове были уже жители, когда первые поселенцы бросили якоря у этих дивных берегов и сошли на сушу?

— Да нет, может, оно так и было, да только куда же они подевались? — раздраженно ответил Сигурд. — Что-то я не замечал, чтоб они шатались поблизости.

Рольф опять залился смехом.

— И в самом деле, Сигги, — куда? Да уж, куда-то им пришлось деться. И как ты думаешь — куда? А?..

— Не знаю и знать не хочу! — огрызнулся Сигурд. — Нет у меня настроения баловаться загадками. Меня уже победили в поединке и похитили какие-то чужаки-изгои, и нечего ко мне приставать с дурацкими вопросами! Если хочешь мне что-то сказать — скажи и наконец заткнись!

— Да, тебе туго пришлось, и я тебе сочувствую, — примирительно проговорил Рольф. — Только ведь тут у тебя нет другой компании — все твои соплеменники покинули это поселение, а другие скиплинги живут далеко на юге, туда и на ладье-то плыть и плыть.

И двух часов не пройдет, как мы будем в Хравнборге. А ты, вижу, никогда и не подозревал, что мы так близко? Судя по твоей гримасе, ты все еще пытаешься разрешить эту загадку. Погляди вон туда, нас ждет Хальвдан. Может быть, хоть сейчас ты начнешь соображать, кто мы такие и откуда пришли.

Хальвдан один поджидал спутников на вершине обдуваемого ветром холма, в круге из древних, кренящихся в разные стороны камней. Сигурду и прежде доводилось видеть такие места, и всегда Торарна остерегала его забредать сюда, говорила, что тут бродит лихо и злосчастье. Сигурд увидел, что Хальвдан нетерпеливо машет спутникам. Они по двое-трое подъезжали к холму, проезжали через каменный круг и словно исчезали в стоявшей за ним завесе тумана. Сигурд протер глаза, полагая, что его обманывает игра солнца и тумана, но нет — всадники в самом деле исчезали прямо у него на глазах, и он ясно видел их могучие спины, луки и колчаны.

— Погоди, — пробормотал он, когда конь, на котором они скакали, приблизился к последним трем всадникам, но Рольф только засмеялся, уверяя его, что бояться нечего, — точно для него такие исчезновения были делом совсем обычным.

Хальвдан последним присоединился к ним и двинулся в каменный круг. Сигурд обернулся, настороженно поглядывая на него: он

не слишком доверял этому человеку, чтобы спокойно терпеть его у себя за спиной, — и потому пропустил мгновение, когда он и Рольф миновали круг. И хотя Сигурд быстро огляделся в поисках выветрившихся камней, вместо них он увидел лишь нагую вершину холма, покрытую мхом и каменным крошевом. Сигурд напряженно озирался по сторонам, медленно осознавая, что окрестности совсем не напоминают те, среди которых он провел всю жизнь. Все здесь казалось разоренным и порченным — точно чьи-то мощные когти содрали с земли травяной покров и верхний слой почвы, оставив лишь кое-где лоскутья зеленого дерна и корявые деревца, в укромных закоулках тянувшие из почвы скудные питательные соки. На вершинах гор белели снежные шапки, и кое-где их подернула дымка водопада. Ручьи и озера мерцали серебряным шитьем на черной ткани каменистой земли.

— Правда здесь красиво? — радостно осведомился Рольф. — Всякий раз я вот так радуюсь, когда снова вижу этот край после долгой отлучки.

— А что это за край? — с подозрением уставился на него Сигурд.

— Мир альвов, что же еще! Не луна ведь это, чудак! Твои соплеменники называли бы его потаенным миром, выходит, что и мы — потаенный народ, эльфы, или как еще там вы нас зовете. Мы-то, конечно, льёсальвы, иначе бы не ехали сейчас в солнечный день

и, уж конечно, не возились бы с тобой, дуралей ты этакий. Оставили бы тебя троллям на закуску. — Рольф одарил Сигурда широчайшей ухмылкой и бесовски подмигнул.

Был он примерно одних лет с Сигурдом. Лицо острое, костистое, лисье, с глубоко посаженными блестящими глазами и редкой рыжеватой бороденкой. Сигурд глаз не мог оторвать от него, поглощенный одной лишь мыслью — перед ним эльф, живой и настоящий.

— А ты умеешь колдовать? — спросил он с невольным трепетом.

— Колдовать? Еще бы! Я родился с магией в крови! — объявил Рольф. — Жизнь без колдовства была бы невыносимо скучна. До чего мне жаль вас, бедных скиплингов, — как только вы живете без магии, ощущая во тьме?

— Совсем неплохо живем, — огрызнулся Сигурд, — пока кто-нибудь не измыслит наслать на нас мороков, троллей и прочую пакость. Представить себе не могу, чтобы человек или альв по доброй воле мог последовать за таким чудовищем, как Хальвдан.

Рольф хихикнул и глянул на ярла, который скакал немного впереди.

— Да уж, ярлы народ особый, это я и сам готов признать, — согласился он, понизив голос. — Хальвдан справедлив и любезен, пока ему не перечат, но он не потерпит неповиновения. Вся эта история с фьордом Тонгуль кажется мне более чем странной — по-

нять не могу, как такой медвежий угол мог стать костью раздора между Хальвданом и Бьярнхардом, а в особенности — почему им обоим так понадобились ты и твоя бабка. Я об этом ничего не знаю — я всего лишь рядовой воин, — но сердце подсказывает мне, что этой ночью случилось нечто очень важное для Хальвдана.

— Бабушка говорила мне, что некий ярл — мой враг, — с горечью отозвался Сигурд, — и потом, я своими глазами видел, как усердно он меня разыскивал и как его поиски разорили Тонгуль. Не будет мне покоя, пока не отомщу ему.

— Но послушай, Хальвдан не стал бы разорять Тонгуль. Такое больше в духе Бьярнхарда, вождя доккальвов. Так или иначе, не думаю, чтобы он... — Рольф не успел закончить — к ним подскакал Дагрун, и вид у него был угрожающий.

— Довольно молоть языком, Рольф, — бросил он. — Мы еще не знаем, будет этот скиплинг гостем или пленником. Пора бы тебе сообразить, что надо быть поосмотрительней.

— Куда уж мне соображать! — легкомысленно отозвался Рольф. — Ой, Дагрун, какой же ты вредный тип! Я хочу стать другом Сигурда, раз уж он потерял все на свете — кроме шкатулки, которую так бережно держит под мышкой. Слушай, Сигги, эта резьба чересчур тонка, чтобы быть работой скиплинга. Откуда бы могла у

тебя взяться шкатулка, сработанная в мире альвов?

Сигурд с подозрением покосился на шкатулку, но прежде чем он успел потребовать у Рольфа объяснений, Хальвдан вдруг рывком развернул коня и грозно проговорил:

— Рольф, ты уже наболтал больше, чем было бы полезно для тебя — или Хравнборга. Если не прикусишь язык, я заставлю тебя прогуляться пешком до самого форта.

Он сверкнул глазами и повернул коня, но ехал в пределах слышимости. Рольф испустил мученический вздох и горестно ссутулился. Однако, когда ему казалось, что Хальвдан не смотрит на них, он быстро подмигивал Сигурду, и в глазах у него не было ни следа зашатавшегося. Дагун ехал поблизости, что-то обеспокоенно ворча себе под нос и покачивая головой.

— Нельзя мне было допускать, чтобы чужак слушал болтовню Рольфа, — жаловался он Скейфу. — Теперь Хальвдан меня же во всем обвинит. Надо же было допустить такую промашку!

Рольфу трудно было подолгу хранить молчание, и он принялся мурлыкать себе под нос какую-то песенку, хотел засвистеть, но Дагун после первой же трели резко его оборвал.

— Ну что ты за болтун, Рольф, — сказал он, — хуже сороки, право. Не будь ты лучшим лучником во всем форте, Хальвдан тебя и полдня бы при себе не потерпел.

Рольф только ухмыльнулся и горделиво принял изящную позу, предусмотрительно косясь на Хальвдана. Сигурд едва сдержал улыбку, радуясь, что выходки Рольфа отвлекают его от тревожных мыслей о будущем.

Когда наконец впереди показался Хравнборг, Сигурд нипочем не признал бы его горным фортом, если бы Дагрун не сказал ему об этом. Горстка домов почти сливалась с каменной вершиной выветренной горы. С двух сторон гору защищали утесы с отвесными склонами, остальное прикрывали мощные земляные укрепления. Столбы дыма, лениво извиваясь, тянулись к небесам, и порывы ветра доносили до Сигурда то обрывки слов, то лязг металла. Точь-в-точь обычное поселение скиппингов, говорил он себе, упорно не желая признавать, что сердце его болезненно сжалось от тоски по дому; он хотел лишь радоваться, что впереди ждет еда и безопасное место для отдыха.

Хальвдан проехал через укрепления и остановил отряд у большого дома. Сигурд увидел немало мужчин воинственного вида и лошадей, которые мирно паслись на земляном валу. Жены и дети воинов приветственно махали с крылечек, ощипывали гусей и занимались прочими домашними делами, неутомная малышня всеми силами старалась угодить под копыта коней, и все собаки форта внесли свою лепту в общее приветствие гулким заполошным лаем.

Всадники спешили у большого дома, по-
жали руки приятелям и начали разбредаться
кто куда — кто к своим семьям, кто в дом.
Дагрун провел Сигурда туда же — в огром-
ный мрачный зал, вдоль стен которого тяну-
лись помосты для ночлега. В обоих концах
зала жарко горели два больших очага. Не-
сколько дверей вели в пристройки — в кух-
ню, например. В середине зала находились
скамейки и столы, женщины расставляли по
столам щедрое угощение для воинов, живших
в доме Хальвдана. Рольф во время трапезы
сидел рядом с Сигурдом, ухмылялся ему, под-
мигивал и корчил гримасы старому Дагруну,
который явно не хотел, чтобы Рольф болтал
лишнее при Сигурде.

— Не беспокойся, — прошептал Рольф,
когда Дагрун отвернулся, чтобы откликнуть-
ся на чье-то приветствие. — Альвийская ба-
ранина такая же жирная и жесткая, как у
скиплингов, — и более ничего, так что не
опасайся съесть зачарованный кусок и навеки
остаться в нашей власти.

— Как будто у меня есть выбор, — про-
ворчал Сигурд, бросая убийственный взгляд
на Скейфа, который явно не собирался воз-
вращать ему оружие. — Я все больше чувст-
вую себя пленником и все меньше — гостем.
Когда я смогу опять поговорить с Хальвда-
ном? Я хочу знать, что он собирается сделать
со мной. — «И зачем привез меня сюда, — до-
бавил он мысленно, — из жалости... или из
мести?»

Рольф кивнул и подмигнул Сигурду, словно желая его подбодрить.

— Мы будем друзьями, так что ни о чем не беспокойся, — объявил он, словно не замечая грозных взглядов Дагруна. — Я позабочусь, чтобы тебя разместили со мной, а не в этом доме, — сквозняков здесь больше, чем народу. Я научу тебя тонкому искусству обращения с оружием и магии...

— И худшего учителя ему здесь не найти, — раздраженно прервал его Дагрун. — Будь я Хальвданом, я бы, Рольф, повесил тебя за уши, одной заботой было бы меньше. Неужели до твоей тупой башки еще не дошло, что мы сражаемся не на жизнь, а на смерть, за само существование народа льёсальвов? Ты, похоже, все считаешь, что эту игру устроили специально для твоего развлечения, — или же ты вообще спятил.

Рольф лишь веселее заулыбался.

— Славная речь, Дагрун! Пью за твой такт, за обходительность, за... — Он осекся, подняв взгляд в тот самый миг, когда в зал вошел Хальвдан, все еще в запыленном дорожном плаще. Волна безмолвия катилась за ярлом, пока он шел к столу, за которым сидел Сигурд. Хальвдан коротко глянул на Рольфа, и тот мгновенно вспомнил о некоем весьма неотложном деле, поспешно извинился и удрал. Ярл перевел взгляд на Сигурда.

— Надеюсь, ты отдохнул и подкрепился? — не слишком вежливым тоном осведомился он,

впиваясь суровым взглядом в неприязненную физиономию Сигурда.

— Покорно благодарю, — отвечал тот. — А я надеюсь, что ты потрудишься наконец объяснить мне, что же произошло с Тонгулем... и что теперь будет со мной.

— Я, собственно, пришел за тобой, — отвечал Хальвдан. — Пошли, поговорим. И не забудь прихватить с собой шкатулку.

Глава 3

игурд прикрыл ладонью шкатулку, поднялся и пошел за Хальвданом; за ним по пятам следовал Дагрун. Юноша хмурился под пристальными взглядами альвов, понимая, что в лохмотьях, покрытых пылью и кровью троллей, он выглядит именно пленником, темным, кровожадным дикарем. Он расправил плечи, решив во что бы то ни стало сохранить достоинство.

Покои ярла оказались в дальнем конце дома, за дверью, обитой медными гвоздями. В очаге пылал огонь, отражаясь тысячекратно на металле развешанного по стенам оружия и в блестящих глазах двух волкодавов, растянувшихся у огня.

Хальвдан указал на кресло:

— Можешь сесть, если надоело все время быть настороже. Мы не причиним тебе зла. Напротив, мы с тобой могли бы пригодиться друг другу... если только я сумею убедить тебя, что ты по незнанию неверно судишь обо мне.

— Мою бабушку нельзя обвинить в незнании, — бросил Сигурд. — Она говорила, что у меня есть враги, что они ищут меня и хотят увезти куда-то. Не станешь же ты отрицать, что долго искал нас обоих?

— Не стану, — кивнул Хальвдан. — И твоя бабка сделала все, чтобы помешать моим поискам. Как могла, скрывала она от нас, что вот этой шкатулкой владеет наследник мужского пола.

Сигурд поглядел на шкатулку, и ему почудилось, что вырезанные на ней лица впиваются в него угрожающими взглядами.

— Стало быть, в шкатулке есть нечто ценное и ты жаждешь его заполучить?

Жесткое лицо Хальвдана оставалось совершенно бесстрастным.

— Неважно, жажду я заполучить эту вещь или нет. Но ты прав — это величайшая ценность. Попади она в дурные руки, и нашему делу будет нанесен непоправимый вред. Погибнет много льёсальвов. Нас и так осталось мало, враг рассеял нас, но мы все еще сражаемся, и нам больше жизни нужно то, что находится в этой шкатулке.

— Пока я жив, вы ее у меня не отнимете! — отрезал Сигурд. — Не знаю я ваших дел, но судя по тому, что я уже видел, все вы — обыкновенные изгои и, верно, не зря прячетесь по горным фортам. Я не слишком-то жалую изгоев, особенно после того, что произошло во фьорде Тонгуль. Не могу поверить, чтобы честные люди смогли уничтожить целое поселение, лишь бы завладеть единственным человеком или вещью. — Он говорил, поглядывая на шкатулку с нарастающим любопытством, к которому примешивалась изрядная доля тревоги. Какое отношение

и его бабушке имели эти изгои и вещь, которая так ценна для них?

Хальвдан отшвырнул плащ и несколько мгновений молча расхаживал туда-сюда перед очагом — отсвет пламени плясал на заклепках его пояса и ножен.

— Ты не знаешь ни нас, ни нашей жизни, — наконец сказал он. — Мы — льёсальвы, а вернее, то, что осталось от льёсальвов после того, как доккальвы Бьярнхарда захватили Сноуфелл и множество наших фортов. Да, мы изгои, потому что нас осталось мало и мы не желаем покориться. При каждом удобном случае мы наносим удары по Бьярнхарду и всегда существуем на грани жизни и смерти. Мы держимся поближе к вершинам, куда не каждый доккальв осмелится сунуть нос. За нами охотятся, нас презирают, и все же мы надеемся в один прекрасный день собраться с силами и изгнать захватчиков из наших жилищ и крепостей. Отступать нам некуда — нас слишком мало; всего тридцать два форта уцелело от некогда могучего королевства, простиравшегося по всему Скарпсею от края до края. Пока мы живы, враги наши не успокоятся — им хорошо известно, что льёсальвы никогда не сдаются легко.

Вот почему они, насылая мороков и троллей, разорили твоё поселение, чтобы отыскать шкатулку и убить ее обладателя. Со шкатулкой Бьярнхард мог бы окончательно уничтожить льёсальвов.

Я понимаю, что бессмысленно взывать к тебе, чужаку, после того, как ты был свидетелем несчастий Тонгулля... и после того, как твоя бабка, сама того не зная, так восстановила тебя против нас. Действовала она из самых добрых побуждений, но все же ошибалась. Не из Хравнборга пришли мороки, тролли и прочие беды Тонгулля, и ты понял бы это, если бы твоя бабка могла рассказать тебе правду. Полагаю, она хранила тайну этой шкатулки и мое имя ты впервые услышал лишь тогда, когда я назвал себя. Прав я или нет?

Сигурд хранил каменное молчание. Если они хотят представить Торарну лгуньей в его глазах, то пусть лучше и не пытаются понапрасну. Последние ее слова предостерегали его против ярла, и он не забудет этих предостережений до смерти — если ему не суждено остаться в живых. Кроме того, Сигурд уже выучился быть подозрительным и знал, что лгуны могут быть весьма красноречивы. К тому же он устал, вымотался и был не в том настроении, чтобы его можно было в чем-то убедить.

Дагрун нетерпеливо вздохнул.

— Я же говорил тебе, Хальвдан, что он ни словечку нашему не поверит. И отчего это самые пустые головы упрямее всех сопротивляются тому, кто пытается их просветить? Почему старуха не могла исполнить свой долг вместо того, чтобы водить нас за...

Сигурд рванулся к нему с такой яростью, что алья умолк на полуслове.

— Я не потерплю, чтобы какой-то чужак дурно отзывался о моей бабушке! Почему бы она ни хранила от меня тайну шкатулки — знала, что делает. Я не желаю больше ничего слушать и сам буду решать, кто хорош, а кто лиходея, доккальвы или льёсальвы. Пока мне известно, что льёсальвы — враги и предатели, а доккальвы — народ благородный.

Дагрун гневно потряс головой и пробормотал сквозь зубы:

— Будь у меня дубинка потяжелее, уж я бы его убедил! Благородные доккальвы, надо же! Сколько живу, не слыхивал подобной чепухи...

Хальвдан перевел хмурый взгляд с Дагруна на Сигурда.

— Что же, пускай он сам в этом убедится, если уж таково его желание. Уроков понадобится немного, как бы только один из них не оказался последним. Ну что ж, Сигурд, ты волен сам решить, кому передашь содержимое шкатулки. Не стану более отягощать тебя непрошенными советами, и все же позволь мне сказать, что самое безопасное для тебя сейчас место — Хравнборг. На дармовщинку ты здесь жить не будешь — придется тебе зарабатывать на хлеб и кров. Тебя снарядят, обучат, а там посмотрим, чем ты будешь нам полезен. Ну как, согласен?

— Поскольку ничего другого мне не остается — придется соглашаться, — пробурчал

Сигурд, всеми силами выражая, что в душе он совсем иного мнения.

— Ладно. Не будем больше спорить. Я не настолько глуп, чтобы предложить тебе оставить шкатулку мне на хранение, так что попрошу лишь об одном — береги ее как зеницу ока. — Недовольно морща смуглый лоб, Хальвдан пристально смотрел на Сигурда. — Дагрун, отыщи ему местечко в доме и позаботься, чтобы у него было все необходимое.

— Этот пострел Рольф хотел взять его под свое крылышко, но это, по-моему, лишнее, — проворчал Дагрун.

— Если запретить, то тем более он своего добьется, — отвечал Хальвдан, презрительно дернув уголком рта. — Ладно, пусть за ним присматривает Рольф, а уж ты присмотри, чтобы Рольф не выходил за пределы дозволенного. Пусть наш новый сотоварищ получит необходимые наставления, а там уж мы поглядим, на что он годится. — На мгновение он остановил взгляд на шкатулке под мышкой у Сигурда, затем жестом велел им удалиться. Дагрун шагнул было к выходу, но Сигурд не тронулся с места.

— Я хочу услышать ответ еще на кой-какие вопросы, — сказал он, бестрепетно встречая недовольную гримасу Хальвдана. — Первое — что спрятано в шкатулке? Второе — откуда ты знаешь об этом? Раз уж это моя собственность, я хочу знать о ней больше.

Лицо Хальвдана стало чернее грозовой тучи, и он прошелся по комнате, бормоча себе под нос проклятия. Затем обернулся, вперив в Сигурда гневный взгляд.

— Хотя ты и высокого о себе мнения, на деле ты зелен, юн и неопытен. Разумнее тебе было бы оставить свое высокомерие, или найдется тот, кто сумеет тебя унижить, а это не слишком приятно. Содержимое этой шкатулки, которую ты так дерзко объявил своей, останется тайной для тебя, пока не сыщется тот, кто сможет ее открыть. Ты, верно, уже заметил, что обычным путем этого не сделаешь. Я не скажу тебе, что там внутри, потому что не могу тебе доверять. Скажу лишь одно: шкатулка вернулась к народу, который сработал ее, и ты знал бы, что я имею в виду, если б твоя бабка не была так пуглива и недалесовидна. Возьми шкатулку и убирайся; надеюсь, в следующую нашу встречу ты будешь поумнее. — Он кивнул Дагруну и уселся в большом кресле у огня, спиной к своим посетителям.

Дагрун вытолкал Сигурда из комнаты и прикрыл дверь, ворча:

— Хорошенькая благодарность, будь ты хоть трижды скиплинг! В жизни не видал подобной наглости! Я уж позабочусь, чтобы каждая собака в Хравнборге знала о твоих замыслах. Для начала тебе нельзя будет выходить за пределы укреплений, хотя, будь на то моя воля, я бы прежде подержал тебя взаперти. Ну, а сколько воли дадут

тебе потом — от тебя лишь и зависит, понял?

Сигурд смерил взглядом властную фигуру Дагруна и грозный блеск его глаз и решил, что он недооценил влияние и хитрость старика. Трудновато будет бежать, если Дагрун уже сейчас так к нему подозрителен, но что, кроме побега, оставалось Сигурду, если ему только что грозили темницей? Своенравный Дагрун мог запросто осуществить эту угрозу.

— Я постараюсь образумиться, — ответил он наконец с некоторым сарказмом.

Дагрун изогнул рыжую бровь, но на сей раз не возмутился.

— Время покажет, — лишь утрумо заметил альв и поманил Рольфа, слонявшегося поблизости. — Поди-ка сюда, бездельник, у меня к тебе поручение.

Тот на миг принял растерянный вид:

— Чем же я на сей раз провинился? Клянись тебе, Дагрун, я пока что чист и невинен. Разве только эта ведьма Ранхильд... — добавил он вполголоса.

— Успокойся, олух. Я поручаю твоим заботам скиплинга. Помести его на жительство рядом с собой да хорошенько за ним приглядывай, чтобы он по дурости своей чего не натворил. Понятное дело, это все равно что поставить козла сторожить огород, но от тебя и так проку мало, так что в рейдах мы вполне без тебя обойдемся. Бессмысленно говорить тебе, чтобы ты не порочил Хравн-

борг и Хальвдана в глазах чужака, но я велю тебе перетянуть его на нашу сторону и убедить, что доккальвы — смертельная угроза миру, а не только нам одним. Это-то ты понимаешь?

Выражение лица Рольфа, до того горестное, стало радостно-изумленным. Повернувшись к Сигурду, он от души потряс его руку:

— Ну вот! Видишь, Сигги, я так и знал, что мы подружмся. У нас просто врожденная тяга друг к другу. Я с радостью подыщу для тебя местечко. Поселишься со мной и старинной Адилем, если тебя не смущают потолок в трещинах, старый маг и дюжин шестнадцать летучих мышей... не считая, конечно, твоего покорного слуги.

У Сигурда не было времени расспрашивать, и он успел лишь на прощанье одарить Дагруна хмурой гримасой, а Рольф уже тащил его за собой осматривать форт. Дома и амбары были самых разных размеров — от обмазанных глиной хижин до больших торфяных домов, в которых жило по несколько семей, зачастую рядом с лошадьми и прочей живностью. Сигурд заметил, что и на укреплениях, и на утесах было полно стражников; никто не мог незамеченным ни подобраться к форту, ни выскользнуть из него.

Жилище Рольфа располагалось во врытых в землю останках древнего донжона, который был возведен здесь, вероятно, еще до того, как появился горный форт. От крыши почти ничего не осталось, но Рольфа это, похоже,

не беспокоило, тем более что он обитал в яме, которая прежде была погребом. Поток света струился через обширную дыру в каменном потолке, там, где подпорки сгнили и обрушились. Рольф пояснил, что зимой он зашешивает дыру чем попало, а летом очень удобно, когда захочешь посидеть у огня и поглазеть на звезды, — тогда дым выходит через дыру.

Сигурд споткнулся на короткой лестнице и, полетев вниз по выщербленным ступенькам, врезался лбом в балку; на него осыпалось облачко пыли. Жилище, которое представало его взгляду, походило больше на внутренность колодца, уставленную кроватями и столом; везде валялись в беспорядке седла, луки, плащи и сапоги. У стола очень прямо сидел старик и спал с книгой в руках. Борода его свешивалась на книгу, и на бороде свернулся котенок, который сладко спал, подергивая ухом.

— Ну, вот мы и пришли. Надеюсь, тебе здесь понравится. Спать будешь здесь. — Рольф указал на бесформенную грудку, вероятно представлявшую собой соломенный тюфяк. — Свежий воздух, свет и много свободного места, если хоть немного прибрать весь этот хлам старины Адиля, и вдобавок никто не станет тебя шпынять только за то, что ты воевал меньше других. Никто не желает делить кров с Адилем, а он живет здесь дольше всех прочих, если не считать летучих мышей.

— Это и есть маг? — Сигурд понизил голос, с трепетом глядя на Адила.

— Да не шепчи ты — когда он спит, то глух как пень. Он древнее корней Иггдрасиля, и с памятью у него совсем худо, но кое-чему он сумеет тебя научить. Он готовит меня в ученики к магу. А вот и мыши. — Он указал подбородком на высокие сумрачные своды потолка, с которых гроздьями свисали летучие мыши. Их глазки, мерцавшие во тьме, уставились на Сигурда.

Он попятился.

— Ты, верно, умом тронулся, если тебе нравится жить в таком месте. Уж лучше спать на полу в большом доме, чем в компании летучих мышей. И этот маг... ты уверен, что он не мертв? Невозможно же спать в таком положении. — Сигурд с неудовольствием огляделся, и тоска по дому с новой силой вспыхнула в нем, когда он сравнил царящий здесь беспорядок со всегдашней аккуратностью Торарны.

Рольф, ничуть не смутясь, пожал плечами:

— Знаешь, я предпочитаю собственный дом, пускай даже и со странностями, чем толкотню в доме Хальвдана. Порой я здесь даже стряпаю, а зимой здесь довольно уютно. Никаких, знаешь ли, сквозняков. Адиль не против соседей, хотя летучие мыши не всегда ведут себя дружелюбно, а ночью иногда поднимают шум. По-моему, они здесь живут так же долго, как сам Адиль, а он уже

почти окаменел. Он тебе хлопот не доставит. Просыпается он редко — я вот уже больше недели не видел, чтобы он двигался. — Он заметил возмущение на лице Сигурда и поспешно добавил: — Да не тревожься ты, с магами так частенько бывает. Знаешь, как медведи впадают в спячку?

— И как же? — резко осведомился Сигурд, но Рольф предпочел не расслышать его и продолжал болтать какую-то чепуху о созвездиях, падающих звездах и фазах луны.

Сигурд сбросил со своей кровати сапоги и старую лошадиную попону и сел, чтобы проверить ее на прочность. Затем улегся, все еще со шкатулкой под мышкой, и изумился тому, как ему вдруг стало уютно и тепло. Миг спустя он уже спал, а Рольф между тем громко рассуждал о том, какую похлебку он состряпает на огне их собственного очага и насколько она будет отличаться от несъедобного варева, которым кормят в доме Хальвдана.

Проснувшись, Сигурд долго озирался и силился понять, как это он очутился в незнакомой комнате. Разум его изо всех сил отрицал, что он в потаенном мире, в крепости альвов, но глаза не обманывали его — прямо перед ним восседал все так же спящий над своей книгой Адиль. Рольф сидел в другом конце комнаты, начищая седло и сапоги.

Сигурд увидал, как Рольф ткнул пальцем в обувную щетку, валявшуюся на полу около

кровати Сигурда, и щетка послушно заскользила к Рольфу по земляному полу. Дернув плечом, Рольф закрыл дверь, из которой тянуло сквозняком, затем легким кивком подбросил хворостину в огонь, гостеприимно потрескивавший в очаге посреди комнаты. При этом альв тихонько насвистывал, не поднимая глаз. Минуту спустя он сказал:

— Послушай, Сигги, ты проспал без передышки полтора дня. Тебе не кажется, что пора вставать и начинать учиться, как быть альвом? Если хочешь жить среди нас, ничего другого тебе ведь и не остается.

Сигурд неуклюже сел, потягиваясь.

— Так я спал полтора дня? Вот уж ничего удивительного. Когда же мне было спать, если тролли каждую ночь раскапывали крышу моего дома? Но если ты думаешь, что сможешь превратить обыкновенного скиплинга в альва... Воля твоя, конечно, но вряд ли я когда-нибудь научусь проделывать такие же штуки, как ты.

У Рольфа отвисла челюсть.

— Что? Чистить сапоги? Но это же очень просто, Сигги. Берешь...

— Да нет же! Я имел в виду все эти мелкие фокусы. То, как ты захлопнул дверь, не прикоснувшись к ней, или как подозвал к себе щетку. Знаешь, это сильно смахивает на колдовство.

— Какое там! — воскликнул Рольф. — Ты еще увидишь, что вытворяют старые альвы, Адиль и прочие маги. С такой чепухой

справится и ребенок, но нужны годы учебы и труда, чтобы овладеть своей Силой и научиться творить чудеса — изменять облик, скажем, отыскивать сокровища и защищаться от чар и заклятий. А еще лучше того — насылать заклятия. Я давно уже был бы учеником мага, если б семейство мое не было так бедно, что не могло оплатить учение; вот и пришлось мне пойти на службу к Хальвдану. Я, представь себе, неплохо стреляю из лука. Когда сам обучусь кой-чему, можно будет напроситься в ученики к какому-нибудь солидному магу и отработать свое ученичество.

— А как же Адиль? — Сигурд кивнул на старого мага.

— Он всегда рад помочь, но, видишь ли, он большей частью проводит время в обличке своей фюльги, собирает сведения о доккальвах. Конечно, когда может, он учит меня кой-чему, а еще я вытягиваю из Миклы то, чему его учит Йотулл. Тебе непременно надо познакомиться с Миклой. Он немногим старше нас и славно может составить компанию, когда ему удастся надолго ускользнуть от Йотулла, чтобы немного поразвлечься.

— Послушай, Рольф, — слегка раздраженно перебил его Сигурд, — я умираю с голоду, и все, что мне сейчас хочется, — хоть чем-то набить живот. А потом не забудь, что я не альв, и вряд ли ты сумеешь чему-то меня научить.

Рольф натянул сапоги.

— У Хальвдана сегодня для разнообразия настоящий пир. Обыкновенно он весьма прижимист даже с хлебом и сыром, а уж мясо нам приходится видеть нечасто, но вчера ночью разезд подстрелил медведя, и пока что у нас полно свежатинки. А тебе, Сигги, здесь не слишком нравится?

Сигурд отвел глаза, гадая, не умеет ли альв читать мысли. Если так, то Рольфу известно, что заветнейшее желание Сигурда — бежать из-под власти Хальвдана.

— Нет, — ответил он, — я привык к свободе. Никто никогда не приказывал мне, куда не ходить и чего не делать. Мне кажется, все вы марионетки Хальвдана. Он или Дагрун скажет: «Прыгай!» — и вы прыгаете.

На миг Рольф утратил свое всегдашнее добродушие.

— Послушай, Сигги, в этом мире тебе следовало бы усвоить один важный урок: никогда не кусай руку, которая тебя кормит, и наоборот. Я знаю, что даже у скиплингов есть свои вожди и правители; наверняка есть кто-то, кому ты давал присягу на верность.

— Никому и никогда, даже когда ходил с викингками, — гордо отвечал Сигурд. — Там, в Тонгулле, не нужны были правители. Мы все были равны.

— Мне нравится служить Хальвдану, — сказал Рольф, — хотя я частенько ворчу насчет кормежки и неудобств. В том отчаянном положении, в котором оказались сейчас

льёсальвы, лучше уж связать свою судьбу с кем-то сильным. Я понимаю, тебе кажется, что ты теряешь свою свободу, но в конце концов, так лучше для всех.

Сигурд набросил плащ.

— Ну что, идем есть?

Они оставили Адиля и котенка сладко спать в прежних позах. Когда они выбрались из Рольфова обиталища, как раз выезжал ночной разъезд. Два десятка всадников проскакали мимо, добродушно переругиваясь и прощаясь с сотоварищами, которые оставались в форте. Сигурд поглядел, не командует ли разъездом Хальвдан, подумав, что, если бы того — или Дагруна — не было в форте, ему легче было бы ускользнуть.

— Это разъезд Альфгейра, — сказал ему Рольф. — Он выезжает шесть дней подряд, а потом шесть дней отдыхает; потом разъезды Сьяунди и Токи выезжают на разведку по очереди с разъездом Хальвдана, а солдаты Альфгейра охраняют форт. Как только меня освободят от работы в форте, ты, быть может, сумеешь выехать на разведку в отряде Хальвдана. Я уж позабочусь, чтобы тебе подобрали доброго коня.

Большой дом был полон народу — все поселились в компании своих друзей, поглощая огромные ломти медвежьего мяса, обугленного снаружи, розового и сочного внутри. Рольф расчистил для себя и Сигурда местечко на скамье у стола, памятуя, что ничто не может быть более неприятно чужаку, чем

чересчур настойчивые и любопытные расспросы. Еда и питье были превосходны. Едва Сигурд расправился с одним куском нежного жареного мяса, как кто-то с грубоватой щедростью шлепнул на его тарелку новую порцию. Добрый эль смягчил его настороженность, и он решил, что не видывал ребят добрее и веселее альвов. Он бросил взгляд на помост, где сидели Хальвдан, Дагрун и другие высокородные альвы, и надменно выдержал грозный взгляд ярла. Тогда же он приметил, что на помосте среди седых воинов сидит девушка и вид у нее не менее высокомерный, чем у самого Хальвдана. Она была одета в роскошное красное платье; тонкий платок, наброшенный на плечи, был заколот большой брошью, косы уложены венцом вокруг головы.

— Кто это? — шепотом спросил Сигурд у Рольфа. — Дочь Хальвдана?

— Да нет, чужак, просто родственница. Вся ее семья погибла, а Хальвдан — единственный ее родич, потому-то она и здесь. Зовут ее Ранхильд, и я влюблен в нее до безумия, хотя характер у нее — хуже не придумаешь. Будь она берсерком, весь Скарпсей трясся бы от страха. От ее нрава все молоко киснет, стоит ей в дурном настроении пройти мимо молочной. Я думаю, у нее в няньках была троллиха, оттого и она такая дикая. — Рольф усмехнулся и восхищенно вздохнул. — Она ненавидит меня до глубины души и никогда не упускает случая

подстроить мне какую-нибудь мерзопакость. Недавно, Сигги, она обидела меня особенно тяжело, и я надеюсь, что ты поможешь мне ее проучить. На прошлой неделе мне случилось совершить один мелкий промах, и не успел я сообразить даже, что случилось, как она уже все выболтала Хальвдану. Она всегда рада мне насолить! Понимаешь, я ведь тоже родич Хальвдану, только очень дальний и вдобавок беден как мышь, вот она и считает, что я хуже слякоти под ее красивыми ножками.

Сигурд помотал головой:

— Рольф, ты, верно, спятил. Влюбиться в такое чудовище?

Он опять взглянул на Ранхильд и обнаружил, что она смотрит прямо на него, пристально и неприязненно, точно услышала, что болтал про нее Рольф. Сигурд не встречал такого жуткого и пронзительного взгляда с тех пор, как за ним гонялся злющий старый бык Трюгви.

— А что в этом такого, Сигги? Когда-нибудь ей наскучит потешаться надо мной, и она начнет обожать меня уже за одно мое постоянство. А между тем ты поможешь мне ее немножечко укротить. У меня есть одна замечательная идея.

Сигурд с трудом отвел взгляд от вызывающе сверкавших глаз Ранхильд.

— Не очень мне по вкусу впутываться в твои мелкие распри с этой Ранхильд. Это, моему, просто безумие.

— Вовсе нет. Она опытный противник, и тебе только на пользу посостязаться с ней в сообразительности.

После этих слов Рольф как-то незаметно перевел разговор на Миклу, ученика мага Йотулла. Сигурд не успел и оглянуться, как они уже взбирались по крутому склону холма позади скопления домов и хижин — к одинокому жилищу Йотулла.

— Вот от чего я хотел бы тебя предостеречь, — сказал Рольф, когда они остановились перевести дух после особенно крутого подъема. — У Йотулла характер тяжелый, другого такого не сыщешь. Он терпеть не может отпускать его от себя хоть на часок. Остается лишь надеяться, что сегодня его нет дома. Он частенько путешествует по своим делам, как и старина Адиль, и тогда нам с Миклой удастся повеселиться. Однажды мы забрались в книгу заклинаний, которую Йотулл обыкновенно держит взаперти, и узнали, как поднять мертвеца из могилы. А потом всю ночь пришлось нам загонять бедолагу назад, чтобы он нас самих не прикончил!

— И это у вас зовется весельем? — воскликнул Сигурд. — Ни за что на свете я не стал бы иметь дело с draугами!

— Да это на нас просто дурь нашла. Чародейство и черную магию лучше, знаешь ли, не трогать. Мы просто дурачились, вот и все. А теперь примолкни — подкроемся к дому и поглядим, дома ли Йотулл. Если да, лучше

нам туда и не соваться. — Он сделал Сигурду знак следовать за собой и двинулся в обход низкого торфяного дома.

Они замерли у двери, которая была чуть приотворена, чтобы пропускать холодный воздух. В доме жарко горел огонь, освещающий юношу, который сидел у очага и читал толстую книгу.

— Микла здесь, а Йотулла не видно, — прошептал Рольф. — Но на всякий случай удостоверимся... — Он едва слышно поскребся в дверь, и Микла тотчас поднял голову.

— Кто там? — окликнул он, на всякий случай взявшись за посох.

— Это я, — прошептал Рольф. — Что, дракона нет? Я привел скиплинга познакомиться с тобой.

Микла в два шага оказался у двери и распахнул ее:

— Входите, входите! Я уже слышал, что Хальвдан привез с собой скиплинга. Как твои дела? Мое имя Микла, и я надеюсь, что тебе будет хорошо в Хравнборге, сколько бы ты здесь ни прожил.

Сигурду понравилось, как он держится — серьезно и скромно.

— Благодарю тебя. Мое имя Сигурд. Хравнборг для меня — место непривычное, но, в общем, здесь неплохо. Только вот не так свободно, как привык, да и различие между льёсальвами и доккальвами мне еще не совсем понятно, но я скоро разберусь.

— Какое там различие — между ними целая пропасть! Входи и располагайся поудобнее, я тебе расскажу все, что ты хочешь знать, и еще многое другое.

Микла указал им на кресла и, когда все уселись, пустил по кругу глиняную бутылку — от ее содержимого у Сигурда голова налилась свинцом, а в мозгах запылал огонь. Казалось, ничего в жизни не воспринимал он так ясно, как разъяснения Миклы насчет льёсальвов и доккальвов, но когда Микла принялся задавать вопросы, Сигурд и слова не мог припомнить.

— А я все-таки ни в чем не уверен, — слышал он собственный упрямый голос: Сигурд давно уже убедился, что упрямство — лучшая маскировка невежества. — Я даже не знаю, что за штука лежит в этой шкатулке, как же я могу решить, кому она должна достаться? — Он знал, что болтает лишнее, но тепло огня и кровь, разогретая элем — или что там еще было в глиняной бутылке, — развязали ему язык. — Там, наверно, что-то ценное, но не золото — очень уж она легкая. Чего я вовсе не понимаю — как к моей бабке попала вещь из мира альвов. Умирая, она пыталась мне что-то сказать об этом, но я узнал лишь имя ее дочери, которая умерла двадцать лет назад и, верно, была моей матерью. Будь она жива, уж, верно, могла бы сказать, откуда взялась шкатулка. Странно думать, что она была моих лет, когда умерла. Звали ее...

Он вдруг зевнул во весь рот, а Микла между тем опасливо оглянулся на дверь и поспешно спрятал бутылку под плащом.

— А-асхильд, — договорил Сигурд. Он так клевал носом, что не в силах был продолжать, но вдруг вся его дремота испарилась в один миг — дверь со скрипом распахнулась настежь, и в дом шагнул маг Йотулл.

Рольф испуганно вскочил.

— Извини, что побеспокоили тебя, Микла, мы уже уходим. Рад тебя видеть, Йотулл. Надеюсь, ты хорошо попутешествовал. Мы не станем надоедать тебе своим присутствием, разреши только...

Йотулл не двигался, надежно перекрыв собой дверной проем. Он оборвал речь Рольфа на полуслове, оттолкнув его посохом, чтобы лучше присмотреться к Сигурду.

Сигурд глядел на него во все глаза, завороченный мыслью, что перед ним самый настоящий маг. Йотулл был высок и статен, с надменным чернобородым лицом, весь в черном с головы до ног. Глаза его впились в Сигурда с выражением радостного узнавания. Маг закрыл за собой дверь, бросил в угол суму и сорвал с себя плащ.

— Ну нет, зачем же вам так спешить, — с усмешкой проговорил он. — Присядем и познакомимся поближе. Я всегда с уважением относился к миру скиплингов и его обитателям. Микла, принеси-ка нам чего-нибудь, чтобы сделать нашу встречу более приятной, а наш дом — более гостеприимным.

Рольф рухнул в кресло, даже не пытаясь скрыть свое изумление, а Йотулл уже дру- жески болтал с Сигурдом. Скоро Сигурд со- всем перестал опасаться этого замечатель- ного человека, и, когда час спустя они поки- дали дом Йотулла, он был твердо убежден, что нашел себе в Хравнборге друга и союз- ника.

Глава 4

Йотулл окружил Сигурда поистине отеческой заботой. В последующие после знакомства дни он проследил за тем, чтобы Сигурда обучали воинским искусствам наилучшие в форте учителя, а сам вызвался быть его наставником в магических секретах. Рольф едва не лопался от изумления и радости и тотчас взял с Сигурда клятву, что тот будет учить его всему, что сам узнает. Он теперь безотлучно следовал за Сигурдом и при каждом удобном случае купался в отраженных лучах славы любимчика Йотуллы.

— Я как-то не уверен, что мне стоит изучать магию, — неловко сознался Сигурд, явившись — в сопровождении Рольфа — на первый урок к Йотулле. — У скиплингов ведь не бывает врожденной магии, как у вас, альвов. Боюсь, что я окажусь медлительным и глупым учеником и ты будешь разочарован. — Он обвел взглядом мастерскую Йотуллы, загроможденную самой разной утварью, склянками и снадобьями. Микла приветливо кивнул ему и продолжал растирать что-то в ступке.

Йотулл сложил руки на груди и укоризненно покачал головой.

— Нельзя с таким настроением приступать к учебе, не то потерпишь поражение прежде, чем возьмешься за дело. В магии нет ничего сверхъестественного, хотя вы, скиппинги, думаете иначе. Магия есть попросту физическое доказательство того, как сильно ты веришь в собственные возможности. Когда сам попробуешь, что к чему, еще крепко удивишься, до чего это просто. Ты научишься передвигать неодушевленные предметы, отыскивать потерянное, отражать заклятия и снимать чары, уничтожать оружие врага и переносить себя, куда пожелаешь. Или изменять свой облик. Но все это искусства, доступные лишь магам, в крайнем случае — их ученикам. Рядовые льёсальвы обыкновенно не поднимаются выше простейших заклинаний, а от лихих чар и проклятий защищаются связками амулетов и наиболее известных талисманов — вроде сушеной лапки сокола и тому подобной чепухи.

Сигурд заметил, что Рольф лихорадочно роется в карманах и кошельках, с отвращением избавляясь от амулетов и какой-то сушеной дряни.

— Ладно, — сказал он, — я уж постараюсь как смогу. Мне до смерти охота овладеть магией — в это мире я был бы посвободнее, если б знал хотя бы азы волшебства.

— О да, — с довольным видом согласился Йотулл, — ты обретишь совершенную свободу, если только хорошенько усвоишь уроки.

Уж не имеет ли он в виду ту самую шка-тулку, подумал Сигурд. Надо бы поговорить о ней с Йотуллом и спросить у него совета — только не тогда, когда Рольф бродит вокруг, ему ведь ничего не стоит разболтать обо всем Хальвдану.

Первые уроки магии оказались на редкость скучными. Йотулл учил Сигурда писать рунами и читать написанное.

— Ты быстро учишься, — заметил он, когда Сигурд овладел искусством написания довольно неприглядных рун. — Не могу вспомнить, чтобы мне попадался прежде такой же способный ученик. Продолжай в том же духе, и успех тебе обеспечен.

Микла и Рольф переглянулись в безмолвном изумлении. Они даже и не мечтали услышать от Йотуллы такую похвалу — он и заметить бы их соизволил, только если б они сотворили что-то из ряда вон выходящее, — скажем, на неделю подняли в воздух весь Хравнборг.

— Ну, довольно мы возились с рунами, — продолжал Йотулл, взяв покрытый резьбой посох и стряхнув невидимые пылинки с его серебряного навершия — точь-в-точь кошка, которая двумя-тремя касаниями языка доводит до совершенства свою роскошную шкурку. — Пойдем прогуляемся и поговорим о более прямых магических действиях. Быть может, ты даже сам кое-что попробуешь. Микла, я хочу, чтобы ты прошелся с нами и размял ноги. Тебе надо бы проветрить зату-

маненные в Гильдии мозги и оживить иссушенное чтением личико — может быть, тогда ты будешь больше похож на мужчину, чем на увядающий картофельный росток! — Он засмеялся над собственной шуткой, но Микла тотчас обиделся и помрачнел.

— Очень уж он высокого о себе мнения, — шепнул Йотулл Сигурду, когда они выходили из дома. — В Гильдии магов хорошие наставники, но ее воспитанники, как правило, мнят о себе куда больше, чем заслуживают.

Рольф виновато прокашлялся.

— Может, это не мое дело, Йотулл, но Хальвдан не велел Сигурду покидать пределы форта. Может быть, нам надо сначала спросить раз...

— Спросить? — странным тоном прервал его Йотулл, впиваясь в Рольфа цепким взглядом, от которого тот мгновенно прикусил язык. — Если Сигурд с кем и будет в безопасности, так это со мной. Я преподаю ему уроки магии и не желаю, чтобы этому мешали мелкие прихоти обыкновенного ярла. Надеюсь, у тебя достанет здравого смысла не гневить и не разочаровывать меня, повторяя мои слова Хальвдану. — Йотулл говорил добродушно и даже весело, но Рольф молчал, словно язык проглотил, все то время, пока они спускались по склону к земляным укреплениям.

Йотулл миновал стражей, не удостоив их ни единым взглядом, и первым прошел в

разрыв земляного вала, за которым тянулись луга и горы. Сигурд рад был увидеть хоть что-то, кроме изрядно поднадоевших домов и амбаров. Последние лучи заходящего солнца падали на зеленые склоны высоких холмов, смягчая их отвесную крутизну синими тенями, а подымавшийся туман придавал им почти совершенную прозрачность.

Когда они отошли на добрую сотню ярдов от земляного вала, Йотулл остановился и оперся на посох, вогнав его наконецник в мягкий зеленый мох.

— Начнем с проявлений Силы, — сказал он. — Микла, надеюсь, ты будешь так добр, что покажешь нам простенький образчик своего искусства. Нет нужды потрясать нас необыкновенными знаниями, которые ты получил в Гильдии; довольно обычной демонстрации.

— Я счастлив исполнять твои желания, — ответил Микла с торжественным и почтительным наклоном головы, — но все же тебе следовало бы помнить, что Хальвдан приказал Сигурду не выходить за пределы укреплений форта.

Йотулл только фыркнул и пожал плечами:

— Какая же опасность может грозить скиплингу, когда я здесь? Если у меня возникнет такая нужда, я сам объясню Хальвдану, что провожу уроки и не желаю, чтобы мне мешали. А теперь, господин мой, когда вас избавили от ваших беспочвенных опасений, может быть, займетесь делом?

Микла терпеливо поднял в воздух несколько булыжников, собрал охапку хвороста и зажег без трута и огнива, нашел золотую монету, которую спрятал Сигурд, и показал прочие ученические фокусы, как непочтительно назвал их Йотулл. Тогда Микла сверх всего устроил огненное представление — сноп разноцветного пламени вдруг брызнул из стоячего камня, точно его черная гладь взорвалась охапкой огненных цветов.

— Вот здорово! — восхищенно воскликнул Сигурд, глядя на Миклу по-новому, с уважением. — Это ведь настоящий огонь, не мираж?

Микла соскреб сухой мох с нескольких булыжников, и миг спустя небольшой кустарник запылал ярким пламенем. Йотулл поспешно загасил его.

— Выученик Гильдии никогда не теряет случая покрасоваться, — заметил он. — Довольно, Микла. Теперь пускай Сигурд попробует сотворить заклятие.

— А можно мне научиться сотворять такой огонь? — спросил Сигурд. — Я не одну ночь провел, трясясь от холода и мечтая разжечь огонь из ничего.

— Это просто... — начал было Микла, но Йотулл одним взглядом оборвал его и резко бросил:

— Огонь лучше оставить опытным магам. Сейчас, Сигурд, я научу тебя простому заклинанию — как подзывать к себе предметы. Начертай заклинание рунами на песке и

призови свою Силу, сосредоточься, как я учил тебя.

Сигурд пробовал раз за разом, хотя и чувствовал себя совсем по-дурацки, царапая в песке какие-то закорючки и безнадежно пылясь на камешек, который он пытался поднять. Камешек и не дернулся, что Сигурда совсем не удивило. Ему показалось, что в глазах Миклы блеснул насмешливый огонек, и ярость вскипела в нем.

— Не могу я это сделать, когда все на меня глазают! — взорвался он и было развернулся, чтобы уйти, но тут огромный бульжник взвился в воздух и пролетел рядом с головой Рольфа. Тот с воплем отпрянул, и даже Йотулл удивился не на шутку и принялся оглядываться — вдруг какой-нибудь шутник притаился за скалой и бросил камень. Микла позволил себе непочтительно хихикнуть. Сигурд совершенно растерялся и поспешил с извинениями.

— Когда я не в духе, еще и не такое случается, — мрачно проговорил он. — Порой мне кажется, что меня преследует злобный мелкий морок с извращенным чувством юмора. Впрочем, когда я был мальчишкой, это помогало мне побеждать в драках. — Он вздохнул и покачал головой. — Морок это или просто злосчастье, но я-то надеялся, что в иной мир оно за мной не последует.

— Это же твоя Сила пытается помочь тебе! — взволнованно проговорил Микла. — Остается только овладеть ею и заставить дей-

ствовать так, как нужно тебе. Ты говоришь, с тобой такое с детства?

— Помолчи, сударь мой! — строго оборвал его Йотулл. — Маг здесь я, изволь не забывать об этом. Если Сигурд нуждается в совете, то советовать ему буду я. Мне доводилось прежде встречаться с такой разновидностью Силы, и ничего хорошего в ней нет. Придется изловить ее и поместить в такое место, где она не сможет беспокоить тебя. Учти, Сигурд, она может быть опасна. — Он подозрительно огляделся, точно в поисках еще каких-то опасных проявлений злосчастной Силы Сигурда. — Ну, пойдемте — пора возвращаться.

Он шагал первым, а Микла и Рольф плелись позади, что-то горячо обсуждая шепотом. Сигурд не обращал на них ни малейшего внимания — он слушал, как Йотулл собирается изловить его неправильную Силу и обуздать ее. Маг уверял, что это совсем не больно и лучше избавиться от этой Силы, иначе она может стать помехой его дальнейшим занятиям.

Микла помедлил у старого донжона, оставив Йотуллу в одиночку шагать дальше к его дому на холме.

— Я давно уже не видел старого Адилья, — сказал он Рольфу. — Все еще никаких изменений?

— Никаких, — вздохнул Рольф. — Да ты зайди, сам увидишь. Его дух отсутствует так долго, что сам Адиль уже запылится.

Он первым спустился в темноту комнаты-погребца и зажег свечу. Микла тщательно за-творил дверь и пробормотал над ней заклинание.

— Ты бы научил меня когда-нибудь, как налагать чары от подслушивания, — завистливо вздохнул Рольф. — Так многому я бы с удовольствием поучился, было бы только время.

Микла, похоже, думал о чем-то своем. Он несколько раз обошел вокруг стола, обеспокоенно косясь на Адиля, который был недвижимым и мирным, точно изваяние.

— Надо бы ему вернуться, да поскорее, — заключил он, хмурясь. — Он и не знает, как сильно мы в нем сейчас нуждаемся. Сигурд, ты ведь в восторге от Йотуллы?

— Можно сказать и так, — настороженно отозвался Сигурд.

Микла размышлял, потирая ладони, и наконец заговорил.

— Йотулл недавно в форте. Прежде я был учеником Адиля, но ты и сам видишь, что наставник он не слишком-то строгий, так что я бил баклуши и был совершенно доволен, покуда Хальвдан не решил призвать другого мага, чтобы присматривал за делами в форте, покуда Адиль бродяжничает. Мы не знаем, откуда взялся Йотулл, но я точно могу сказать, что он не из Гильдии магов, — а они лучше и вернее всех прочих альвов Сноуфелла. Конечно, он может принадлежать к какой-нибудь школе огненных магов рангом по-

мельче... но мне так не кажется. — Он умолк, чтобы выслушать вопросы Сигурда, и смотрел на своих собеседников торжественно и серьезно, как мог бы смотреть кто-нибудь постарше и посolidней — для юного Миклы это было чересчур.

— И откуда-же, по-твоему, он явился? — осведомился Сигурд.

— Точно сказать не могу, но подозреваю... если помнить, кто такой Хальвдан.

— Кто же он такой? — не отставал Сигурд, раздражаясь от напыщенной серьезности Миклы.

Тот сложил руки на груди и принялся объяснять:

— Хальвдан поклялся своей кровью убить Бьярнхарда; если ему это не удастся, дело продолжит кто-нибудь из его рода. Бьярнхард повинен в смерти жены и всей семьи Хальвдана — случилось это, когда Бьярнхард разорил прежний Хравнборг, который был далеко на северо-востоке. У Хальвдана есть пара боевых перчаток, которые смастерили для него дворги — черные гномы, которым по силам сотворить любую волшебную вещь. Он использует Силу этих перчаток, чтобы рано или поздно убить Бьярнхарда, а всем известно, как неотступно Хальвдан исполняет то, в чем клянется. Если доккальвы опасаются, что их вождь погибнет от руки Хальвдана, первое их желание — прежде уничтожить самого Хальвдана с помощью согладатаев и предателей.

— И Йотулл, по-твоему, соглядатай? — фыркнул Сигурд. — А я-то думал, Микла, что сейчас ты скажешь что-нибудь умное. Я знаю, что ты ненавидишь Йотуллу, но на сей раз твоя неприязнь — или фантазия — бьет через край. Он великий маг, хотя и суров с тобой и всеми, кто ниже его. Нельзя бездоказательно бросать ему такие обвинения. Если он когда-нибудь услышит тебя, то непременно вызовет на поединок и как следует припечат твою глупость.

Микла странно, сумрачно усмехнулся.

— Если только он не доккальв, Сигурд. Доккальвы не владеют огненной магией.

На миг Сигурду вспомнилось, как Микла колдовал с огнем.

— Но ведь Йотулл говорит, что между льёсальвами и доккальвами нет теперь никакого различия. Он говорит, что все они — доккальвы, и это правда, потому что Хальвдан всегда высылает разъезды ночью, а не днем.

— Потому что и солдаты Бьярнхарда выходят только ночью, — вставил Рольф. — С какой стати он будет искать их при свете дня?

Сигурд мотнул головой:

— Тогда выходит так, что все вы — доккальвы, черные альвы, а светлых альвов не осталось вовсе.

Рольф и Микла обменялись пораженными взглядами.

— Нет, не может быть, — сказал Микла, и наверхие его посоха полыхнуло зеленым

пламенем. — Если б я был доккальвом, я не смог бы сотворить огонь.

— Так ведь многие из ваших так называемых льёсальвов тоже на это неспособны, — отозвался Сигурд. — Большей частью они не знают никакой магии, кроме простейших заклинаний, — как вот Рольф. По-моему, Йотулл куда более прав, чем вам хотелось бы. Он рассказывал, что альвы Бьярнхарда живут в прекрасных домах и весьма состоятельны. Им нет нужды на кого-то нападать, с кем-то воевать, как делает это Хальвдан, им не приходится жить в трущобах наподобие Хравнборга, в вечном страхе и подозрительности. Йотулл говорит, что нам все нет причины таиться, — другие альвы не причинили бы вам вреда, захоти вы покинуть этот продутый всеми ветрами форт и спуститься на равнину. Похоже, что Хальвдан и прочие ярлы-изгои, скрывающиеся в горах, добровольно приговорили себя к изгнанию.

Рольф и Микла с испугом глядели друг на друга.

— Понимаю, — наконец заговорил Микла, — именно так должны представляться дела чужаку — а ты, Сигги, все еще чужак, хотя мы и не ставим это тебе в вину. Я не собираюсь переубеждать тебя, но помни хотя бы о том, что иные вещи оборачиваются совсем не тем, чем кажутся. Ты думаешь, что вот уже ухватил правду за вихор, — ан нет, она вывернулась и изменила обличье. Твоя

дружба с Йотуллом сейчас в поре весеннего цветения, а весной, согласишься, все выглядит как нельзя лучше. Но ведь еще осень и зима! Я в жизни не слышал, чтобы Йотулл с кем-то сблизился, — он для этого чересчур надменен. Мне кажется, Сигурд, он что-то хочет от тебя... и надо бы тебе увериться, что ты в самом деле хочешь это ему от-дать.

Сигурд невольно глянул на отставшую плитку пола, под которой он, никому не сказав ни слова, припрятал шкатулку.

— А мне кажется, что Йотулл хочет только помочь мне занять достойное положение в вашем мире. Ты его ученик, может, потому и мечтаешь, чтобы он и тебя дарил такой же дружбой.

— Нет-нет, упаси меня асы от такого друга! — торопливо воскликнул Микла. — Пожалуй, надо мне идти, покуда он что-то не заподозрил и не пришел сюда искать меня. Вот что я скажу тебе напоследок, Сигурд, — храни эту свою буйную Силу и никому не дозволяй отнять ее у тебя. Поверь мне, это не принесет тебе добра.

Сигурд лишь пожал плечами — ему было неловко от такой серьезности.

— Да ладно, она ведь не так уж мне и досаждала. Проживу и с ней, пускай уж. Слушай, Микла, если у тебя выдался свободный вечерок, ты бы не согласился зайти в большой дом и посмотреть, как Рольф играет в кости? Прошлой ночью он уже проиграл

седло и, если не отыграется, после очередного разезда вернется с большими волдырями пониже спины.

Рольф непритворно застонал:

— Ох, об этом-то я и забыл! Ну что, Микла, согласен? Это было бы то еще развлечение!

Микла покачал головой:

— Йотулл считает, что у меня свободного времени нет и быть не может. Увидимся завтра, Сигги. Помни, что я тебе говорил.

И он ушел, напоследок еще раз серьезно оглядев Сигурда.

Даже Рольф притих, точно подавленный излишней серьезностью приятеля. Сигурд пожал плечами — едва Микла ушел, ему стало легче на душе. Остаток ночи он провел, играя в кости или наблюдая, как Рольф спускает в игре свое имущество. Через несколько часов он уже напрочь забыл предостережения Миклы, и его восхищение Йотуллом осталось непоколебленным.

Он уже привык к распорядку жизни альвов, по которому все вылазки и разезды совершались по ночам, тогда же велась и оживленная жизнь форта, а днем все спали, поскольку вряд ли можно было ожидать нападения врага, ведущего ночной образ жизни. Так что Сигурд сладко спал, когда вскоре после восхода солнца кто-то из всех сил забарабанил в двери погреба, и, как они ни старались пропустить мимо ушей это стук, нежеланный гость не унимался.

— Убирайся! — прорычал Рольф. — Ты что, не видишь, день на дворе? Все спят!

— Хальвдан желает немедленно видеть скиплинга! — отвечал хриплый голос. — А он не любит ждать, так что поторопитесь и вылезайте из этой норы, пока он не потерял терпения.

— Хальвдан! — раздраженно пробормотал Сигурд, с трудом нашаривая свои сапоги. В чем альвы достигли совершенства, так это в беспутствах. Все вольные часы тратились на пьянство и игру, хотя Хальвдан и старался оставлять поменьше свободного времени, отлично зная склонности своих подчиненных.

Когда Рольф и Сигурд появились в большом доме, первым, кого они увидели, был Йотулл, который кивнул им серьезно и дружески. К удивлению Сигурда, Рольф покраснел до ушей и, сердито отвернувшись, бросил:

— Нечего снисходить до меня, Йотулл. Тебе отлично известно, кто рассказал Хальвдану, что ты, вопреки его приказам, выводишь Сигурда за пределы форта. Твоя любезность меня не обманет.

Йотулл с притворным сожалением погладил бороду.

— Я и подумать не мог, что это ты, Рольф. Разве не был я всегда вежлив и с тобой, и с другими обитателями форта — с тех пор, как ты появился тут? Неужели ты думал, что я могу причинить вред Сигурду?

— Да нет, не совсем, — пробормотал Рольф, — но вот Микла... то есть, мне кажется, ты не должен подавлять врожденную Силу Сигурда. Конечно, редко так бывает, чтобы скиплинг обладал Силой, но будь он альвом, ты поостерегся бы загонять в ловушку его врожденную Силу, разве только если б желал ему зла. Даже скиплинг имеет право на Силу.

Йотулл вздохнул, возведя глаза к потолку.

— Мне кажется, что обозленный молоко-сос-ученик и неопытный юнец-войка не могут судить о делах магов, и лучше бы им не совать нос в чужие дела — как бы не обжечь.

— Лишь бы не обморозить, — буркнул Рольф помимо своей воли и сам испугался до смерти собственной болтливости.

Йотулл перебросил посох из руки в руку.

— Что ты хотел сказать этими словами? Ты считаешь, что я — маг доккальвов, хотя стою перед вами при свете солнца и до сих пор жив?

Рольф исподлобья угрюмо глядел на мага.

— Ты отлично знаешь, что доккальвам служат не одни только доккальвы. Я и не думал обвинять тебя в неверности Хальвдану, но Микла... да ну его, Миклу. Он порой бывает полным болваном, да и я не лучше, — добавил он быстро, пока Йотулл постукивал по полу наконечником посоха.

Сигурд неодобрительно покосился на Рольфа:

— Как ты можешь говорить такое об Йотулле? Во всем Хравнборге о Йотулле плохо отзывается один Микла. Разве не Йотулл вылечил Холти от горячки? А вспомни случай на прошлой неделе, когда Йотулл предсказал разезду, что лучше не переправляться через брод?

— Довольно, Сигурд, от одного ложного обвинения меня не убудет, — прервал Йотулл, одарив Рольфа оскорбленным взглядом. — Давайте-ка войдем и покаемся нашему предводителю в моих мелких прегрешениях. Вы же понимаете — Хальвдан всегда прав. — Он распахнул дверь и жестом пригласил Сигурда и Рольфа пройти вперед.

— Однако я думал, что у Йотулла больше власти в Хравнборге, — пробормотал Сигурд. — Не говоря уже о том, что он защитил бы меня, если б появились враги...

Хальвдан, Дагрун и прочие воеводы стояли у большого очага, в котором ярко пылал огонь. Хальвдан обернулся ко вновь прибывшим и резко проговорил:

— Что я слышал, Сигурд? Ты покидал пределы форта? Если помнишь, я тебе это запретил.

Сигурд тотчас вспыхнул, но Йотулл положил руку на его плечо, не дав заговорить.

— Я все объясню, — проговорил он, вежливо отводя глаза от изношенной верховой одежды и старых сапог Хальвдана. — Вина здесь целиком моя, но мне не хотелось бы выслушивать укоры в присутствии половины

форта. Нельзя ли нам поговорить наедине? — Он вежливо показал глазами на Дагруна и прочих воевод, которые со всем вниманием прислушивались к беседе.

Хальвдан кивнул, развернулся и вошел в дверь, отделявшую его покои от зала. Там он остановился у очага, искоса угрюмо и властно глядя на своих посетителей.

— Отдавая приказ, я не жду, что кто-то станет его отменять, а стало быть, он действует, пока я сам не объявлю иного. Скиплинг ни при каких обстоятельствах не должен покидать пределы форта, разве что если бы на нас напали и пришлось отступать. Вероятно, Йотулл, ты не знал об этом моем велении. Я предпочитаю подозревать тебя в неведении, нежели в сознательном неподчинении. — Хальвдан помолчал и добавил с презрением во взгляде и голосе: — Думаю, что нет нужды чрезмерно обучать Сигурда магии. Пусть твой ученик покажет ему несколько простейших приемов, и посмотрим, сумеет ли он выучить хотя бы их.

Йотулл шагнул вперед, сдвинув брови.

— Как пожелаешь, конечно, однако Сигурд обладает врожденной Силой, которая мучает его своими выходками. С прошествием времени она станет опасной не только для него, но и для нас всех. Я хотел бы изловить эту Силу и обуздать ее.

— Ты не сделаешь ничего подобного! — бросил Хальвдан, разворачиваясь к Йотуллу и впиваясь в него пристальным взглядом. —

Обучать Сигурда буду я, а ты займись своим делом — силой своих заклятий хранить нас от доккальвов. Уроков больше не будет. Ступай, Йотулл, наш разговор закончен.

Йотулл обхватил обеими руками посох и метнул быстрый взгляд на Сигурда.

— Господин мой, я считаю, что ты не совсем прав. Вспомни, как велики мощь и воинство Бьярнхарда и как мала наша надежда отразить его зимний натиск. Случилось так, что мне известна тайна, которую ты скрываешь от Сигурда, и мне думается, тебе следует немедленно открыться ему.

— Умолкни, маг! — велел Хальвдан таким страшным голосом, что все вздрогнули.

— Не могу, — сурово сказал Йотулл. — Ради пользы всего Хравнборга Сигурд должен знать, что...

До сих пор Хальвдан слушал его, заложив руки за спину, но при последних словах мага он вдруг протянул вперед одну руку, направив ее на Йотуллу. Сигурда отбросило назад, точно порыв страшной силы краем задел его; та же сила застала врасплох Йотуллу, и он упал навзничь с тяжким грохотом. Задыхаясь, маг быстро вскочил и потянулся к своему посоху, но Хальвдан щелчком пальца отшвырнул посох в другой конец комнаты. Сигурд во все глаза глядел на черную перчатку, облекавшую руку ярла, и вспоминал рассказ Миклы. Манжета перчатки была богато расшита золотой и серебряной нитью и обита серебряными заклепками.

— Можешь идти, Йотулл, — ровным голосом произнес Хальвдан. — Твой посох я припущу позднее с мальчиком.

На миг лицо Йотуллы исказила гримаса гнева и унижения, но он быстро овладел собой и снова стал надменно-благодарен.

— Благодарю за доброту, Хальвдан. Я не скоро забуду ее, — сдержанно проговорил он и, чопорно кивнув, удалился.

Рольф и Сигурд смотрели друг на друга в немом изумлении. Сигурда потрясла та крайняя ненависть, отблеск которой он уловил в глазах Йотуллы. У него хватало ума не спрашивать, какую это тайну прячет от него Хальвдан, но сомнений не было — эта тайна связана со шкатулкой.

Хальвдан стянул с руки перчатку и сунул за пояс.

— Полагаю, ни один из вас не станет болтать в форте, что Хальвдан и Йотулл повздорились. Могу вас уверить, что мы с Йотуллом частенько не соглашаемся в чем-то и устраиваем поединки Силы, которые непосвященному могут показаться настоящей схваткой. — Он поманил к себе посох Йотуллы и, когда тот подлетел поближе, взял его и небрежно осмотрел. — Иногда единственный способ добиться почтения от нашего надменного и могучего мага — как следует припугнуть его. Он немного перемудрил в своих поступках... и это возвращает нас к тебе, Сигурд.

Сигурд пристально глядел на Хальвдана и в этот миг ненавидел его куда больше, чем

обычно, — за то, что он так унижил Йотулла у них на глазах.

— Ты, наверно, запретишь мне теперь учиться магии?

Хальвдан блеснул глазами из-под кустистых бровей.

— Микла научит тебя всему, что может пригодиться в повседневной жизни. Я предназначил тебе совсем иную судьбу. До сих пор ты слишком много времени тратил попусту в компании альвов — они, конечно, славные ребята, но и дня не прожили бы, если б кто-то все время не указывал им, что делать. А потому я запрещаю тебе проводить в этом доме больше часа после ужина. Особого неудобства мой запрет не доставит — ты и так устанешь после дневных упражнений в воинских искусствах. Я также считаю необходимым включить тебя в дневную стражу. Это и займет тебя, и убережет от лишних проказ, не говоря уже о дружбе с Йотуллом.

Рольф метнул на Сигурда полный сочувствия взгляд. Быть переведенным в дневную стражу — позор для воина. Обычно в дневные часы стражу несли старухи и подростки, а дни были, как правило, жаркие и скучные. Самое худшее, что никто не в силах весь день нести стражу, а потом всю ночь забавляться с друзьями или отправляться в ночной разезд. Для легкомысленных альвов не было худшего наказания, чем ограничить их в развлечениях.

— Тогда я тоже перейду в дневную стражу, — лишь мгновенье поколебавшись, объявил Рольф. — Не тревожься, Сигги, как-нибудь выдержу.

— Хорошо, что ты сам вызвался, Рольф, — спокойно заметил Хальвдан. — Ты избавил меня от необходимости отдавать тебе приказание. Утром вы будете заниматься с наставниками, днем дежурить на укреплениях. Один день из десяти свободный, один час после ужина — на личные дела. Сигурд, я не стану запрещать тебе дружить с Йотуллом, но мне это не нравится, понял? А теперь ступайте к Skefillю на первое занятие.

У Рольфа отвисла челюсть.

— Но... значит, нам прямо сейчас начинать? Даже не выпавшись?

Сигурд резко ткнул его локтем в бок и язвительно бросил:

— Рольф, а почему бы и нет? Мы не станем жаловаться — мы же не дети.

— Зато старый Skefillь найдет на что пожаловаться, — пробормотал себе под нос Рольф, когда они выходили из зала. Сигурд оглянулся — Хальвдан смотрел им вслед, как всегда грозно сверкая глазами.

Скука дневной жизни Хравнборга ни с чем не могла сравниться. Когда заканчивались занятия со Skefillем, оставалось лишь одно дело: глазеть на пастушков, которые пасли овец на склонах холмов, на коней, которые резвились и щипали траву вокруг земляных валов, и на девчонку-гусятницу. Сигурд скоро

догадался убивать время, используя свои скромные магические способности. К большому неудовольствию Рольфа, свой свободный час после ужина Сигурд проводил с Йотуллом, который каждый раз давал ему краткий урок магии. Вечное злосчастье Сигурда в эти дни преследовало его куда усерднее прежнего. Едва ему что-то становилось не по душе или он оказывался неподалеку от тех, кого на дух не выносил — скажем, Хальвдана, — все ремни, веревки и шнурки немедля лопались, все, что висело, градом сыпалось наземь, оводы и слепни кусали коней, и те лягались, а предметы, которые Сигурд держал в руках, вырывались на волю с явным намерением кого-нибудь пристукнуть — к вящему его смущению.

Ранхильд точно притягивала все эти мелкие злосчастья. Она начала замечать Сигурда на следующий день после того, как Хальвдан наказал его и перевел в дневную стражу. Всякий день, когда Сигурд дежурил на укреплениях, Ранхильд, как по расписанию, проходила мимо него. Восемь дней подряд она лишь одаривала его ледяным взглядом королевы, которой на глаза попадалась болотная тварь. Заморозив Сигурда презрительным взглядом, Ранхильд уходила в конюшню, где ожидал ее лучший чистокровный жеребец. В сопровождении троих лучников она выезжала из форта и скакала к дальнему краю долины. Тотчас неизменно появлялись пчелы и жалили коня, доводя его до неистовства, или же мелкие

камешки летели из пустоты, обстреливая ее и спутников. В довершение зловредный порыв ветра трепал волосы Ранхильд или срывал с ее плеч нарядный плащ. Не то чтобы Сигурд специально хотел этого, но ему становилось не по себе, и сердце бешено колотилось, стоило девушке появиться рядом, да еще держаться так надменно. Он не мог и вообразить, что дождется от нее взаимности, он не тешил себя мечтами, что мог бы добиться благосклонности родственницы Хальвдана, если б даже Рольф не объявил уже о своем праве на эту сомнительную привилегию. Однако Сигурд не мог не признать, как она хороша в своей дерзкой надменности.

На девятый день Ранхильд остановилась перед ним и Рольфом и окинула обоих неприязненным взглядом.

— Я знаю, кто донимает меня, когда я выезжаю кататься верхом, — сказала она Сигурду. — Прекрати это немедленно, или я пожалуюсь Хальвдану, моему родичу, что ты мне досаждаешь.

Сигурда обозлил ее повелительный тон, и он впился в нее таким же пристальным взглядом, но Ранхильд не отвела глаз, лишь задрала повыше подбородок и поверх кончика носа глядела на него с ледяным презрением.

— Сигурд здесь ни при чем, — ввязался Рольф. — Все твои беды, верно, от тебя же самой. Йотулл говорит, что врожденная злоба притягивает несчастья, как магнит — железо.

Ранхильд покосилась на Рольфа и вдруг ухватила его двумя пальцами за кончик носа — так сильно, что он не сдержал стога.

— У тебя, Рольф, очень уж длинный нос. Посмеешь еще раз совать его куда не просят — я его вовсе отхвачу. Она повернулась и пошла прочь, а Рольф потирал ноющий нос и моргал заслезившимися глазами. Сигурд вскочил на ноги, провожая Ранхильд взглядом и дивясь ее дерзостной смелости.

— Видал, Сигги? Что за злющая ведьма! — Рольф криво усмехнулся. — Не-ет, надо придумать, как нам до нее добраться. Чего бы я не отдал, только б посадить в лужу эту гордячку, перепугать ее до полусмерти! Все, чего я хочу, — смеяться над ней, смеяться, смеяться... Унизить бы ее до конца жизни — уж это бы, верно, улучшило ее мерзкий характер.

Сигурд заулыбался:

— Пожалуй, я знаю, как нам сделать это.

Он поколебался, глядя, как Ранхильд подходит к конюшне, и наслаждаясь нетерпением Рольфа.

— Я спрошу совета у Йотуллы.

У Рольфа вытянулось лицо.

— Йотулл? А разве он сумеет? То есть я хотел сказать — захочет? И ты осмелишься его просить?

— Почему бы и нет? Узнай его поближе — поймешь, как он дружелюбен. Пожалуй, он сделает почти все, о чем я его попрошу.

Рольф нахмурился, потирая подбородок, на котором неровными пучками пробивалась борода.

— Только чтобы это было не слишком суровое наказание. Она все-таки родственница Хальвдана, и я в нее, как-никак, влюблен. — Он горестно и бережно ощупал кончик носа. — Когда ты поговоришь с Йотуллом?

— Нынче вечером после ужина.

Глава 5

Иотулл не стал ни насмехаться над ними, ни гневаться, как предсказывал Рольф. Выслушав их, он задумчиво глядел в огонь и попыхивал трубкой. Головка трубки была вырезана в виде искаженного лица, которое то смеялось, то кривилось от боли в прихотливых отблесках пламени.

— Пожалуй, я сумею помочь вам укротить горячку, — сказал он наконец. — Самое лучшее — испугать ее, только так, чтобы не было настоящей опасности. Через десять дней у маленькой плутовки день рождения. Надо, чтобы кто-нибудь сделал ей замечательный подарок.

— И кто же это сделает? — осведомился Рольф с неподдельным интересом.

— Ты, олух, только она об этом знать не должна, не то заподозрит неладное. Она решит, что подарок от Хальвдана, и легко попадется на крючок. — Йотулл усмехнулся, пристально глядя в огонь, и глаза его блеснули, когда он упомянул Хальвдана. — Я должен подумать об этом, так что оставьте меня одного. Можете прихватить с собой Миклу.

Микла разинул рот от изумления, услышав, что Йотулл изволит отпустить его. Он поспешно отшвырнул амулеты, с которыми во-

зился по приказу Йотуллы, и увлек Рольфа и Сигурда к дверям, опасаясь, что маг передумает. В наилучшем расположении духа они брели, спотыкаясь в темноте, вниз по крутой тропинке. Рольф многословно делился замыслом попутать Ранхильд, но Микла вовсе не пришел в восторг от этой замечательной идеи.

— Незачем вам было втягивать в это дело Йотуллу, — серьезно проговорил он. — Он затаил злобу на Хальвдана, и я не удивлюсь, если он пожелает серьезно навредить Ранхильд, чтобы отыграться.

— Глупости! — воскликнул Рольф. — Он сотворит ей змею на тарелке или что-нибудь в том же духе, и все в зале будут над ней потешаться. Я однажды пытался устроить такую штуку, но змеи у меня почему-то плохо выходят. Получились черви, и повара едва не выгнали за недосмотр. Слушай, Микла, расскажи мне, как творить змей?

Микла возмущенно объявил, что не намерен тратить свое драгоценное свободное время на то, чтобы обучать Рольфа магии. Сигурд далеко обогнал их, спускаясь к подножию холма. Огибая небольшой коровник, он вдруг замер как вкопанный и поспешно попятился. Рольф налетел на него в темноте и воскликнул:

— Да что с тобой, Сигги? Подумаешь, какая-нибудь коровенка выбралась из стойла и... — Он осекся, длинно и судорожно втянув воздух. — Да это вовсе не корова!

У подветренной стены коровника маячила огромная тень — а может быть, и не одна тень, а несколько. Сигурду почудились во тьме неясные очертания трех голов. Он шагнул ближе, и неведомая тварь испустила зловещее рычание, от которого кровь стыла в жилах, — ни один противник прежде не вызывал у Сигурда такого ужаса. Когда он шевельнулся, тварь тоже шевельнулась.

Микла засветил посох и вытянул его вперед. В свете посоха кроваво сверкнули три пары глаз. Массивная тень прынула вперед, бешено рыча и скаля три пасти, полные белых волчьих зубов. Сигурд мельком заметил три лошадиные морды, острые уши и ключья спутанных грив. Глаза, зубы и расширенные ноздри светились призрачным синим светом. Миг спустя тварь прыгнула на Сигурда, изрыгнув злорадное ржание, смешанное с хохотом.

Микла одним прыжком заслонил Сигурда, и с его пальцев сорвался огненный шар. С диким воем тварь взвилась на задние лапы и принялась бить широкими копытами передних ног по выросшей перед ней стеной пламени. Сигурд, шатаясь, отступил — его душило отвращение, и разум его отказывался признать то, что видели глаза. Он потянулся было за мечом, старым учебным клинком, который подарил ему Рольф, хотя и понимал, что простое оружие бесполезно против такого чудовища.

Микла швырял огненные шары один за другим, и наконец тварь попятилась, раздраженно мотая всеми тремя головами. Испустив последний угрожающий рев, она развернулась и потрусила прочь, не сводя с Сигурда злобно горящих глаз, — пока не скрылась в овраге за могильными курганами.

Трое друзей тотчас же со всех ног бросились к большому дому, распахнули настежь дверь и с шумом ввалились в зал, уже не думая о том, чтобы выглядеть достойно и прилично.

Немногие альвы, оцепенев от изумления, оторвали взгляды от игральные кости и кубков. Яркий свет и безопасность зала мгновенно возвратили Микле ясность разума. Сжимая в руке посох, он зашагал к дверям в комнаты Хальвдана. Дагрун заступил ему дорогу.

— Что тебе нужно? — осведомился он. — Незачем беспокоить Хальвдана по пустякам.

— Это не пустяк! — огрызнулся Микла. — Только что у коровников мы едва отбились от жуткого морока. Похоже, его наслал Бьярнхард. Уж лучше Хальвдан услышит о нем немедленно, чем столкнется с ним сам, верно?

— Тогда я сам скажу ему... — начал было Дагрун, все еще загораживая дверь, но тут она распахнулась за его спиной, и Хальвдан, оттолкнув Дагруна, хмуро взглянул на Миклу, Рольфа и Сигурда.

— Еще один морок, насланный Бьярнхардом? — проворчал он. — Меня это не

удивляет. Он каждую зиму подсылает нам что-то новенькое, чтоб мы меньше скучали долгими бессветными ночами. Я пошлю за Йотуллом — пускай применит свои магические таланты, если, конечно, будет в настроении. — Он сухо усмехнулся, язвительно дернув краешком губ при упоминании Йотуллы.

Микла покачал головой:

— Этот морок наслан не совсем против тебя, господин мой. Мне кажется, что тварь питает зловещий интерес к Сигурду.

Хальвдан бросил на Сигурда пронизывающий взгляд.

— Вот как? Я должен был догадаться, что Бьярнхарду не составит труда отыскать тебя здесь. Ему нужна шкатулка. Надеюсь, ты хранишь ее в надежном месте?

— С какой стати Бьярнхард будет подсылать морока, чтобы прикончить меня? — вопросом на вопрос ответил Сигурд. — Это ведь не он разорил Тонгуль. Мы с ним даже в глаза друг друга не видели. С чего бы ему желать смерти незнакомому?

Хальвдан презрительно фыркнул:

— Что ж ты так бросаешься на его защиту, если он тебе незнаком? Ты, Сигурд, неуживчив и неумен, подобно многим юнцам твоих лет. Стоит убрать тебя с пути — а там нужен лишь ключ, чтобы открыть шкатулку; и если бы Бьярнхард тогда наткнулся на тебя в заброшенном поселении, ты бы сейчас вряд ли оставался в живых. Да и Хравнборг, ско-

рее всего, не уцелел бы. Ты считаешь меня жестоким и суровым повелителем, а стало быть, Бьярнхард, по-твоему, мягок и уступчив. Поверь мне, Сигурд, никогда в жизни ты так не ошибался.

— Но я здесь все равно что пленник, и уж в этом-то я не ошибаюсь! — вспыхнул Сигурд. — Меня привезли сюда против моей воли и держат здесь вопреки моему желанию. Если я пленник, кто же ты, если не враг?

Дагрун вмешался в их разговор с лицом, искаженным от гнева:

— Что за неблагодарная речь! Послушайте только этого нищего юнца! Нет, я не намерен терпеть подобные дерзости. Эй ты, ступай отсюда и подумай над своим поведением, а когда надумаешь измениться — приходи! — Он оттолкнул Рольфа и впился в Сигурда убийственным взглядом. Микла тоже косился на Сигурда с явным неудовольствием.

— Боюсь, дружба с Йотуллом только вредит ему, — заметил он. — Разумнее бы не давать им видаться.

— Разумно, но невыполнимо, — отозвался Хальвдан.

Сигурд, кипя гневом, отвернулся от Миклы.

— Хороший же из тебя друг! Похоже, что здесь все против меня. Морок мог прикончить меня, забрать шкатулку, и никто бы пальцем не шевельнул, чтобы помешать

ему! — Он был так зол, что злосчастная его Сила тотчас забряцала развешанным на стенах оружием и несколько клинков со звоном обрушились на пол.

Хальвдан, явно стараясь сдержать свой гнев, обратился к Рольфу:

— Ты и Сигурд останетесь здесь, пока мы не убедимся, что чудовище не подстерегает вас снаружи. Дагрун, пошли кого-нибудь за Йотуллом.

Он в последний раз мрачно глянул на Сигурда и ушел в свои покои. Через минуту разговоры в зале, до того тихие и напряженные, сменились всегдашней веселой болтовней — воины воспрянули духом, убедившись, что их ярл неподалеку и готов действовать.

Только Сигурд не мог успокоиться. Ему казалось, что враги везде — и там, во тьме снаружи, и здесь, в ярко освещенном зале. Он был почти уверен, что Хальвдан все время испытующе поглядывал на него, чтобы проверить, как подействовало на него появление морока.

Дверь резко распахнулась, и в зал вошел Йотулл, двигаясь со своим всегдашним надменным изяществом. Однако его манерам сегодня недоставало обычного хладнокровия — он мгновенно захлопнул дверь и мановением руки запер ее наглухо. Тотчас болтовня и смех прекратились и все взгляды зачарованно остановились на маге, который замер у двери, напряженно глядя в замочную скважину.

Он выпрямился и обернулся с торжествующим видом, властным взглядом обежал многолюдную залу — и тотчас отыскал Миклу, Рольфа и Сигурда.

— Рад видеть, что никто из вас не пострадал от твари, которая шныряет снаружи, — проговорил он таким тоном, что побелели самые невозмутимые лица и всем расхотелось смеяться. Йотулл продолжал, обращаясь к появившемуся Хальвдану: — Помнится, я предостерегал тебя о подобной опасности, и теперь ты должен признать, что я был прав в своем мнении о врожденной Силе скиплинга. Это больше не проказник-невидимка, слабый и безвредный. Слышишь? — Он поднял палец, призывая к молчанию, и снаружи, откуда-то с укреплений, донесся полный ужаса крик, тотчас подхваченный другими.

Хальвдан и его воины схватились за оружие, многие повскакали с мест.

— Что ты хочешь сказать, Йотулл? — резко спросил Хальвдан. — Объяснись, и немедленно!

— Не спешите выходить за дверь, не то пожалеете! — окликнул воинов Йотулл. — Сила скиплинга приняла не слишком приятный облик и может уничтожить всякого, кто попадется ей на пути. Я бы мог изловить ее прежде, когда она еще была безвредна... если б мне позволили. — Он пронзительно глянул на Хальвдана.

Хальвдан молча прошагал к двери, отодвинул засов и, распахнув дверь, выглянул в

темноту. Рокочущий рев приветствовал его, и альвы, стоявшие близко от двери, в ужасе отпрянули.

— По мне, так это больше похоже на морока, — сказал Хальвдан и, взяв из чьих-то рук копьё, метнул его в темноту. Тотчас же дикий трехголосый рык возвестил, что тварь ринулась на штурм дома, и Хальвдан едва успел захлопнуть дверь и задвинуть засов за мгновение до того, как морок прыгнул вперед. Ревя и воя, тварь молотила дверь увесистыми копытами, затем взобралась на крышу. Микла тотчас же раздул огонь в очаге, чтобы помешать чудовищу спуститься через дымовую трубу.

— Я уверен, что это именно морок, — сказал он, прислушиваясь, как тварь топчет по крыше. Мелкая пыль сеялась с потолка, и балки жалобно скрипели и повизгивали. — Врожденная Сила Сигурда здесь, с нами. — Микла жестом указал на оружие и украшения, которые одно за другим со звоном сыпались со стен, главным образом на Ранхильд, — ей пришлось искать убежища под столом.

— Стой! Стой! — окончательно обезумев, кричал Сигурд, но его проказливая Сила принялась швырять с полок золотые кубки и чаши, только подливая масла в огонь суматохи.

— Великие боги! — вскричал Дагрун, перекрывая возбужденный гомон. — Мало нам хлопот с этим скиплингом!

— Йотулл! — бешено проревел Хальвдан. — Прекрати сейчас же всю эту чушь!

Йотулл один оставался спокоен, даже слегка посмеивался над растерянностью альвов.

— Попытаюсь, Хальвдан, однако мне неизвестно, кто же наслал на Сигурда такого опасного морока. Я видел, как тварь отличает его от всех. Впрочем, едва станет ясно, чьих это рук дело, я начну творить встречные чары. Явно кто-то желает Сигурду зла. — Он поднял глаза — комок земли сорвался с потолка и упал у самых его ног.

— Ты считаешься магом Хравнборга, — проворчал Хальвдан, недружелюбно глядя на Йотуллу сквозь завесу пыли и дыма. — Меня не заботит, как именно ты избавишься от этого морока, — просто сделай это, не ломая голову, для кого он предназначен! А ты, Сигурд, прекрати немедленно свои фокусы! — Тон у него был такой, что у всех, кто находился в зале, по спине побежали мурашки.

— Не могу! — огрызнулся Сигурд, с бесильной яростью следя, как грохнулся о пол изящный кованный чайник. — Такое всегда случается, стоит мне встревожиться или разозлиться. И не думай, что я от этого в восторге!

Йотулл обвел взглядом зал.

— Я, пожалуй, выйду и сражусь с чудовищем. Добровольцев я с собой не приглашаю. — Глаза его презрительно сверкнули.

— Я пойду с тобой, — отозвался Хальвдан с нескрываемым презрением. — Мне все равно надо получше к нему приглядеться.

Йотулл отвесил насмешливый полупоклон, словно в знак признательности, и они оба вышли за дверь. Тотчас все, кто был в зале, бросились к немногочисленным щелям в торфяных стенах дома. Морок еще потопал по крыше и порычал, затем удалился, напоследок злобно хихикнув в трубу, — словно предостерегая Сигурда, что это не последняя их встреча. К большому облегчению Сигурда, тотчас же прекратились и разрушительные забавы его Силы. Ранхильд выбралась из-под стола, обожгла Сигурда надменным взглядом и, разгневанная, удалилась к себе.

Вернулись Хальвдан и Йотулл, на ходу яростно споря о способе избавления от морока. Йотулл заявлял, что потребуются ни больше ни меньше, как только очистительный ритуал над всей крепостью, а Сигурда, ради его же безопасности, нужно переправить в другое поселение. Хальвдан отказывался даже слушать об этом и наконец велел Йотуллу удалиться, оставшись явно в наихудшем расположении духа. Рольф с полуслова поймал этот намек и увлек за собой Сигурда к старому донжону прежде, чем Хальвдан обратил бы на них внимание и обрушил свой гнев на виновника всех несчастий, то есть на Сигурда.

В последующие дни Сигурд, к немалому своему изумлению, обнаружил, что Хальвдан

объявил мороку форменную всеобщую войну. Тварь скоро поняла, что открытое нападение не приносит ничего, кроме пучка стрел в шкуре, и тайком бродила по округе, впустую пытаясь улучшить момент и добраться до Сигурда. Сигурд был благодарен ярлу, хотя даже под страхом смерти не сказал бы об этом вслух. Йотулл тоже пытался заклинаниями загнать чудище в смертельную ловушку, но почти не преуспел. Как ни ругал Рольф Сигурда за глупость, тот продолжал вечерами приходить в одинокий дом Йотуллы на склоне холма. Как ни странно, лесть и добродушное покровительство мага понемногу бледнели в глазах Сигурда, и его все больше притягивало грубоватое и беспристрастное обхождение Хальвдана. Со всеми ярл обращался одинаково, при всех обстоятельствах неуклонно требуя соблюдения дисциплины, однако никто не мог отрицать, что он справедлив до мелочей, безукоризненно щедр и куда более озабочен благополучием Хравнборга и своих подчиненных, чем собственным благом или горем. Порой хмурое лицо Хальвдана казалось Сигурду лишь маской, скрывающей какие-то жаркие чувства. И напротив, все чаще Сигурду казалось, что обходительность Йотуллы скрывает нечто менее приглядное.

— Не хотел бы я показаться мрачнее, чем следовало, — заговорил как-то ночью Йотулл, с угрюмым видом глядя в огонь, — но я, Сигурд, весьма и весьма опасаясь за

твою жизнь. Я никак не могу справиться с этим Гросс-Бьерном — конемедведем, а Хальвдан не разрешает мне увезти тебя в безопасное место. Он не даст тебе выскользнуть из его рук, покуда ты владеешь шкатулкой. Что бы ни хранилось в ней, Хальвдан жаждет это заполучить, и я знаю, что он ни перед чем не остановится, только бы отнять у тебя шкатулку. — Йотулл пыхнул дымком из длинной трубки и, окутанный полумраком, пристально поглядел на Сигурда. — А ты не догадываешься, что там может быть и откуда эта вещь взялась у твоей бабки?

Сигурд прикрыл глаза ладонью от яркого пламени очага.

— Нет, ничего не знаю. Только там должно быть что-то невероятно ценное для Хальвдана... или для Бьярнхарда.

Йотулл откинулся на спинку кресла.

— Верно, и ты никогда не забывай об этом... а также о том, что не должен отдавать шкатулку тому, кому не веришь всей душой. И не забывай, что случилось с Тонгуллем!

Сигурду не слишком хотелось вспоминать о Тонгулле. Мысли о прошлом, о смерти Торарны неизменно приводили его в еще большее уныние. Если бы не бедствия Тонгулля и не подозрения соседей, Торарна, может, прожила бы гораздо дольше. Быть может, она успела бы рассказать Сигурду всю правду о шкатулке и ее содержимом, о том, как шка-

тулка попала к ней в руки из мира альвов. Сигурд мог бы отправиться к своему отцу, а не ждать, покуда тролли или альвы уволочут его невесть куда...

Йотулл все еще глядел на него, сосредоточенно попыхивая трубкой. От запаха дыма Сигурда слегка затошнило.

— Надеюсь, этот бесценный предмет ты хранишь в надежном месте, — заметил маг. — В случае твоей смерти... Прости, что говорю о неприятном, но об этом не следует забывать. Если ты спрятал шкатулку в соломенном тюфяке, в стропилах или под камнем очага, морок наверняка доберется до нее и отнесет своему создателю.

Сигурд мгновение глядел во все глаза на Йотуллу, потеряв дар речи. Если только манера прятать что-то под камнем очага не известный повсеместно образец глупости — выходит, что маг прочел его мысли?

— Признаться, по-настоящему надежного места я так и не нашел, — наконец выдавил он. — Я, собственно, хотел спросить твоего совета...

Микла, сидевший в другом конце комнаты, сделал вдруг быстрый жест, и Сигурд, поперхнувшись, так закашлялся, что слезы ручьем полились из глаз. Насилу он мог отдышаться, а тут еще Рольф услужливо заколотил его по спине, и у Сигурда еще сильнее перехватило дух. Микла принес ему напиток и вывел за порог подышать свежим воздухом.

— Лучше тебе отправляться домой, — хмурясь, прошептал он. — Ты не помнишь, что я тебе говорил? Перепрячь шкатулку куда угодно, только сюда ее ни в коем случае не приноси!

Сигурд, все еще тяжело дыша, сердито фыркнул:

— Сделаю что захочу, ясно? Ты меня едва не придушил, Микла. Я тебе этого не забуду.

— Да уж, сделай милость. Может, если я время от времени буду тебя придушивать, ты хоть чуточку поумнеешь. Спокойной ночи, Рольф. Я присмотрю за вами, покуда не доберетесь до дому.

— Я бы мог и умереть, — все еще ворчал Сигурд, пока Рольф возился с особо сложным старым замком, который он приспособил на дверь для защиты от морока. По пятам за Рольфом он спустился по лестнице, и вдруг Рольф с испуганным воплем отпрянул и налетел на него. В едва видимом отсвете краснеющих углей поднялась огромная черная тень и двинулась к ним. Сигурд бросился к двери, но она была наглухо заперта хитроумным изобретением Рольфа.

— Приветствую тебя, Рольф! Да неужто ты успел так скоро позабыть меня? — скрипуче возопила тень, раздражаясь веселым хихиканьем. — А это кто с тобой? Никак скип-линг, клянусь своей душой и пуговицами! Да, недаром я так торопился — знал, что пора возвращаться. Но до чего же здесь холодно! — Адиль оживленно потер ладони, дунул

на очаг, и огонь в нем затрещал, разгораясь в веселое слепящее пламя.

— До чего же я рад тебя видеть, Адиль! — весело воскликнул Рольф, глядя, как старый маг придвигает кресло поближе к огню и, моргая, разглядывает Сигурда глазами старой саламандры. — Славно, что ты вернулся. Сигурда преследует морок, Микла говорит о Йотулле разные странности, а Йотулл и Хальвдан все время ссорятся. Все так переживают, что того и гляди натворят бед. А Ранхильд и вовсе невыносима. Она украла рубашку, которую вышила одна из служанок, и подарила ее Хальвдану, якобы сама вышила, ну а я еще не решил, дать ли ей понять, что я все знаю...

— Я очень рад, что вовремя вернулся, — торопливо перебил его Адиль. — Я так и чувствовал, что что-то неладно. Это и есть Сигурд, который возмущает спокойствие всего Хравнборга? — Он поманил Сигурда и заглянул ему в лицо, улыбаясь вполне добродушно, — однако глаза у старого мага были жесткие и блестящие, словно черные гранаты. — Ха! Я вижу, ты не слишком здесь счастлив. Неужели в Хравнборге так уж плохо?

Сигурд пытался выдержать взгляд Адила, но все же вынужден был опустить ресницы.

— Да нет, здесь совсем неплохо, только мне наскучили бесконечные занятия и дневная стража. В последнее время, конечно, скуки поменьше. Морок вносит в нашу жизнь некоторое разнообразие, а то уж и не

знаю, что бы я делал. — Он неловко глянул на Рольфа, опять на Адила, который не отводил своих глаз и все так же мило улыбался.

— Можно ведь попытаться бежать, — сказал он. — Ты об этом никогда не думал, дружок?

— Думал, — нехотя признался Сигурд. — Йотулл как будто... а впрочем, неважно. Но ведь и вправду мне трудно оставаться в форту — морок угрожает не только мне. Уйди я, и он последует за мной, да и занятие мне найдется повеселее, чем упражняться в стрельбе из лука. Не то чтобы я хотел... — Он с трудом отвел взгляд, пытаясь сочинить какую-нибудь полуправду, чтобы скрыть истину.

— Но ведь ты не сбежишь, Сигги? — укоризненно воскликнул Рольф. — Так вот о чем вы с Йотуллом болтаете, когда я не слышу! Ты ведь хотя бы не уйдешь из форта без меня?

Сигурд стиснул зубы, не понимая, как он мог так легко проболтаться о тайном уговоре с Йотуллом. Было в добром старике Адиле нечто, вынуждавшее Сигурда открывать все свои мысли. Чары, вдруг подумал он и внимательно поглядел на Адила, решив бороться с колдовством изо всех сил.

— Подозреваю, что ты просто соскучился по Тонгуллиу, — сказал Адиль. — А о побеге толкуешь просто так, для разговору. Возвращаться-то тебе некуда, верно, Сигурд?

Сигурд вздохнул с облегчением; если Адиль думает, что он мечтает вернуться в Тонгуль, — это не вредит его замыслам. Йотулл не раз ему рассказывал о прекрасных чертогах Бьярнхарда и щедрых ярлах, которые сотнями дарят своим верным воинам золотые кольца.

— Некуда, — подтвердил он вслух, — но ведь Тонгуль был моим домом больше двадцати лет, и там упокоились кости моей бабушки...

— Кости, как же! — фыркнул Адиль. — У тебя в глазах блестит золото. Будь добр, Рольф, сообрази мне что-нибудь поесть и выпить — я едва не умираю от голода и жажды. Ты и представить себе не можешь, как трудно пробираться среди ярлов Бьярнхарда. Они сбились в кучу и напуганы, точно овцы, когда волки воют в окрестных горах. И самый страшный волк — Хальвдан.

— Приятно слышать, — хохотнул Рольф. — Мы видели его перчатку, Адиль. Когда он направил ее на Йотулла, тот пролетел ползала.

— Ну наконец-то! Этому выскочке давно уж надлежало дать хороший урок. — Адиль потер костлявые колени и придвинул ноги поближе к огню. — И по какому поводу случился этот важный спор? — Его блестящие глазки выразительно впились в Сигурда.

— Из-за меня, — нехотя ответил тот. — Йотулл хотел обучать меня магии... а точнее, он хотел изловить мою врожденную Силу и

укротить. То, из-за чего они, собственно говоря, и ссорились, лежит как раз у тебя под ногами... Адиль, старый шут, сними с меня свои чары, я совсем не хочу выбалтывать тебе все свои секреты! — Он почти гневно глянул на мага.

Адиль вопросительно поднял брови и всплеснул руками:

— Боги, да неужто ты решил, что я тебя зачаровал? Я терпеть не могу магов, которые завладевают чужими мозгами без согласия их владельцев. Если ты и рассказываешь мне свои тайны, так только потому, что сам хочешь мне их доверить. Тайны порой бывают хуже заноз — хранить их неприятно, только тогда и обрадуешься, когда извлечешь их из-под кожи. Если тебе станет лучше оттого, что покажешь мне спрятанное под камнем очага, — пожалуйста, если нет — я тебя не неволю.

Сигурд опустился на колени и отвернул камень.

— Я все равно собирался перепрятывать шкатулку. Похоже, каждая собака в Хравнборге уже знает, где она спрятана.

— Вероятно, — согласился Адиль, выжидательно подавшись вперед и глядя, как Сигурд извлекает из-под камня шкатулку, завернутую в старую рубаху Рольфа. — Какая дивная резьба, надо же! Похоже, ее мастерили дверги. Откуда она у тебя? — Он взял шкатулку и восхищенно вертел ее в руках, вглядываясь в рисунок резьбы.

— Бабушка прятала ее в сундуке и сказала мне о ней перед смертью. Только эту вещь я и взял с собой, когда покидал мир скиплингов. Я не знаю, что в шкатулке, не знаю, где взяла ее бабушка, в общем, ничего не знаю — только что Хальвдан желает заполучить шкатулку, и Бьярнхард тоже, если верить Хальвдану. — Сигурд глядел на шкатулку и вдруг подумал, что Йотулл тоже стремится завладеть ею, судя по его предложению, сделанному этой ночью.

— Хальвдан, на мой взгляд, правдив, — сказал Адиль. — Я учил его честности и прямоте и когда он был еще ребенком, и после. Нелегкая жизнь сделала его мрачным и даже грубым, но зато он честен. Он ведь мог бы и просто отнять у тебя шкатулку.

Сигурд потряс головой и нахмурился.

— Она моя. Я получил ее в наследство от бабушки. Что бы ни было там, внутри, я это никому не отдам. Мне нужно лишь одно — открыть ее и узнать, что же такое я унаследовал, из-за чего весь мир альвов стоит вверх тормашками.

Адиль вертел в руках шкатулку, внимательно ее разглядывая.

— Ты не сможешь открыть ее без особого ключа. Эта шкатулка — творение магии dwarves, и сломать ее тоже невозможно. Придется тебе потолковать со старым весельчаком, который сработал ее, — Бергтором из Свартафелла. — Он поднял шкатулку и многозначительно постучал пальцем по рунической подписи на дне.

— Бергтор из Свартафелла! Ты думаешь, мы сможем найти его? Столько лет прошло! — Волнуясь, Сигурд схватил шкатулку и взгляделся в подпись. Прежде эти несколько рун не казались ему столь важными.

— Куда же он денется? — недоуменно взглянул на него Адиль. — Свартафелл — его дом.

— А если он уже умер? Бабушка владела шкатулкой по меньшей мере двадцать лет.

Адиль улыбнулся и разгладил бороду, чтобы котенок мог уютно свернуться на привычном месте.

— Двадцать лет для гнома — пустяк. Впрочем, мы ведь не знаем, долго ли была эта шкатулка во владении твоей семьи...

Сигурд задумался.

— Бабушка говорила, что шкатулка принадлежала моей матери, Асхильд, так что это не родовая реликвия...

Адиль опрокинул кружку, в которую наливал чай, и облил кипятком себя и котенка. Дрожащей рукой он отставил чайник.

— Что же я натворил! Зрение у меня совсем не то, что прежде. Ах, бедняжка Миссу, нет мне прощенья! — Он мельком заглянул под стол, куда удрал ошпаренный котенок, затем довольно нетвердо поднялся. — Знаешь, Рольф, пока ты приготовишь еще чаю и поджаришь хлеба, я, пожалуй, загляну к Хальвдану. Давненько я не баловал его своим присутствием. Для него-то, конечно,

не так уж и давно — мы ведь всегда горячо спорим о чем угодно, хотя и относимся друг к другу с величайшим почтением. Осмелюсь полагать, что в делах у него полная неразбериха — меня-то здесь не было, чтобы помочь ему советом. Он, верно... гм, рассудок у меня затуманился. Я скоро вернусь.

Сигурд встал, подал Адилью посох, который тот рассеянно нашаривал рукой.

— Расскажи ему о Бергторе, Адиль, и напомним, что его можно бы разыскать.

Адиль уже пробирался к двери, спотыкаясь о седла, дротики и кресла.

— Что? Ах, да. Свартатор из Бергфелла! Обязательно расскажу, будь уверен. — Он завожился у двери, гневно кляня на все лады хитроумный Рольфов замок. Рольф было метнулся к нему, чтобы объяснить хитрости своего изобретения, но опоздал — маг уже жахнул по двери молнией. Осколки обжигающего металла дождем осыпали Рольфа, и клубы едкого черного дыма совершенно заглушили его возмущенные вопли. Дым окутал Адилью с головы до ног, и маг размахивал посохом, пытаясь разогнать его.

— Совершенно ненадежный замок, Рольф! Избавься от него поскорее! — раздраженно бросил он и исчез.

Разобиженный Рольф занялся тем, что пытался — без особого успеха — разгрести груды рухляди, громоздившейся вокруг кровати Адилья. Сигурд так и сидел, разглядывая

шкатулку и с новым интересом читая и перечитывая руническую надпись на дне.

— Никогда бы не мог подумать, что эта цепочка рун может оказаться ключом к моей загадке! Знаешь, я уверен, что, когда сумею открыть шкатулку, узнаю, кто мой отец. Верно, он был важной особой, если владел чем-то настолько ценным, что и по сей день этим жаждет завладеть столько народу. Не будет мне покоя, пока не открою этой тайны!

Рольф бросил свое никчемное занятие и подошел взглянуть на шкатулку, даже потянулся к ней, но тут же поспешно отдернул руку.

— У этих резных фигурок точно у всех боли в животе, — заметил он. — Не нравятся мне их взгляды. Честно говоря, мне и сама шкатулка не по душе. У меня от нее ужасное ощущение, Сигги.

— Живот болит? — ухмыльнулся Сигурд.

— Нет же, чудак! Просто нехорошо. Обрати внимание — это, может быть, единственный случай, когда ты видишь меня серьезным. Нам, альвам, свойственно предчувствовать будущее. — Рольф глянул на шкатулку и покачал головой. — Знаешь, Сигги, боюсь, ты будешь не очень-то счастлив, когда наконец откроешь ее.

Сигурд тоже посмотрел на шкатулку и ощутил холодную дрожь в желудке.

— Чепуха, — сказал он одновременно и себе и Рольфу. — Больше всего на свете я хочу увидеть, что лежит в шкатулке, и неваж-

но, ответит это на мои вопросы или нет. Может, я никогда не узнаю, кто мой отец... может, так оно и лучше, — добавил он с деланной шутливостью, однако Рольф даже не улыбнулся.

— Положи ее назад под камень, — сказал он. — Я попрошу Адила, чтобы наложил чары на камень, и тогда сорок мужчин не смогут поднять его с места. Кстати, как тебе понравился старина Адиль?

— Его не обманешь, — медленно проговорил Сигурд. — И он тоже никого не пытается обмануть.

Когда Адиль вернулся, Рольф и Сигурд ждали его у очага. Они пододвинули его кресло к самому огню, а его войлочные туфли так нагрели, что едва не спалили. Старый маг довольно жмурился, сунув натруженные ноги в туфли и приняв у Рольфа кружку обжигающего чаю. Сигурд терпел, сколько мог из вежливости, затем не выдержал:

— Ну? Что сказал Хальвдан о нашей идее отправиться на поиски Бергтора?

Адиль заметно помрачнел.

— Отнюдь не восторгался. По правде говоря, он и слышать об этом не хотел. Ты уж прости, Сигурд, не оправдал я твоих надежд.

— А я, признаться, и не слишком удивлен, — язвительно отозвался Сигурд. — Хальвдан ни на миг не выпустит из-под своей власти эту шкатулку — слишком он стремится заполучить ее. Он наслал на меня морока, чтобы убить меня, точно так, как насланные

им тролли и мороки преследовали и убивали жителей Тонгулля. Он держит меня здесь почти что пленником и только ждет случая расправиться со мной и завладеть шкатулкой. Я с самого начала знал, что он не желает мне добра! Бабушка предостерегала меня против ярла, моего врага, а она мне никогда не лгала.

— Вероятно, — согласился Адиль, изогнув одну бровь. — Однако она не сказала тебе всего, что должна была сказать, и отсюда все наши беды. Ты уверен, что она имела в виду именно Хальвдана? Ярлов множество, и льёсальвов, и доккальвов.

Сигурд упрямо помотал головой:

— Нет, это может быть только Хальвдан. Он был в Тонгулле, он держит меня в плену и насылает на меня мороков, и других доказательств мне не нужно — этого вполне достаточно.

Адиль тяжело вздохнул и обеими ладонями потер виски.

— Поговорим об этом как-нибудь после. Сейчас я слишком устал.

Рольф тоже клевал носом и вовсю зевал.

— Ну тогда, Адиль, спокойной ночи. Ты, верно, будешь рад узнать, что вернулся в Хравнборг как раз перед днем рождения Ранхильд.

— В самом деле? Что же ты подаришь ей, бутылку уксуса или ожерелье из иголок? Ты ведь все еще обожаешь ее, верно? — с усмешкой спросил Адиль.

Рольф зло ухмыльнулся:

— О да, еще пуще прежнего! Мы с Сигги приготовили ей замечательный подарок. Веселья будет — обхохочешься!..

— Точь-в-точь как от морока, — мрачно пробормотал Сигурд.

Его угрюмое настроение продолжалось несколько дней, и только предвкушение подарка, который готовил Йотулл для Ранхильд, немного развлекало Сигурда. За день до ее дня рождения в форт прибыл караван из другого горного форта, доставил съестные припасы и дюжину новых лошадей, в чем особенно нуждались всадники. Рольф только вздыхал, алчно пожирая их глазами:

— Спорим на что угодно, они не достанутся такой мелюзге, как мы с тобой. Счастье еще, если мне дадут конягу хоть наполовину так заезженную, как моя нынешняя кляча. Лучшие кони лучшим войнам — ничего не поделаешь, таков закон. — Он опять испустил тяжкий вздох. — Знал бы ты, какие у нас были прекрасные табуны, пока не появился Бьярнхард!

— У тебя хотя бы есть свой собственный скакун, — отозвался Сигурд, с грустью вспоминая своего крепкого пегого конька, доставшегося троллям. — Я бы с радостью проехался верхом. Тебе, должно быть, не меньше, чем мне, обрыдло сидеть безвылазно в форте, а ведь это все из-за меня. Ты бы должен ненавидеть меня, Рольф.

— Чушь какая! — откликнулся тот. — Ты с лихвой возместишь мне потраченное время, если сможешь усмирить Ранхильд. Завтра, кстати, и день рождения. Интересно, что придумал для нее Йотулл?

Начали распределять новых коней, разумно и по справедливости: лучшие попали к самым достойным воинам, а самых слабых и старых освободили от воинской повинности, отправив либо на заслуженный отдых, либо на откорм — на случай нехватки съестного. Появление новых лошадей вызвало в конюшне много смеха и шуток, а заодно и стон и жалоб. Рольф с радостью узнал, что ему выделили другого скакуна, но тут же выяснилось, что достался ему зверь, знаменитый привычкой сбрасывать с седла седока и в одиночку гордой рысью возвращаться в форт. Он терпеть не мог носить на себе всадника, а потому изо всех сил пытался отбиться от такой чести, немилосердно кусаясь, лягаясь и брыкаясь, с чего и начинался каждый разъезд с его участием. Упрямец стал знаменит во всем Хравнборге и все время переходил от одного всадника к другому. Был он некрасив и не слишком быстр, зато время было над ним не властно. Должно быть, злобный нрав прибавлял ему живучести.

Рольф тотчас же стал мишенью для добродушных насмешек, что отнюдь не уменьшало его жалости к себе. Его прежнюю клячу отправили на пастбище, и Сигурд проводил ее

тоскливым взглядом, думая о том, что она могла бы пронести его на себе хотя бы часть пути до Хравнборга. От мрачных размышлений его отвлек голос Хальвдана, выкрикнувший его имя.

— Сигурд-скиплинг, подойди сюда и возьми своего коня! — прокричал Хальвдан, легко перекрывая многоголосый шум.

Сигурд протиснулся к нему через толкотню и сумятицу, едва веря собственному счастью. Хальвдан поднял глаза от списка лошадей и всадников и указал на крупного мышастого скакуна.

— Он твой, и ты должен за него отвечать и смотреть за ним. Расспроси старшего конюха, что надо делать. Я хочу взять тебя в дневной разезд около форта с дюжиной юнцов, которые только начинают обучение. Рольф пойдет с тобой, а командовать вами будет старый Боргиль. Он слишком хороший воин, чтобы прозябать в праздности, только он плохо видит в темноте, так что ночные рейды не для него. Надеюсь, тебе по душе это назначение? — Хальвдан, слегка хмурясь, взглянул на Сигурда.

— Конечно, — отвечал Сигурд, который был вне себя от счастья, только не хотел этого показывать. — Начнем прямо сегодня?

Хальвдан махнул рукой в сторону Боргиля, который распределял среди юношей самых дряхлых кляч.

— Почему бы и нет? Поговори с Боргилем.

Боргиль не возражал. Сигурду он тотчас понравился. Это был высокий и худой старый альв с висячими серебристо-серыми усами, которыми он крайне гордился. Они придавали Боргилю достоинства и осанки, когда он командовал своим шумным мало-возрастным отрядом. Говорил он тихо и оставался спокоен при самых раздражающих обстоятельствах. Мальчишки сыпались со спин скакунов как горох, кони взвивались на дыбы и отказывались подчиняться седокам. Седел не было ни у кого, кроме Боргиля, Рольфа и Сигурда — ему Рольф отдал свое старое седло, которое и седлом-то называть было неловко: так, тряпица, готовая в любую минуту развалиться на куски. И все же Сигурд никогда еще не чувствовал себя в Хравнборге таким счастливым. Ему досталась славная кобылка, пожилая и смирная, но охотно пускавшаяся в галоп — конечно, не слишком быстро, но у других юношей кони оказались намного хуже. Почти все седоки не раз свалились наземь, многих кони понесли, но никто не потерял задора. Когда они возвращались в форт, навстречу выезжал ночной разъезд, хорошо снаряженный и на лучших конях, — сравнение было настолько не в пользу разношерстной компании Боргиля, что вызвало здоровый смех у всех зрителей. Сигурд едва не сгорел от стыда, увидав, что Ранхильд, стоя у дверей большого дома, хохочет над ними вовсю, и лишь мрачно понадеялся, что Йотулл приго-

товил ей в высшей степени неприятный подарок.

Йотулл появился после заката в канун дня рождения Ранхильд — как раз когда уехал разъезд Хальвдана. Острым наконечником посоха постучал он в низкую дверь старого донжона.

— Выходите! — крикнул он, когда Рольф открыл. — Подарок прибыл. Скоро слух о кое-чем необычном дойдет до ушей Ранхильд, так что поторопитесь, если хотите опередить ее. Идите в конюшню, где Ранхильд держит свою лошаденку.

Адиль широко распахнул дверь и встал перед Йотуллом.

— Надеюсь, Йотулл, ты не замыслил никакой пакости? — предостерегающе проговорил он.

— Это всего лишь шутка! — поспешно вмешался Сигурд. — Это я попросил Йотулла нам помочь. Право, Адиль, беспокоиться не о чем. Пойдемте, глянем на подарок.

— Я-то уж точно пойду, — отозвался Адиль, беря посох.

— Нужды в этом нет, — заверил Йотулл, снисходительно улыбаясь. — Да и вряд ли ты выдержишь дорогу к конюшне. Судя по всему, колени у тебя теперь слабоваты.

Адиль поднял посох.

— Ну так избавимся от колен! Когда ты поймешь и запомнишь, Йотулл, что тело мага всего лишь брeнная оболочка его духа?

Он пробормотал несколько слов и исчез в слепящей вспышке света, а миг спустя возник уже в виде небольшого сокола. Птица качнула головой вверх и вниз, чтобы лучше их видеть, — при этом взгляд у нее был весьма смысленный — и почистила клюв о косяк, на котором восседала. Затем сокол, пронзительно свистнув, расправил крылья и полетел к конюшням.

Глава 6

обравшись до конюшни, они обнаружили, что Адиль уже удобно устроился в кресле, которое любезно принес ему старший конюх, и потягивает из кубка что-то ароматное и горячее.

— Я уже видел, — приветствовал он их, — и мне это совсем не нравится. — Он кивнул на ближайший денник, откуда выглядывала лошадиная морда, принюхиваясь к новоприбывшим. Это был стройный и изящный конь, весь белый, с большими темными глазами и острыми чуткими ушами. Сигурд потрепал его по шее, вне себя от восхищения и зависти.

— Он чересчур хорош для Ранхильд, — сказал он. — Лучше подарить ей клячу наподобие Рольфовой.

Йотулл снисходительно хохотнул и смахнул с носка сапога соломинку.

— О нет, этот скакун в самый раз для Ранхильд. Знай ты хоть немного его привычки, ты бы тотчас со мной согласился.

Адиль фыркнул:

— Я знаю, что такое этот конь, и ваш замысел мне совсем не по душе. Я намерен положить конец этому заговору и сделаю это единым словом. — Он поднялся и впери в

Йотулла сердитый взгляд — так ястреб-перепелятник зло шипит и щелкает клювом на орла.

— Да нет же, все будет замечательно! — жизнерадостно воскликнул Рольф. — Завтра в честь великого праздника будут устроены всякие состязания — скачки, поединки и тому подобное. Ранхильд, само собой, возгордится своим новым конем — он ведь явно самый красивый и быстрый в форте, а доброму воину от него будет мало проку. В самый разгар празднеств один из нас подъедет к ней и шепнет словечко на ушко этому красавцу — а тот помчится прочь стрелой, прямо к ближайшему пруду и плюхнется туда у всех на глазах. Все промокнет насквозь — новая сбруя, праздничная одежда, а главное — сама Ранхильд и ее нахальный носик, который она задирает так высоко! После такого унижения она месяц никому не покажется на глаза. Ты же знаешь, Адиль, как она похваляется своим умением управляться с лошадьми. Я вот только не знаю, куда бы ее окунуть — в лошадиную запруду или в озеро на краю долины. В запруде полно ила и пиявок, так что, может быть, в конце концов остановиться на ней?

Сигурд настороженно поглядывал на своих приятелей и помалкивал, не желая глупыми вопросами выдать свое невежество. Адиль тотчас же уловил выражение его лица и пояснил:

— Это не простой конь, а никур, злобное чудовище в лошадиной шкуре. Он кажется

кротким и ласковым, охотно несет на себе всадника, но стоит назвать его по имени, и он опрометью поскачет прочь, чтобы окунуться в ближайшем водоеме. Известны случаи, когда такие твари подминали седоков и топили. Вообрази, как вы будете объясняться с Хальвданом, если что-то подобное приключится с Ранхильд.

— Да ведь мы позаботимся, чтобы с ней ничего не случилось. Промокнет — вот и все, — добродушно заверил его Рольф. — Сигги и я будем держаться поблизости, чтобы первыми над ней посмеяться. Может быть, мы будем участвовать в скачках к озеру, чтобы назвать нужное слово, когда она доскачет до воды.

Адиль решительно покачал головой:

— Слишком опасно все это.

— Да ведь там будет половина форта, и ее сразу выволокут на сушу, — не сдавался Рольф. — Да и озеро совсем неглубокое. Если хочешь, мы с Сигги будем ждать там, чтобы выкрикнуть имя коня и сразу прыгнуть за ней, если понадобится. Лично я предпочел бы, чтобы она немного поплавала, наглоталась водички и как следует промокла.

— Как только утром вернется Хальвдан, я поговорю с ним об этом, — резко, почти враждебно бросил Адиль Йотулли. — Это все твои штучки, и я предчувствую, что дело обернется бедой.

Йотулли лишь пожал плечами и повернулся, чтобы уйти.

— Я вижу, тебя не переубедишь. Поступай как знаешь, Адиль.

На мгновение он встретился взглядом с Сигурдом, и тот вдруг ощутил странную уверенность, что Йотулл не намерен смириться со вмешательством Адила.

В эту минуту к конюшне подошла Ранхильд в сопровождении целой толпы альвов — она явилась лично убедиться, что ее ожидает какой-то особенный подарок Хальвана. Даже не глянув на Рольфа и Сигурда, она бросилась к коню, и альвы, столпившиеся за ее спиной, чтобы не упустить такое зрелище, совершенно оттеснили Адила — он никак не мог предостеречь ее. Рольф пришел на помощь к Адилю, боясь, как бы в толчее не переломали его старческие кости. Старый маг был так сутул и мал ростом, что его могли ненароком придавить и даже не заметить. Он упрямо надвинул шляпу ниже на лоб, протискиваясь в толпе рослых альвов, и почти уже добрался до Ранхильд, когда вдруг Сигурд увидел, что старик согнулся в три погибели, судорожно хватаясь за спину.

Рольф тотчас это заметил и, протолкавшись между альвов, подхватил старца и бережно опустил на охапку соломы, не дав ему свалиться на пол.

— Проклятая спина!.. — прокряхтел Адиль, серея от боли. — Боюсь, Рольф, придется тебе нести меня домой. И лечиться предстоит не один день. Я и пальцем не могу шевельнуть.

— Часто у тебя бывают такие приступы, Адиль? — спросил Сигурд, все еще косясь на порог конюшни: ему чудилось, что секунду назад он увидел притаившегося в тени Йотуллы, который делал движения, весьма похожие на заклинательные пассы. Сигурд едва не сказал об этом Адилью, но, поразмыслив немного, все же промолчал — сказать означало бы сплетничать об Йотулле, а тому бы это наверняка не понравилось.

— Всегда не вовремя накатывают... — проворчал Адиль, пока Сигурд и Рольф укладывали его на широкую доску, чтобы отнести домой. — Точно дюжину кинжалов воткнули в поясницу... Проклятье, я ничего не смогу сделать с 'никуром, которого вы подсунули Ранхильд вместо нормальной лошади. Ох, Рольф, если ты меня хоть немножко любишь, не следовало тебе поручать Йотуллу эту проказу. Но я вижу, ты желаешь повеселиться, несмотря ни на что. Если случится беда, не говори потом, что я тебя не предупреждал!

— Не случится никакой беды, — успокаивал старика Рольф, пока они спускали доску с Адилем, головой вперед, по крутым ступенькам в подвал. — Мне только жаль, что ты пропустишь такую потеху.

Сигурд упорно молчал, пока пробовали снадобье за снадобьем — травы, от которых слезились глаза, едкие мази и горячие припарки, которые, казалось, вот-вот испекут старого мага живьем. Когда ни одно средство

не помогло и Адиль пришел в совершенную ярость, Сигурд как бы между прочим заметил, что причиной недомогания могут быть чары.

— Ну конечно! — вскричал Адиль. — Как это я сам не догадался? Бегите за Миклой, сейчас же! Только Йотулла не зовите — не хочу, чтобы он шатался поблизости.

Микла, появившись в подвале, был серьезнее обычного. Не говоря ни слова, он принялся за заклинания, то и дело с неудовольствием поглядывая на Рольфа и Сигурда.

— Очень сложные чары, — вздохнув, наконец признался он. — Нужно много времени, чтобы снять их, а Йотулл вряд ли меня отпустит надолго — особенно когда ему выгодно, чтобы Адиль подольше оставался беспомощным.

— Всею виной этот злосчастный никкур, — простонал Адиль. — Йотулл не даст мне убрать его, покуда тварь не причинила беды.

— Мне тоже этот замысел совсем не по нраву, — согласился Микла, опять строго глянув на Рольфа и Сигурда. — Я-то постараюсь следить за событиями, но вряд ли кто-нибудь из нас сумеет что-то сделать, если уж в дело вмешался Йотулл. Знаешь, Сигурд, не следовало тебе просить у него помощи в этом дурацком заговоре.

— Вовсе он не дурацкий! — огрызнулся Сигурд скорее со злостью, чем с убежденностью, — надо же ему было как-то защищать-

ся! — Рольф считал, что это совсем неплохая идея. И он, между прочим, не старается во всем обвинять меня, когда даже еще ничего не случилось.

Микла спрятал в суму свои магические инструменты.

— Адиль, я вернусь, когда смогу продолжить лечение. И найду кого-нибудь, кто мог бы посидеть с тобой, пока не встанешь на ноги. Завтра, наверно, тебе будет одиноко — почти все сбегутся смотреть на скачки. — В последний раз сурово глянув на Сигурда и Рольфа, он ушел и плотно прикрыл за собой дверь.

Позднее, когда Адиль то ли спал, то ли путешествовал где-то в облике своей фюльги — маленького сокола, — Сигурд спросил у Рольфа:

— Ты не боишься, что завтра с Ранхильд случится что-то плохое? Может, мне и вправду не следовало просить совета у Йотулла?

— Ну, по правде говоря, мне немного не по себе. Однако я говорю себе, что Йотулл не сделает ничего ужасного, или он отпугнет тебя и навсегда потеряет свое на тебя влияние.

— Меня, отпугнет? Ха! — Сигурд помолчал немного, упорно глядя на угли в очаге. — С чего бы мне его бояться? И о каком влиянии ты говоришь?

— Когда просишь у кого-то одолжения, он тоже кое-что может попросить в ответ, — сонным голосом пояснил Рольф.

Сигурд надолго задумался и наконец подал голос:

— Что же, по-твоему, он мог бы у меня попросить? — Его взгляд остановился на камне очага, под которым все еще была спрятана шкатулка. — А, Рольф? Ты спишь?

Рольф действительно спал, и Сигурд остался наедине со своими тревожными мыслями, а в комнате между тем становилось все темнее и холоднее — ночь вступала в свои права.

Утром, еще до рассвета, начались приготовления к скачкам и состязаниям в честь дня рождения Ранхильд. Разношерстный отряд юнцов Боргиля задумал большое представление, скачки с эстафетой и демонстрацию своего весьма несовершенного искусства верховой езды — по мнению Рольфа и Сигурда, это предприятие обещало стать на празднике самым смешным. Другие разъезды замыслили показать прыжки через препятствия и покрасоваться прочими своими талантами, а также устроить шутовское сражение. В каждом случае были подготовлены награды — и для лучших, и для худших, потому что альвам свойственно относиться к побежденным почти с тем же восторгом, что и к победителям. Завершением праздника будут скачки, сначала — среди самых неумелых наездников, включая женщин и девушек форта. Ранхильд с презрением отказалась от этой части состязаний. Она не считала достойным для себя ни одно состязание, кроме самого последнего, — в нем должны были участвовать лучшие на-

ездники форта, четверо командиров разъездов и еще несколько воинов, чьи кони могли сравняться быстротой с их скакунами. Первым в этом состязании был бы, несомненно, Хальвданов огромный жеребец стального серого цвета — если б только Хальвдан успел вернуться из рейда пораньше, чтобы дать коню отдохнуть до начала скачек на закате.

В суматошном круговороте дня Сигурд гораздо чаще вспоминал Йотуллу, а не Адила, хотя Микла и сказал ему, что Йотулл не намерен появляться на празднике. Все же ему удалось отвлечься от мрачных мыслей и даже выиграть награду за прыжки — в этом состязании награждали каждого, кто во время скачки ни разу не вылетел из седла.

К полудню, когда в состязаниях был устроен перерыв и началось грандиозное пиршество, надежда увидеть на скачках Хальвданова серого изрядно потускнела. Разъезд Хальвдана до сих пор не вернулся, и самые мрачно настроенные альвы начали уже беспокоиться. Впрочем, такие задержки были не в новинку, так что веселого духа празднества это не понизило, тем более что в достатке было эля, чтобы пить за здоровье Ранхильд. Ей исполнилось двадцать — самый подходящий возраст, чтобы избрать себе супруга; однако Ранхильд уже не первый год усердно заверяла всех и каждого, что в Хравнборге не найдется мужчины, достойного стать ее избранником.

Наконец пришли к концу дурашливые состязания, и лучшие наездники проезжали по

кругу, чтобы разогреть коней перед решающими скачками. Ранхильд была в роскошном красном одеянии, обильно покрытом вышивкой от высокого ворота короткой куртки до изящных отворотов сапог из оленьей кожи. Белый конь-никур приплясывал под ней, развевая длинный хвост; грива его струилась на ветру, точно морская пена. Когда солнце начало опускаться к горизонту, наездники заняли места в начале скакового круга, а Рольф и Сигурд понеслись к небольшому озеру, которое огибала тропа. На берегу, почти вырастая из самой воды, высился утес, и как раз по нему пролегал путь скачек.

Никто больше не захотел выезжать так далеко из форта. День угасал, удлинялись тени, порывистый ветер становился все холоднее, и Сигурд вдруг осознал, что они совсем одни. Темная вода озера казалась ледяной, и он никак не мог разглядеть дна.

— Едут, едут! — хихикнул Рольф, прятаясь за валунами неподалеку от подножия утеса. — А за ними половина форта. И на глазах у всех она позорно плюхнется в воду!

Копыта коней стучали по камням, и Ранхильд намного опередила соперников. Всадники отражались в темной воде под утесом. Далеко позади скакали жители форта, криками подбадривая своих любимцев. Сигурд вдруг увидел, как белый никур замотал головой, попятился и заметался так, что усмирить его было невозможно. Прочие кони сбились с двух сторон, едва избежав опасного столк-

новения. С другого берега озера донеслись тревожные крики — там собрались зрители, которые хотели видеть, как наездники проскачут вдоль воды. Никур взвился на дыбы, бросаясь из стороны в сторону, и Ранхильд никак не удавалось его усмирить.

Рольф и Сигурд, спотыкаясь, спешили из своих укрытий в валунах на помощь к Ранхильд. Падение с утеса грозило бедой — из воды у его подножия торчали острые черные камни, о которые могли разбиться и конь, и всадник. Они подбежали к Ранхильд, увертываясь от кованых копыт никура, и попытались поймать его за узду. Отдуваясь и сыпля ругательствами, Сигурд вдруг различил едва слышимый зов. «Никур, никур!» — звал голос, а тварь с удвоенной силой порывалась прыгнуть с утеса. Сигурд схватил коня за ухо и дернул изо всей силы — так укрощали непослушных коней; но никур лишь взвился в последнем прыжке, увлекая с собой Сигурда. Ранхильд пронзительно закричала — они падали вниз, к камням, торчащим из воды. Миг спустя черная вода сомкнулась над головой Сигурда. Чудом ему удалось в падении миновать камни. Вынырнув на поверхность, он увидел Ранхильд — она пыталась уцепиться за впадинку в камне. Берег здесь был так крут, что вскарабкаться на него не было никакой возможности, и бурлящая вода безжалостно сводила на нет все их попытки спастись. Сигурд подтолкнул Ранхильд к месту, где можно было продержаться, пока не придет помощь.

Рольф на вершине утеса кричал во все горло, призывая подмогу, но, насколько мог судить Сигурд, без длинной веревки здесь трудно было что-нибудь сделать.

— Так хо-олодно! — Зубы у Ранхильд дробно стучали. — Я больше не могу держаться! — Ее пальцы посинели от ледяной воды и кровоточили, содранные в попытках уцепиться за камень. — Видишь где-нибудь моего коня или он утонул?

Сигурд рискнул быстро оглянуться, но коня не увидел — лишь сильнее вздымались гонимые ветром волны, и солнце раньше времени гасло, опускаясь в непроницаемо-черную тучу. Очень скоро те, кто придет им на помощь, даже не смогут разглядеть их в воде.

— Есть о чем беспокоиться и без этой проклятой твари! — бросил Сигурд, надеясь, что голос не выдаст его страха. Он замерз, израненные пальцы нещадно ныли. Однако во что бы то ни стало нужно было помешать Ранхильд соскользнуть в воду. Нет времени гадать, кому принадлежит голос, который в скалах над озером звал никура, — но одно воспоминание об этом зове пробуждало в душе Сигурда черные предчувствия. Он глянул вверх, где альвы что-то ободряюще им кричали, а кое-кто пытался спуститься вниз по отвесному склону, рискуя переломать руки, а то и шею. За веревками в форт уже послали. С каждой минутой темнело.

— Что это? — вскрикнула вдруг Ранхильд. — Там, в воде, под нами... Похоже, мой

конь, бедняжка, наконец всплывает на поверхность.

Сигурд оглянулся. В самом деле из воды показалась узкая морда коня с еще открытыми глазами, бледная грива колыхалась на воде. Миг спустя он увидел неподалеку еще две головы и извивающуюся грудку чешуйчатых шей и щупалец. Ранхильд тоже увидела чудище и, пронзительно завизжав, прыгнула с камня, на котором они стояли, в воду и, барахтаясь, поплыла к другому камню, дальше от берега. Сигурд поплыл следом, едва двигаясь, — промокшая одежда и секира у пояса тянули его на дно не хуже якоря. Он нагнал Ранхильд и схватил ее сзади за куртку — тяжелое одеяние мешало девушке удержаться на плаву. Ранхильд билась и царапалась в ужасе, захлебываясь водой, но Сигурд крепко держал ее, понимая, что в панике она способна утопить их обоих. Доплыв до камня, он оглянулся на морока. Тот плавал кругами, держась между ними и их спасателями. Одна голова высунулась из воды и оскалила клыки, жутко зарычав, — Ранхильд завизжала, вжимаясь в камень и, против своей воли, не могла отвести взгляда от чудовища. С булькающим хохотком морок подплывал все ближе, и три пары его глаз водянисто блестели над темной гладью озера.

— Ему нужен я, а не ты, — прохрипел Сигурд, обнажая секиру. — Прoberись на другую сторону и скройся из виду, ясно? Может, я смогу удержать его поодаль, если у меня

будет твердая почва под ногами. — Его ноги нашарили скользкий уступ, и он перехватил секиру обеими руками, но, увы, противник оставался пока страшной глыбой в темной воде.

— Глупости! — всхлипывая, возразила Ранхильд. — Он не успокоится, пока не убьет нас обоих. Я не хочу остаться здесь одна, так что пускай он прикончит меня первой. Не могу видеть это... — Она взвизгнула от ужаса — скользкое щупальце хлестнуло ее по плечу и задело лицо. Сигурд и Ранхильд из последних сил бросились к другому камню, и Сигурду даже показалось, что он коснулся ногами дна. Рольф, помнится, говорил, что озеро не глубже лошадиной запруды, — кроме мест вокруг утесов. Так что у морока было в достатке глубокой воды, чтобы беспрепятственно продвигаться по озеру. Тварь гнала их от камня к камню, с каждым разом все дальше от спасателей. Уже вокруг всего озера горели костры, и в форте кричали до хрипоты, так что вряд ли там слышали бы крики с озера.

Наконец Сигурд и Ранхильд добрались до последнего валуна. Дальше отступать было некуда. Сигурду удалось выволочь Ранхильд из воды на отлогую вершину камня, и девушка цеплялась за каждую трещину, тихо постанывая всякий раз, как соскальзывала еще немного вниз. Глаза морока горели во тьме, устремленные к тому месту, где притаились его жертвы. Сигурд одной рукой держался за какой-то скользкий выступ, а другой сжимал

секиру. Когда первая голова оказалась в пределах досягаемости, он изо всех сил швырнул в нее секиру. Морок с ужасным ревом взвился, наполовину вынырнув из воды, щупальца извивались и корчились, точно змеи, поблескивая в кровавых отсветах последних солнечных лучей. Тварь торжествовала победу и ярилась, вспенивая воду и утробно рыча, — и вдруг темноту прорезала стрела огня и, шипя, вонзилась в одну из трех шей. С пронзительным воплем морок нырнул, пытаясь погасить огонь, но пламя обратилось в раскаленный уголь, въедавшийся в плоть чудовища.

— Хальвдан! — прокричал Сигурд в ветер и тьму. Он постоянно вспоминал ярла и его чудесную перчатку с тех самых пор, как морок принялся гонять их от камня к камню.

Словно отвечая на его зов, бледное сияние очертило на берегу озера силуэт всадника на коне. Конь прыгнул в озеро — вода была ему по грудь — и двинулся вперед, разрезая волны, точно нос корабля, и несколько раз почти выпрыгивал из воды в мощных фонтанах брызг — стало казаться, что всадник и конь летят над водой. Всадник крутил над головой секиру сверкающим кругом и, прыгнув почти в самую гущу спутанных змеевидных щупалец, с убийственной меткостью метнул оружие. Морок с яростным ревом втянул в себя секиру и отступил, попытавшись напоследок хлестнуть щупальцем Хальвдана, — тот мечом легко отразил удар. Да, это был Хальвдан — Сигурд признал его по

перчатке, которая колдовски светилась на правой руке.

Морок отступил далеко, зловещими стонами отмечая свои раны и щелкая тремя рядами зубов. Конь Хальвдана не слишком устойчиво стоял на подводном камне, а его седок глядел на горящие во тьме глаза чудовища.

— Теперь он больше не нападет, — сказал Хальвдан. — Он испробовал на себе силу перчатки; боюсь только, что храбрость очень скоро к нему вернется. Усади Ранхильд в седло и сам сядь позади нее. Когда доберешься до берега, пошли за мной Атли. Он храбрый и славный конь, но троих зараз не вынесет.

Сигурд поднял Ранхильд в седло, но сам взбираться на коня не спешил.

— Только трус, — сказал он, — оставит другого посреди озера лицом к лицу с мороком. Я могу поплыть, держась за хвост или стремя.

— Нет, я приказываю тебе — возьми Ранхильд и уходи.

— Ни за что, — стуча зубами, ответил Сигурд. — Я сам доплыву до берега. Посмотри на Ранхильд — она замерзла до костей. Нельзя тратить время на споры.

Хальвдан глянул на девушку, которая покачивалась в седле, уткнувшись лицом в гриву коня.

— Ты прав. Но все же ты сядешь в седло, а я поплыву. Ты и так сегодня довольно наплавался.

Обратное путешествие оказалось куда медленнее. Конь Атли просто плыл, а не летел над водой. Хальвдан держался за стремя и все время осторожно оглядывался. Позади, в тишине озера, мягко всплескивала и шипела вода — что-то большое плыло следом за ними.

Морок не решился напасть еще раз. Они благополучно добрались до берега, где их ожидали альвы с охапкой сухих одеял и горячим пряным вином. Ранхильд, почти потерявшую сознание, закутали с ног до головы, и тогда Сигурд позволил кому-то набросить на его плечи плащ, но настойчиво требовал, чтобы девушку немедленно доставили в форт, и довольно самонадеянно предлагал для этой цели Хальвданова Атли, поскольку знал, что никто не сравнится с этим конем в быстроте.

Он не успокоился, покуда не передал Ранхильд с рук на руки ее служанкам, которые, уж верно, поставят форт на уши, но вдохнут жизнь в ее бледное холодное личико. Сигурд ушел в зал и стоял там у жарко горящего очага; пар валил от его сырой одежды, но он наотрез отказывался переодеться в сухое и начисто отвергал все предложения что-то съесть и выпить, дабы согреться. Физические неудобства были сущим пустяком в сравнении с той бурей ярости, которая бушевала в его мыслях.

Вошел Хальвдан и, не говоря ни слова, прошел мимо Сигурда, чтобы поскорее узнать,

как дела у Ранхильд. Скоро он вернулся, уже сменив одежду, и категорически велел Сигурду переодеться в сухое, пока он не подхватил горячку.

— Никуда я не пойду, пока не услышу, что Ранхильд вне опасности! — строптиво ответил Сигурд, не обращая внимания на дружеское беспокойство столпившихся в зале воинов.

Хальвдан нахмурился.

— Что ж, если тебе так угодно глупить, можешь исходить паром возле моего очага — там все вести о ней дойдут до тебя достаточно быстро. Она замерзла, ее знобит, но хуже всего, я думаю, потрясение от страха. — Он поманил Сигурда за собой, и тот молча пошел следом, снова отказавшись от еды, питья и сухой одежды. Хальвдан сел в кресле у огня и молча курил трубку, держа свои мысли при себе.

— Полагаю, ты все еще думаешь, что это я наслал на тебя Гросс-Бьерна, — вдруг сказал ярл.

— Так я думал вначале, — ответил Сигурд после долгого молчания. — Но теперь я не могу поверить, чтобы даже ты рисковал жизнью невинной девушки, только бы добраться до врага. Правда, мне казалось подозрительным, что ты покинул форт именно тогда, когда все и случилось. — Он пронзительно глянул на Хальвдана, все еще не в силах окончательно отречься от подозрений.

— И мое возвращение оказалось весьма кстати, — продолжил Хальвдан, точно прочтя его мысли. — С Ранхильд, в конце концов, ничего дурного не случилось. Один из вас легко мог погибнуть. Быть может, в следующий раз тебе так не повезет. Если б ты только согласился отдать шкатулку мне на хранение, все коварство Бьярнхарда обратилось бы против меня, а ведь я гораздо лучше, чем ты, способен постоять за себя в этом мире. — Увидев, как Сигурд мгновенно насторожился, Хальвдан встал и, бормоча проклятия, прошелся по комнате. — Я вижу, твоя бабка непобедима! Что бы я ни сделал, твоей благосклонности не добыюсь.

— Всякий вопрос невредно рассмотреть с двух сторон, — настороженно ответил Сигурд. — Я ведь в самом деле не знаю, ты преследуешь меня этим мороком или кто другой.

— Но считаешь, похоже, что именно я, — с горечью отозвался Хальвдан и обернулся к двери, в которую кто-то постучал.

Рольф робко заглянул в комнату и, когда Хальвдан проворчал что-то и кивнул, с несчастным видом проскользнул в дверь и встал рядом с Сигурдом.

— Это все моя вина, — объявил он. — Это я придумал унизить Ранхильд, потому что она считает меня ничтожеством, и правильно, в общем, считает. Если бы не я, Йотулл не подсунул бы ей своего проклятого никура, а хуже всего, что тебя, Хальвдан, не было в форте, чтобы остановить его. У Адила сильно

прихватило спину как раз тогда, когда он пытался предостеречь Ранхильд, и теперь мне кажется, что это случилось неспроста. Он, конечно, мог послать кого-нибудь к ней с предупреждением, и этим кем-то мог быть я, но ведь я был по уши в этом дурацком заговоре. Он, наверно, уже никогда мне не поверит...

Хальвдан медленно поднял руку.

— Ты говоришь, это Йотулл привел никуда в Хравнборг? — Голос его был суров.

— Да, — опередил Рольфа Сигурд, — и в этом больше виноват я. Это я просил помощи у Йотулла, а потом уж мы ничего не могли сделать. Жаль, что тебя не было в форте.

— Да уж! — проворчал Хальвдан. — Нас преследовали в рейде сплошные неудачи. Два коня захромали, а мы не могли их бросить, не могли и отпустить двоих воинов в форт без нас. Когда до Хравнборга оставалось еще несколько миль, я почуял неладное и один поскакал вперед. Мне казалось, что Ранхильд зовет меня, а голос доносится с озера. Остальное тебе известно. Однако меня сильно беспокоит участие Йотулла во всей этой истории. Конечно, то, что кони захромали, могло быть простой неудачей. Может, мы не заметили, что они больны, еще когда покупали их. Может быть, и спина у старого Адила заболела сама по себе. Мы все знаем, что морок охотится за Сигурдом, а все мороки — оборотни и могут принимать любой облик. Но вот одного я понять не могу — как мог такой

могучий и величественный маг, как Йотулл, опуститься до такой глупой проделки? Если б я не услышал зов о помощи, это приключение могло бы окончиться весьма плачевно.

Безмолвно соглашаясь с ним, Сигурд глядел на носки своих промокших сапог и вспоминал тихий голос, который звал никура. Он знал, что должен бы рассказать об этом Хальвдану... но отчего-то не хотелось. Мучительная мысль, что это мог быть Йотулл, все время преследовала его, и он старательно прятал ее даже от себя — как и мысль, что становиться у Йотулла на пути вредно для здоровья, — это наглядно доказывала больная спина Адиля.

Хальвдан расхаживал по комнате, и его огромная тень на стене послушно металась следом за ним.

— Мы с Йотуллом не очень-то ладим, и это ни для кого не тайна. Будем считать, что он хотел напугать Ранхильд этим никуром... если не хуже. Вас двоих я не особенно виню. Вы были только орудиями его мести. Тебя же, Сигурд, я должен благодарить за то, что ты, рискуя собой, спас жизнь Ранхильд.

— Я не упал бы вместе с ней со скалы, если бы не замышлял против нее дурное, — утрюмо ответил Сигурд. — Так что ты не должен меня благодарить. Видно, мое злосчастье заразно и для других. Ясно ведь, что морок подстерегал в озере именно меня.

— Но кто мог знать, что ты решишь в нем искупаться, чтобы спасти тонущую,

униженную Ранхильд? — спросил Хальвдан, усмехнувшись уголком рта, и глаза его блеснули. Он перестал расхаживать по комнате и снял со стены секиру. — Поскольку ты потерял свое оружие, защищая Ранхильд, придется тебе взамен принять от меня вот это.

Сигурд поколебался, но все-таки принял у него секиру.

— Я вел себя по-свински!.. — неуклюже начал он и запнулся, не зная, что сказать дальше. Он оглядел секиру — она была превосходна — и добавил: — Мне бы надо пойти домой переодеться и подсушиться... если Ранхильд уже ничто не угрожает.

Хальвдан покачал головой:

— Она не из слабеньких. Можешь завтра зайти спросить о ее здоровье. Однако, прежде чем вы уйдете, я хочу напомнить вам, что в подобных случаях, когда дело могло обернуться бедой, виновных принято как-то наказывать. Хотя бы для того, чтобы поддерживать порядок. Так что, думаю, вы не станете возмущаться, если я на одну неделю начиная с сегодняшнего дня снова переведу вас в дневную стражу на укреплениях. Таких проделок лучше не поощрять.

— Могло быть и хуже, — вздохнул Рольф, когда они вышли из комнаты. — А может, и надо бы, чтобы хуже. Настроение у меня ужасное, Сигги. Ты уж прости меня, от всего сердца прошу. Что, если б Хальвдан не явился вовремя и не спас тебя и Ранхильд? Погибли

бы те двое, кто мне дороже всех в Хравнборге, и все по моей вине! С нынешней ночи я переменюсь, Сигги.

— Зато Хальвдан совсем не меняется, — с горечью отозвался Сигурд. — Порядок прежде всего! И больше его ничто не волнует.

— По-моему, — сказал Рольф, — в душе ты так не думаешь. Мы оба понимаем, что Хальвдан обошелся с нами крайне мягко. Он бы мог отослать меня в Раудборг или Унгиборг, а тебя посадить под замок. Нет, тебе не на что пенять, чего бы Йотулл тебе ни нашептывал.

Сигурд открыл рот, чтобы огрызнуться, но лишь пожал плечами:

— Да знаю я, знаю! Я-то думал, что должен доказать свою независимость. Я восхищался Йотуллом — ведь у него хватило отваги выступить против Хальвдана. Теперь у меня восхищения поубавилось, и он вовсе не кажется мне таким уж отважным. Я думаю... — Сигурд запнулся, зная, что у Йотуллы есть свои средства подслушать все что угодно. — Я думаю, это он направил коня Ранхильд в самую опасную часть озера. Он знал, что мы бросимся ей на помощь, знал, что в воде меня будет поджидать морок... — Его голос упал до шепота.

— То же самое думаю и я, — прошептал в ответ Рольф. — И еще, я готов биться об заклад на годовое жалованье, что это Йотулл сотворил Гросс-Бьерна.

Сигурд потер ноющие виски и поежился.

— Что же нам делать, Рольф? Он так силен. Знаешь, мне стыдно признаться тебе, что я... боюсь, что меня убьют.

У Рольфа тоже был встревоженный вид.

— Самое лучшее, что ты можешь сделать, — доверять Хальвдану, как доверяем все мы. Он защитит тебя от Йотулла и всех его хитроумных замыслов. О, Сигги, когда ты признаешь Хальвдана своим вождем, ты станешь одним из нас!

— Я постараюсь, — решительно пообещал Сигурд. — Вот увидишь, Рольф, как я изменюсь!

Глава 7

Поскольку Сигурд не искал встречи с Йотуллом, Йотулл сам отправился искать Сигурда. С мягкой обидой он упрекнул Сигурда, что тот избегает его, и Сигурду ничего не оставалось, как пообещать снова приходить в гости по вечерам, хотя он куда охотнее предпочел бы веселую компанию альвов в ярко освещенном зале большого дома. Да и не слишком он жаждал бродить по форту с наступлением темноты, каждую минуту ожидая, что вот-вот из укрытия выскочит морок и накинется на него, сверкая глазами и грохоча смертоносными копытами.

Когда Сигурд и Рольф появились в доме Йотулла, Микла одарил Сигурда угрюмым, без малейшего проблеска гостеприимства взглядом. Йотулл тотчас поспешил заговорить на тему, которую прежде предпочитал Сигурд.

— Ну что же, — начал он, — я слышал, ты опять в опале. Кое-кто при мне говорил недавно об этом и прибавил, что, хотя ты не хуже других, Хальвдан и наказывает тебя почаще, и до сих пор еще не назначил тебя в настоящий разъезд, хотя воин ты искусный. Ты же сам это знаешь, и право же, стыд и позор попусту тратить время с Боргилом и его молокососами на дохлых клячах. Знаешь,

Сигурд, я подозреваю, что Хальвдан не на шутку боится тебя. Когда ты узнаешь, что находится в шкатулке, тебе больше не придется ему подчиняться.

Сигурд молча ворошил угли в очаге. Поскольку Рольф все время пытался найти заклинание, чтобы отпугнуть морока и у него, само собой, ничего не выходило, Сигурд и Рольф неизменно ухитрялись в чем-то провиниться и нести очередное наказание. Случалось им и попросту полениться или заупрямиться. Сигурд научился стойко сносить наказания, сознавая, что они вполне заслуженны. В этот день он и Рольф считались провинившимися, потому что сделали вид, что отстали от отряда Боргиля, а на самом деле пытались разведать кое-что самостоятельно. Это стоило им запрета садиться в седло в течение недели.

— Не думаю, чтобы Хальвдану было дело до меня или моей шкатулки, — отозвался Сигурд. — У него в голове вещи поважнее.

— Ах, вот как ты думаешь... — вздохнул маг, играя серебряной цепью, которую носил на шее. — Он ведь знает, что напугал тебя и ты больше не станешь надоедать ему просьбами отпустить тебя на поиски Бергтора из Свартафелла. Когда я пытался уговорить его, он совсем разъярился и велел мне больше не вмешиваться не в свои дела. Надо же — вмешиваться! Если бы не я, ты сейчас уже наверняка погиб бы. Хальвдан холоден, расчетлив и жесток. Взять хотя бы морока, которого он на тебя наслал...

Он указал на оконце, в котором как раз мелькнула длинная бледная морда. Убедившись, что Сигурд на месте, морок пристроился на крыше и поглядывал вниз через дымовое отверстие, изредка пробуя его края острыми зубами.

Сигурд глянул на морока, и рука его сама собой потянулась к замечательной секире, которую подарил ему Хальвдан.

— Что-то мне не верится, чтобы Хальвдан мог сотворить Гросс-Бьерна. Хальвдан не маг, он только сражается с помощью магии.

Он на миг встретился глазами с Йотуллом и понял, что маг сильно уязвлен тем, что скиплинг защищает Хальвдана.

— Если ты отдашь шкатулку Хальвдану, то пожалеешь об этом. Одному мне известно, как пожалеешь!

— Я еще никому не собираюсь ее отдавать, — ответил Сигурд. — Только мне сдается, если Хальвдану доверить что-то ценное, он не употребит эту вещь во зло.

Йотулл поднялся и зашагал по комнате.

— Ты и представить не можешь, какую боль причиняют мне твои дурацкие речи! Прежде я не думал, что Хальвдан сумеет обвести вокруг пальца такого умника, но теперь вижу, что ты уже готов сунуться в его западню. А я-то надеялся, Сигурд, что сумею помочь тебе! Только я мог бы доставить тебя в Свартафелл, только я, и никто другой, все время пытался предостеречь тебя против Хальвдана, и только я один искренне хочу помочь тебе.

Когда-нибудь ты убедишься, что я — твой единственный настоящий друг.

Сигурд лишь пожал плечами.

— Я нашел в Хравнборге друзей, и это место кажется мне вполне безопасным, даже если помнить о мороке. Что же еще могу я сейчас сделать?

— Бежать! — Йотулл горячо сверкнул глазами. — Бежать из Хравнборга, от Хальвдана и его морока! Разве мы об этом прежде не толковали?

Рольф обернулся к Сигурду, безмерно огорченный.

— Сигурд, ты ведь не покинешь Хравнборг без меня? Тебе придется взять меня с собой, и будь уверен, ты об этом не пожалеешь. Но знаешь, после всего, что Хальвдан сделал для тебя, было бы нечестно удирать втихомолку.

Йотулл метнул в Рольфа гневный взгляд и схватился за посох, точно собирался с его помощью разнести альва на кусочки. Сигурд поспешно вскочил, чтобы помешать ему.

— Ну, нам пора, — вежливо проговорил он. — Пожалуйста, Микла, проводи нас — все-таки наш трехголовый приятель поджидает снаружи.

Йотулл оперся на посох.

— Прежде, помнится, ты так не спешил. Час ведь еще не закончился.

— Но нас ждет Адиль, — отвечал Сигурд. — И нам здорово от него влетит, если припозднимся.

Йотулл презрительно кашлянул, прикрывая рот ладонью.

— Может, прежде Адиль и сумел бы защитить тебя от морока, но сейчас он чересчур стар для мага. У этого дома крепкие стены и прочная крыша, и он твой, если тебе покажется небезопасно в полуразрушенной башне. Видал я мороков послабее, и они запросто разносили в клочья крепкие дома, только бы добраться до желанной добычи.

— Старая башня крепче, чем кажется с виду, — ответил Сигурд.

— И Адиль тоже, — добавил Рольф, боком пробираясь к двери. — Если нам понадобится помощь, мы обратимся к Хальвдану.

— Хальвдан! — воскликнул Йотулл. — Неужели я один вижу, каков он на самом деле? О да, он умнее дюжины магов! Ступай к нему, но, бьюсь об заклад, в один ужасный день ты поймешь, каков на самом деле Хальвдан.

Сигурд был рад поскорее унести ноги. Микла так воспрянул духом при виде поражения Йотуллы, что не мог сдержать рвущейся из глубины сердца радости и вместе с Рольфом и Сигурдом замыслил окончательное ниспровержение своего господина. Впервые за долгое время Сигурд разглядел в Микле своего друга. Все трое дали великую и страшную клятву, что навеки будут друзьями и объединятся в деле изгнания Йотуллы с должности мага Хравнборга, которая по праву принадлежит Адилею.

К большому облегчению Сигурда, здоровью Ранхильд не повредило ледяное купание, и очень скоро она возобновила привычные прогулки по форту, от одного края земляного вала к другому. В первый раз Сигурд следил за ее приближением со смешанным чувством вины и опаски, жалея, что не может куда-нибудь укрыться, — покинуть пост он не решил-ся бы даже под страхом смерти. Он знал, что во всем Хравнборге никто не мог сравняться с Ранхильд в утонченном понимании искусства мести. Каждый день, который она провела в своих покоях, Сигурд благоразумно осведомлялся у кого-нибудь из ее рабов или служанок, как чувствует себя Ранхильд, — отчасти для того, чтобы умиловить ее гнев. Он знал, что служанки тотчас же передадут Ранхильд, кто справлялся о ее здоровье. Скорее всего, она еще больше оскорбится, но кто знает — вдруг ледяная ванна смыла с нее хоть немного высокомерия.

Он настороженно следил, как Ранхильд подходит ближе, делая вид, что не замечает его. Она была одета в красное — еще одно неприятное воспоминание о злосчастном купании в озере.

— Как, Рольфа нет? — вместо приветствия удивилась она, оглядываясь по сторонам.

— У него заболели зубы, и Адиль лечит его, — ответил Сигурд, все еще не теряя настороженности. — Ты, наверно, пришла отыграться на мне за ту дурацкую шутку. Это было ужасно.

Ранхильд отвернулась, чтобы скрыть легкую краску на лице.

— Да, зрелище необычайное. Хальвдан, мой родич, уверяет, что я сильно напоминала мокрую кошку. Он до сих пор надо мной посмеивается.

Сигурд заморгал, потрясенный непривычным тоном ее голоса.

— Да я и не виню тебя, если ты на нас сердишься. Причин у тебя для этого более чем достаточно. Я нечасто извиняюсь, но на сей раз сам скажу, что мне до смерти совестно. Я совсем не хотел, чтобы стряслась такая беда, неважно, с тобой или с кем-нибудь еще.

— Беду ведь готовили для тебя, — отвечала Ранхильд. — До меня-то дела не было тому, кто целился в тебя. Впрочем, я пришла сюда не для того, чтобы выслушивать твои извинения. Я хочу поблагодарить тебя за то, что спас мне жизнь, хотя, верно, и не слишком хотел этого. Я дурно обращалась с тобой и Рольфом, но теперь я решила перемениться. Я... я все-таки надеюсь, что ты не испытываешь ко мне ненависти. Знаешь, я спросила Хальвдана, можно ли тебе раз в неделю по вечерам приходить к нам... если захочешь, конечно. Он был не против.

Сигурд остолбенел, поняв, какая честь ему предложена — быть гостем таких важных особ.

— Я бы рад, но...

— Хорошо. Тогда приходи завтра вечером. Если ты уйдешь один, Рольф, конечно,

страшно оскорбится, так что можешь и его прихватить, если пожелает. Я знаю, он в меня немножко влюблен, только мне он не слишком нравится. Очень уж он глупо себя вел, когда пытался привлечь мое внимание. В конце концов, пора бы ему понять, что я не возьму в мужья полное ничтожество, — а он именно таков.

— Но все равно он славный парень. Наверно, Хальвдан уже приготовил для тебя список ярлов — из кого выбирать.

— Может быть, и приготовил, только я уже установила обычай поступать как захочу, так что о своем списке он может забыть. Как бы тебе понравилось, если бы тебе говорили, с кем ты должен прожить всю жизнь?

— Не думаю, что мне придется когда-нибудь об этом беспокоиться, — если только я не вернусь в свой мир. — Против воли Сигурда, эти слова прозвучали зловеще.

Ранхильд оглядела его своими холодными синими глазами и присела на ближайший камень.

— Так ты никогда не хотел жениться на нашей женщине и навсегда остаться в мире альвов? Это ведь и раньше случалось, ничего особенного нет в таких браках. Знай ты только, кто в свое время так же поступил, ты бы удивился...

Сигурд задумался — что, если в самом деле провести остаток дней в мире альвов, и пускай воспоминания о Тонгулле и прежней жизни станут такими же далекими и туман-

ными, каким ему когда-то казался этот новый мир?

— Не слишком-то это хорошо, если у человека из другого мира остается там большая семья, — задумчиво проговорил он. — Трудно все время путешествовать туда и обратно, а бабушки и дедушки никогда, быть может, не увидят своих внуков.

Ранхильд стряхнула с юбки муравьев и раздавила их ногой.

— Из-за бабушек и дедушек происходят порой такие беды... Скажем, мать не желает, чтобы ее дочь стала женой альва, вот и начинает всячески этому препятствовать. Я слышала об одном браке, что мог быть вполне счастливым, если бы не ожесточившаяся старуха, которая считала, что ее внук должен вырасти скиплингом, а не альвом. Печальная это была история, но я, может быть, расскажу ее тебе... как-нибудь потом. Ты очень любил свою бабушку, верно?

Сигурд неохотно кивнул.

— Других родных у меня не было, а я оставил ее там... в покинутом поселении, на развалинах усадьбы, которую мы так усердно возводили. Все, для чего она жила и трудилась, превратилось в прах. Даже я не оправдал ее надежд, а ведь именно это и было, быть может, ее заветным желанием. — Он обвел взглядом валы укреплений, четкие очертания торфяных домов. Да, предостережение Торарны насчет врага-ярла мало ему помогло.

Ранхильд скрестила руки на груди, спрятав ладони внутрь широких расшитых рукавов, и все так же внимательно смотрела на Сигурда.

— Но ведь она, наверное, не захотела бы, чтобы ты попал в лапы троллей или доккальвов? Что же еще было делать Хальвдану с одиноким уцелевшим скиплингом? Он, конечно же, понимал, как трудно будет тебе прижиться в Хравнборге. Что до меня — понять не могу, отчего ты здесь так несчастлив.

Сигурд неловко переминался, поглядывая на силуэт старого донжона и от души надеясь, что вот-вот прибежит излеченный от зубной боли Рольф и спасет его от расспросов Ранхильд.

— Дело ведь не просто в том, хочу я здесь остаться или нет, — неохотно проговорил он. — Вопрос в том, кто мои друзья, а кто враги. Перед смертью бабушка предостерегла меня кой о чем и дала шкатулку, от которой нет ключа. Когда я сумею открыть ее, я, быть может, узнаю больше о себе самом.

— Понимаю, — кивнула Ранхильд и, поднявшись, сняла с пояса большую связку ключей. — Может, что-нибудь отсюда подойдет? Это мои домашние ключи, но большая их часть от замков, которые мне не нужны.

Сигурд глянул на ключи и медленно покачал головой.

— Боюсь, одного ключа будет мало.

— Ага! Стало быть, нужна магия? Тогда принеси мне шкатулку, и я ее открою. Адиль с детства учил меня магии, и он говорит, что и без учения в Гильдии я могу стать такой же сведущей, как Микла.

Сигурд глядел перед собой, на безжизненный край, где, казалось, даже птицы и кролики отсыпаются в унылые дневные часы.

— Мне посоветовали доставить шкатулку к ее создателю, гному-кузнецу, но Хальвдан, увы, не позволяет этого.

— В самом деле? Не понимаю, почему он упорствует. Хочешь, я с ним поговорю?

Сигурд встрепенулся в тревоге:

— Нет-нет, лучше не надо! Он, скорее всего, просто разозлится, как злится всякий раз, когда я завожу разговоры о том, о чем лучше молчать. Не надо было мне говорить тебе о шкатулке. — В душе он со злостью называл себя доверчивым глупцом, который готов разболтать все свои тайны первому же слушателю, ждет сочувствия своим жалобам и советам, чтобы потом поступить по-своему...

Ранхильд словно прочла его мысли и улыбнулась.

— Что ж, пусть это будет тайна, если таково твое желание. Только берегись тех, кому доверяешь свои секреты, ведь ты связываешь себя обязательством. Надеюсь, Йотулл отпустит тебя завтра вечером?

Сигурд заметил, как явно связала она Йотуллу и тех, кому доверяют секреты, и нахмурился.

— Я не настолько связан обязательствами перед Йотуллом. Мое свободное время — только мое.

Ранхильд удовлетворенно кивнула и двинулась вверх по крутому склону земляного вала.

— Ну что ж, — сказала она на прощанье, — до завтра. И постарайся подбодрить Рольфа, если он совсем разочарован в жизни.

Рольф был не из тех, кому ведома ревность. Он почти сразу присоединился к Сигурду на укреплениях — а до того долго сидел в укромном месте, терпеливо наблюдая, как Ранхильд разговаривает с Сигурдом. Глаза у него округлились от изумления, когда он узнал, что Ранхильд вовсе не грозилась отомстить ему, — он-то ожидал, что на его голову прольются потоки угроз и ругани. Узнав о приглашении к Хальвдану, Рольф присвистнул и помотал головой, наотрез отказавшись сопровождать Сигурда. Он пояснил, что, едва не утопив предмет своей нежной страсти, слегка потерял к нему интерес и охотно уступает Ранхильд Сигурду, тем более что существует другая девушка, дочь брата Боргия, которой он, Рольф, не так уж противен, а это уже обнадеживает. Да и вообще — претит ему изысканное общество высокородных персон.

Вопреки всем мрачным предсказаниям Рольфа, Сигурду понравилось бывать в доме Хальвдана, тем более что сам Хальвдан, проявляя необыкновенную вежливость, изволил

отсутствовать всякий раз, когда не уезжал в ночной рейд. Сигурда потчевали ужином — намного лучше того, что обыкновенно подавали в главном зале, — и вечер проходил за игрой в шахматы под музыку престарелого арфиста и деловитый звон спиц, которыми ловко орудовали служанки Ранхильд. Когда Сигурд проигрывал достаточно шахматных партий, они просто болтали и жарили хрустящие шкварки на длинных вилках над огнем. Разговаривали они большей частью о лошадях и охоте. Наконец какая-нибудь из служанок вежливо замечала, что время позднее, и Сигурд покидал уютный дом Хальвдана, возвращаясь к пыли и летучим мышам старого донжона; сравнение было отнюдь не в пользу последнего.

Не успел Сигурд удивиться тому, как быстро летит время, а лето уже подошло к концу, и ночи становились все дольше и холоднее. Альвы радостно заверяли его, что с приходом зимы уж он наглядится досыта на доккальвов и троллей. Тяжелее всего будут темные бессолнечные месяцы. Воины Хравнборга заботливо и любовно точили мечи и секиры, мастерили новые наконечники для стрел, копий и дротиков. Сигурд с нетерпением ожидал, что Хальвдан назначит его в ночной разъезд, где будет достаточно настоящих, а не учебных сражений; но вот уже легли первые зимние снега, а он все еще прохлаждался с юнцами Боргиля. Сигурд так далеко обогнал их в воинском умении, что он

и Рольф превратились в наставников. Каждый день Рольф начинал с торжественного заверения, что это последний день, который они проводят так праздно, — Хальвдан вот-вот назначит их на должное место.

Однажды утром разъезд вернулся потрепанней и веселее обычного и сообщил, что ночью им довелось столкнуться с большим отрядом троллей; почти всех удалось перебить. Первая удачная стычка с врагом была поводом для торжества, хотя Йотулл, как мог, подпортил честолюбивые надежды Сигурда, насмешливо предрекая, что-де все добрые воины будут сражаться за Хравнборг, а его оставят дома, со стариками, детьми и женщинами, — это его-то, обладателя бесценной резной шкатулки!

Упав духом и почти согласившись с этим предсказанием, Сигурд бродил возле большого дома в поисках тихого местечка для размышлений. Внимательно оглядевшись, он не обнаружил поблизости Гросс-Бьерна и решил, что праздничный шум и развеселое пение отпугнули морока и он засел в старом могильнике за земляным валом — излюбленном своем логовище. Все же бдительно поглядывая по сторонам, Сигурд нырнул в полуразрушенную конюшню, где содержалась его лошадь вместе с клячами его сотоварищей из отряда Боргиля. Он уже знал назубок всеходы и выходы в конюшне, так что обходился без фонаря. Ласково окликая лошадей, он добрался до денника мышастой кобылки и опу-

тился около нее на колени, чтобы ощупать копыто, которое она сильно ушибла днем раньше.

Копыто оказалось все еще горячим на ощупь, но, как удовлетворенно заключил Сигурд, уже прохладнее, чем вчера. Он уже собирался встать и уйти, когда дверь конюшни распахнулась, впустив нового гостя. Сигурд решил было, что это кто-нибудь из мальчишек и не худо бы смеха ради выскочить на него из темноты со страшным криком... но тут услышал негромкий и раздраженный голос Хальвдана.

— Что же ты хотел мне сказать, Дагрун, если это требует уж такого уединения? — спросил он.

— Лишь одно: когда ты намерен исполнить свой долг, Хальвдан? Ты знаешь, о чем и о ком я говорю.

— Да... о Сигурде и шкатулке. — Голос Хальвдана прозвучал невыразительно. — Я знал, что ты станешь думать об этом деле, едва начнутся первые сражения.

— Ну, так что же? Разве ты и так не достаточно медлил, вместо того чтобы заполучить шкатулку? Не понимаю, отчего ты так мягок, не понимаю, почему ты так долго заставляешь нас ждать. Все знают, что у него есть нечто ценное, и лишь ты да я знаем, что именно. Тебе следовало забрать шкатулку еще тогда, в Тонгулле. Скуластый бесенок здесь уже почти полгода, и, насколько я могу судить о его нраве, он не намерен отдавать

тебе шкатулку, что бы ты ни делал или ни говорил.

Сигурд вжался в стену и, затаив дыхание, ожидал, что ответит Хальвдан.

Тот молчал, и Сигурд слышал, как он точит кинжал о подошву сапога, — звук, сулящий мало приятного.

— Не стоит тебе так яриться, Дагрун. Ты ведь знаешь — будь Хравнборг в опасности, я тотчас бы, не колеблясь, завладел и шкатулкой, и ее содержимым. Пока же я терпеливо жду своего часа в надежде, что Сигурд сам, без посторонней помощи, поймет праведность нашего дела. Когда я завоюю его доверие, шкатулка сама, без насилия перейдет в мои руки.

Дагрун сплюнул в солому:

— Доверие! Да возьми ты ее сейчас, а извиниться всегда успеешь. Надо прежде всего думать о Хравнборге, не то нам несдобровать. Что, если он убежит с Йотуллом и попадет в когти Бьярнхарда? Тогда он вернется в Хравнборг врагом — этой радости нам только не доставало! Если помнишь, одно время он был опасно близок с Йотуллом. Когда я думаю о том, как этой силой могли бы играть искусные и предательские руки Йотуллы, у меня кровь стынет в жилах! Не Сигурд, а скорее Йотулл решает сейчас нашу судьбу. Чем дольше мы будем выжидать, тем больше у Йотуллы возможностей победить.

Хальвдан вздохнул, все еще возясь с кинжалом.

— Йотулл стал опасен с тех пор, как появился Сигурд! Я всегда знал — слаба его преданность Хравнборгу. Шкатулка Сигурда пробудила в Йотулле алчность. Жаль, что я не знаю способа исправить мага-злодея или вернуть Адилю былую молодость и пылкость! Могуществом Йотулл намного превосходит Адиля, и именно он стоит сейчас между мной и Сигурдом.

— Ну так избавься от Йотуллы! Если он пытается оторвать от нас Сигурда, значит, не желает добра Хравнборгу. Микла говорит мало, но я подозреваю, что он боится своего господина.

— Пожалуй, ты прав, Дагрун. Йотулл должен покинуть форт. Боюсь только, вряд ли это нам поможет управиться с Сигурдом, если он по сю пору в восторге от мага. Чего доброго, он решит, что потерял единственную возможность бежать.

— Что ж, тем лучше для нас. Сигурд должен узнать, что, когда бездумно владеешь силой, заключенной в этой шкатулке, жизнь может оказаться и короче, и неприятней.

Хальвдан несколько мгновений молчал, и Сигурд почувствовал, как по спине у него текут три ручейка ледяного пота. Он не сомневался, что Дагрун стремится сделать его жизнь и короткой, и неприятной — с помощью меча или секиры, — если только он добровольно не отдаст шкатулку.

— Мне кажется, Сигурд уже начинает понемногу доверять мне, — сказал наконец

Хальвдан. — Сейчас самое лучшее время, чтобы найти к нему подход. Благодаря Йотулле сражение было ожесточенное, но я сделал все, что мог, разве только не послал его в рейд. Это, конечно, окончательно бы его завоевало...

— Нет, не делай этого! Слишком уж много возможностей отстать от отряда. Ты ведь не знаешь, на что способен Йотулл. Нет, пусть Сигурд остается в Хравнборге, под твоим или моим присмотром.

— То же думаю и я. Нельзя нам потерять его сейчас, после двадцати лет поисков. Слишком много поставлено на кон...

— От всего сердца с тобой согласен! Тем более не стоит тратить время попусту. И так его потратили довольно. — Он распахнул дверь настежь, и оба вышли, продолжая тихо беседовать.

Сигурд еще долго ждал, прежде чем решился выпрямиться и со всех ног броситься к дверце на другом конце конюшни. Быстро оглядевшись в поисках морока, он припустил по снегу к старому донжону и скользящим прыжком очутился у самой двери. Сигурд надеялся побыть в одиночестве, но Рольф и Адиль дружески приветствовали его сквозь завесу табачного дыма — они сидели у очага, засунув ноги чуть ли не в огонь, и дымили огромными трубками.

— Привет, Сигги! — прокричал Рольф. — Что стряслось? У тебя такой вид, точно морок попробовал тебя на зуб.

— Ты чем-то расстроен, — заметил Адиль, глядя, как Сигурд протиснулся мимо него и молча рухнул на кровать.

— Так, чепуха, — с притворной беспечностью отозвался Сигурд. — Попросту обманутое доверие, и ничего больше.

Рольф помахал рукой перед лицом, разгоня дым.

— Так я и знал! Ари, эта безволосая крыса, опять забыл смазать копыто твоей лошади? Сигги, надо бы тебе сделать заметку на его ребрах, не то он в жизни не запомнит твоего поручения.

Он еще что-то болтал о пользе наказаний для улучшения памяти, но Сигурд едва слышал его, оглушенный сумятицей, которая царила в его мыслях. Боль от предательства Хальвдана не была бы сейчас так остра, если б он и вправду не стал испытывать к нему доверие и восхищение. Сигурду казалось, что его доверие к Хальвдану — мелочь, которая едва имеет право на существование; однако гибель этой мелочи повергла его в пучину чернейшего уныния и ярости. Прежний его гнев ожил еще острее прежнего, и с новой силой возродилось в нем твердое решение бежать из Хравнборга прежде, чем Хальвдан и Дагрун сумеют заманить его в свою западню. Сожалеть ему здесь было не о чем. Теперь, когда глаза его открылись, он различал всюду только ложь и подкуп — все, от Хальвдановой секиры до уютных вечеров в обществе Ранхильд, и даже дружба Рольфа, казалось

ему теперь подозрительным. Он был слеп и глуп, полагая, что альвам нужен он сам, а не шкатулка.

В своем разочаровании Сигурд тотчас же возобновил дружбу с Йотуллом, немало озадачив этим Рольфа и Миклу. Он избегал и Ранхильд, и Хальвдана дома, причем до такой степени, что пропускал половину трапез, и вдобавок яростно ссорился со всяким, кто хоть на йоту задел его. Он повздорил даже с Йотуллом, который упрямо отказывался покинуть Хравнборг по первому его требованию. Маг отлично знал, что на сей раз взял верх, а потому может не торопиться.

Хотя Сигурд и понимал, что это бессмысленно, он решил поговорить с Хальвданом и потребовать, чтобы ярл назначил его в ночной разъезд. Однажды, снежным утром, пока Боргиль терпеливо вел свой неприглядный отряд за укрепления, Сигурд подстерег Хальвдана и заступил ему дорогу. Сознывая, что вид у него не менее воинственный, чем у других солдат в форте, Сигурд остановил коня в пределах слышимости и дождался, пока ярл сам подъедет к нему.

— Я знаю, о чем ты хочешь просить меня, — с недовольным видом обратился к нему Хальвдан. — Боргиль уже говорил мне, что ты слишком хорош для его отряда, и я полагаю, в этом есть доля правды. Ты добился больших успехов... до недавних пор. Рольф говорил, что ты снова навещаешь Йотулла и что

он опасается того, что может наболтать тебе маг.

Сигурд криво усмехнулся, подумав, что его подозрения оправдались, — Рольф шпионит за ним.

— Не о Йотулле я пришел разговаривать. Я хочу знать одно — почему меня до сих пор не назначили в ночной разъезд? Драться я могу не хуже других, и мне обрыдло все время торчать в форте! Порой мне с трудом верится, что я здесь не пленник.

Хальвдан скользнул взглядом по коню и оружию Сигурда.

— По-твоему, у нас нет иного обычая обращаться с пленниками, как только вооружать их и обучать нашему искусству? Не думаю, чтобы с тобой плохо обращались; если бы не морок, тебе жилось бы здесь куда лучше, чем в Тонгулле. Собственно, именно морок частично причиной тому, что я не отпускаю тебя в ночные рейды. В стенах форта ты в безопасности, а нам хватает хлопот с троллями и доккальвами, чтобы еще во время рейда отбиваться от морока.

— Жаль, что я не могу открыть шкатулку моей бабушки и защитить себя тем, что в ней сокрыто, — рассчитанно бросил Сигурд.

Хальвдан в упор воззрился на Сигурда, на миг окаменев и от изумления позабыв хмуриться.

— Быть может, это и выход... но не сейчас. Время еще не пришло, да еще и Йотулл сует нос не в свои дела. Говорил он тебе свои

догадки насчет этой шкатулки... или тебя самого?

— Только то, что мне не придется никому подчиняться, когда я ее открою! — резко ответил Сигурд. — Это и есть тайна, которой я не должен знать? Именно поэтому все кому не лень стремятся обмануть меня и выманить у меня шкатулку? Я не дурак, Хальвдан, — я отлично понимаю, что и как ты пытаешься со мной проделать, и не нуждаюсь в советах Йотуллы, чтобы понять, как покупают мою дружбу и доверие! — Он едва мог сдерживать себя, и его проказливая Сила, тотчас пробудившись, дергала коней за уши и жужжала по-осиному вокруг копыт, пока животные не начали нервно кружить и приплясывать.

— Покупают! — повторил Хальвдан, сдерживая нетерпеливо фыркающего коня. — Вот как ты именуешь нашу дружбу, наши попытки сделать тебя одним из альвов Хравнборга? Бьюсь об заклад, если б кто-то иной нашел тебя и шкатулку, ты уже был бы мертв или влачил бы существование, которое хуже смерти. Ты слаб, Сигурд, и позволяешь шкатулке завладеть тобой, вместо того чтобы самому управлять ее мощью. Теперь ты еще дальше от того, чтобы увидеть ее содержимое, чем был месяц назад, и я не помог бы тебе открыть шкатулку, даже если б ты умолял о том, — а ты не станешь, пока Йотулл ходит у тебя в советчиках!

Сигурд с силой дернул повод, задрал голову коня.

— Не стану я тебя умолять, так что не тревожся! — Он дал шпоры коню, и тот прыгнул вперед, с радостью унося ноги от беснований Сигурдовой Силы. Хальвдан ускакал в противоположную сторону и ни разу не оглянулся.

Сигурд нагнал неказистый отряд Боргиля, трусивший к озеру по заснеженному лугу. Рольф поглядел на него и предусмотрительно промолчал, дождавшись, пока Сигурд заговорит первым.

— Что же, — все еще кипя гневом, процедил наконец Сигурд, — если я хочу дождаться от Хальвдана повышения, придется мне здесь так и состариться и годами обогнать Адила. Он сказал, что не выпустит меня из форта, потому что меня преследует морок; что я не смогу открыть шкатулку, потому что слишком глуп, а он не поможет открыть ее, потому что я не могу управлять ею. Но если он мне не позволит открыть шкатулку — как же я избавлюсь от морока? А если я не избавлюсь от морока, то не смогу покинуть форт, так что торчать мне в этой дыре, пока не сгнию!

— Ладно, — согласился Рольф, — сгнием вместе.

— Мне не до шуток! Да ты ведь этого и не сделаешь. Вам всем нужно от меня лишь одно — шкатулка, и больше я ничему и никому не поверю!

— Кроме Йотулла, — добавил Рольф. — Йотулла, который зазвал в озера никура вместе с тобой и Ранхильд. Йотулла, который

наверняка знал, что там тебя подстерегает морок. Йотулла, который закланием скрутил спину Адила, который с самого начала восстанавливал тебя против Хальвдана, — а ведь Хальвдан дал тебе пищу, кров и защиту.

Сигурд долго ехал молча, напряженно ища возражений на слова Рольфа.

— Но я знаю, что Хальвдан стремится заполучить шкатулку! — наконец сказал он. — Я слышал, как он толковал об этом с Дагруном — и о том, как они выманят у меня шкатулку, когда я достаточно им доверюсь. Вся эта их так называемая доброта — подкуп, и ничего более! — добавил он с горечью.

— Йотулл алчет шкатулку ничуть не меньше, чем Хальвдан, — заметил Рольф. — Различие только в методах их действий и в том, удастся ли тебе после этого остаться в живых. Знаешь, я могу представить, как ты разделяешь эту потаенную мощь с Хальвданом... но Йотулл не из тех, кто любит делиться.

Сигурд упрямо помотал головой.

— То, что мне принадлежит по праву рождения, я не намерен делить ни с Хальвданом, ни с Йотуллом. Стремления Йотуллы мне хорошо известны, так что можешь меня этим не изводить. Но только Йотулл может вывести меня отсюда и доставить в Свартафелл, чтобы поскорее открыть шкатулку. Хальвдан, видишь ли, считает, что я еще не готов увидеть то, что там внутри.

— Понятно. Стало быть, все, что тебе нужно, когда избавишься от Хальвдана, — приложить все силы, чтобы избавиться и от Йотулла, — заключил Рольф. — Неплохой выбор, Сигти, — все равно что между молотом и наковальней.

— Я вижу, ты сегодня напрашиваешься на неприятности? — Сигурд косо глянул на Рольфа и до конца дня больше не обменялся с ним ни словом. Его собственные злосчастные сомнения составляли ему неплохую компанию, так что к вечеру он уже глубоко погрузился в бездны отчаяния и нерешительности. Никакая мрачность и ничья хмурая физиономия не могли помешать Рольфу скоро воспрянуть духом, и он весело насвистывал над горшком с вареной бараниной, когда появился Адиль с важными новостями. Маг ударом посоха распахнул настежь двери и поспешно нырнул внутрь — вернее, влетел с порывом ветра, точно сухой лист.

— Наконец-то! — радостно вскричал он, швыряя в угол посох, от которого брызнули искры. — Хальвдан изгнал Йотулла! Ему велено собрать вещи и до зимнего солнцестояния покинуть Хравнборг — или же пенять на себя. От души надеюсь, что он изберет первое, — Хальвдан наверняка прикончил бы его перчаткой. — Адиль рухнул в свое любимое кресло и удовлетворенно захихикал. — Долго же я дожидался, пока Йотулл получит по заслугам! Так ему и надо — больше не будет пренебрегать властью Хальвдана.

— По мне, так зимнее солнцестояние — слишком долгий срок, — отозвался Рольф, обеспокоенно глянув на Сигурда. — Хорошо бы он убрался прямо сегодня.

Сигурд хранил ледяное молчание, гадая в душе, что же теперь предпримет Йотулл. Одно лишь он знал наверняка: он покинет Хравнборг вместе с Йотуллом. Оставаться здесь — значит, оказаться в тупике. Уже большинство учеников Боргиля вернулось к своим прежним постам на стенах и укреплениях, а их лошадей включили в список неприкосновенного запаса на случай голода. Счастье Сигурда описало полный круг, и теперь он снова оказался далеко внизу, даже ниже, чем когда впервые прибыл в Хравнборг. Дни стояли морозные и пасмурные. Рольф говорил, что впереди их не ждет ничего хорошего: часами нести стражу на продутых ветром валах, поджаривать пятки в очаге, чтобы окончательно их не отморозить; а компания у них будет самая изысканная — бывшие солдаты более чем преклонных лет, дородные и чем попало вооруженные хозяйки, свирепостью превосходящие троллей, и, конечно, молокососы Боргиля, если мамочки отпустят их воевать.

— Но Хальвдан не переживет этой зимы без помощи Йотуллы, — сказал вслух Сигурд. — На каждого из нас приходится по два десятка доккальвов, если не больше. В прошедшие годы, насколько я слышал, Хальвдан полагался на чары и колдовские трюки —

скажем, передвинуть камни с безопасного брода на глубину, где всякий, кто рискнет переправляться, промокнет или утонет, или же заклинаниями отгонять доккальвов. Что же будет делать Хальвдан без могущества Йотулла?

— Обойдемся и без Йотулла! — отрезал Адиль. — Я был магом Хравнборга и в худшие зимы и сражался с доккальвами еще бок о бок с отцом Хальвдана, когда Йотулл мучил котов и лягушек. Вражда между ярлом и его магом — дело опасное, и я рад, что мы избавляемся от Йотулла. Покуда в этом дряхлом теле есть хоть искорка жизни, Хальвдан без мага не останется! — Он налил из закопченного котелка в кубок ароматной влаги и одним глотком наполовину осушил его — к изумлению Сигурда, которому дымящаяся смесь казалась мазью для конских копыт.

Рольф подбросил очередной кусок торфа поглубже в самый огонь.

— Сигурд в чем-то прав, Адиль. В крови твоей уже гораздо меньше жара, чем прежде, и все больше чая и топлива нужно, чтобы тебя согреть. А пальцы у тебя так обморожены — я давно уже не видал ничего подобного. Ты, конечно, крепкий орешек, но приходится с грустью признать, что ты постарел...

— Чушь какая! Вот только ноги разогнуты, и я опять буду готов отправиться в дорогу. Не думаю, что Йотулл поедет в рейд с Хальвданом после того, как его так безжалостно вышвырнули. Доккальвы опять подбираются

ко броду Бёда, и этой ночью они запросто могут переправиться через реку, если только мы не сотворим что-нибудь из ряда вон выходящее, чтобы их остановить. И это, заметьте, доккальвы из Свинхагахалла, то есть Бьярнхард — старейший и заклятейший враг Хальвдана.

— Брод Бёда, говоришь ты? — Рольф нахмурился и истосковавшимся взглядом окинул свое оружие. — Слишком уж близко он подбирается, и тем более так рано, не в пример прежним зимам. Еще и до солнцестояния далеко.

Адиль искоса глянул на Сигурда.

— Быть может, в этом году его сильнее тянет сюда... и я уверен, что он куда лучше осведомлен. Похоже, он знает о намерениях Хальвдана.

— Если ты намекаешь, что Йотулл соглядатай Бьярнхарда, — сердито прервал его Сигурд, — что же ты не выйдешь и не скажешь об этом открыто?

— Потому что сказать открыто, что Йотулл шпион, предатель и грязное отродье вонючего тролля, значит рассердить его не на шутку, — отвечал Адиль, одной рукой придвигая к себе сапоги. — Я знаю, что он как-то причастен к появлению Гросс-Бьерна, знаю, что он пугает этим мороком и тебя, Сигурд, и весь Хравнборг. Я мог бы уничтожить морока или обратить против его создателя, будь я только чуток пошустрее и попамятливей. — Он умолк, терпеливо пережидая их совмест-

ные усилия засунуть в сапоги его распухшие ноги. — До чего ж неохота мне бросать вас тут одних, когда эта тварь рыщет под самыми дверями. Она наглеет, когда меня нет рядом, чтобы защитить вас. Может, мне и следовало нынче ночью остаться дома... У меня предчувствие, что без меня здесь что-то стрясется.

— Да мы сами можем за себя постоять, — заверил его Рольф. — А ты нужен Хальвдану. Если мы попадем в переделку, найдется кому прийти к нам на помощь. Если б мы только могли, то охотно поменялись бы с тобой местами, правда ведь, Сигурд?

— Правда, — с тяжелым вздохом подтвердил тот.

Адиль живо встряхнулся и потянулся за плащом.

— Ну, делать нечего — пора идти.

Он едва не передумал, когда увидел, что Йотулл решил отправиться с Хальвданом, но колебался старик недолго. Он вскарабкался на свою потрепанную клячу и пристроился рядом с Хальвданом, подчеркнуто оттеснив Йотуллу и его чистокровного коня в роскошной сбруе. Кавалькада рысью тронулась к укреплениям, и Адиль на прощанье помахал рукой Сигурду и Рольфу.

Присоединившись к другим зевакам на валах, они смотрели, как Хальвдан и его воины едут по снегу в полумраке северной ночи. Сигурд глянул на тех, кто стоял с ним рядом, и едва подавил невольную дрожь. Эти

три старухи сильно походили на Норн, легендарных сестер, которые прядут бесконечную пряжу людских судеб и перерезают нить завершившейся жизни. Старухи молча кивнули Рольфу и Сигурду и подвинулись, освобождая для них место у костра.

К полудню, в так и не рассеявшемся сумраке, пришла весть, что доккальвы переправились через реку и решительно движутся к Хравнборгу. Несколько льёсальвов погибли, кое-кто ранен, а один пропал бесследно. Когда же позднее прибыли гонцы с подробными известиями о погибших и раненых, Рольф и Сигурд узнали, что пропавшим альвом был старый маг Адиль.

Глава 8

Тросс-Бьерн, не теряя времени, воспользовался отсутствием Адиля. Он охотился на Сигурда пуще прежнего, бродил за ним по пятам вдоль земляных укреплений на расстоянии полета стрелы и подбадривал себя рычанием. Наконец взбешенный морок бросался на жертву, отфыркивая клубы светящегося дыма и в безумной ярости щелкая зубами. Сигурд и другие стражники, как могли, отгоняли его, но все их старания не могли охладить воинственный пыл чудовища. В сумерках тварь шныряла у самых домов, так что никто больше не осмеливался выходить за дверь в одиночку.

Сигурд упрямо отказывался от грубоватого предложения Хальвдана укрыться под кровом большого дома, хотя в развалинах старого донжона ему и Рольфу не было ни сна, ни покоя. Морок осаждал их почти непрерывно, тем более что дневной свет его теперь не отпугивал, а кроме Адиля, никто не мог отогнать его обжигающим огнем. Когда стало ясно, что донжон вот-вот обрушится им на головы, Сигурд собрал пожитки и объявил Рольфу, что намерен переселиться к Йотулле, а Рольф может выбирать — либо пойти с ним, либо в дом Хальвдана.

— Пойду с тобой, — решил Рольф, — хотя и не могу сказать, чтобы я был от этого в восторге. Впрочем, после солнцестояния Йотулл здесь не будет.

Сигурд промолчал и минуту спустя спросил:

— Когда Йотулл толковал о том, что мне надо уходить из Хравнборга, — почему ты сказал, что обязан пойти со мной?

Рольф с прощальной грустью обвел взглядом комнату.

— Хальвдан приказал мне присматривать за тобой, и хочешь ты того или нет, а я буду присматривать! Я бы не передумал, даже если б не получил такого приказа. Ты от меня, Сигги, легко не отделаешься. Теперь, когда Адиль больше нет, у тебя остался только я — если не считать Миклы, а он ученик Йотулл.

Йотулл встретил их без малейшего удивления.

— Я ожидал этого с тех пор, как пропал старый Адиль. Тесновато здесь будет, ну да ненадолго — до солнцестояния остались считанные дни. Надеюсь, ты принес с собой шкапулку?

— Само собой, — фыркнул Сигурд. — Не такой уж я дурак. Ты наверняка знал, что все так и случится. Когда мы отправляемся?

Микла перестал скрести кости, которые он перемалывал в порошок, и метнул угрожающий взгляд на Сигурда. Йотулл пожал плечами:

— Раз уж мы говорим без обиняков — когда я буду готов тронуться в путь.

Сигурд ждал этого два дня с растущим нетерпением и под градом обвинений Миклы.

— Я не передумаю, — резко объявил он ему. — Я намерен поступать себе во благо, а для этого надо только одно: покинуть Хравнборг и отправиться в Свартафелл.

— Только одно! — фыркнул Микла. — Вспомни о здравом смысле и поищи что-нибудь другое. Да что проку и пытаться, если у тебя вовсе нет здравого смысла!

Сигурд оставил без ответа слова Миклы. Но вот однажды утром Йотулл объявил, что готов отправиться в Свартафелл. Сигурд, которому до смерти обрыдло жить среди Йотулловых отвратительных порошков и снадобий, обрадовался от души и тотчас стал собираться. Рольф ничего не сказал, лишь рассеянно глядел в огонь, пока Сигурд не встряхнул его:

— Рольф, пора! Или ты передумал?

Рольф покачал головой; Микла взглядом уничтожал их обоих.

Рольф тяжело вздохнул:

— У меня нет иного выбора, как только идти с тобой. Во-первых, Хальвдан приказал не разлучаться с тобой, во-вторых, ты мой друг... — Он неуверенно оглянулся на Йотуллу и добавил: — Тебе ведь, верно, пригодится вторая пара глаз, ушей и рук, которые смогут взяться за оружие в твою защиту?

— Еще как пригодится! — отвечал Йотулл, по очереди пожимая руки Сигурду и Рольфу. — Тем более что я намерен оставить здесь Миклу, дабы Хальвдан не огорчился, что потерял в одну неделю сразу двух магов. Полагаю, Микла, ты сумеешь ему пригодиться — с твоими-то несравненными познаниями из сокровищницы Гильдии.

— Буду только рад такому случаю! — огрызнулся Микла. — Немного гильдийской магии здесь не помешает — Хравнборг не видел ее с тех пор, как умер Адиль.

Глаза Йотуллы сузились, точно блестящие лезвия.

— Не надейся, что я больше не вернусь сюда, — если, конечно, от Хравнборга хоть что-нибудь останется. Хорошо бы, юный выскочка, твое природное бесстыдство за время моего отсутствия не завело тебя слишком далеко. Теперь твоя ничтожная милость будет у Хальвдана главным советчиком, так что прежде всего убеди его не преследовать нас, чтобы вернуть свое имущество, не то имущество может сильно пострадать. — Он почти незаметно покосился на Сигурда, который все еще сжимал в руках шкатулку.

— Я покамест погожу сообщать Хальвдану о вашем побеге, — без особой вежливости отозвался Микла. — Мне не надо будет ничего выдумывать и объяснять: Хальвдан все равно узнает, как вы мило обо всем договорились. — Он упорно не глядел на Сигурда.

Следуя указаниям Йотуллы, Микла, Сигурд и Рольф готовили все необходимое для путешествия. Едва они управились, как в Хравнборг вернулся разъезд Хальвдана, измотанный битвой, — пополнить число воинов взамен убывших и припасы. Хальвдана с ними не было — он остался в горном лагере, продуваемом ветрами, чтобы следить за передвижениями доккальвов. Рольфа это огорчило, однако Сигурд был рад, что Хальвдан не приехал. Беспокоило его лишь прощание с Ранхильд, которой он был явно небезразличен. Сигурд терпеть не мог прощаний, но все же хотел в последний раз взглянуть на Ранхильд. Самое недавнее его воспоминание о девушке было столь обычным — она показывала кухонной служаночке, как свернуть шею курице, поскольку той было не справиться самой. Вдобавок Сигурд хотел попросить у Ранхильд ее мышастого жеребца, чтобы ему не пришлось красть доброго коня у кого-нибудь из воинов.

Йотулл пренебрежительно отнесся к намерению Сигурда. Маг считал, что это лишняя учтивость. Однако Сигурд не дал себя переспорить, и Йотулл отправился с ним в дом Хальвдана. Морок кружил на безопасном расстоянии от них — неясная громада черной тени, источавшая такое лиходейское зло, что дрожь пробирала до костей. Сигурд с трудом мог оторвать взгляд от чудища, которое неотступно следовало за ним в неверном свете далеких звезд, скаля в радостном предвкушении три ряда зубов.

Ранхильд несколько не удивилась появлению в ее жилище Сигурда и Йотулла и лишь один раз подняла взгляд — когда Йотулл приказал ее служанкам выйти из комнаты. Ранхильд продолжала ткать, пока не закончила ряд, и тогда лишь заговорила со своими гостями.

— Я думала о тебе, Сигурд, — сказала она очень просто, — и прошлой ночью мне был сон, что ты отправляешься в долгое путешествие: Не скажу — опасное, — она мельком глянула на Йотулла, — потому что все путешествия опасны, особенно в глазах тех, кто остается дома. Я рада, что, прежде чем уйти, ты пришел попросить моего благословения.

— Ты умненькая бесовка, — одобрительно и утрюмо усмехнулся Йотулл. — Надеюсь только, у тебя достанет ума сообразить, что Хальвдан желает сохранить наше отбытие в тайне. Если бы в форте узнали, что опасность столь велика, что Хальвдан предпочел отправить отсюда Сигурда, они сильно пали бы духом. Я вознагражу тебя за молчание.

Он потянулся к кошельку с золотом, но Ранхильд молчала, меряя его презрительным взглядом. Тогда маг, поморщась, вынул небольшой мешочек и неохотно подтолкнул его по столу к Ранхильд.

— Это весьма сильный амулет, охраняющий от неугомонных мертвецов. Я смастерил его для себя. Этой зимой он тебе очень пригодится.

Ранхильд кивнула, принимая подарок.

— Хорошо. Наверняка никто не узнает о вашем уходе, пока вы уйдете достаточно далеко. — Последние слова она проговорила с особым ударением, обращаясь главным образом к Сигурду. — Я думаю, когда мы встретимся в следующий раз, ты сильно переменишься. Я хочу подарить тебе амулет — быть может, он принесет тебе счастье... и защитит тебя. — Ранхильд сняла висевшее у нее на шее золотое колечко на плетеном шнурке из ее собственных волос. — Если нужно, развяжешь шнурок, и у тебя будет запасная тетива... а кольцо это я носила на пальце. Руны защитят тебя от лиходейской мощи твоих врагов.

— Я не очень люблю прощаться, — проговорил Сигурд, неловко ощущая, как пристально глядит на них Йотулл. — Мне совестно, что я так неблагодарно покидаю Хальвдана... но ты не знаешь его так, как знаю я, и вот я должен покинуть Хравнборг. Мне все равно, увижу ли я еще когда-нибудь Хальвдана, но я не желаю удирать, точно вор, и уводить с собой доброго коня и доброго воина... а именно так мне и приходится поступать.

— Так Рольф поедет с тобой? — отозвалась Ранхильд. — Это меня радует. Однако как же тебе быть с конем? Знаешь, возьми одного из моих — лучше всего мышастого жеребца. Да, возьми Эльфрада — он больше других подходит воину. Полагаю, о прочих твоих надобностях Йотулл позаботился, так

что прими лишь мое благословение и заверения, что я сделаю все, только бы разрушить замыслы Бьярнхарда. Я не хотела бы испытать те же мучения, которые выпали на долю Адиля. — Она в последний раз искоса, недобро глянула на Йотулла и невозмутимо принялась ткать.

Йотулл мгновение поколебался, затем пожал плечами и распахнул дверь.

— Забавная штучка, и до чего хладнокровна! — шепотом сказал он Сигурду, когда их сапоги уже скрипели по снегу в такт шагам. — Лучше бы ей не забыть моих предостережений. И какой хитрый взгляд — точно она знала, что я лгу. Впрочем, мне известно, что она не обучалась магии.

Сигурд открыл было рот, чтобы рассказать Йотулле о занятиях Ранхильд с Адилем, но с редкостной для него проницательностью заговорил совсем о другом:

— Надеюсь, этот ее Эльфрад не слишком раскормлен и избалован. Надо же, у нее три лошади, а иные счастливы иметь хотя бы одну, пригодную под седло.

Они оседлали коней, не вызвав никаких вопросов у часовых возле конюшен, и подъехали к дому Йотуллы, где их в нетерпении поджидал Рольф. Микла стоял на пороге, но не простился с ними и не пожелал доброго пути троим всадникам, которые поскакали прочь под светом звезд. Сигурд едва верил, что так легко им удалось выбраться из Хравнборга — пришлось лишь остановиться у

ворот и назвать себя стражникам, а дальше они поехали свободно, якобы на поиски Хальвдана.

— Взгляни в последний раз на Хравнборг, — наконец сказал Йотулл, когда они остановились на отроге горы, чтобы дать коням отдохнуть и самим оглянуться. В зимнем сумраке позади мерцали редкие огни; когда всадники обогнули отрог, огни совершенно исчезли.

Рольф совсем упал духом, когда они проезжали поле битвы у брода Беда и увидели россыпь сторожевых костров, горевших далеко внизу, по склонам и вершинам холмов, — попытка уверить доккальвов, что им противостоит гораздо больше льёсальвов, чем на самом деле. У большинства костров сидели поодиночке доблестные старые воины, которые предпочитали погибнуть в снегах с мечом в руке, нежели дома дожидаться мирной кончины.

Трижды путники ночевали в снегу, под защитой подножия горы либо холма, и эти ночевки оказались совсем не так удобны, как это прежде представлялось Сигурду. В тепле и безопасности за стенами дома, из которого он лишь изредка совершал краткие вылазки в зимнюю темноту, никогда Сигурд не чувствовал себя таким подавленным безмерной чернотой зимней ночи, как сейчас, скорчась у скудного костерка и угрюмо глядя в бесконечную тьму. Карты Йотуллы мало его обнадеживали — путаница рунических надписей,

совершенно нечитаемых, и вперемешку с ними черточки Путевых Линий, рассеченных кое-где обозначениями известных мест сосредоточения Силы. Один Йотулл, казалось, вовсе не смущался тем, что в безграничной зимней мгле им предстоит найти неведомую гору под названием Свартафелл. Он определял нужное направление с помощью маятника и уверял Сигурда и Рольфа, что они идут напрямик туда, куда нужно, и отыщут Свартафелл недели через четыре — если принимать в расчет медлительность зимнего путешествия и остановки, которые им придется делать по пути, чтобы закупать съестное. Сигурд с унынием отмечал, что даже ближайшие к Свартафеллу горные форты льёсальвов все же далеки от горы, но он слишком устал и пал духом, чтобы задумываться, у кого же там Йотулл собирается покупать провизию.

На четвертую ночь путников обнаружили тролли и с тех пор неотступно следовали за ними. Стрелы Рольфа скоро отучили их от дерзких налетов из-за угла, а Йотулл развлекался тем, что терзал троллей самыми пакостными колдовскими шутками, — к примеру, сотворял овцу, которая, будучи сожрана, превращалась в осколки стекла и тем неоспоримо доказывала, что есть вещи, которых не в силах переварить даже желудки троллей. Сигурд прикончил нескольких троллей просто для того, чтобы удовлетворить свою жажду мести, но даже новизна этого ощущения

стерлась после недели путешествия сквозь снежную круговороть.

— Мы движемся даже медленней, чем я мог представить в худших предположениях, — объявил Йотулл, когда они сгрудились у костерка в тщетной попытке согреться. — Я и вообразить не мог, что путь по этим горам окажется так тяжел. В жизни не видел такого глубокого снега, а тролли просто кишат, как блохи на шелудивом псе. Придется нам спуститься в низины — там дорога будет полегче.

— Низины принадлежат Бьярнхарду, — кисло заметил Рольф. — Мы и шагу там не пройдем, как нас схватят. Скорее уж нам бы следовало вернуться в Хравнборг. Это же просто безумие! Никто не путешествует зимой, кроме доккальвов и им подобных любителей мрака. — Он покосился на Йотулла в подбитом мехом плаще.

— Что-то мне не кажется, что Хальвдан встретит нас как старых приятелей, — заметил Йотулл. — Не в его характере прощать. Кто его обидел или оскорбил, тот нажил себе смертельного врага. И врагов у Хальвдана хватает.

— Неправда, — проворчал Рольф. — Я, например, вечно сам лез на рожон. Если мы вернемся, нас, конечно, накажут, но врагами он нас не сочтет. И если на то пошло, лучше попасть в немилость в Хравнборге, чем угодить троллям на обед. — Он урюмо оглянулся на троллей, которые, присев на

корточки на безопасном расстоянии, терпеливо выжидали удобного случая. Две старые троллихи, возившиеся с большим ржавым котлом, прониклись особенной нежностью к Рольфу и не сводили с него горящих глаз, любовно точа длинные выщербленные ножи в ожидании грядущего события, само предвкушение которого приводило их в восторг.

Йотулл швырнул в троллей ломтик рыбы, чтобы повеселиться, глядя, как они рвут его друг у друга.

— Так что же, Сигурд, хочешь ты вернуться в Хравнборг с Рольфом и униженно принять наказание, которое пожелает назначить тебе твой господин и повелитель Хальвдан? Сомневаюсь, чтобы дезертир получил от жителей Хравнборга что-то, кроме презрения и гнева... не говоря уже о том, что скажет Ранхильд, когда ты побежденным приползешь к ее ногам. — Йотулл раскурил трубку и задымил, устроившись поудобнее и одновременно поглядывая на троллей.

Сигурд вспыхнул мгновенно:

— Нет, я не вернусь в Хравнборг, пока не узнаю, что хранится в шкатулке, и вы тоже не вернетесь, я знаю! Все мы сожгли за собой корабли, так что о возвращении не может быть и речи. Есть удобный путь в Свартафелл по низинным землям, подальше от доккальвийских крепостей?

Йотулл тотчас же развернул целую охапку карт и показал ему не один путь, а дюжину,

все относительно безопасные и не слишком отягощенные глубоким снегом, голодными троллями и патрулями доккальвов. Остановились на дороге, огибавшей спорный край между горами и низинами, на который предъявляли права и льёсальвы, и доккальвы. Если б случилось что-то неладное, путники за просто отступили бы в горы и, быть может, даже отыскивали укрытие в каком-нибудь льёсальвийском форпосте. Они надеялись, что доккальвы не станут преследовать их в горах, и тогда им удастся избежать низин, сделав крюк на северо-запад, в направлении Свартафелла.

Когда путники спустились в низины, Рольф все чаще оглядывался на горы, которые высились у них за спиной в свете звезд и вершины которых омывал таинственный и зловещий отблеск колдовских огней, плясавших в небесах. Снег в низинах был не так глубок, зато тролли многочисленней и куда хитрее горных. Йотуллу не всегда удавалось обмануть их чародейскими ловушками и прочим колдовством, и он прибегнул к иному средству: поражал троллей волшебными молниями, покуда не приучил их держаться подале. Сигурд ненавидел этих троллей даже больше, чем ободренных и жалких горных тварей. Низинные тролли усаживались тесными группками на склонах холмов и, ясно видимые в звездном свете, отражавшемся на снегу, вели вполголоса долгие разговоры, о чем-то совещаюсь. У них были свои вожаки,

которые рассылали гонцов во все стороны. Пару дней спустя стало ясно, что тролли просто наблюдают за путниками, следуют за ними неотступно и сообщают о каждом продвижении своей добычи. Такая сообразительность, неожиданная для троллей, тревожила Сигурда куда больше, чем голод и необдуманная ярость горных троллей.

Рольф тоже боялся этих хитрюг и все чаще настойчиво предлагал вернуться в горы. Йотулл на это лишь качал головой:

— К великому сожалению, мы уже не сможем вернуться, даже если б и захотели. Я где-то ошибся в расчетах, и мы оказались не на том берегу реки, с которого легко отступить в горы. Мне стыдно за такую промашку, но вы же видите: река к востоку от нас, именно там, где бы ей лучше не быть. Видно, я взял неверное направление от последнего стоячего камня.

Сигурд поглядел на восток, на туманы, клубившиеся над рекой, — воды ее были глубоки и теплы от горячих ключей, которые брали начало под ледником, от обжигающих сводов расплавленного камня в самом беспокойном сердце Скарпсея. Переправлялись они гораздо ниже, там, где остывшая река затянулась льдом.

— Можно вернуться назад по своим же следам, — продолжал Йотулл, — или же продолжать идти вперед. Река, вне всяких сомнений, исчезнет в горах, из которых и вытекает, и нам даже не придется переправляться через

нее. Если хотите знать мое мнение, дела наши не так уж и плохи.

— Если только тролли не решатся напасть на нас, — вставил Рольф. — А когда решатся, мы не сможем отступить в горы, где, как известно всем добрым льёсальвам, высоко и безопасно. Не нравятся мне эти низины. На мой взгляд, мы чересчур близко к Муспеллю, а там, как известно, из земли бьют кипящие ключи.

— Замечательное место для купания, — проворчал Сигурд. — Нам бы всем не повредило поплескаться в горячей водичке — прополоскать косточки от холода. И потом, гляди — вокруг горячих ключей еще остался мох и даже зеленая травка для лошадей, так что мы еще и сбережем зерно. Нет, не думаю, что мы напрасно спустились с гор... только надо поскорее как-то обойти эту проклятую реку.

Река между тем уводила их все глубже в пересеченную местность, где на пути то и дело вставали лавовые утесы. Этот край был так надежно защищен от снега и ветра, что путники невольно медлили, не желая слишком быстро покидать его. Кони запросто выкапывали копытами из-под тонкого снежного слоя сухую траву, а в лавовых утесах в достатке было пещер и глубоких впадин, вполне сухих и пригодных для ночлега. Лишь одно не на шутку тревожило Сигурда — голоса троллей, перекликавшихся на утесах над головами путников. С самого Тонгулля не слышал он

этого пронзительного клича — диких визгов, которые эхом перелетали от утеса к утесу, как некогда перекачивались над водой фьорда Тонгуль, сопровождаемые низким рокочущим ревом, похожим на мычание дикого быка. Часто Сигурд просыпался в ужасе — ему чудилось, что он снова оказался в доме Торарны и тролли раскапывают крышу, чтобы добраться до него.

Он почти обрадовался, когда Йотулл приметил среди утесов местечко пониже и повел их вверх по склону. Когда они добрались до вершины, ветер торжествующе завыл, словно приветствуя их возвращение. Рольф указал на глубокое ущелье, рассекавшее горы на юге, — там холодный мрак едва озарялся слабым отблеском белого света.

— Глядите-ка! — воскликнул он. — Вот вот наступит солнцестояние. Никогда не думал, что так обрадуюсь близкой весне!

Свет скоро погас, но все же его вид ободрил путников. Кони пригорюнились, вернувшись в сугробы, и неспешно побрели вперед, осторожно ступая по камням, покрытым снегом. Долгое время путники не слышали переключки троллей и не видели, как мелькают по склонам утесов их уродливые тени. Йотулл озибался по сторонам, гадая, что бы это могло значить.

— Они нас потеряли! — счастливо посмеивался Рольф. — Мы обвели их вокруг пальца, когда ушли от реки. Хорошо бы они все там и остались!

Скоро — чересчур скоро, с точки зрения Рольфа, — высокое нагорье, по которому шли путники, оборвалось, снова круто спускаясь в долину реки. Спуск выглядел не слишком приветливо, а долина и того хуже, тем более что метель подступала все ближе, однако мысль о приятной ночевке в сухой лавовой пещере превозмогла даже отвращение Рольфа к низинам. Едва передвигая ноги, путники устроились на ночлег. Йотулл нацарапал вокруг входа в пещеру круги и магические руны и приготовил несколько колдовских ловушек для троллей. Затем он уселся у костра, покуривая трубку и глядя на снежную круговерть, бушевавшую снаружи. После скудной трапезы, которая состояла из сушеной рыбы и чая, Сигурд прилег и смотрел, как багровые отсветы огня пляшут на пыльных стенах пещеры, лениво размышляя, что здесь совсем неплохо и, будь у него выбор, он бы задержался здесь подольше.

В полусне он прислушивался к реву троллей, но ему лень было даже сказать Рольфу и Йотулле, что нежеланные спутники снова отыскивали их след. Несколько раз Сигурд открывал глаза, когда Рольф брал лук и стрелы и перешагивал через Сигурда, чтобы занять позицию у входа в пещеру. Пронзительные вопли снаружи извещали, что Рольф не промахнулся, и Йотулл что-то одобрительно ворчал. Затем поднялся дикий гвалт, и Рольф перевалился через Сигурда, со стоном

хватаясь за стрелу, торчавшую из его плеча. Йотулл начал сыпать проклятиями и молниями обстреливать тьму, между делом крича на Сигурда, чтобы он пошевеливался и занялся делом. Сигурд вскочил и с ужасом наклонился над Рольфом, не зная, ранен он или убит. У Рольфа сильно текла кровь, но, к большому облегчению Сигурда, стрела только проткнула мякоть плеча, ничего другого не задев.

— Могло быть и хуже, — заверил друга Сигурд, торопливо перетягивая рану, чтобы остановить кровотечение. — Чуть-чуть правее — и стрела бы вовсе тебя не задела, но все равно повезло: если б она летела левей, то проткнула бы тебе горло.

Рольф заскрежетал зубами от боли.

— Ну да, я вообще везунчик. Кто знает теперь, как долго еще я не смогу взять в руки лук? Я видал, как такие ранки начинали воспаляться и гнить и убивали куда дольше и мучительней, чем один точный выстрел в сердце. Да уж, есть за что благодарить судьбу. — Он закрыл глаза, безнадежная бледность залила его лицо. — Будь им пусто, троллям этим! Кто бы мог подумать, что они стреляют так метко? Дай-ка мне стрелу.

Сигурд протянул ему стрелу, которую пришлось переломить пополам, чтобы извлечь из раны. При виде оперения стрелы Рольф яростно вскрикнул:

— Проклятье! Смотрите — красно-черные перья! Это доккальвийская стрела. Сигги,

там, снаружи, не только тролли; с ними док-кальвы.

— Боюсь, что ты прав, — отозвался Йотулл, который, опустившись на колени, выглядывал из пещеры. — Я вижу их коней, да и шлемы ясно различимы в свете звезд.

Сигурд загасил костер одним из простейших заклинаний, которые он выучил у Адиля.

— Ты стоял против света, Рольф, так что мишень из тебя была отменная. Интересно, как долго сможем мы продержаться в пещере?

— Пока не закончатся съестные припасы, — отозвался Йотулл, — а потом можно съесть и коней, если только ты согласен дотянуть до такого исхода. Можно бы, конечно, помереть здесь от голода, но такая смерть не кажется мне достойной; не желаю я ни храбро бросаться на их копыта, ни гибнуть, точно мученик или берсерк. Если мне суждено попасть в плен, пусть я лучше буду на высоте. — С этими словами он перебросил плащ через плечо и шагнул к выходу из пещеры, вскинул руки в мирном жесте.

— Что? — воскликнул Рольф, с трудом приподымаясь на локте и гневно глядя на Йотуллу. — Всего один раненый, и мы уже сдаемся? Вот это герои! Песни скальдов, Сигги, рождаются на крови.

— Помолчи ты, безумец! — отрезал Сигурд, не спуская глаз с Йотуллу, — он был

почти уверен, что вторая стрела найдет сейчас свою цель.

— Эгей! — донесся крик снаружи. — Чего вы хотите — мирно сдаться или биться до смерти?

— Мы сдаемся, если вы — доккальвы из Свинхагахалла! — отвечал Йотулл. — Можете подойти. Даю вам слово, что мы не станем более сопротивляться!

Деловито бряцая оружием и доспехами, доккальвы подошли к пещере и уставились на путников через ограду из копий и мечей. Сигурд поразился тому, как богато изукрашены золотом их шлемы, рукояти мечей и секир, — если это, конечно, простые солдаты, а не ярлы. Шлемы доккальвов сильно отличались от практичных конических шлемов льёсальвов — это были шедевры оружейного ремесла, и Сигурд удивился, не зная, для чего же они, собственно, предназначены — то ли украшать головы своих владельцев, то ли защищать их от ударов вражеской секиры.

— Откуда вы идете? — спросил вожак доккальвов. Это был красиво одетый малый с надменными манерами, и выглядел бы он совсем внушительно, если бы не узкое лисье личико и бегающие глаза. — Раудборг недалеко отсюда. Может, вы дезертиры из лагеря льёсальвов?

— Мы не дезертиры, — поспешно бросил Сигурд, видя, что Йотулл собрался, по своему обыкновению, разразиться многословной речью. — Мы идем из Хравнборга, и наши

дела никак не касаются доккальвов Бьярнхарда.

— Помолчи, Сигурд, дай говорить старшим! — сурово одернул его Йотулл, сердито блеснув глазами.

— Когда трое льёсальвов рыщут в низинах, их дела касаются именно доккальвов, — проворчал вожак. — По-моему, вы соглад-таи, а значит, самое верное — отвести вас в Свинхагахалл. Бьярнхард особо интересуется соглад-татами и дезертирами. Я-то знаю, как он поступает с беглыми доккальвами; поглядим, что он измыслит для вас.

Доккальвы за его спиной согласно забор-мotalи и обменялись многозначительными взглядами. Под их неусыпным присмотром Йотулл велел Сигурду оседлать коней и погрузить пожитки. Рольф оперся о стену и поглядывал на доккальвов, пытаясь завести с ними разговор.

— Кто из вас пустил вот эту стрелу? — спросил он наконец, сжимая в здоровой руке обломки стрелы. Когда один молодой доккальв, топтавшийся позади всех, признал, что это его работа, Рольф только фыркнул: — Плохо стреляешь, братец. Будь я на твоём месте, ты уже валялся бы в этой пещере за-мертво. Впрочем, я тебе благодарен за промах — теперь я смогу увидеть, во что превра-тился Свинхагахалл, и встретиться с вашим ярлом лицом к лицу.

— Эй, это что такое? — воскликнул вдруг вожак, который неотступно следил за тем,

как Сигурд собирается положить шкатулку в седельную суму. Сигурд стиснул шкатулку в пальцах, а доккальв подобрался ближе, алчно ухмыляясь.

— Похоже, в ней есть кой-что ценное. Дай-ка я ее понесу.

Сигурд смерил его холодным взглядом.

— Обойдешься. То, что есть в этой шкатулке, ценно только для меня. — Глаза его не отрывались от тощей смуглой физиономии доккальва, но он хорошо помнил, где лежат меч и секира.

Доккальв только шире ухмыльнулся и поднял меч.

— Что ценно для тебя, пригодится и мне. Отдай, я сказал, не то не успеешь пожалеть о своем упрямстве.

Йотулл стремительно и бесшумно шагнул к ним.

— Шкатулка тебе не пригодится, — ровным, но твердым голосом сказал он доккальву. — Не советую тебе касаться ее. В ней сокрыта Сила, и я не ручаюсь, что удержу ее, если ты коснешься шкатулки.

Вожак колебался, а между тем слабые порывы Силы уже дергали его плащ и бороду — почти игриво, но едва он решительно шагнул вперед, как Сила Сигурда ударила в него сверкающей и искристой дугой, вышибла меч, и тот пролетел через всю пещеру. Сыпя проклятиями, вождь схватился за руку и затряс ею, с яростью глядя на Сигурда.

— Ну ничего, придется тебе отдать ее Бьярнхарду! — прорычал он. — Вперед, пошевеливайтесь! Пора в путь, и я не намерен дожидаться вас здесь до весны. Да, Бьярнхард немало с вами потешится! Вы еще увидите, как он обращается с дезертирами и соглядатаями.

Глава 9

Когда после почти двух дней весьма не-легкого путешествия прибыли в Свин-хагахалл, они тотчас же узнали, как именно Бьярнхард обращается с дезертира-ми и соглядателями. Укрепления вокруг горно-го форта были усеяны кострами, и краснова-тые отблески пламени хорошо освещали ряд виселиц.

— Верно, поймали еще одну шайку дезер-тиров, — вполголоса бросил один доккальв другому, пока отряд въезжал в зловещие во-рота цитадели Бьярнхарда.

За стенами укреплений высились громад-ные руины древнего чертога, явно тех же лет, что и донжон старого Адила. В черных нишах и бойницах горели огоньки — словно множе-ство глаз, взиравших на чужаков. Тут и там с парапетов поглядывали на вновь прибывших кучки доккальвов, но Сигурд так и не услы-шал приветственных криков, которыми обык-новенно встречали разъезды у льёсальвов. До-ккальвы неукоснительно исполняли долг, едва смея бросить взгляд по сторонам, когда несли стражу или спешили по поручению.

Пленников торжественно ввели через глав-ный вход чертога в то, что некогда было об-ширным залом; теперь же большая часть

крыши обвалилась, и в гулкой пустоте фыркали кони в денниках. Здесь оставили лошадей пленников, а их самих доккальвы повели вниз по темному туннелю, кое-где освещенному коптящими костерками; над углями съежились стражники, стараясь уловить хоть частичку тепла, прежде чем ледяной ветер погасит последнюю горячую искорку.

— Под землей вы могли бы устроиться куда уютнее, чем в этих стылых руинах, — заметил Йотул вожаку доккальвов, когда они пробирались через сугробы снега, нанесенного из пролома в стене. — Мне всегда казалось, что доккальвы умеют выбирать себе подходящие жилища — и куда удобней этого.

Вожак поморщился, точно был готов согласиться с магом, но тут же поспешил ответить:

— Ты от меня жалоб не дождешься. Должность у меня здесь низкая, да и не нужны мне особые удобства. Когда доккальвы будут править всем Скарпсеем, наши чародеи вновь отыщут источник вечной зимы, так что надо заранее привыкать к такому существованию. — Он тяжело вздохнул, перебираясь через еще один сугроб. — Славные это будут времена для доккальвов... если прежде все мы не вымерзнем. Каждую стражу мы теряем самое меньшее одного часового. — Вожак остро глянул на стражника у дверей, перед которыми они остановились, но промерзшего насквозь бедолаги хватило лишь на то, чтобы кое-как подняться и отсалютовать. — Это я,

Гуннольф. Ну-ка открывай, лежебока! Нечего пенять на холод у этакого жаркого костра.

Рольф и Сигурд глянули на жалкую горстку углей, чадивших на промерзшей земле. Оборванный стражник поспешно замолотил в дверь, и после долгого молчания она наконец едва приоткрылась. Подозрительный голос осведомился, что им нужно. Когда вожак объявил свое дело, дверь со скрежетом приоткрылась еще ненамного и их неведомый собеседник нетерпеливо велел им заходить, а потом торопливо захлопнул за ними дверь и с лязгом задвинул все засовы.

— Что же это за дело такое, если оно, по-твоему, может заинтересовать Бьярнхарда? — Говоривший был так тщательно укутан в меховой плащ с капюшоном, что виднелись лишь кончик посиневшего носа и блестящие глаза под кустистыми бровями. — Если это пустяк — тебе же хуже, Гуннольф. У брода Беда ты себя не слишком хорошо проявил, и Бьярнхард после этой неудачи тебя приметил, да, приметил...

Гуннольф неловко заерзал ногами по полу.

— Но ведь я уже искупил свои грехи. Смотри — я поймал соглядатаев из Хравнборга! Бьюсь об заклад, даже Бьярнхард будет приятно удивлен... и простит мне поражение у брода Беда. Ох, что я говорю! Ты ведь не передашь ему, а, Слинг?

Слинг глядел на Йотулла, Сигурда и Рольфа, настолько изумленный, что сдвинул капюшон на затылок, чтоб получше их разглядеть,

и открыл лицо с резкими чертами и заплетенную в косички бороду. Пальцы, коснувшиеся капюшона, были щедро унизаны золотыми кольцами и драгоценными перстнями.

— Ну что ж, тогда пошли за мной, — велел он, нетерпеливо вздохнув. — Нечего стоять здесь на сквозняке и болтать попусту — Бьярнхард сам решит, как поступить. А они признались в соглядатайстве? — Он опасливо покосился на Йотулла, настороженный его суровым спокойствием.

— Нет, конечно, — отвечал Йотулл. — Я — маг, а не соглядатай и давно уже хотел повстречаться с Бьярнхардом. Я счастлив возможности лично выразить ему свое почтение. Веди нас к нему, Слинг, и мы охотно последуем за тобой.

Слинг недоверчиво глянул на чужаков, снова укутался в теплый капюшон и повел их вниз по коридору, освещая путь масляной лампой. В узком коридоре было холодно, хотя ледяные ветра остались снаружи и здесь все-таки казалось немного теплее, чем под открытым небом. Путники спускались по лестницам с выщербленными и разбитыми ступенями, миновали комнаты, в которых были сорваны двери на растопку, — из дверных проемов разило сырой землей. Наконец коридор завершился невысокой дверью, у которой дремали над костерком два стражника, бдительно сжимая в руках оружие. Слинг безжалостно разбудил их тычками посоха и изругал за лень и сонливость, а потом только

открыл дверь и повел за собой пленников с таким торжествующим видом, словно он, и никто другой, изловил и доставил сюда соглядатаев.

— Приветствую тебя, о повелитель! — провозгласил он, входя в комнату и важно топоча ногами. — Вообрази только: Гуннольф, вечный недотепа, приятно удивил нас, добыв троих пленников. Это соглядатаи из Хравнборга, повелитель! — добавил Слинг, доверительно наклоняясь к большому креслу с высокой спинкой, которое было развернуто к огню.

В тот же миг его отшвырнули прочь, и рослая черная тень встала перед очагом, взмахом плаща заслонив отсветы огня.

— Соглядатаи из Хравнборга! — прогремел зычный голос, зловеще хохотнув. — Много, о, много лет я ждал этого часа! Это что за дерзкий выскочка с посохом мага? Приучись, дружок, глядеть на меня с большим страхом и смирением. В твоих глазах я вижу наглость, и ты за это еще заплатишь. А это что за оборванцы? Рабы, что ли, или ученики? Вид у них такой, что им бы порка не помешала, а уж виселица тем более пошла бы на пользу. Почему бы и нет? — Он снова рухнул в кресло и неприятно засмеялся.

Сигурд с тревогой взглянул на Йотулла, но маг знаком приказал ему помалкивать, а сам оперся на посох и расстегнул свой плащ.

— Послушай, Бьярнхард, я знаю, что тебе доставляет удовольствие этак дурачиться, но

я слишком долго был в пути и чересчур устал, чтобы выслушивать чушь. Перед тобой скиплинг из фьорда Тонгуль — тот самый, которого Хальвдан увел у тебя из-под носа. Ты бы и сам отыскал его, если б был хоть чуточку поумнее.

— Вот для этого ты мне и нужен, Йотулл, — возмещать недостаток ума. Да только не справляешься ты с этим! — огрызнулся Бьярнхард, метнув на мага ядовитый взгляд. — Я вижу, шкатулка все еще у скиплинга.

— Я решил, что безопасней будет увести его подальше от Хальвдана, — быстро ответил Йотулл. — Хальвдан ни на миг не спускал с него глаз, стремясь отнять у него шкатулку. Верно ведь, Сигурд?

Сигурд сильнее сжал шкатулку, переводя взгляд с Бьярнхарда на Йотулла.

— Ну да, верно, — настороженно отозвался он. — Я никому не позволю и дотронуться до шкатулки, если не буду доверять ему. Йотулл, ты ведь никогда не говорил мне, что ты неверен Хальвдану.

Бьярнхард вызывал у него отвращение. Мало того, что доккальв был горбат, — присмотревшись, Сигурд заметил, что вместо правой ноги у него деревянная культя.

Бьярнхард захихикал, словно прочтя его мысли.

— По-твоему, я ни на что не гожусь? — осведомился он, поводя уродливым плечом, чтобы подчеркнуть его уродство, и стуча культей по каменному полу. — Ты удивляешься, как у

такого многочисленного народа может быть такой никчемный вождь, — верно?

Сигурд в замешательстве взглянул на Йотулла, но тот не торопился ничего ему объяснять. Маг отшвырнул свой истрепанный в дороге плащ и с усталым вздохом уселся у очага, сменив сапоги на войлочные туфли, — словно был своим в покоях Бьярнхарда.

— Ты тоже можешь отдохнуть, Сигурд. И ты, Рольф. Наше путешествие пока что окончено. Я надеюсь, Сигурд, что мы по-прежнему будем друзьями и ты не станешь презирать меня за этот маленький обман. Я считал, что так будет легче. Полагаю, ты не жалеешь о том, что произошло? Ты должен доверять мне и следовать моим советам, словно ничего не изменилось.

— Садись, садись! — воскликнул Бьярнхард. — И не гляди на меня так остолбенело, словно я чудовище какое-нибудь, я всего-навсего уродливый доккальв. Ты ведь теперь не боишься меня, верно? — Он жутко ухмыльнулся, точно нарочито уродуя свое и без того неприглядное лицо.

— Нет, не боюсь, — нехотя ответил Сигурд, усаживаясь и стараясь скрыть омерзение, которое вызывал у него урод. Встретившись с Бьярнхардом лицом к лицу, он испытал жестокое разочарование — по рассказам Йотулла он ожидал чего-то большего.

Опять Бьярнхард словно прочел его мысли, и они сильно развеселили его.

— Что, ты совсем не таким меня представлял? Йотулл плохо приготовил тебя к этой встрече? Тебе, верно, уже хотелось бы вернуться в Хравнборг, к Хальвдану; его лицо хотя бы прикрывает роскошная борода, а мое постыдное уродство ничем не прикрыто. Это ведь его перчатка обожгла меня пламенем, его секира сбила наземь и отсекла ногу. Ярость его была так велика, что он прикончил бы меня на месте, если бы не верные мои доккальвы. Эх, Йотулл, будь ты тогда со мною, теперь я не был бы таким уродом.

Сигурд испытующе взглянул на Йотуллу, а Рольф побелел.

— Так, значит, Микла был прав в своих подозрениях, — медленно проговорил Сигурд. — Никогда бы не подумал, что ты, Йотулл, — доккальв.

Йотулл оставался в тени — темный силуэт, сжимавший в руке посох.

— Я и не родился доккальвом, — холодно отозвался он. — И никому не намерен объяснять перемену в своих пристрастиях. Довольно будет сказать, что ты оказался здесь после многих разговоров, расчетов и размышлений. Если пожелаешь, станешь частью нашего замысла по уничтожению Хальвдана. Все наши планы станут близки к осуществлению, когда мы найдем способ открыть твою шкатулку. Я знаю, Сигурд, после всего, что я сделал для тебя, ты не откажешься помочь нам справиться с Хальвданом и другими негодями-льёсальвами. Тебе нет причины защищать

Хальвдана! — добавил он резко, видя, что Сигурд колеблется. — Я полагаю, что он и есть тот ярл, который сжег твой дом и погубил родителей. У него нет никаких прав на эту шкатулку и ее содержимое, и он не желает, чтобы ты открыл ее прежде, чем ему удастся завладеть тобой. Если б я не помог тебе бежать из Хравнборга, ты бы никогда не дожил до того, чтоб увидеть шкатулку открытой.

— Я знаю, что Хальвдан не желает мне ничего, кроме зла, — проговорил Сигурд, борясь с ощущением, что его обводят вокруг пальца. — Морока было довольно, чтобы доказать мне это. Если вы хотите уничтожить Хальвдана и Хравнборг — мне не жаль ни того ни другого.

Рольф испустил сдавленный крик ярости и, шатаясь, бросился на Сигурда, словно хотел задушить его голыми руками. Сигурд был застигнут врасплох, и Рольф в бешенстве повалил его на пол, крича:

— Предатель! Не смей так дешево продавать себя! Я не дам тебе предать Хальвдана!

Рана так ослабила его, что он не мог справиться с Сигурдом, который тотчас прижал его спиной к полу, стараясь не задеть рану, после чего Рольф благополучно потерял сознание и затих.

— Йотулл, сделай же что-нибудь! — в отчаянии воскликнул Сигурд и добавил уже для Бьярнхарда: — Он ранен, и с головой у него

не в порядке, а то бы он на меня не кинулся. У меня нет друга верней его.

Бьярнхард подал знак Слингу:

— Ты и Гуннольф, унесите раненого и тотчас позаботьтесь о нем со всем вниманием, которое надлежит оказывать почетным гостям. Слышали?

Слинг и Гуннольф поспешно бросились исполнять приказ, хотя вид у них при этом был озадаченный, а у Гуннольфа даже разочарованный. Почетные гости и вполовину не сулили такого развлечения, как пленники.

Бьярнхард снова обернулся к Сигурду.

— Присядь же, присядь и устройся поудобнее. Полагаю, ты не видел такого жаркого пламени с тех пор, как покинул Хравнборг?

— В Хравнборге не жгут так много дров, — отвечал Сигурд. — Там всегда берегут топливо.

Эта новость так понравилась Бьярнхарду, что он разразился бурным хохотом.

— Берегут, говоришь? Так им и надо, изгоям, разбойникам, грабителям! Каждый конь, каждый меч, каждый кусок баранины, который они сожрали, — все это похищено у меня. Даже дрова, которые так бережет Хальвдан, украдены в каком-нибудь из моих горных фортов или вырублены в лесах, которые по праву принадлежат мне. Одно дело — воровать, другое — скаредничать с ворованным. На мой взгляд, это низменность духа, недостаток истинной щедрости. Никогда не верь прихвостням титулованной знати, или

так и останешься с пустыми руками. Не было и нет альва скрытнее и корыстней Хальвдана. Говоришь, он зашел так далеко, что наслал на тебя морока?

Он держался так дружелюбно и добродушно, что Сигурд немного ослабил свою вечную настороженность и рассказал Бьярнхарду о мороке и прочих обидах, которые ему довелось претерпеть от Хальвдана. Йотулл, стоявший рядом у очага, согласно кивал и прибавлял еще подробности, свидетельствовавшие против Хальвдана.

— Позор, позор! — восклицал Бьярнхард. — Так обращаться с гостем из чужого мира! Ты, должно быть, теперь не думаешь ничего хорошего об альвийском гостеприимстве! Но мы здесь, в Свинхагахалле, приложим все усилия, дабы показать тебе, что и альвы способны на достойное обращение, что и у них есть обильная и изысканная пища, тепло и богатая обстановка. Уж во всяком случае, еды и огня будет здесь вдоволь, но если хочешь пожить в уюте и красоте, придется тебе отправиться со мной в Бьярнхардсборг. Я первый готов признать, что Свинхагахалл не самое уютное в мире жилище, но какой роскоши можно ожидать от военного стана?

Сигурд уже успел заметить толстые войлочные ковры, выстилавшие пол, роскошную резную мебель, гобелены искусной работы на стенах — по сравнению со всем этим Хравнборг казался нищей конурой. Если Бьярнхард

считает, что Свинхагахаллу недостает уюта и роскоши — сколько же тогда резьбы и золота в Бьярнхардсборге! И Сигурд, которому не много довелось видеть в жизни богатства и роскоши, непременно решил побывать в Бьярнхардсборге.

Йотулл многозначительно прокашлялся:

— Боюсь, ты вряд ли уговоришь Сигурда надолго остаться здесь — у него есть важное дело в Свартафелле. Там живет гном, который смастерил когда-то эту шкатулку, и лишь он один может ее открыть. Я готов самолично доставить туда Сигурда и позаботиться, чтобы ничего дурного не случилось с ним, пока он не сможет присоединиться к тебе в Бьярнхардсборге.

Взгляд Бьярнхарда перебежал от мага к шкатулке, которую держал Сигурд.

— А почему ты считаешь, что я смогу доверять ему на таком расстоянии, когда шкатулка будет уже открыта?

— Не беспокойся, — сказал Сигурд. — Я защищал шкатулку от притязаний Хальвдана с той минуты, как появился в этом мире, но без помощи Йотуллы я давно бы потерял и шкатулку, и жизнь. Я многим ему обязан и целиком ему доверяю. И все же, Йотулл, напрасно ты не сказал мне, что мы идем сюда, а не прямо в Свартафелл.

Маг уселся у огня, зажав меж колен свой посох.

— Тебе незачем, Сигурд, знать все то, что я замышляю. Ты слишком юн и не знаешь

обычаев этого мира. Следуй за мной и не задавай слишком много вопросов — а уж я сам скажу тебе все, что тебе надлежит знать.

Бьярнхард подался вперед из своего огромного кресла:

— Именно, Сигурд, мы теперь твои лучшие друзья. Мы защитим тебя от алчности Хальвдана — тебя и эту бесценную шкатулочку, которую ты так настороженно прижимаешь к себе, точно все еще до конца мне не доверяешь. Клянусь тебе, я не попытаюсь отнять ее у тебя силой, против твоей воли. И я сделаю все, что в моей власти, чтобы ты благополучно добрался до Свартафелла и чтоб ее там открыли! Как жаль, что не я спас тебя из разоренного Тонгулля! Столько времени было потрачено понапрасну, а ведь мы могли употребить его на благое дело. Ну да Хальвдан будет сильно опечален тем, что упустил свою удачу! — Эта мысль так развеселила Бьярнхарда, что он вынужден был откинуться на спинку кресла.

— Так тебе известно, что находится в шкатулке? — Сигурд с надеждой протянул к нему вещьцу, не обращая внимания на проделки своей врожденной Силы, которая прошла по комнате порывом зловредного ветра.

Бьярнхард потянулся было к шкатулке, но, глянув на нее, вдруг передумал и насупил густые черные брови.

— Понятия не имею, — быстро сказал он в тот самый миг, когда Йотулл напряженно

обернулся к нему. — Знаю только, что там нечто необыкновенное и могущественное. Видишь ли, события, связанные с ней, произошли так давно, что очень немногие еще помнят, что там внутри.

— Но ты и Хальвдан должны были участвовать в тех событиях, — настаивал Сигурд. — Бабушка рассказывала мне о пожаре и о двоих враждовавших ярлах.

Бьярнхард лишь устало махнул рукой:

— Сколько было тогда пожаров!.. Все горные форты время от времени охватывало пламя, принося больше или меньше разрушений. Среди них мог быть и форт твоего отца.

— Но я и помыслить не могу, что мой отец — альв! — воскликнул Сигурд, и его Сила тотчас отозвалась на вспышку протеста, сбросив со стола дюжину золоченых кубков. — Я уверен, что моя мать была из скиплингов... но бабушка говорила мне, что не одобряла этого брака. — Он вспомнил, как Торарна изо дня в день твердила ему об опасном могуществе альвов, пока он не уверился в их загадочном коварстве.

Йотулл быстро встал.

— Смешанные браки случаются довольно часто, но добра никому не приносят. Нечто подобное я и подозревал, судя по твоей врожденной Силе. Покуда она преследует тебя, ты никогда не сможешь считать себя обычным скиплингом, а пока ты не научишься ею управлять, альв из тебя тоже не получится. По

мне, так лучше всего избавиться от нее, и дело с концом.

Сигурд слушал его вполуха — мысли у него все еще ходили ходуном. Он вспоминал, как Ранхильд говорила о смешанных браках, думал о том, на что он будет способен, когда овладеет своей капризной Силой, — пока что она выдергивала нити из настенных гобеленов.

— Как мне научиться управлять ею, Йотулл? — спросил он.

Маг нахмурился, но Бьярнхард радостно захихикал:

— В самом деле — как? Она тебе пригодится, когда Хальвдан придет за тобой!.. — Он вдруг разом сбросил свое веселое добродушие, и смертоносный огонек загорелся в его глазах. — Йотулл! — сказал он, хохотнув уже совсем по-другому. — Мне пришла в голову замечательная мысль!

— Избавь меня от подробностей! — огрызнулся Йотулл. — По-твоему, я до этого еще не додумался? Еще в Хравнборге я понял, что Хальвдан пойдет на край света, лишь бы вернуть Сигурда и шкатулку. Уверен, он и сейчас уже где-то неподалеку. Он ворвется в Свинхагахалл, точно бык на бойню, не подозревая, что Сигурд привел его прямоком к гибели! — И маг метнул на Сигурда испытующий взгляд, словно хотел убедиться, что у того не осталось никаких колебаний.

Сигурд на время отбросил все свои сомнения и опасения и сказал небрежным тоном:

— Сам будет виноват, если схлопочет! Я не просил его забирать меня в Хравнборг и уж тем более не просил меня преследовать. Не желаю я больше терпеть его обманы, быть пешкой в его руках! Он нанес мне довольно обид, и в следующий раз мы встретимся врагами — и только врагами.

— Славно сказано! — Бьярнхард тепло пожал ему руку и с этой минуты принялся восполнять все лишения и неудобства, которые Сигурду приходилось терпеть в Хравнборге. Ему отвели небольшую комнатку, настолько уютную, насколько могли создать уют жаркий огонь в очаге, ковер на полу и удобная мебель. Он был волен проспать весь день или же, прихватив слугу с факелом, бродить по стылым коридорам древней цитадели, дивясь тому, сколько в нее было вложено сил и мастерства, когда достаточно было построить обыкновенный дом.

Часами Сигурд просиживал у постели Рольфа в соседней комнате — ранение дурно повлияло на здоровье его друга, и он то пребывал в одурманенном оцепенении, то беспрерывно нес чепуху. Больше заняться было нечем — разве что почесать подбородок, на котором пробивалась редкая растительность, или сидеть в обществе Бьярнхарда и Йотулла.

Довольно редко Сигурд решался выглянуть наружу — там были только снег, темнота и доккальвы-часовые, дрожавшие от холода на своих постах. Несколько раз видел он

Гуннольфа — замерзшего, отощавшего и исходящего завистью. Не лучше выглядели и другие командиры, приходившие к Бьярнхарду с докладами или жалобами. Сигурд подозревал, что простым солдатам живется отнюдь не так сладко, как ему самому, и уж, верно, хуже, чем лошадям. Впрочем, он предпочитал не слишком размышлять над своими наблюдениями.

Бьярнхард старался развлечь Сигурда как только мог. Его грубая лесть была противна Сигурду, и он ни минуты не потерпел бы ее, если бы не нужно было дожидаться выздоровления Рольфа, прежде чем отправляться в Свартафелл. Промедление приводило его в ярость.

Бьярнхарда, похоже, отсрочка раздражала не меньше, и каждый взгляд исподтишка на шкатулку Сигурда лишь усугублял это раздражение. Доккальв громко жаловался Йотулли, что его подданных отбросили за реку Беда. Когда в полдень всегдашняя зимняя тьма на миг обнадеживающе светлела, Бьярнхард причитал, что зима-де на исходе, а Хальвдан так и не побежден. Йотулл хладнокровно отвечал, что до конца зимы еще далеко, они еще успеют осуществить свои чудесные разрушительные замыслы, когда вернутся из Свартафелла.

И Йотулл, и Бьярнхард тайком пытались убедить Сигурда оставить Рольфа в Свинхагахалле и тотчас тронуться в путь, но Сигурд даже слышать о том отказывался. Вслух он

говорил, что только трус может бросить друга на произвол судьбы, тайно же знал, что Рольф — единственный его союзник в борьбе с двумя могущественными соперниками. Как только Рольф наберется сил, им обоим предстоит приложить все усилия, чтобы выстоять против Йотуллы и Бьярнхарда, обвести вокруг пальца обоих. Сигурд при каждом удобном случае заглядывал в карты, пока не запомнил, что земли dwarves лежат примерно к востоку от низин, где снова поднимаются горы. Он упрямо надеялся, что два всадника сумеют одолеть это расстояние, не став добычей троллей или иных врагов.

Сигурд ни слова не сказал Рольфу о своих планах, понимая, что их наверняка подслушивают. Безопасные темы были немногочисленны: как они доберутся до Свартафелла и когда Рольф окрепнет достаточно, чтобы отправиться в путь. Лихорадка сильно истощила альва — некогда крепкий и шумный, теперь он превратился в бледный призрак самого себя. День за днем он упорно упражнялся, сгибая свой лук, но, судя по тому, как дрожали его руки и гримасничало бледное лицо, еще не скоро стрелы Рольфа могли обрести свою всегдашнюю убийственную меткость.

В те краткие часы, когда бледное солнце поднималось над горизонтом, Сигурд и Рольф никогда не упускали случая побродить по окрестностям. Вид со стен крепости был довольно унылый — коченеющие под снегом горы, замерзшие озера и реки, а вдобавок

тела несчастных дезертиров, болтающиеся на виселицах. Да и сам Свинхагахалл, с его осыпающимися башнями и полуразрушенными стенами, вряд ли мог поднять дух бездомным юнцам, которые часами молча смотрели на юг, в направлении Хравнборга, не решаясь открыть друг другу свои мысли.

Солнце ненадолго приподнялось над горизонтом, оглядело с явным отвращением унылый пейзаж и проворно скользнуло обратно за окоём, снова погрузив Скарпсей во тьму. Спускаясь со стены по полуобвалившейся лестнице, Сигурд и Рольф наткнулись на Йотулла, который явно их разыскивал.

— Я нигде вас не мог найти, — раздраженно бросил он, переводя дыхание. — Не следует вам надолго уходить, не сказавшись. Похоже, что в Свинхагахалле для вас тоже небезопасно. Я принес тебе вести, Сигурд, такие, что неприятней и не придумаешь. Перед самым полуднем, когда еще было темно, возле крепости видали твоего старого приятеля — он пришел за тобой.

Сигурд прирос к ступеньке.

— Неужели Хальвдан?..

— Увы, нет, хотя и это бы не особенно меня удивило, — отвечал Йотулл с каким-то странным удовольствием. — Ну, пойдем, нечего здесь застревать. Вам просто опасно бродить здесь, в развалинах.

— Почему бы и нет? — осведомился Рольф. — Прежде ты ничего такого не говорил. Опасаться нам нечего — разве что

каким-то образом здесь появится Гросс-Бьерн. — Рольф с надеждой взглянул на Йотуллу, но надежда его быстро угасла, когда маг сумрачно кивнул.

Сигурд застонал от отчаяния:

— Только я добьюсь успеха — он уже тут как тут!

Рольф предостерегающе наступил ему на ногу, и Сигурд поспешно смолк. В последнее время, чтобы разогнать скуку, Рольф и Сигурд, как умели, упражнялись в магии, пытаясь обуздать проказливую Сигурдову Силу. О своих попытках они никому не рассказывали и старательно скрывали неудачи.

— Чем дольше мы будем мешкать в Свинхагахалле, тем вернее Гросс-Бьерн до тебя доберется, — продолжал Йотулл. — В этих проклятых подземельях можно отыскать хоть тысячу укромных местечек. Я ведь не могу неотступно защищать тебя, тем более что ты где попало шатаешься. К концу этой недели я намерен выступить в путь, все равно, готовы ли Рольф к путешествию или нет.

— Я буду готов, — тотчас отозвался Рольф. — Стрелок из меня пока еще неважный, но путешествовать смогу. Не пойму только одного: почему ты не можешь избавиться от этого морока? Мне всегда казалось, Йотулл, что ты, с твоей-то Силой, справишься с кем угодно.

— С какой стати возиться? Мы оставим его позади и собьем со следа, вот и все. — Тон у Йотуллы был нетерпеливый, поэтому

Рольф и Сигурд пошли за ним, не задавая больше вопросов.

Морок, не теряя времени, всем показался на глаза. Он навел ужас на полдюжины стражников, он выслеживал одиноких доккальвов на стенах и укреплениях; виселицы на валах внушали теперь доккальвам новые страхи, ибо морок облюбовал под жилище старый склеп неподалеку и обгладывал замерзшие трупы казненных, которые тихо покачивались на цепях.

За последние дни до того, как тронуться в путь, Сигурд особенно возненавидел Свинхагахалл. Ему казалось, что за каждым углом его, пуская слюнки, подстерегает морок, и шорох гобелена, хлопавшего на ветру, пугал его чуть ли не до смерти. Сигурду было очень не по себе, и он осознал, что и здесь он не более чем пленник. По-настоящему он чувствовал себя в безопасности, лишь когда выходил наружу поглядеть, как солнце бросает на зимнюю землю золотистые лучи и каждый предмет отбрасывает длинную черную тень. Морок предпочитал выслеживать его в темноте, когда у Сигурда поджилки тряслись от страха.

Наконец он решил, что больше не в силах выносить этой пытки, и, поймав Йотулла в темном углу, вполголоса потребовал:

— Довольно, Йотулл! Мы же оба знаем, что морока наслал ты. Какой теперь в нем прок, если ты увел меня и шкатулку из-под носа у Хальвдана?

Йотулл глянул на него пристально и насто-
роженно:

— Ты бросаешь довольно опасные обвинения. Уж не хочешь ли ты оскорбить мою честь?

— Нас никто не слышит, так что ничего и не станется с твоей честью. Уничтожишь ты морока или нет? — Сигурд ответил Йотуллу таким же пристальным взглядом, подбодренный собственным гневом и решимостью. Его Сила тотчас же опрокинула кресло и принялась швырять по ногам Йотулла комочки торфа. Маг обвел комнату сердитым и предостерегающим взглядом.

— Нет, — ответил он, — не уничтожу. Я не дам ему тронуть тебя... разумеется, если ты останешься при мне. Все, что ты можешь сделать, — отдать шкатулку мне на хранение. Насколько мне известно, если морок заполучит ее, то отдаст Бьярнхарду.

Сигурд отвернулся, крепко прижимая локтем к боку шкатулку. Теперь он всегда носил ее с собой.

— Плохо стараешься, Йотулл. Хальвдану, и тому лучше удавалось завоевывать доверие у меня, дурака, хотя Хальвдан и вполовину не так хитер, как ты, — во всяком случае, я так думаю. В страхе ты смыслишь гораздо больше, чем в доверии, так ведь?

Йотулл едва заметно сумрачно усмехнулся.

— Страх действует так же успешно... если не лучше. По крайней мере я буду уверен, что ты от меня никуда не денешься.

— Даже Бьярнхард умнее тебя, Йотулл. Гляди, какую богатую одежду он мне подарил, не говоря уже о новом седле и вот этом щите! Сегодня ночью, сказал он, я получу еще более ценный дар. Пожалуй, можно счесть, что Бьярнхард славный малый, хотя и урод. — Сигурд усмехнулся, видя, как помрачнел маг. — И еще он говорит, что избавится от тебя, как только перестанет нуждаться в твоих услугах.

Йотулл сухо хохотнул и снова уселся в кресло.

— Это для меня не новость, так что не думай, будто тебе удастся натравить нас друг на друга. Хочу предупредить: у каждого подарка, который сделает тебе Бьярнхард, длинные и липкие щупальца. Ты пожалеешь, если вдруг окажешься обязан ему.

— Твое открытое принуждение, конечно, куда честнее, — язвительно заметил Сигурд, глядя, как Йотулл поудобнее вытягивается в кресле.

— Совершенно верно, — отвечал маг, прикрывая глаза.

Позднее, когда Бьярнхард вручал Сигурду свой дар, тот заметил, что маг вовсе не так беззаботен, как пытается показать. Йотулл не отступал ни на шаг, когда Бьярнхард провел их к надежно запертой на замки и засовы двери в свою сокровищницу. В немом изумлении озирали Сигурд богатую добычу, которую взял Бьярнхард у своих побежденных врагов. В резных сундуках лежали все мыслимые вещи, которые когда-либо мастери-

лись из золота или украшались драгоценными камнями; среди безделушек и украшений вперемешку валялись мечи, секиры, кинжалы, копья, шлемы и прочие весьма полезные вещи.

Бьярнхард отпер искусной работы погребальный сундук и достал меч в ножнах.

— Вот что я дарю тебе в знак нашей дружбы. Я требую, чтобы ты принял этот дар, иначе сочту себя тяжело оскорбленным. — Он ухмыльнулся и подмигнул Сигурду, точно маленький веселый тролль. — Если Хальвдан вдруг придет за тобой, лучше встретить его с мечом в руках. Черный день будет это для Хальвдана, а? — Бьярнхард оскалился и многозначительно подмигнул Йотуллу, который с отвращением отвернулся.

Сигурд взял меч и внимательно его оглядел, мысленно отмечая, что такая тонкая резьба и инкрустация сами по себе стоят немало. Рукоять меча была обильно выложена золотом, а клинок был острым и сверкающим. Бьярнхард пристально следил за Сигурдом, и его острые глазки сверкали не хуже меча.

— Ну, как? По душе ли тебе этот меч? — хитро осведомился он. — Если нет, я подыщу другой... только боюсь, он будет не такой искусной работы и не так подходящ для твоей цели.

Сигурд не обманывался насчет щедрости Бьярнхарда. Этот меч всего лишь плата за услугу, которую хочет получить от него ярл доккальвов. Сигурд слегка улыбнулся при

мысли, как он будет разочарован — не говоря уже о том, что лишится замечательного меча.

— Благодарю тебя, он великолепен, — ответил Сигурд, влагая меч в ножны. — Надеюсь отплатить тебе за щедрость как сумею.

Бьярнхард покачал головой:

— Нет, нет, это подарок, и ничего более. Дань уважения, так сказать. Бери и владей.

— И пусть этот меч послужит тебе так же хорошо, как прежним своим хозяевам, — добавил Йотулл, переглянувшись с Бьярнхардом, который сверкнул на него глазами.

Рольф разглядывал свои стрелы, когда Сигурд явился к нему с мечом. Он обнажил меч и бросил его на войлочный ковер рядом с Рольфом, чтобы тот мог приглядеться к оружию.

— Ну-ка, посмотри! Бьярнхард подарил мне этот меч в знак дружбы, и более ничего. Во всяком случае, так он говорит. Как по-твоему, что это значит — дружба или взятка? — Говоря это, он с восторгом разглядывал руны, покрывавшие меч от рукояти до острия.

Рольф глядел на меч, мерцавший в отблесках пламени, и глаза его раскрывались все шире. Вдруг он выронил стрелы, закрыл руками глаза и отпрянул, побелев и задрожав.

— Убери его, Сигурд! — вскрикнул он. — Не могу больше видеть его!

Сигурд торопливо вложил меч в ножны и сунул его под одеяло.

— В чем дело, Рольф? — спросил он. — Ты прочел что-нибудь в этих рунах? Уверен

ты, что это не просто игра пламени? Это же древние руны — вряд ли они могут быть важны для нас.

Рольф покачал головой, все еще дрожа. Глаза его блестели от пережитого потрясения.

— Я знаю, что я увидел. Руны мерцали и плясали, точно пламя, и на одно мгновение я смог прочитать их. Каждому альфу дано видеть разные знамения, и я прочел... — Он оборвал себя и с силой потер глаза костяшками пальцев, точно пытаясь стереть картину увиденного.

— Что же ты прочел? Что там написано? — не отставал Сигурд, раздираемый желаниями успокоить Рольфа и броситься через комнату, выдернуть клинок из ножен и взглянуть на руны.

Рольф безнадежно вздохнул, глядя на огонь.

— Что там написано? «От сей руки ты погибнешь» — вот что. Я увидел мою смерть, Сигурд. От этого меча... и от твоей руки.

Глава 10

а нет же, не может быть! Ты ошибся, Рольф. Мало ли какие мрачные надписи бывают на древних мечах! Тебя все еще лихорадит, Рольф, если ты можешь поверить, что я способен убить тебя. Я скорее бы сам умер! — Сигурд покосился на место, где он спрятал меч. — Наверняка ведь эта надпись не предназначалась именно для тебя!

— Нет, для меня. Я знаю, что для меня. Я смотрел на это сплетение рун и думал, что никто на свете не сумеет их прочесть... а миг спустя отсвет пламени выхватил из путаницы отдельные руны, и я прочел их. Сигурд, это неизбежно.

Сигурд торопливо метнулся к двери — посмотреть, не подслушивает ли кто снаружи. В коридоре что-то шуршало — всего лишь крысы.

— Отдам меч Бьярнхарду и скажу, чтобы он сломал его. Хотя этот меч так хорош... нестерпимо даже думать о том, чтобы уничтожить его. И право же, не понимаю, как может меч сам решать, кого ему убить. Нет, правда же, Рольф, тебе все это привиделось. — Сигурду отчаянно нужен был меч, а хороший клинок найти нелегко, особенно когда нет золота, чтобы купить его.

— Нет, я знаю, что видел. Этот меч предназначил мне умереть.

— Но почему же? Что ты такого натворил, чтобы заработать особые магические руны? Если уж на то пошло, то меч должен бы убить прежде всего меня, ведь мне принадлежит шкатулка, за которой охотятся все кому не лень. Как по-твоему, может, послание предназначено мне?

Они воззрились друг на друга, и Рольф покачал головой.

— Нет, — со вздохом сказал он, — руны обращались именно ко мне, как бы я ни хотел поверить в обратное. Я предчувствую, что обречен.

— Признаться, мне не по себе стало, когда я впервые увидел меч... да и Йотулл сказал о нем что-то странное, а Бьярнхард глянул на него так, словно мечтал перерезать ему горло. Пускай-де меч послужит мне, как служил прежним своим хозяевам. Йотулл был довольно раздражен, словно этот меч — так себе, пустяк... но мне сдается, что на нем проклятие. Я верну его Бьярнхарду, да еще и скажу, какого я мнения о том, кто дарит проклятый меч своему как бы другу. Может, я и прав, что сомневаюсь и опасаюсь их обоих. Может быть, надо...

Рольф схватил его за руку.

— Сядь и помолчи, олух! Ты им ничего не скажешь, чтобы не вызвать у них подозрений. Сигурд, ты даже представить себе не можешь, во что мы вляпались! Будь ты

альвом, ты бы лучше понимал, как обстоят дела, но иногда, пожалуй, лучше и не знать, что тебе грозит. Слушай меня, Сигурд, и поступай так, как я тебе скажу, иначе, клянусь душой, ты не успеешь даже горько пожалеть о случившемся — погибнешь скорее. Погоди, я знаю, что ты сейчас скажешь: что все не так уж плохо, что ты, позаботишься о нас обоих... но есть, быть может, способ сделать то, чего хочет Бьярнхард, и все же остаться в живых. Пока что надо нам держаться как можно более мило и с ним, и с Йотуллом. Продолжай в том же духе — считай меч подарком друга. Кто знает, быть может, они искренни в своих дружеских к тебе чувствах. Твоя ненависть к Хальвдану — бальзам на душу.

— Но ведь меч проклят! — перебил его Сигурд. — Что ты скажешь об этом? Разве подарили бы они мне проклятый меч, если бы не желали мне зла?

Рольф вздохнул и поморщился:

— Да, я чую его проклятие... по крайней мере, что оно касается меня, но тебе оно, быть может, не навредит. Знаешь, на старых мечах проклятий — что блох на овце. Быть может, на всех мечах Бьярнхарда есть хотя бы по одному проклятию. Или он ничего не знает именно об этом проклятии — зато знает Йотулл. Этот лис способен за сотню миль учуять запах чар. У меня ведь было такое же недоброе предчувствие, когда я впервые увидел твою шкатулку, и я понял, Сигги, что

беды мне не миновать, если свяжу свою судьбу с этой вещицей.

Сигурд подумал о шкатулке, которую уже уложил в седельную сумку.

— Я еще не знаю, что там за штука, а уже, кажется, ненавижу ее, — с горечью заметил он. — Она поджидала меня в шкатулке еще до того, как я появился на свет. Это же просто нечестно! Смотри, сколько уже бед случилось из-за нее. Знаешь, мне уже не очень хочется открывать шкатулку — чтобы не произошло и чего похуже. Взять хотя бы проклятие... из-за него обезлюдел Тонгуль, умерла прежде времени моя бабка, и потом, я, признаться, всегда подозревал, что с гибелью старого Адила что-то не чисто.

— Нет, — со слабой усмешкой отозвался Рольф, — по крайней мере, одна польза от этого проклятия неоспорима. Без него мы с тобой никогда бы так не подружились... хоть и неизвестно, надолго ли.

Слова Рольфа мало утешили Сигурда. Он перепрыгнул меч подальше, чтобы тот как можно реже попадался ему на глаза, затем, против обыкновения с большой неохотой, присоединился к Бьярнхарду и Йотуллиу в главном зале. Никогда еще не казались ему так искренни их щедрость и приязнь, как ни пытался Сигурд разглядеть за ними затаенное зло. Приметив, что Сигурд не в духе, Бьярнхард тотчас прихромал к нему, уселся рядом и принялся серьезно расспрашивать, что так

обеспокоило гостя, даже подлил ему эля, чтобы подбодрить.

— Это меч тебя растревожил? — Бьярнхард с довольно хитрым видом постукивал себя по носу. — Неужели боишься, что не сумеешь когда-нибудь отплатить мне за добро?

Сигурд пытался отговориться плохим настроением и тому подобной чепухой, но Бьярнхард не отступал. Юноша и глазом не успел моргнуть, как уже рассказал ему во всех подробностях разговор с Рольфом о мече. Бьярнхард откинулся на спинку кресла, и на лице его отразилось безмерное изумление.

— Хорош же я — подарить в знак дружбы проклятый меч! — воскликнул он, сокрушенно качая головой. — И ты мог поверить, что я сделал это нарочно? Ты же знаешь, я с тобой совершенно честен. Твои заботы — мои, твой путь — мой, и я не покинул бы Свинхагахалл ни ради какого дела, кроме одного, которое для меня так же важно, как моя жизнь!.. Не хочу стать причиной ссоры между такими друзьями, но все же должен тебе напомнить, что Рольф все еще верен Хальвдану и высоко бы поднялся в его мнении, если бы вернул в Хравнборг тебя и шкатулку. Вспомни к тому же, что бедняга долго болел, и это, быть может, отразилось на его рассудке. Я рад, что ты заговорил со мной на эту тему, — теперь мы сможем лучше позаботиться о Рольфе. Быть

может, лучше отговорить его от путешествия — оно наверняка окажется рискованным для того, кто перенес тяжкую болезнь. Если он отправится с нами, то, боюсь, не вернется.

Сигурд отлично знал — ничто не заставит Рольфа остаться.

— А как же меч? — спросил Сигурд. — Ты уверен, что на нем нет проклятия, которое может вынудить меня убить Рольфа?

Бьярнхард энергично помотал головой:

— Клянусь всем, что мне свято, — нет! Я бы никогда не вложил в руки друга такое гибельное оружие. — Он вцепился в подлокотники кресла и обжег Йотулла ненавидящим взглядом. — Этот маг спит и видит, чтобы нас с тобой разделила кровь. Может, он что-то сотворил с рунами. Надобно тебе знать, что это он наслал на тебя Гросс-Бьерна. Берегись его, мальчик мой, как бы он не похитил у тебя шкатулку!

— Не похитит, — отвечал Сигурд. — Хальвдан не меньше жаждал ее заполучить, а все же я от него сбежал.

Мгновение Сигурд и хромой ярл мерили друг друга осторожными взглядами. Затем Бьярнхард стукнул по полу култей и захохотал.

— О да, ты достойный противник Хальвдану! Именно потому я и дал тебе меч. Когда покончишь с Хальвданом, возьмешься ли ты убить Йотулла? — Глаза его сверкали от злобного удовольствия.

— Тогда следующим останешься ты, — без тени шутки отвечал Сигурд, прямо глядя в глаза Бьярнхарду.

Когда пришло время отправляться в путь, снег и ветер неукротимо завывали вокруг Свинхагахалла. Йотулл расхаживал по полуобвалившимся стенам крепости, и ветер свистел, залепляя снегом его бороду. Вернувшись в зал, он раздраженно содрал с себя плащ и объявил:

— Я готов прозакладывать суму и посох, что эта метель порождена магией! Ветер дует с юга — стало быть, из Хравнборга. Ну, если только это дело рук Миклы! Я повешу дрянного крысеныша вниз головой на полсотни лет!

Рольф при упоминании Миклы просиял, но Сигурда пробрал зловещий озноб, когда он представил, что из Хравнборга на него может направляться враждебная магия. Входная дверь затряслась на петлях, и Сигурду послышалось снаружи сопение морока. Он взялся за рукоять меча... и ветер словно издевательски захохотал, веселясь при мысли о скиплинге, который готов в одиночку бросить вызов бешенству пурги.

— Неужели нельзя все же отправляться в путь? — спросил он. — Весенние метели обычно подолгу не тянутся.

— И эта не протянется, — пробормотал Йотулл, роясь в своей суме. — Мы отразим ее чарами, да такими, что эти ничтожества затрясутся с ног до головы. — Он схватил в

охапку какие-то инструменты и амулеты и торопливо зашагал к узкой винтовой лестнице, которая вела на самые высокие стены цитадели — наилучшее место для сотворения чар.

Сигурд ерзал на месте и злился, а Рольф и Бьярнхард сидели у очага друг напротив друга и делали вид, что дремлют, но на самом деле сверлили друг друга подозрительными взглядами. То и дело Сигурд подходил к двери и прислушивался — ему все чудились приглушенные тревожные крики, но он не решался открыть дверь, опасаясь нападения морока. Вместо себя он посылал наружу слуг, одного за другим, — но эти плуты не спешили возвращаться. Последним отправился за дверь Слинг, прежде всласть поспорив и попеняв, что это-де не его обязанность — быть на посылках; на деле, как подозревал Сигурд, в его обязанности входило развлекать Бьярнхарда и шпынять командиров, которые приходили за приказами ярла.

Бездельник едва только успел выскользнуть за дверь, а Сигурд — запереть за ним последний из множества засовов, как Слинг бешено забарабанил в дверь снаружи, захлебываясь от визга. Он ввалился в зал еле живой, с льёсальвийской стрелой в спине. Бьярнхард заковылял к двери, хватаясь за меч, но Сигурд уже снова захлопнул и крепко запер дверь.

— Они здесь! — прохрипел Слинг, в ужасе озираясь. — Точно белые волки в снегу. Тишина... смерть... стрелы!

— Это Хальвдан, — угрюмо сказал Бьярнхард, и кривая усмешка рассекла наискось его лицо. Он похлопал Сигурда по плечу: — На сей раз есть кому биться за меня, и он не подведет. Этот меч выстоит против перчатки Хальвдана. Я знал, что не зря выжил, — горбатый, безногий, но выжил: ради мести, сладостной, бесценной, последней мести.

Рольф поднял взгляд от белого как мел умирающего Слинга — в глазах доккальва, обращенных к Сигурду, остывал немой укор.

— Но, Сигги, ты ведь не станешь драться с Хальвданом? Вспомни, ведь он дважды спас тебе жизнь!

Сигурд вслушался в топот ног, приближавшийся к двери, и дрожь охватила его в предвкушении боя.

— Если он считает, что я покорным пленником вернусь в Хравнборг, — да, я буду с ним драться! Драться до смерти, если он захочет отнять у меня шкатулку. Я-то знаю, что он явился именно за ней!

Бьярнхард извлек из ножен свой меч и встал за спиной у Сигурда.

— Толку от меня немного, Сигурд, но я постараюсь прикрыть тебя сзади — как положено истинному другу. — Он метнул злобный взгляд на Рольфа, который все еще склонялся над Слингом.

— Я не подниму руки на Хальвдана, — отрезал Рольф. — И тебе позор, Сигурд, если станешь биться с ним.

Сигурд не слушал его. Дверь сотрясалась под мощными ударами, и хор голосов громко требовал немедля открыть ее. Бьярнхард побледнел и попятился к проему, за которым была лестница, ведущая наверх.

— Тихо, вы все! — один голос заглушил все остальные.— Если нужно будет, мы выбьем дверь молнией. Эгей, Сигурд! Сигурд, ты здесь?

Сигурд бесшумно шагнул к двери.

— А это ты, Микла, ученик мага?

— Кто же еще, болван? А теперь отопри дверь, покуда я ее не сжег. Ты и так нас здорово вывел из терпения!

Сигурд уже хотел зло огрызнуться, когда вдруг по лестнице сбежал Йотулл и в несколько прыжков одолел комнату. Он остановился у самой двери, не обращая внимания на облегченные восклицания Бьярнхарда и делая вид, что не заметил, как хромой ярл пытается улизнуть наверх.

— Так это Микла теперь маг у Хальвда-на? — прогремел Йотулл, искрящимся наверх-шим посоха один за другим отпирая засо-вы.— Очень уж храбро ты разговариваешь для простого ученика. Магом тебя еще никак нельзя считать. Не могу представить, чтобы даже ты набрался наглости не то что ввязать-ся в магический поединок со мной, но даже просто скрестить мечи!

Ответом ему был новый оглушительный грохот в дверь.

— Открывай, не то мы похороним тебя и сделаем гроб из этой двери! — прорычал

Хальвдан. — Ты один в ответе за все это безумие, Йотулл. Когда-нибудь мы с тобой найдем время посчитаться, и тогда уж верно один из нас не уйдет живым!

Йотулл почти отодвинул последний за-сов и тотчас же отпрыгнул, заняв лучшую оборонительную позицию. Новый удар снаружи — дверь распахнулась настежь, едва не слетев с петель. Хальвдан ворвался в комнату и замер на почтительном расстоянии от Йотулла и от Сигурда, стоявшего с мечом в руке.

Бьярнхард опустился в кресло, широко улыбаясь, словно все явились сюда исключительно ради его развлечения.

— Вечер добрый, Хальвдан, мой старый враг и соперник, — произнес он, постукивая кулечей по полу, чтобы привлечь всеобщее внимание. — Не правда ли, это похоже на добрые старые времена, когда мы то и дело налетали друг на друга, чтобы всласть подражаться? Мне до сих пор ужасно не хватает прежнего Хравнборга, того, что был на равнине. Поверь мне, всякий раз, как я вижу его развалины, сердце сжимается от боли.

Хальвдан шагнул в комнату, заснеженный и разъяренный, — полная противоположность невозмутимому Бьярнхарду.

— Я желаю твоему сердцу лишь одной боли — от преждевременной смерти! Видно, трудней всего прикончить самую бесполезную тварь — змею либо доккальва. Может, на сей раз мне убить тебя, чтобы ты лег

рядом со своими стражниками? Я пришел за скиплингом, которого Йотулл похитил из Хравнборга, и без него отсюда не уйду.

— Ну так и побеседуй об этом с Йотуллом и скиплингом, — отвечал Бьярнхард, все еще усмехаясь и поигрывая мечом.

Сигурд и Хальвдан обменялись недружелюбными взглядами. Йотулл оперся на посох.

— Видно, ты не понимаешь, что скиплинг ушел со мной добровольно, — заметил он, — так что о похищении и речи быть не может.

— Это все из-за тебя! — бросил Хальвдан, гневно сверкнув глазами. — Ты отлично знал, что сумеешь убедить его во всем, что тебе выгодно! Он захотел сбежать, и ты, уж конечно, не стал его отговаривать!

— Отговаривать! — воскликнул Сигурд. — Да с какой стати мне было там оставаться? Ты бы не замедлил прикончить меня, убедившись, что я не отдам тебе шкатулку! Я отлично знаю, что ты замышлял нечто подобное.

Хальвдан перевел на него яростный взгляд:

— А Йотулл и Бьярнхард, по-твоему, ничего такого не замышляют? Ты думаешь, они славные, честные ребята и заботятся только о твоём благополучии?

— Нет, не думаю, — ответил Сигурд. — Я больше никому не верю. Ни тебе, ни им. Я следую своей дорогой и намерен открыть шкатулку, а если ты вздумаешь мне помешать — тебе же хуже. Ты уже пытался

обмануть меня, и я больше не верю твоим словам.

— Вот речь воина, Сигурд! — вставил Бьярнхард. — Так назови Хальвдана лжецом, и покончим с этим!

Хальвдан шагнул к Бьярнхарду:

— Прикуси язык, или я закончу дело, которое не завершил когда-то. Ты и сейчас урод, и прежде не был красавцем, так что мир с твоей смертью много не потеряет. Свои дела с тобой я улажу после, а сейчас я должен разобраться со скиплингом.

Сигурд указал острием меча на дверь.

— Если так, то наш разговор закончен. Ни за что на свете я не вернусь в Хравнборг с тем, кто намерен убить меня.

Бьярнхард захихикал. С полдюжины доккальвов украдкой спустились с лестницы и с мечами и топорами подобрались к его креслу.

— Наши шансы, Хальвдан, скоро сравняются. Без боя тебе не взять ни скиплинга, ни шкатулку. Он явно не желает с тобой идти, да и вряд ли, на мой взгляд, ему стоит соглашаться. В конце концов, он гость в Свинхаггахалле, и мой долг — не допустить, чтобы он попал в руки невежественных изгоев, то есть твоей шайки. Как ни прискорбно, а придется тебе убраться отсюда без скиплинга и без шкатулки — ты уж сам рассуди, какая потеря тебе больнее. Так что же, Хальвдан, уйдешь ты, как подобает рассудительному человеку, или же выставить тебя с треском? — Он ус-

мехнулся и кивнул на темный силуэт Йотуллы, который молча переводил взгляд с Сигурда на Хальвдана и Бьярнхарда с холодным напряжением хищной птицы, нацеливающейся на жертву.

Вместо ответа Хальвдан сорвал с плеч и отшвырнул свой плащ, чтобы без помех выхватить меч. Лёсальвы тотчас приготовились к бою. Йотулл обнажил меч, сжимая в левой руке посох.

— Нет, нет! — воскликнул Бьярнхард, взмахом руки веля Йотулле отойти прочь. — За меня будет сражаться кое-кто другой. Сигурд жаждет сойтись с тобой в поединке, Хальвдан. Я дал ему вот этот меч, и настала пора испробовать клинок в деле. Ничто не может так обрадовать меня, как вид твоей крови на клинке, который я вложил в его руку.

Хмурия черные брови, Хальвдан поглядел на Сигурда, на его меч и опять на Бьярнхарда. Затем, презрительно фыркнув, он вложил свой меч в ножны.

— Я не стану сражаться в неравном поединке. Это ничем не лучше убийства.

— Ложь! — Сигурд сверкнул глазами и шагнул ближе, угрожающе взмахнув мечом. — Я не новичок в бою и не был им еще до того, как пришел в ваш мир. Своим отказом драться ты оскорбил меня, так вот — я вызываю тебя защищаться или умереть. Не говоря уже об этом оскорблении, я должен отомстить за несчастья Тонгулля. Посмей-ка

отрицать, что это твоими стараниями тролли изгнали оттуда всех поселенцев, а виновной в их злодействах объявили мою бабу, и она умерла, не выдержав позора!

Хальвдан едва сдерживал гнев, но все же его рука не легла на рукоять меча.

— Я и в самом деле отрицаю это, по-прежнему отказываюсь пресечь твое невежественное и глупое существование. Готовься к возвращению!

— Господин мой. — Дагрун шагнул вперед. — Он не захочет уйти с миром. Не сказать ли ему твою тайну?

— Нет, Дагрун, — нетерпеливо бросил Хальвдан, — не в этом месте и не на остриях мечей!

— Хранить все в тайне — не лучший выход, — пробормотал Дагрун, неохотно отступая и все еще озабоченно хмурясь.

— Мне известна эта ваша тайна! — крикнул Сигурд. — Я сам слышал, как ты, Хальвдан, похвалялся, что получишь шкатулку без борьбы тотчас же, как только пожелаешь. Помнишь, как однажды вечером толковал с Дагруном в маленькой конюшне? Я был там и слышал все. Ты не посмеешь отрицать, что замышлял обмануть меня и, быть может, убить, если я не отдам шкатулку.

Хальвдан и Дагрун изумленно и озадаченно переглянулись, точно сию минуту вспомнить, что же именно они тогда говорили.

— Ничего такого мы не замышляли... — сердито начал Дагрун, но Хальвдан резко

велел ему замолчать и угрюмо взглянул на Сигурда, наливаясь темной злой кровью.

— Довольно тратить время попусту! Ты возвращаешься с нами и когда-нибудь, я надеюсь, сам поблагодаришь за это. Ты ослеплен дарами и лестью, не говоря уже о собственной твоей гордыне. И даже меч, с которым ты пытаешься вызвать меня на бой, — коварный трюк, рассчитанный на твою доверчивость. Я знаю этот клинок и могу поклясться тебе, что никакой истинный друг не мог бы тебе его подарить. Он прошел через многие руки, и все его хозяева совершали им жестокие убийства. На этом мече проклятие, которое понуждает носящего меч к бесчестным поступкам. Лучшее, что ты можешь сделать с этим даром, — вернуть его дарителю, пронзив клинком его же сердце!

Сигурд с ненавистью смотрел прямо в глаза Хальвдану и сгорал от стыда, что Хальвдан обращается с ним как с зеленым юнцом, не понимающим, что к чему. Слова Рольфа о мече промелькнули в его памяти, и еще сильнее взъярился он на льёсальвов, которым только и счастья в жизни, что разочаровывать его во всех честолюбивых стремлениях. Меч в руке Сигурда почти явственно дрожал от ярости и жажды боя, но неколебимый взгляд Хальвдана словно пригвождал юношу к полу.

— Ты бы надел перчатку, Хальвдан! — Голос Бьярнхарда вздрагивал от возбуждения. — Он намерен тебя прикончить и,

клянусь жизнью, сделает это, если ты не побережешься!

Хальвдан, однако, не спешил ни вынуть из-за пояса свою знаменитую перчатку, ни обнажить меч. Никогда еще Сигурд не ненавидел кого-то так яростно и неистово, как ненавидел он в эту минуту ярла Хальвдана. Меч его не дрогнул; казалось, все вокруг потемнело, сердце Сигурда гулко, словно молот, билось в груди, он задышал глубже. Удушье неизбежной гибели сдавило грудь Сигурда, и он всем сердцем отдался на волю этого страшного чувства. Он вложил всю силу в удар мечом и явственно ощутил, как металл врезался в живую плоть, когда Хальвдан вскинул руку, пытаясь защититься от удара, застигнутого ярла врасплох. Хальвдан не успел и наполовину выдернуть свой меч из ножен, когда Сигурд вторым ударом пронзил его насквозь. Неверяще глянув на Сигурда, ярл рухнул на землю. Более всех были потрясены льёсальвы, которые разразились дружным горестным воплем и бросились вперед с единственной мыслью немедленно отомстить убийце своего вождя. Сигурд выдернул меч и отпрыгнул. Доккальвы Бьярнхарда бросились защищать Сигурда, и комната наполнилась лязгом мечей о щиты, криками ярости и смертельной боли. Сигурд едва сознавал, с кем он, собственно, сражается, — он наносил удары направо и налево с безумной яростью берсерка, пока последний из его противников не перепрыгнул через груды тел, оружия и доспехов

и не помчался вдогонку за отступающими льёсальвами.

Йотулл сунул меч в ножны и расхохотался — неожиданно громко в наступившей тишине. Затем искал взглядом Бьярнхарда — хромой ярл предпочел спастись бегством на лестницу. Теперь он ковылял к ним, чихая и кашляя, но все еще ухмыляясь.

— Мы их перехитрили, Йотулл! — просипел он и рухнул в кресло, чтобы отдышаться. — И Сигурд убил Хальвдана. Какая прелесть! Этот болван даже и не понял, что с ним произошло. Сигурд, где ты? Тысячу раз заслужил ты этот меч, и я всегда буду у тебя в долгу. А где труп Хальвдана, Йотулл? Перчатка моя!

Сигурд вложил меч в ножны и начал озираться. Все, кроме одного, доккальвы Бьярнхарда были мертвы или тяжело ранены, однако если кто-то из льёсальвов и погиб, со товарищи унесли всех с собой, включая и Хальвдана. Йотулл завершил бесплодные поиски крепким ругательством, а ухмылка Бьярнхарда превратилась в разочарованную гримасу.

— Так в погоню, Йотулл! Они не могли далеко уйти. Уж не Рольф ли приложил руки к исчезновению трупа? Если это так, я его...

Упомянутый персонаж тотчас любезно появился на сцене, выбравшись из укрытия в старой кладовой.

— Я не желал драться против друзей и родственников, — пояснил он, — и потому

предпочел остаться ни на чьей стороне, куда это возможно. Но Хальвданова тела я не уносил, да и как бы я это сделал, если все время прятался вот здесь?

Сигурд не знал, как ему смотреть в глаза Рольфу, о чем с ним говорить. Его прежнее яростное возбуждение быстро испарилось, но ему казалось необходимым немного похвастать перед Бьярнхардом и Йотуллом, посему он делал вид, что крайне разочарован тем, как сумели льёсальвы унести Хальвдана и его перчатку. Настроение Бьярнхарда не улучшалось, а Йотулл, злой как черт, отправился собирать рассеянных врагом защитников Свинхагахалла, чтобы устроить погоню.

— Мы не тронемся в путь, пока они не вернутся, — проворчал Бьярнхард и, бросившись в кресло, принялся растирать увечную ногу — точь-в-точь медведь раненую лапу. Весь остаток дня он пил не переставая, пока не впал в беспамятство, а когда очнулся несколько часов спустя, разъярился еще пуще, узнав, что Йотулл и посланный вдогонку льёсальвам отряд еще не вернулись.

Сигурд и Рольф держались подальше от Бьярнхарда, особенно когда он принялся грозить мечом слугам всякий раз, когда они подходили слишком близко. Он бесился и сыпал проклятиями далеко за полночь, но его вопли не были единственной причиной бессонницы скиплинга.

Сигурд одиноко сидел у камина в своей уютной комнате и все не мог согреться.

Потом он пошел искать Рольфа, не в силах долее горевать и зябнуть в одиночестве.

— Рольф, ты спишь, что ли? — ворчливо осведомился он у двери, за которой мерцал красноватый отблеск огня в очаге.

Темная фигура у огня шевельнулась и откликнулась, не оглядываясь:

— Нет, не сплю. Входи, коли хочешь. Судя по воплям, Бьярнхард все еще бесится. Вряд ли мы уснем этой ночью.

Сигурд уселся на табурет рядом с Рольфом и долго молчал, уставясь на угли в очаге, — вполне под стать унылому безмолвию Рольфа.

— Я знаю, ты вправе меня ненавидеть, — наконец сказал он. — Вот подходящий повод нам расстаться, и, если ты покинешь меня, я не обижусь. Ты, наверно, думал, как бы отомстить за Хальвдана? В крайнем случае, оставь меня здесь и возвращайся в Хравнборг... я-то этого уже никогда не смогу сделать. Ранхильд пожалеет, что морок тем вечером не утопил меня, и мне кажется, что так было бы и лучше для всех. Ох, Рольф, как же я жалею, что сделал это! — прибавил он со внезапной горестью. — С этим мечом в руке я превратился в убийцу! Гордиться нечем — я вспоминаю, как Хальвдан пытался мне помочь... ведь он вправду однажды спас мне жизнь!

Рольф вздохнул, тяжело ссутулив плечи.

— Скоро ты с этим справишься, Сигурд. С Бьярнхардом и Йотуллом в качестве главных советчиков ты очень скоро забудешь

Хальвдана. А обо мне не тревожься. Я останусь с тобой, пока... пока не случится то, что я прозрел. Что сделано, Сигурд, то сделано, так что незачем нам обоим терзаться, оглядываться назад, сетовать... Если не выбросишь из головы эти мысли, тебя до конца дней будут преследовать вещи, сыплющиеся со стен или летающие по комнате, — как, к примеру, вот эта кочерга. — Он кивнул на закопченную кочергу, которую гоняла по полу причудливыми зигзагами проказливая Сила Сигурда. От его нечаянных взглядов свалились уже почти все вещи, развешанные по стенам комнаты.

— Я враг даже самому себе, — с горечью проговорил Сигурд, когда раскаленный уголек выскочил с оглушительным щелчком из очага и, прежде чем Сигурд успел смахнуть его, прожег в штанах дыру, опалив кожу на колене. — Похоже, всякий, к кому я подойду близко, обречен на неудачи. Может, тебе все же лучше уйти от меня, Рольф? По крайней мере, останешься жив.

— Нет, Сигги, я пригожусь тебе... хотя ты сам этого еще не знаешь. — Рольф задумчиво пошевелил угли в очаге и внимательно глянул на Сигурда. — Есть один способ хоть немного возместить льёсальвам гибель Хальвдана, если, конечно, ты готов это сделать.

Сигурд утрюмо потирал обожженное колено.

— У меня нет ничего ценного, кроме жизни, а ее ценность не так уж и велика,

если вспомнить, что меня преследует морок, который во что бы то ни стало решил меня поймать. Ну да валяй говори, что ты задумал. Хуже, чем добровольно отдать меня на суд и месть льёсальвов, ты уже не придумаешь.

Глаза Рольфа блестели.

— Не дай Бьярнхарду и Йотулли завладеть тем, что сокрыто в шкатулке! Эта вещь для них крайне ценна, а Хальвдан явно считал, что ее нужно держать подальше от этой парочки, иначе бы он не рискнул своей жизнью, придя сюда за тобой и шкатулкой. Мы запросто сумеем сбежать из Свинхагахалла, ведь до сих пор ты не делал никаких попыток побега. Доберемся до Хравнборга и уговорим Миклу помочь нам найти Свартафелл. Если ты сумеешь как-то заменить Хальвдана — значит, его гибель была не напрасна.

Сигурд прислушался к воплям Бьярнхарда, который на чем свет стоит клял своих слуг и призывал к себе Слинга, не зная, что тот уже никогда не откликнется на его зов. Он подумал о сытной пище, тепле и уюте, к которым уже успел привыкнуть, о черной мощи Йотуллы, которая неизбежно обратится против него, если он решится сбежать. Подумал Сигурд и о мороке, который преграждал ему путь надежнее, чем все в мире замки и запоры.

— Вдвоем, в снегу и мраке, нам не выжить, — сказал он наконец. — Ты все еще не

можешь стрелять из лука, и мы оба не знаем заклятий, отгоняющих троллей. Мне кажется, безопасней делать вид, что мы следуем замыслам Бьярнхарда... да и не уверен я, что в Хравнборге согласятся принять за смерть Хальвдана виру, меньшую, чем моя кровь. Вспомни хотя бы Ранхильд.

Сигурд вздрогнул, охваченный странным чувством, что девушка в эту самую минуту думает о нем. Ужасно будет видеть ее врагом... Плетеный шнурок из волос Ранхильд вдруг показался ему не даром, а петлей на шее. Сигурд поспешно снял его и бросил бы в огонь, но пожалел колечко, которое было ему как раз впору на мизинец; да и запасная тетива еще никому не мешала, и Сигурд спрятал плетеный шнурок в карман.

Рольф отвернулся и долго глядел в огонь, не говоря ни слова. После долгого молчания он наконец сказал:

— Хальвдан был прав, говоря, что твой меч принуждает своего владельца совершать бесчестные дела. Первым было убийство Хальвдана, вторым, вероятно, станет моя смерть. Хотел бы я знать, Сигги, что станется с тобой... — Он ворошил кочергой угли, не поднимая глаз.

В душе Сигурд с ним согласился, но ничего не сказал. Ночь они провели, прислушиваясь к частым взрывам Бьярнхардова гнева и отмечая ход времени по смене часовых на полуразрушенных башнях, — стражники с топотом спускались по узкой лестнице и выход-

дили через главный вход. Один раз Сигурд даже как будто различил радостное хихиканье Гросс-Бьерна и грохот копыт по входной двери... но это ему, скорее всего, приснилось.

После этого он и глаз не мог сомкнуть, хотя утренняя стража еще не сменяла полуночную. Сигурд оставил Рольфа, свернувшегося клубком в неудобной позе у очага, и пошел бродить по лабиринту подземной крепости Бьярнхарда, надеясь отыскать хоть какого-нибудь доккальва, который скажет ему, чем увенчалась погоня Йотуллы. Лампа в его руках горела тускло, соломенный фитиль почти кончился, и встречались ему только шнырявшие по углам крысы да Бьярнхардовы гончие, которые потягивались и виляли хвостами, следуя за юношей по стылым коридорам. Раз или два Сигурду встретились слуги, тащившие вязанки дров, но они удрали с его дороги так же проворно, как и крысы, узнав в нем владельца проклятого меча. В самых глубоких и сырых погребах Сигурд отыскал лазарет, но там никто не был в состоянии с ним беседовать. Вчерашний налет льёсальвов сильно пошатнул ряды Бьярнхарда, и это, без сомнения, добавило бешенства хрому ярлу.

Изрядно продрогнув, Сигурд вернулся в большой зал, где тощий старый раб разводил в очаге жаркий огонь, готовясь к утреннему выходу Бьярнхарда. Старик подскочил, увидав Сигурда, и опасно сообщил, что

завтрак еще не готов, прибавив с тенью укора, что час, мол, ранний и никто еще не проснулся.

— Ничего, я подожду, — отвечал Сигурд. — Ступай займись своими делами. Я послежу за огнем и подброшу дров, если понадобится.

— Это славно. Может, тогда, господин, тебя не затруднит впустить утреннюю смену? — с надеждой осведомился раб, потирая над огнем узловатые пальцы. — Они постучат.

Сигурд кивнул, и оборванец исчез в темном коридоре, оставив Сигурду возможность первым выяснить, в каком настроении будет Бьярнхард после того, как он всю ночь пил и воплями призывал к себе Йотулла и Слинга. Ждать пришлось недолго — скоро утренняя стража подошла к дверям, топоча по снегу, и почтительно постучала. Сигурд открыл, и доккальвы, что-то проворчав в благодарность, гуськом вошли в зал. Последний вел с собой незнакомца в засыпанном снегом плаще.

— Говорит, что гонец, — сообщил доккальв Сигурду. — Вроде бы знает что-то про Йотулла, если не врет, конечно, — добавил он и ушел, мимоходом ткнув пришельца в бок луком и вожделенно глянув на огонь.

Посланец уселся у очага и стряхнул снег с плаща, чтобы подсушить его в гостеприимном теплом зале. Сигурд сел в кресло и

подпер кулаками подбородок, тотчас забыв о гонце. Появились слуги и стали накрывать на стол. Едва они ушли, гонец отбросил капюшон и повернулся к Сигурду, который лениво разглядывал рукоять меча, пытаясь разобрать смысл в причудливой вязи рун. Наконец он поднял взгляд на гонца — и в тот же миг узнал хмурое и строгое лицо Миклы.

Глава II

Что тебе здесь нужно? — осведомился Сигурд, берясь за рукоять меча. — Хочешь погибнуть?

— Не больше, чем хотел этого Хальвдан, — резко ответил Микла. — Я пришел, чтобы вернуть в Хравнборг тебя и Рольфа. Прочие отправились вперед, чтобы доставить Хальвдана в ближайший Дом Исцеления.

— Так он жив? — вскрикнул Сигурд.

Микла пожал плечами:

— Быть может, частица жизни еще теплится в нем, но я мало надеюсь на благополучный исход. Где Рольф?

Сигурд кивнул в сторону коридора:

— Спит. Может, тебе лучше унести ноги, пока никто тебя не заметил? Если ты столкнешься с Йотуллом, он из тебя настругает лапши.

— Неважно. Ну же, Сигурд, неужели ты не хочешь отсюда выбраться? — Микла спокойно оглянулся в сторону коридора.

— Я здесь не пленник, — отрезал Сигурд, правда не очень уверенно, потому что вспомнил морока. — И если уж я уйду отсюда, то не в Хравнборг, где мстительные альвы только и ждут, как бы взять с меня кровавую

виру за Хальвдана! Я отправлюсь в Свартафелл, найду мастера, который сделал шка-тулку, и попрошу открыть ее.

— Тогда я пойду с тобой. Если только это в моих силах, я не дам ни Бьярнхарду, ни Йотуллу завладеть тем, что хранится в шка-тулке. Какая бы это ни была вещь, если один из них ее заполучит — судьба последних аль-вов будет предрешена.

— Судьба изгоев, хотел ты сказать, — по-правил его Сигурд, поигрывая мечом. — Вы ведь все здесь альвы. Только похоже, что я заключил союз со стороной, которая побеж-дает и победит. Оглянись только по сторо-нам, сравни Свинхагахалл с тем, что творится в Хравнборге, — и ты поймешь, почему я не желаю отречься от своих привилегий ради со-мнительной чести насмерть замерзнуть вмес-те с тобой по пути в Свартафелл. Даже если б нам удалась эта безумная затея, что проку вести заведомо безнадежную войну, защищая горстку мелких фортов вроде Хравнборга от мощи Свинхагахалла?

— Ага, значит, вот что! Ты выбрал сто-рону, которая с виду сильнее, даже не по-думав, праведная это сторона или нет? По-слушай, я довольно видел в Свинхагахал-ле, чтобы убедить тебя, насколько лучше нам в Хравнборге. Видел ли ты, чтобы там кто-то голодал или замерзал до смерти? Раз-ве Хальвдан ел мясо, когда не было мяса для его воинов? Может, в его доме и нет изобилия, но и низостью там не пахнет. А

Свинхагахалл, Сигурд, насквозь провонял низостью, и меня поражает, что ты не чуешь этого.

Сигурд раздражался все сильнее, особенно когда понял, что возразить тут нечего. Бьярнхард правил своими подданными так, чтобы те не могли выжить без его поддержки. Такой обычай сулил неисчислимые беды тому, кто попадал в немилость, — но Сигурд считал себя выше такого положения... во всяком случае, пока он не заслужил неудовольствия Бьярнхарда.

— Послушай, Микла, — сказал он, — не понимаю, зачем ты тратишь здесь попусту время? Я с тобой не уйду, а силой ты меня не уведешь, пока у меня есть вот это. — Он угрожающим движением наполовину вытащил из ножен меч.

— Вот как? — Микла ожег его гневным взглядом. — Сигурд, ты простой скиплинг, а я уже почти что полноправный маг. Бьюсь об заклад, что я мог бы увезти тебя туда, куда я сочту нужным, — а я намерен доставить тебя и Рольфа в Свартафелл, как бы ты ни брыкался и ни валял дурака! Времени у нас мало, так что ступай будить Рольфа и собирайтесь в путь. Я уже заседлал ваших коней — они ждут.

Сигурд встал и обнажил меч.

— Вот мой ответ! А теперь лучше убирайся, пока я не разозлился настолько, чтобы и тебя не прикончить.

Микла поднял посох.

— Я вижу, тебе понравилось убивать друзей? Вошел, так сказать, во вкус? Ну-ка убери меч, или я расплаблю и его, и твою руку без всякого сожаления!

— Слова истинного друга! — с издевкой заметил Сигурд. — Нет, Микла, я хорошо знаю, кто мои друзья, и ты к ним не относишься.

— Отношусь, болван, только ты слишком туп, чтобы это понять! — огрызнулся Микла.

Сигурд вспыхнул от ярости, поняв, что ничего в жизни он так не хотел, как прикончить Миклу.

— Таких слов не прощают, — сказал он и нанес удар... но Микла, наученный примером Хальвдана, отпрянул и увернулся от меча. Сверкающее лезвие пронзило лишь его плащ.

Микла перепрыгнул через стол и занес посох, приготовясь произнести заклинание. Сигурд хотел было прыгнуть за ним... но тут его затылок словно взорвался, он проковылял шага два по странно накренившемуся полу и рухнул навзничь. Зала головокружительно завертелась перед глазами, и из этой круговерти возникло озабоченное лицо Рольфа.

— Как ты, Сигги? Я тебя не слишком сильно ударил?

— Нет, ничего, все в порядке, — хрипло прошептал Сигурд, чувствуя, как на затылке стремительно растет изрядная шишка. Он укоризненно глядел на Рольфа.

Наконец Сигурд с трудом поднялся на четвереньки и даже не смог возмутиться, когда Микла, что-то злобно ворча, схватил его меч, вложил в ножны и сунул за пояс. К тому времени, когда Сигурд сумел кое-как подняться на ноги, Рольф уже затолкал их пожитки в две седельные сумы, стащил для Миклы красивый плащ и новые сапоги и завладел доброй половиной завтрака, накрытого для Бьярнхарда. Он набросил на плечи Сигурда плащ, стараясь не зацепить свеженькую шишку, и объявил:

— Мы готовы, Микла. Пошли!

Рольф и Микла с двух сторон взяли Сигурда за руки, вышли из зала и по длинному темному коридору вышли вверх, где одинокий часовой возился со скудным костерком и даже не глянул на троицу, важно прошеествовавшую мимо. Стражи на укреплениях подступили было к ним с расспросами, но Микла в ответ что-то раздраженно рявкнул, как и подобало важной персоне, и дал шпоры коню.

Они скакали галопом в медленно светлеющую мглу. И когда уже минуло за полдень, стало понятно — теперь их никто не сможет догнать. Микла и Рольф ликовали. Сигурд все еще дулся, тем более что каждый поворот головы напоминал ему о коварстве Рольфа. После нескольких дней пути, в глубине души радуясь каждому лучику скупого светящего солнца, Сигурд снизошел до того, чтобы заговорить с Миклой и Рольфом.

Первым делом Сигурд потребовал у Миклы свой меч, но Микла ответил:

— Я спрятал его туда, где он не сможет причинить беды. На самом деле, Сигурд, тебе не слишком хочется получить этот меч обратно. Я прочел начертанные на нем руны — клинок проклят для каждого, чья рука сожмет его рукоять. «Три предательства я свершу» — вот что на нем написано. Это руны dwarves; видимо, доккальвы схватили кузнеца-гнома и заставили его выковать им волшебный меч, а он этим проклятием отомстил, как мог. Гномы, в общем-то, славный народец, но обиды они помнят вечно. Когда доберемся до Свартафелла, попросим Бергтора уничтожить меч, чтобы никто больше не погиб из-за проклятия.

Сигурд вздохнул и уставился на огонь, на котором готовился скудный завтрак.

— Я не часто в этом признаюсь, но так оно и есть — я осел. Йотулл и Бьярнхард все подстроили, чтобы заманить Хальвдана в Свинхагахалл, а там оказался я вот с этим мечом и убил его.

— Да, — сказал Микла, — Бьярнхард позаботился, чтобы нужная весть достигла Хравнборга. Хальвдан подозревал ловушку, но, я уверен, никогда бы не подумал, что это окажется именно ты. Не могу винить тебя во всем... но тебе будет трудненько оправдаться. Надеюсь, то, что хранится в этой шкатулке, окажется чудом из чудес, — иначе как возместить гибель Хальвдана?

Рольф упрямо натягивал отсыревшие сапоги.

— Я все ломаю голову, где же Йотулл. Гонится он по-прежнему за теми, кто унес Хальвдана, или же следует по пятам за нами? Какая добыча покажется ему ценнее — или доступней?

Никто не ответил на этот вопрос, но ни о чем другом они не могли думать, когда сели на коней и снова тронулись в путь сквозь непроглядный мрак. Впрочем, солнце с каждым днем всходило все раньше и дольше задерживалось на небе, отчего тролли явно пали духом, а погоня из Свинхагахалла наверняка отставала. В холодные морозные ночи путники различали топот копыт по камням за несколько миль от стоянки, и Микла лез из кожи, чтобы чарами сбить со следа доккальвов. Он нагонял такой густой туман, что дышать в нем было почти невозможно, будоражил метели и пургу, чтобы запорошить след и сбить с толку погоню. Он сотворял миражи, к примеру ярко освещенный дом, из которого доносилось веселое пение; доккальвы метались от горы к горе, прежде чем догадывались, как легко обвели их вокруг пальца. Лучшим миражом Миклы была расселина, которая отделяла доккальвов от их добычи, и они подолгу метались вдоль края, пытаясь обойти расселину или хотя бы перебраться через нее. Сигурд глядел на Миклу с новым уважением, особенно когда тот сотворил в небе небывалое огненное зрелище, чтобы у

преследователей не хватило духу идти за ними дальше.

Одно только обстоятельство никак нельзя было поправить магией. Скудный запас пищи приходил к концу, а, судя по картам Миклы, они едва преодолели четверть пути до Свартафелла.

— Почему бы тебе не наколдовать нам еды? — ворчливо заметил Сигурд как-то вечером, когда все трое, промокшие и приунывшие, с пустыми желудками, сгрудились в лавовой пещере. Снаружи лил шумный весенний дождь.

Микла покачал головой:

— Даже если б я это и сделал, пользы для нас никакой. Наколдованная еда не насыщает. Сделаем лучше вот что: будем останавливаться в усадьбах и хуторах по дороге и трудиться за пропитание. Среди других альвов Йотуллу будет труднее отыскать нас заклинаниями. Мы совсем немного свернем к западу и через два дня доберемся до усадьбы под названием Туфнавеллир. Может, им понадобится помощь в стрижке овец. Потом можно будет остановиться в Квигудалире, Миркдхале, Скардрсстронде, Флёте и Гуннавике. А там уж рукой подать до подножий гор, где в своем Свартафелле живет Бергтор.

Сигурд задумчиво подергал себя за бородку и помрачнел.

— Я не думал, что между нами и Свартафеллом так много разных поселений. Что,

если там окажутся соглядатаи Бьярнхарда и Йотулла?

— Альвы независимы по натуре, и доккальвы не исключение, — отвечал Микла. — Ты этого, может, и не знаешь, но тамошний народ не слишком жалуется Бьярнхарда и Йотулла, и вряд ли кто-то поспешит выдать нас.

Сигурд утешал себя мыслями о прочной крыше, которая защитит их от дождя, и хоть какой-то еде, что попадет в подведенные от голода желудки. Даже если Бьярнхарду удастся как-то изловить их, он сумеет вернуть себе доверие хромого ярла. В конце концов, его ведь увезли силой, против его воли. Совершенно ясно — им одним не выжить, а именно об этом он говорил Микле, и эта мысль приносила Сигурду некоторое удовлетворение.

Они добрались до Туфнавеллира на исходе короткого весеннего дня. Дождь растопил сугробы, наполнив речные русла ревущими потоками воды, и низкие холмы вокруг усадьбы уже подергивались зеленой дымкой. Дым приветливо вился из трубы большого торфяного дома, окруженного хижинами, амбарами и загонами для скота. Судя по блеянию овец и собачьему лаю, стрижка уже началась.

Как и предсказывал Микла, хозяин Туфнавеллира был только рад получить помощников для стрижки. Камби Чернобров не встретил новых работников гостеприимными взглядами, когда они, завершив дневные труды,

явились в дом ужинать, но еда у него за столом оказалась отменная и обильная, а слуги и домочадцы держались предусмотрительно вежливо.

— Гостей у нас бывает немного, — проговорил Камби, попыхивая трубкой, которая почти терялась в его огромном корявом кулаке. — Не то чтобы мы вам не рады, но вы, верно, заметили кой-какие тревожные признаки в окрестностях Туфнавеллира и, быть может, не захотите остаться поработать здесь столько, сколько намеревались.

Его глаза, блеснув из-под густых курчавых бровей, тотчас же впились в Сигурда, и взгляд этот был так пронизателен, что Сигурд поежился и решил быть начеку: хозяин словно сказал ему без слов, что все знает о нем. Сигурд сообразил, что Камби, хотя с виду груб и неотесан, на деле отнюдь не обыкновенный крестьянин.

Микла тоже изучал взглядом хозяина.

— Да, верно, я заметил, что вокруг усадьбы многовато могильных курганов, и почувствовал, что в безлунные ночи это не самое приятное в мире местечко. Я более-менее искушен в магическом ремесле, так что буду рад усмирить неугомонных покойников, если они вас беспокоят.

Жена и дочери Камби оторвались от вышивания и обменялись взглядами, в которых было настороженное любопытство. Ульфрун, жена Камби, явно была недовольна тем, как повернулся разговор.

— Слушай-ка, — резко обратилась она к мужу, — ты, похоже, решил отпугнуть отсюда трех добрых работников, а где ж мы сейчас новых-то найдем? Помолчал бы ты, Чернобров!

— Не буду, сварливая ты баба! — огрызнулся Камби. — Я узнаю мага с первого взгляда, ясно? — Он поглядел на Миклу, вздохнул и покачал головой. — Сызмальства живу здесь и никогда не считал это место особо мирным, но худшее началось год назад, когда умер мой отец. Звался он Вигбьёд и был искуснейшим магом, всю свою жизнь враждовал с Бьярнхардом. Когда Вигбьёд умер, Бьярнхард подослал чародея, чтобы тот поднял его из могилы и подчинил своей воле, и теперь Вигбьёд по велению Бьярнхарда мстит этой усадьбе и ее обитателям. Из-за друга моего отца мы не смеем после полуночи оставаться в этом доме. Он уже убил нескольких гостей, которых застал спящими в его постели, а иные просто исчезли, и я подозреваю, что друг заволок их в свою могилу, так что стали они лиходейскими призраками и теперь терзают нас новыми злыми проделками. Есть тут еще упыренек-домовой — он обитает в Туфнавеллире с тех пор, как построена усадьба. Гаденыш время от времени портит молоко или убивает скотину, но все же от него больше досады, чем опасности. Ну да вы его еще увидите — оборванный мальчонка в бурой рубашке, — а то на своей шкуре испытаете его проказы, если поживете у нас подольше.

Сигурд глянул на Миклу с кривой усмешкой:

— И ты все еще полагаешь, что Бьярнхарду нелегко будет нас здесь отыскать? Лучшего места и нарочно не придумаешь.

Рольф содрогнулся и отодвинулся подальше от груды костей, которые служили здесь топливом. Ульфрун, заметив это, недобро хохотнула:

— Придется тебе, юноша, привыкать: в Туфनावеллире под каждым холмиком кости. Предки Камби проявили великую прозорливость, поселившись как раз посередке старого могильника, так что плуг на каждом шагу выворачивает из земли чей-нибудь скелет. Род Камби всегда отличался особенной тупостью, а в последнем их отпрыске она расцвела прямо-таки пышным цветом. Если б только Камби согласился, пока шкура цела, пойти на службу к Бьярнхарду, мы бы жили и богаче, и веселее!

Камби одарил жену хмурым взглядом и подергал оттопыренную нижнюю губу.

— Пора нам покинуть дом, — поднявшись, торжественно объявил он. — Я проведу наших гостей в коровник — увы, это лучшее место для ночлега, которое мы можем им предложить.

— Хотя там холодно и крыша во время дождя протекает, — злорадно добавила Ульфрун.

Сигурд изрядно пал духом при мысли о коровнике. Он обвел взглядом уютный дом с

мягкими постелями и ярко горящим очагом и почти с ненавистью покосился на Миклу.

— Я не намерен спать в коровьем стойле. Вы ступайте туда, если пожелаете, но я останусь здесь, в тепле и уюте. По-моему, — тише добавил он, — они выдумали эту историю с драугом, чтобы оправдать свое негостеприимство. Надо же — устраивать гостей на ночь в коровнике!

Рольф отчаянно замотал головой:

— Ну нет, мне и коровника довольно! Ночевать бок о бок с домовым и драугом — слуга покорный!

— Тогда я переночую здесь один, — упрямо сказал Сигурд.

— Тогда ты до утра не доживешь, — отозвался Камби. — И уж верно не я буду в этом виноват.

Торфяная крыша над их головами вдруг застонала, и мелкая пыль осыпалась на спину и плечи Камби.

— Вот видите, — продолжал он невесело, — уже начинается. Видно, Мори-упыреныш прыгает по крыше, новую пакость замышляет.

Микла поглядел вверх, где за полумраком балок и стропил сквозь дымовое отверстие сияли звезды.

— А в твоём коровнике крепкая дверь? — спросил он. — Конь, к примеру, не сможет ее выбить?

Камби пожал широкими плечами, и лицо его стало еще печальнее.

— Разве может один бедный крестьянин со всем управиться? Дверь как дверь, вот и все, что можно о ней сказать.

— Тогда мы все будем этой ночью спать в доме и попытаем счастья с Вигбьёдом и Мори, — решительно сказал Микла. — Боюсь, что мы привели за собой в Туфनावеллир кое-что похуже. — Прежде чем сказать это, он огляделся, дабы убедиться, что Ульфрун и прочие домочадцы уже ушли. — Мы тоже враждуем с Бьярнхардом, и он наслал на нас морока.

— Так вы тоже льёсальвы, — подытожил Камби с мрачным удовлетворением. — Я был в этом почти уверен, только ведь чужаков лучше не расспрашивать. Эх, друзья мои, низко мы пали после разорения Сноуфелла! Боюсь, не к добру вы пришли в Туфनावеллир, но если уж вы решили спать в доме — будь по-вашему. Заприте все двери и никого не пускайте, что бы он ни говорил. И ложиться в лучшую кровать я бы тоже не советовал — это кровать Вигбьёда, а он терпеть не может, когда там кто-то спит.

Камби пожелал спокойной ночи и, выйдя из дома, тяжело потрусил через двор к хижине, небольшой и закопченной, где обыкновенно устраивался на ночлег.

Рольф оглядел пустую залу, схватившись за секиру, когда порыв ветра из дымового отверстия шевельнул плащом, висевшим на крюке. В тишине все трое услышали, как за скрипели стропила, — кто-то прошелся по

крыше до самого края и с ворчанием спрыгнул на землю. Миг спустя три пары ноздрей жадно нюхали воздух под дверью. Морок попробовал дверь на зуб, лягнул ее так, что она задрожала, и удалился с раздраженным ревом.

Рольф с шумом выдохнул.

— Пожалуй, я и глаз не сомкну, пока мы будем в Туфनावеллире. Надолго мы здесь застрянем, Микла?

— Нам ведь нужно, по крайней мере, помочь хозяину закончить стрижку, — пожал плечами Микла, — а на это потребуется самое меньшее две недели. У него есть еще овчарни в горах, и те овцы тоже нуждаются в стрижке. К тому времени мы как раз заработаем довольно еды на дорогу.

— Но что, если между тем нас отыщет Йотулл? — Рольф понизил голос и невольно оглянулся на дверь. — И Бьярнхард ведь тоже способен отыскать нас чарами?

Микла уже устраивался у очага.

— После ухода из Свинхагахалла мы не единожды переправлялись через реки, а холодная вода ослабляет чародейские способности Бьярнхарда. Йотуллу тоже трудненько будет выследить нас после этих бесконечных дождей. Если он нас и найдет, то не скоро. Ну, чья первая стража? Если я не ошибаюсь, Сигурд, — твоя очередь.

Сигурд, сдерживая раздражение, оглядел крепкие стены и крышу.

— Да к чему это? Мы здесь в полной безопасности, если не отпирать дверь.

— Нет, кто-то должен бодрствовать, — отозвался Рольф, все еще косясь на плащ, болтавшийся на крюке. — По округе бродят Гросс-Бьерн и целая свора друзей, и я не смогу уснуть, если кто-то не будет за ними следить.

Сигурд кивнул. Рольф и Микла свернулись калачиком у очага и скоро погрузились в крепкий сон. Сигурд прислушивался к голосам друзей Туфнавеллира — упыри услужливо завывали и перекликались из могильных курганов. Он попытался разглядеть тварей через щелочку в двери, но тут в дымовом отверстии что-то зашуршало и шлепнулось на земляной пол неподалеку от Сигурда. Он схватился за секиру и приготовился драться. Пришелец встряхнулся, как ожившая груда тряпья, повернулся и наконец увидел Сигурда.

— А, да это ты! — воскликнула тварь и, расплываясь в ухмылке всем своим морщинистым лицом, с дрожью радости протянула Сигурду руку, которую тот неохотно пожал. — Я так рад тебя видеть! Нынче гости здесь бывают редко. Мое имя Мори. Верно, старый Чернобров уже рассказывал обо мне. — Упыреныш пожал руку сам себе, захлебываясь и фыркая, как в воде.

Сигурд с отвращением попятился. Мори был размером с двухлетнего ребенка, весь сморщенный и ссохшийся, точно сушеное яблоко. Всю его одежду составляла обтрепанная рубашка из грубого холста, чьи рукава и

подол превратились в спутанные лохмотья. Тут и там были привязаны разнообразные лоскутья, призванные прикрыть самые большие дыры в этом достойном одеянии, и гнуснейшего вида колпак сползал то на один глаз, то на другой, пока упыреныш гримасничал и кривлялся, словно чудовищный, разом составившийся младенец.

— Как... как идут дела? — настороженно осведомился Сигурд, все еще сжимая секиру и гадая, что же предпримет морок.

— Дела? О, я делаю все, что хочу! — Мори подпрыгнул и мерзко захихикал, не сводя с Сигурда блестящих, точно пуговицы, глазок. — Я только что из молочной. Перепортил весь творог, который поставили на сыр, — набросал конского навоза. Глупые женщины забывают выставить мою долю, вот я и учу их помнить о бедняжке Мори. Завтра я сдеру шкуру с лучшего быка Черноброва, если они опять меня забудут.

— В доме есть еда, если ты голоден, — сказал Сигурд, кивая на вход в кухню.

— Голоден! — возопил Мори, выкатывая налитые кровью глаза. — Я всегда голоден! Если бы тебя, подобно мне, младенцем бросили на вершине горы умирать от голода, ты бы тоже никогда не мог наесться вдоволь!

Сигурд поглядел на своих спящих друзей и пошел за упыренышем в кухонный закуток, содрогаясь от ужаса, к которому примешивалась изрядная доля любопытства. Мо-

ри тотчас схватил оставшуюся с ужина баранью ляжку и обглодал ее быстрее, чем Сигурд успел бы съесть и кусочек. Швырнув кость на пол, Мори принялся обеими руками набивать в рот творог, простоквашу и сливки, больше портя, чем съедая. Та же участь постигла целые караваи хлеба, и упыреныш не уgomонился, пока вся еда в кладовой не была съедена или перепорчена.

— И это все? — осведомился Мори, вытирая рот грязными останками рукава и с голодным видом озираясь по сторонам. — В жизни не встречал такой скупердяйки, как Ульфрун. Гляди-ка на бедное мое брюшко! Оно плоское, точно пустой мешок. — Он задрал рубашонку и показал Сигурду сморщенный отвисший живот — ребра явственно торчали под тугой желтой кожей. Сигурд содрогнулся, снова испытал ужас.

— Кожа да кости! — с гордостью объявил Мори. — И смотреть-то не на что, а? А? — Он ткнул Сигурда локтем в бок и яростно подмигнул.

— Да на тебя и вообще-то глядеть неохота, — вырвалось у Сигурда, и он смешался, но Мори как будто именно такого ответа и ожидал. Закатившись в припадке смеха и чихания, упыреныш соскочил на пол — в жизни Сигурд не видел более омерзительного зрелища.

— И все же ты не прав, — сказал вдруг Мори и, вспрыгнув на кухонный стол, вытер

об него свои грязные ноги. — Морок, сотворенный из младенца, которого мамаша бросила погибать на вершине горы, — наихудший из мороков, особенно если успеть к нему прежде, чем отлетит его последний вздох. — Мори подался к Сигурду, кривляясь и корча самые невыносимые гримасы, и заговорил прямо ему в лицо: — Я уже умирал, когда некий чародей отыскал меня и пустил в дело: прежде всего — напугал до безумия мою злодейку-мать и загнал ее на утесы Хускавика, где она и сломала себе шею. Вот в этих самых нищенских лохмотьях она бросила меня на погибель. Но я славно ей отомстил! — Мори оскалил зубы в угрожающей ухмылке.

— По правде говоря, она этого заслуживала, — запинаясь, пробормотал Сигурд.

— Ах, как я рад слышать это от тебя! — Мори повернулся на одной ноге посреди стола. — Я вижу, мы станем большими друзьями, если, конечно, ты позволишь мне каждую ночь хозяйничать в кухне. Ты привел мне от Бьярнхарда славного помощника — Гросс-Бьерна. Только маг Бьярнхарда мог додуматься сотворить этакую тварь! Нынче ночью он превратился в ободранную кошку и задушил раба. Скажи мне, чем это ты заслужил такую ненависть Бьярнхарда?

Сигурд с трудом мог собраться с мыслями, пока блестящие глазки Мори пристально впились в него.

— По правде говоря, не знаю. Я-то думал, что Гросс-Бьерна наслал кое-кто другой...

— Ой, нет, нет! Знаешь, я всегда говорил, что морок морока ни с кем не спутает, а уж морока свинхагахалльской работы я всегда смогу отличить. Я и сам таков. — Мори хлопал себя по бокам.

В этот миг входная дверь содрогнулась под тяжким ударом, и Сигурд схватился за секиру. Мори захихикал:

— Это старина Вигбьёд желает войти. Но он сейчас удалится, и ты услышишь других ночных гуляк. Старая Скума будет вопить за овчарней, где ее прикончили полсотни лет назад. Скоро она поскребется в дверь и будет умолять впустить ее, но если ты поддашься жалости, она утащит тебя в могилу, и мы никогда больше не увидим тебя... живым, конечно. А младенцы, которые были брошены и умерли в этой усадьбе, так славно верещат...

У Сигурда волосы встали дыбом — это упыриха Скума начала скрестись в дверь, стонать и молить, чтобы ее пустили, иначе она вот-вот умрет. Когда ее отчаянные вопли наконец затихли вдалеке, Сигурд услышал другие крики и стоны, исходившие из могильных курганов, которые окружали усадьбу.

Еще один тяжкий удар едва не снес дверь с петель, и Мори одобрительно хохотнул.

— Вигбьёд теряет терпение. Может, хочешь впустить его?

— Нет! Ни за что! — вскрикнул Сигурд, видя, что морок направился было к двери. — Мне здесь маг-упырь нужен не больше, чем ты... то есть я хотел сказать, если его сотворил Бьярнхард..

— Он приходит поглядеть на золото, — прошептал Мори сквозь зубы. — Ха! Я вижу по твоим глазам — тебе нравится золото! Но есть еще кое-что, и оно тебе больше придется по вкусу. Я много знаю о тебе, дружок, и, поскольку ты мне по душе, я скажу тебе, что это такое и как ты можешь его добыть. Но прежде дай слово, что ты не проболтаешься своему пронырливому дружку Микле. Он мне вовсе не нравится. Обещаешь? — Он вдруг резко подался вперед, зловеще уставясь в глаза Сигурда.

Тот слегка отодвинулся.

— Сначала ты скажи мне, что же это такое я хочу и трудно ли будет его добыть. Я прежде ничего не похищал у друзей, и на самом деле есть одна только вещь, ради которой я мог бы рискнуть...

— Что это? — спросил Мори, придвигаясь ближе с отвратительной ухмылкой.

— Меч, — ответил Сигурд, и Мори свалился со стола в новом припадке хохота. Когда припадок прошел, морок вскарабкался по ножке стола наверх и с торжественным видом пожал руку Сигурду.

— Так это и будет меч, дружок, — сообщил он с неприятным хохотком. — Бьюсь об заклад, ты собрался сразиться с Гросс-Бьер-

ном! Вот это будет битва!.. Но ты обещаешь ничего не говорить своему дружку, магу Микле? Слишком он молод для силы, коей обладает, да и тебе ведь он тоже не слишком нравится?

— Он мне вовсе не нравится, как и тебе. Он украл у меня меч и отказывается вернуть. Если б я мог только добыть другой клинок, я пошел бы на все, даже ограбил друга! Даю тебе слово, что ни о чем не скажу Микле. — Сигурд снова пожал руку Мори, и тот расплылся в ухмылке до ушей.

— Итак, заключим договор. Я помогу тебе добыть меч из потайной сокровищницы Вигбьёда, а ты поможешь мне досадить Черноброву и его семейству. Ха, слушай, старина опять колотит в дверь! Завтра ночью мы позволим ему войти, и ты увидишь свой будущий меч. Кстати, только смеха ради, почему бы тебе не выспаться в постели Вигбьёда?

— Потому что тогда он убьет меня, — опасливо отвечал Сигурд.

— Чепуха! Он тебя убьет, только если не сделаешь, как я скажу. Возьми дюжину ножей и выложи вокруг кровати остриями внутрь, тогда он тебя не тронет.

— Но ведь спать на полу безопасней? — скептически отозвался Сигурд. — Не то чтобы я сомневался в твоих словах, но...

Мори уселся, скрестив коротенькие ножки.

— Надо бы тебе знать, что я не стану лгать тебе, — укоризненно проговорил он. —

Я ведь друг твоего друга Бьярнхарда. Ну же, наберись смелости! Дверь будет заперта, Вигбьёду сюда не пробраться. Я сам помогу тебе уложить ножи. Бьярнхард хочет, чтобы ты получил этот меч.

Сигурд неохотно согласился попытать счастья, когда Рольф сменит его на посту, и вежливо намекнул, что Рольф, в отличие от него, не так мягок с домовыми; если он увидит Мори, то поднимет крик и разбудит Миклу. Мори тотчас понял намек.

— Тогда я ухожу. Микла мне не по душе. Вот увидишь, я придумаю для него какую-нибудь особенную пакость. Спокойной ночи, дружок! Жди меня завтра ночью и не забудь о ножах — остриями внутрь. Прощай!

Сигурд чувствовал себя довольно глупо, выкладывая вокруг постели острые ножи, и только надеялся, что не забудет о них, когда утром соскочит на пол или неловко повернется во сне. Рольф сонно поглазел на его приготовления и пошел проветрить сонную голову на сквозняке, тянувшем из-под двери.

— Ничего странного не видел, Сигги? — осведомился он, зевая.

— Нет, ничего, — отвечал Сигурд из глубин роскошной перины на постели Вигбьёда. — В кухне, должно быть, повозились крысы. — Он вдруг так неудержимо захотел спать, что едва успел закрыть глаза. Бессильно слышал он, как Рольф громко и безмятеж-

но храпит на посту, — из дымового отверстия эхом вторило ему злорадное хихиканье, и сморщенное личико старика младенца заглядывало в комнату. Даже Микла спал так глубоко, что не услышал, как засовы на двери мягко скользнули вбок и едва слышно скрипнули петли — тяжелая дверь медленно растворилась.

Глава 12

Громкий крик вырвал Сигурда из глубин сна. Он выскочил из постели, едва успев вспомнить о ножах и только чудом не располосовав ноги до крови

— Эгей! Есть кто живой? — надсаживал глотку Камби Чернобров, стоявший на пороге дома с фонарем в руке.

Еще было темно, но Сигурд знал, что утро уже наступило.

— Мы все еще здесь, — сообщил он довольно невежливым тоном. — Ты всегда так будишь своих домашних? — Он увидел, как Рольф, скрючившийся у двери, проснулся и поспешно вскочил со сконфуженным видом.

— Дверь была нараспашку, — пояснил Камби. — Мне-то казалось, что вы додумаетесь запереть дверь на ночь после нашего ухода.

— Мы ее и заперли, — отозвался Микла, зажигая огонь в очаге мановением руки. — Рольф, когда ты стоял на страже, дверь была заперта?

Рольф от стыда потерял дар речи.

— Была заперта, покуда я не заснул, — наконец признался он. — Не знаю, что на меня нашло, но глаза у меня слипались — не утер-

петь. Никогда прежде мне не случалось заснуть на посту.

— Это все Мори, — мрачно заметил Камби. — Он обожает такие шуточки. Какая удача, что вы не погибли!

— Так, значит, друг Вигбьёда до нас не добрался, — сказал Сигурд со вздохом облегчения и хотел было сойти по ступенькам кровати.

— Стой! Ни с места! — вскричал вдруг Камби, своим фонарем освещая пол около кровати. — Вот, видишь ты эту грязь? Похоже на следы ног — кто-то прошел через комнату и остановился перед кроватью.

Сигурд глянул на комья засохшей грязи, цепочкой тянувшиеся по полу к кровати, и по спине у него пробежали мурашки. Микла присветил себе наверху посоха, оглядел грязь и сказал:

— Это земля из могилы. Тот, кто наступит на нее, окажется во власти друга. — Он поглядел на Сигурда — бледное лицо его в дрожащем свете казалось совиным. — Понять не могу, отчего же Сигурд до сих пор жив. Друг стоял в нескольких дюймах от него.

Сигурд осторожно опустился на постель.

— Ножи, — пояснил он ослабевшим голосом.

— Ловкий прием, — заметил Микла. — Интересно, поможет ли он в следующий раз? — Он подозрительно поглядел на Сигурда, явно намереваясь о чем-то спросить,

но Камби торопился поскорее приступить к работе. Он явно привык к издевательским выходкам своих соседей-друзгов, а поскольку на сей раз не было причинено особого вреда, уже готов был обо всем забыть.

Все утро, пока не взошло солнце, Сигурд присматривался, не мелькнет ли где Мори. Он видел Гросс-Бьерна — тот восседал на гребне холма над овчарней, черная тень в бледном свете занимающейся зари, и следил за Сигурдом злобными глазами. Сигурд подумал, что никогда не доводилось ему видеть такого тусклого и мрачного места, каким был в это утро Туфнавеллир, и от души пожалел, что забрели именно сюда. Даже ограда кое-где была сделана из костей, вернее, из китовых ребер, и оттого казалось, что какое-то чудище подползло к дому и там издохло. Сигурд решил подняться на склон холма, подальше от места стрижки, чтобы передохнуть и развлечь себя разговором с Тофой, одной из дочерей Камби. Однако не успели они обменяться несколькими словами, как Тофа вдруг умолкла и указала вниз, на подножие холма. Порыв ветра нес сухие листья и комок высохшего навоза, и этот комок, весело подпрыгивая, катился вверх по склону туда, где сидели Сигурд и Тофа.

— Это Мори, — обеспокоенно пояснила Тофа. — Вот так он всегда преследует моего отца. Если ты не против, я лучше спущусь к остальным. После поговорим.

Сигурду оставалось только с изумлением и растерянностью глазеть на комок навоза, который приткнулся к его ноге.

— Мори, это ты? — прошептал он едва слышно, не забыв прежде убедиться, что никто не видит, как он разговаривает с куском навоза.

Взвихрился водоворот пыли и лохмотьев, и перед ним возник Мори — он присел на корточки в грязи и просто для удовольствия несколько раз перекувырнулся.

— Привет! Как тебе спалось нынче ночью, дружок?

— Замерз, особенно когда Вигбьёд стоял у моей кровати и леденил меня своим упыриным дыханием. Не по-дружески это было — оставить дверь нараспашку. — Сигурд осмелел, поскольку знал, что через полчаса взойдет солнце.

Мори ухмыльнулся и подмигнул.

— Но ведь он тебя не тронул, верно? Я оказался прав? Нынче ночью я дам тебе взглянуть на меч — если, конечно, не испугаешься. Ты ведь не боишься, а? — Он издевательски захихикал, корча гримасы.

— Нет, конечно! — огрызнулся Сигурд, хотя в глубине души совсем не был в том уверен.

— Я так и думал, — ответил Мори, опять сворачиваясь в навозный ком и готовясь укатиться прочь. — Приготовься, когда я нагоню сон на твоих приятелей, и едва услышишь стук Вигбьёда — я буду рядом. И приготовь

мне что-нибудь поестъ, а то схлопочешь! — Он в последний раз чихнул, захихикал и комком навоза скатился вниз с холма. Когда из-за угла амбара обычным своим тяжелым шагом вышел Камби, комок резко подпрыгнул и последовал за ним.

Весь день Сигурд там и тут наблюдал за разными проделками Мори — Тофа указывала ему на них. Что-то испугало овец, и они прыжками унеслись на вершину холма, причем одна споткнулась и сломала ногу. Одна из хозяйских дочек порезала руку, а ворота овчарни все никак не закрывались, и овцы то удирали, то смешивались с другими отарами. Пришлось повозиться со своим конем и соседю, который приехал забрать своих овец, смешавшихся с овцами Камби, — он никак не мог уговорить коня пройти в ворота. Когда день стал клониться к закату, соседи, пришедшие за овцами, в тревоге заторопились прочь, с охотой покидая Туфнавеллир прежде, чем совсем стемнеет.

Когда завершились дневные труды, все направились в дом, где Ульфрун уже прибрала в кухне, но все еще громко причитала, проклиная свою молодую дурость, которая толкнула ее связаться с Камби Чернобровом из проклятого Туфнавеллира. Сигурд шел рядом с Рольфом, который, по счастью, тоже чересчур устал, чтобы болтать без умолку. Когда они проходили через ворота, у которых нынче днем заупрямился соседский конь, что-то вдруг резко ударило Сигурда в грудь и от-

швырнуло на Миклу, который шел шагах в пяти позади. Задыхаясь, точно рыба, выброшенная на берег, Сигурд сел и недоверчиво огляделся, не понимая, с чем это он столкнулся. Он было даже подумал, что ворота закрыты, — но нет, распахнуты настежь.

Камби и его семейство окружили Сигурда, озабоченно переговариваясь, но Микла вдруг прынул вперед и растолкал их, громко крича и размахивая посохом, точно сумасшедший. Девушки в испуге бросились врассыпную — все, кроме Тофы, рослой и крепкой девицы, которой без особого труда удалось поднять Сигурда на ноги и почти волоком оттащить под защиту коровника. Выглядывая из дверей, Сигурд наконец разглядел Гросс-Бьерна: морок высился на крыше сеного амбара, мотая светящимися голубым призрачным светом головами и молотя копытами воздух от избытка злобы. Ворча и порывая, тварь наклонилась вниз, пытаясь ухватить зубами посох Миклы.

Микла в ответ хлестнул морока струей огня, и тот, взмыв в воздух, перелетел на крышу коровника. Все четыре девушки скорчились, не в силах кричать от ужаса, когда крыша закачалась, и коровы в стойлах заматались, подняв оглушительное мычание. Камби бросился в коровник через заднюю дверь и едва успел увернуться из-под копыт огромного вола, который вырвался из конюшни, все круша на своем пути. Морок слетел с крыши и помчался вдогонку за волом; скоро

оба исчезли в расселине позади большого дома.

Камби отослал девушек в дом, но сделал знак Рольфу, Микле и Сигурду оставаться в коровнике. Они помогли хозяину успокоить коров, затем Камби уселся у фонаря, неспешно набил и раскурил трубку. Наконец полностью собравшись с мыслями при помощи облачков ароматного дыма, он посмотрел на Сигурда и сказал:

— Довольно надоедливый морок. Он немало испортит тебе жизнь, если ты не постараться от него избавиться.

— Это все для меня не ново, — раздраженно отмахнулся Сигурд. — Однако сегодня морок впервые напал на меня впрямую. Уж не означает ли это, что Йотулл близко? Послушайте, вот вы оба — маги. Почему же вы не можете справиться с мороком? Я-то думал, что магия куда полезнее, да верно ошибался. Если ты маг, Камби, как же ты терпишь вокруг своей усадьбы все это ходячее кладбище? А этот Мори... — Сигурд не осмелился продолжать, опасаясь, что Мори где-то поблизости прислушивается к разговору и ухмыляется про себя.

Камби отвечал, попыхивая трубкой:

— Я об этом когда-то подумывал, но признаться, с неохотой пытался что-то предпринять против драугов Туфनावеллира. Я к ним уже привык. Лучший способ жить рядом с драугом — давать ему то, что нужно, и он от тебя отстанет. Мори прожил в этой усадь-

бе свыше ста лет, а Вигбьёд, если помнишь, был мне отцом. — Камби грустно погладил подбородок. — Но, быть может, я смогу помочь тебе избавиться от Бьярнхардова морока.

Сигурд не стал говорить, что, по его мнению, морока наслал либо Хальвдан, либо Йотулл. Теперь уже не имело никакого значения, кто сотворил морока, раз уж грудь у него при каждом вдохе ныла от удара, который отвесила ему тварь.

— Я за это всей душой, — сказал он. — Что же нам делать?

Камби развернулся, испустив тяжкий вздох. Морок снова топтал по торфяной крыше, и стропила опасно поскрипывали.

— Подумаю, — сказал он наконец.

Весь вечер Сигурд взволнованно следил за Камби, но тот сохранял безмятежное спокойствие и ни словом не обмолвился о том, что прогонит морока, как обещал. Сигурд едва сумел скрыть свое разочарование, когда Камби и его домочадцы удалились на ночь в свою хижину. Микла пытался убедить Сигурда спать на полу, не в постели Вигбьёда, но тот, не говоря ни слова, установил в нужном положении ножи, натянул одеяло до подбородка и притворился спящим. Микла, образец бдительности, расхаживал по комнате, но Рольф тотчас же безмятежно уснул.

Сигурд долго лежал без сна, гадая, куда подевался Мори. В доме было тихо. Микла уселся у двери, зевал, клевал носом и тщетно

пытался бороться со сном. Когда день напролет гоняешься за овцами и валишь их набок, почти невозможно бодрствовать всю ночь, прислушиваясь к переключке привидений.

От первого стука Вигбьёда Сигурд так и подскочил на кровати, однако Микла уже крепко спал и только слабо шевельнулся во сне. После долгого молчания раздался второй удар в дверь и тоже застал Сигурда врасплох, как и первый. Снова стало тихо, и внезапно заколотили в третий раз. Едва стук затих, как Сигурд услышал лязг металла, и самый большой дверной засов упал на пол. Верхний и нижний засовы тоже выскользнули из петель и свалились, так и не потревожив Миклу и Рольфа. Затем Вигбьёд ударом кулака распахнул тяжелую дверь, и Сигурд увидел в проеме огромную черную тень. Друг тяжелым шагом направился прямо к кровати, где лежал Сигурд. Шлеп-шлеп... Сигурд сжался в комочек, мечтая стать невидимкой и не в силах оторвать глаз от громадной неуклюжей фигуры. Упырь подошел к подножию кровати и уставился на Сигурда, который и моргнуть-то не решался, опасаясь на шуметь. Он чувствовал себя крысой, запертой в комод, и в душе клялся самому себе никогда больше не спать в стенной нише. Друг шагнул ближе, волоча ноги по полу, и Сигурд понял, что упырь шарит по подножию кровати. Он в ужасе поджал ноги... и миг спустя услышал тихий треск — нож пропорол то ли ткань, то ли мертвую плоть, и друг, ворча, отступил.

Все еще бормоча что-то себе под нос, упырь глядел на Сигурда багровыми огоньками глаз, которые тускло мерцали на лице, в коем было больше кости, чем плоти; спутанные клочья бороды свисали на грудь друга, точно космы грязной шерсти. В тот самый миг, когда Сигурд думал, что дольше не сможет смотреть на упыря, тот повернулся, зашаркал прочь и стал возиться у стены напротив. Что-то стукнуло, упало, и наконец друг зажег лампу. В неярком свете Сигурд разглядел, что лампа сделана из половинки человеческого черепа. Он видел лишь спину друга в грязной полусгнившей одежде, когда тот открывал узкую дверцу в торфяной стене, обыкновенно скрытую драпировкой. Зазвенели монеты и золотые украшения — друг пересчитывал свои богатства.

— Правда, весело? — шепнули прямо в ухо Сигурду, и он подскочил так резко, что ударился головой о спинку кровати. Рядом с ним в постели ухмылялся Мори, подтягивая одеяло под грязный подбородок. — Сейчас увидишь меч. Хочешь знать, что надо сделать, чтобы добыть его?

Сигурд на миг оторвал зачарованный взгляд от друга и его сокровищ.

— Тсс!..

— Э, беспокоиться не о чем! Старый дурень не проберется через ножи. Как тебе его лампа? Правда красиво? — Он ткнул Сигурда локтем в бок и хихикнул. — В ней горит человеческий жир, лучший сорт жира для

всякой бесовщины. Горит ровно, но тусклова-
то... Ха, гляди, вот и меч!

Драуг медленно вынул меч и держал его на весу, любуясь его блеском при слабом свете лампы.

— Завтра ночью меч будет твоим, — прошептал Мори. — Слушай внимательно — я расскажу, как мы обведем Вигбьёда вокруг пальца. — Он зашептал в самое ухо Сигурда, и тот слушал со все возрастающим ужасом и отвращением.

— Не могу я это сделать! — шепотом воскликнул он. — Как я объясню все Микле? Он не позволит мне бродить одному снаружи после заката... и вообще, сдался мне этот меч!..

Мори ухмыльнулся так, что глаза превратились в щелочки.

— Один ты там не будешь. В Туфнавеллире уж точно. И потом, я ведь буду с тобой. Пожалуй, мы сумеем обмануть Миклу. Я могу вовсе от него отделаться, это, может быть, самое простое.

— Ты сильнее Миклы? — хмурясь, спросил Сигурд. Драуг убрал меч и снова принялся пересчитывать монеты.

— А, да ну его, Миклу! Он всего лишь ученик, а можно подумать, что твой господин. Что ж, ты сам на себя не полагаешься? — Мори зашелся хихиканьем и не мог остановиться, пока не запихал в рот уголок перины. Он отгрыз кусок ткани, выплюнул перья. — Хитренький он, Микла, но Бьярнхард и до не-

го доберется, как добрался в конце концов до Вигбьёда, как доберется в один прекрасный день до Камби, когда и тому случится умереть. Ты ведь тоже умрешь, дружок, и очень скоро, но сумеешь отсрочить этот ужасный день, если завладеешь мечом Вигбьёда. Сделаешь ты то, что я тебе сказал, или дружба врозь? — Он еще раз куснул перину и фыркнул, отдувая перья.

Сигурд следил, как Вигбьёд досчитал последние монеты и загасил жуткую лампу.

— Мори, а ты уверен, что все выйдет как надо?

Мори щелкнул пальцами.

— Еще бы! Когда все заснут, я приду за тобой. — Он кивнул несколько раз, чтобы усилить выразительность своих слов, и умчался в ворохе из перьев, соломы и сушеного навоза.

Драуг медленно прошлепал через комнату к двери и вышел, не озаботившись ее запереть. Сигурд не отрывал глаз от комьев могильной земли на полу и не вылезал из постели до самого утра, пока испуганный крик Камби не пробудил его от весьма неприятных сновидений. Микла проснулся огорченный, с затекшим от неудобной позы телом, а Рольф делал вид, что весьма огорчен тем, что его вовремя не разбудили и он, не по своей, конечно, вине, проспал свою стражу.

— Все это, конечно, делишки Мори, — сказал Камби, утрюмо качая головой. — Его хлебом не корми, дай насолить кому-нибудь.

Чую я, затевается великая пакость. — Говоря это, Камби глядел на Сигурда в упор, и у того опять возникло неприятное чувство, что неповоротливый старый Камби знает гораздо больше, чем может показаться с виду.

О том, как прогнать Гросс-Бьерна, не было сказано ни слова, пока все не отобедали. Усевшись поудобнее, Камби с удовольствием раскурил свою трубочку, поглядывая в синее небо, и стал говорить, что весна, мол, недалеко, не успеешь оглянуться, как придет и лето, что скоро конец окоту и стрижке. Затем Камби отложил трубку и серьезно поглядел на Миклу, Рольфа и Сигурда. Понизив голос и опасливо косясь на Ульфрун, он сообщил:

— Завтра я начну приготовления. Мне нужно сначала кой-чем запастись.

Однако, как он ни берегся, Ульфрун скоро разгадала его намерения. Она и так уже была в сварливом настроении, поскольку обнаружила, что Гросс-Бьерн загнал в расселину и загубил ее лучшего вола, а коров перепугал так, что они почти перестали доиться.

— Ха, поглядите-ка на него, тоже мне — маг нашелся! Да ведь с тех пор, как Вигбьед умер, ты все твердишь, что с ним справишься, а он все пугает и пугает нас. Не говоря уж о прочих друзьях — испокон веков они буйствуют будь здоров и превратили Туфнавеллир в самое жуткое местечко на свете!

Весь остаток дня она ворчала и наконец пригрозила:

— Чернобров, если ты, осел этакий, будешь сам воевать с мороком, я на тебя так разозлюсь, что до конца дней и словом с тобой не перемолвлюсь!

Камби от такого обещания просиял. Тем же вечером, сразу после ужина, он засобирался: взял лопату, большой мешок и куда-то удалился в одиночку.

Сигурд устроил себе ложе на помосте, как можно дальше от кровати Вигбьёда, и терпеливо снес неизбежные насмешки товарищей, отлично сознавая, что заслужил их. Ему-то самому было не до шуток, особенно когда он думал о том, что предстоит нынешней ночью. Не раз и не два Сигурд уже почти решал, что никакой меч не стоит такого риска, — но всякий раз строго напоминал себе, что мужчина без меча не может считаться мужчиной. Вместо подушки он подсунул под голову резную шкатулку и сказал себе, что Микла не осмелится забрать у него и этот меч. Если верить Мори, Бьярнхард как-то вызнал о беде Сигурда и старался, как мог, помочь ему через Мори. А может, это все чушь. Погибнуть, доверившись упыренышу...

Он твердо решил не спать в эту ночь и все же очнулся оттого, что Мори яростно тряс его, пытаясь разбудить, и жутко скалился ему в лицо.

— Тс-с! — предостерегающе шепнул маленький морок. — Сейчас постучь. Вигбьёд. Я открою ему дверь, а потом мы выскльзнём наружу и навестим Вигбьёдову могилку. Ты

ведь не передумал, а? — Он заглянул в глаза Сигурду и захохотал.

Сигурд глянул на Рольфа и Миклу, которые крепко спали в неудобных позах там, где застиг их чародейский сон. Микла, казалось, тянулся к посоху, и лицо его было напряженно-хмурым.

— Я не передумал и ничего не боюсь, — солгал Сигурд и вздрогнул от первого гулко-го удара в дверь. Он съехал в своем темном углу; между тем засовы выскользнули из петель, и драуг распахнул дверь. Неуклюжими шагами упырь вошел в дом, направляясь напрямиком к стенной кровати, заглянул в нее и даже пошарил по подножию, желая убедиться, что там никого нет. Мори захихикал, тыча Сигурда локтем в бок и корча дикие и невысказанные гримасы, чтобы выразить, как веселит его возможность сыграть шутку с другим драугом.

Когда Вигбьёд занялся пересчетом сокровищ, Мори вздернул Сигурда на ноги и поволок к двери, ворча и издеваясь над его страхом перед привидениями:

— Ой, да какой же ты боязливек! Это же всего лишь драуги. Ну идем же, идем, надо успеть до зари!

Он повел Сигурда к могильному кургану, стоявшему неподалеку от расселины за большим домом. Это был довольно свежий курган, и кто-то выложил вокруг него камни в виде корабля. Сигурд видел, что вход открыт; каждая частица его здравого смысла была против

замысла Мори. Хотя ночь была зябкая, морозная, за шиворотом у Сигурда текли струйки пота — словно кто-то дышал ему в спину. Сигурд часто оглядывался и все не мог успокоиться, хотя никого не было видно. Впервые за все время подумал он не о том, как бы не прослыть трусом, а о Гросс-Бьерне — и остановился, ощутив себя разумным, как никогда.

— Послушай-ка, Мори, — нетерпеливо начал он, — меня еще никогда не сманивали на большую глупость. Делай себе что хочешь, а я не стану заползать в могилу и дожидаться там Вигбьёда. Пускай меч останется при нем — мне он не больно-то нужен.

Мори недобро ухмыльнулся и похлопал себя по бокам руками, чересчур длинными для его тщедушного тельца.

— Но ведь курган теперь ближе, чем дом, а тебе, я думаю, укрыться не помешает.

Он взмахом руки указал на громадную черную тень, которая вынырнула из расселины и неспешно затрусила к ним, поставив торчком все три пары ушей. Через несколько шагов Гросс-Бьерн убедился, что перед ним действительно Сигурд, и сорвался в галоп, радостно хлеща себя хвостом по бокам и кровожадно рыча в три глотки. Голубоватый нимб окружал каждую его голову, точно облачко насекомых, и в его свете глаза морока будто сверкали предвкушением.

Не задумываясь, Сигурд припустил к кургану со всех ног. Мори мчался за ним в обличье черной собачонки, и вместе они кубарем

скатились в открытую могилу, еще влажную и скользкую от весенних дождей. Миг спустя над краем могилы возник Гросс-Бьерн и, нагнув все три головы, заглянул внутрь. Увидев Сигурда, морок ошетинился и зарычал, точно бешеный пес. Мори, все еще в собачьем облике, бросился вперед со всей отвагой и яростью дворяжки, защищающей свою добычу. Мгновение оба морока кидались друг на друга, жутко и воинственно рыча и огрызаясь, и Сигурд уже думал, что Мори вот-вот будет побежден и изодран в клочья. Однако в конце концов Гросс-Бьерн отступил, фыркая светящимся дымом и в бесплодном бешенстве ковыряя землю громадными мохнатыми копытами.

Мори принял свой обычный облик и торжествовал, измываясь над Гросс-Бьерном:

— Посмотрим теперь, кому на самом деле принадлежит скиплинг! Я беру его себе, Гросс-Бьерн, так что отправляйся в трясины, из которой выполз, и пусть там тебя доглаживают черви, или же пожертвуй себя на благое дело, пусть Ульфрун растопит тобой очаг!

Гросс-Бьерн все бросался на могилу, неистово рыча и делая вид, что сейчас выгребет их оттуда копытами. Вдруг, в самый разгар своего беснования, морок насторожился и, вздернув головы, прислушался. В наступившей тишине Сигурд услышал шаркающие шаги друга, который приближался к могиле. Гросс-Бьерн фыкнул, выгнул хвост и презри-

тельно затрусил прочь, то и дело злобно оглядываясь на Вигбьёда.

Мори зажал рот обеими руками и в полном восторге завертелся на месте, как волчок.

— Идет, идет! Помни, что я тебе говорил! Ни слова не забудь!

Медленные шаги друга замерли на краю могилы. Сигурд гадал, слышит ли упырь бешеный стук его сердца. Он не знал, чего ожидать, и после топота и рева Гросс-Бьерна стон друга, тихий и жуткий, вздыбил у него волосы на затылке. Стон перешел в душераздирающий вой, такой горестный и безнадежный, что Сигурд зажал уши, только бы не слышать его. Мори неистово колотил его кулаками, и это наконец привело Сигурда в чувство — он перестал зажимать уши и отшвырнул Мори прочь.

— Говори же, болван, говори! — шипел Мори, лягая его.

— Что тебе нужно? — рявкнул Сигурд на друга.

— Могила, — простонал тот. — Уйди из моей могилы.

— Не уйду, пока не запоеет петух, — ответил Сигурд, когда Мори от души истыкал его острыми локтями.

Друг снова издал пронзительный вопль, и Сигурд заткнул уши, решив, что спятит, если услышит этот вопль еще раз. Мори замолотил его кулаками, и Сигурд опять пришел в себя.

— Не уйду! — закричал он. — Ты не получишь назад свою могилу! — Сигурд лгал,

хотя скорее готов был удрать из могилы, и пусть себе драуг забирает ее назад.

— Золото, — прошипел драуг. — Я дам тебе золото. Скоро запоеет петух. Я не снесу дневного света. Возьми мое золото и дай мне вернуться в могилу.

— Не хочу я твоего золота! — искренне прокричал Сигурд. — Что еще у тебя есть?

Драуг забормотал себе под нос, точно припоминая:

— Драгоценные камни... доспехи... амулеты... оружие...

— Оружие? Дай мне меч, и получишь назад свою могилу! — потребовал Сигурд, повторив подсказку Мори.

Драуг снова застонал и побрел прочь, назад к дому. Мори подпрыгивал в могиле, хлопал по бокам себя и Сигурда, пока тот едва не задохнулся.

— Не понимаю, тебе-то какая польза от всей этой чепухи, — сказал он вдруг. — На той неделе стрижка закончится, и мы покинем Туфнавеллир, а меч я заберу с собой. Ты-то не получишь ничего нового.

Мори придвинул свое лицо к самому лицу Сигурда. Они хорошо видели друг друга в полумраке весенней ночи.

— О, я получу свою награду! — ухмыляясь, ответил маленький морок. — Ничто мне так не по сердцу, как кому-то угодить.

Он болтал еще какую-то чепуху, но Сигурд пропускал все мимо ушей — он напряженно прислушивался, ожидая возвращения Вигбье-

да. Наконец слышались медленные шаркающие шаги. Сигурд озабоченно выглянул из могилы и увидел, как приближается неясная тень, неся в руках меч.

— Времени мало, — простонал драуг. — Вот твой меч. Позволь мне вернуться в могилу. — Он бросил меч у края, и Мори тотчас подхватил его.

— Пусть он просит! — шепнул упыреныш Сигурду. — Пусть поползает на четвереньках! Сигурд выдернул у него меч.

— Некогда! И не стану я над ним измываться — даже у драуга есть своя гордость. Вигбьёд! Благодарю тебя за меч. Теперь отойди к соседней могиле и жди там, пока мы не покинем эту.

— Ты кое о чем забыл, — насмешливо сказал Мори, скрестив руки на груди. — Но я тебе не скажу что. Сам узнаешь... попозже.

Сигурд вынул из ножен меч, чтобы разглядеть его в тусклом свете звезд. Хорошо было снова держать в руках клинок!

— Мне нет дела, Мори, ни до чего, и в том числе до тебя. Теперь у меня есть меч, а мужчина с мечом в руках редко ошибается. — Он полюбовался холодной гладью меча и вернул его в ножны. Затем настороженно огляделся, дабы убедиться, что Вигбьёд в самом деле отошел к соседней могиле, выбрался из кургана и опрометью помчался к дому. Он уже думал о Микле и Рольфе, о том, как им объяснить, откуда у него за одну ночь взялся

великолепный меч. В конце концов он порешил хорошенько спрятать меч, покуда Туфнавеллир не останется далеко позади.

Мори бежал следом за Сигурдом до самого дома, втихомолку потешаясь тайне, которую он, по его мнению, скрыл от Сигурда.

— Прощай, дружок, дорогой мой дружок! — напоследок крикнул он Сигурду с конька крыши, шутливо отдав ему честь. — Надеюсь, этот меч доставит тебе немало радости. А ты ведь позволишь мне завтра разграбить кухню Ульфрун еще разок? Вряд ли ты уснешь чересчур крепко.

Глава 13

Сигурд спрятал меч в кровати в стеной нише, справедливо рассудив, что вряд ли кому-то придет охота шарить в постели друга. Едва он успел задремать, прежде хорошенько заперев двери, как услышал голос Камби, который громко окликал гостей. Микла тотчас проснулся.

— Ага, дверь заперта! — с торжеством воскликнул он, но тут же увидел комья могильной земли и едва сдержал разочарованный стон.

— Я все-таки заснул! А это очень странно, я ведь твердо решил бодрствовать. Сигурд, ты ночью ничего не слышал?

Сигурду даже не пришлось притворяться, что он не выспался и раздражен шумом, — Камби все еще колотил в дверь и громко звал их. Рольф поднялся, чтобы отворить, и Сигурд резко окликнул его:

— Берегись, Рольф, не ступи в могильную грязь!

Микла поднялся, посмотрел на комья земли и запертую дверь.

— Ну вот, — мрачно сказал он, — наш друг уже научился закрывать за собой дверь. Нет, в этом доме прошлой ночью разгуливали не только друзья!

Сигурд, встревоженный, резко сел на постели.

— Уж тебе бы следовало знать, что морочки способны сделать все что угодно. Это, верно, Мори запер дверь.

Когда выпустили Камби, пришлось снова отвечать на те же вопросы, и тогда Камби совершил невиданный поступок — сел и выкурил трубку до завтрака. Покуда он курил, Сигурд подхватил свои грязные сапоги и хотел незаметно выскользнуть наружу, чтобы их почистить, но в эту самую минуту Рольф воскликнул:

— Этакую грязь ты развел, Сигурд! Надо было вчера вечером сапоги чистить, а то теперь ты грязнее старины Вигбьёда.

К большому облегчению Сигурда, никто как будто не заметил, что к его сапогам прилипла могильная земля, а не обычная черная болотная грязь. Он быстро шмыгнул за дверь, чтобы соскрести эту улику, и уже почти возненавидел себя за то, что обманул своих друзей.

Он почувствовал себя еще виновней и неблагодарней, когда Камби подарил ему чудный маленький амулет, чтобы повесить на шею. Микла разговаривал с ним необыкновенно сердечно, а Рольф был предан Сигурду всей душой. Весь день, снимая с овец охапки увесистой и мягкой шерсти, в теплом и безопасном амбаре, Сигурд вспоминал меч, припрятанный в стенной кровати, и мучился от сознания своей вины.

Когда сгустились вечерние сумерки, худшие предчувствия Сигурда усилились — надвигалась буря. Позже вечером, когда буря уже всюду хлестала по Туфнавеллиру, в двери дома постучал Камби, и Микла бросился ему открывать. Вместе с Камби в дом ворвался яростный порыв ветра с дождем, и огонь в очаге высоко прыгнул вверх.

— Нынче погодка для колдовства в самый раз, — сказал Камби Микле. Глаза хозяина, обычно тусклые, возбужденно блестели, а прежняя медлительность сменилась подвижностью. — Силы, которыми мы управляем, в бурную ночь и живее, и действенней.

— Как и наш Гросс-Бьерн, — мрачно добавил Сигурд. Прежде чем запереть дверь, он указал наружу, и все увидели Гросс-Бьерна, ярко освещенного вспышками молний. морок стоял на задних ногах на вершине кургана, бросая вызов разбушевавшейся стихии.

Камби тщательно запер дверь.

— Ничего, от Гросс-Бьерна мы избавимся. Микла, возьми мешок и поставь в безопасном месте.

Он отдал Микле большой мешок и уселся у огня. Совершив несколько соответствующих жестов, которые должны были помочь призыванию магических сил, Камби разложил на серебряном подносыке в ряд магические предметы: клочок серой шерсти, амулет в виде топорика, рыболовный крючок с острием наружу,дохлую мышь и окровавленную

горстку цыплячьих потрохов. Все это он нанизал на крючок и бросил в огонь, который запылал сильнее и ярче. Камби глядел в огонь, покуда не впал в подобие зачарованного сна, и все время бормотал что-то напевное, словно разговаривал во сне.

— Стихии весьма благоприятны... благоприятны... — монотонно тянул Камби, не отрывая глаз от огня. В глазах Камби отражалось пламя; вдруг он на мгновение оживился.

— Ага! — воскликнул он, словно увидел нечто неожиданное и весьма важное. Сигурд подумал о мече, и опасения с новой силой вспыхнули в нем. Он косился на стенную нишу, где был спрятан меч, и гадал, что же на самом деле увидел Камби в своем заколдованном сне. Быть может, он знает, что припрятал Сигурд в стенной нише? Никто иной не мог бы заглянуть туда, кроме Камби... и еще, конечно, Вигбьёда — тот бы в первую очередь сунулся именно в постель. Сигурд все поглядывал на скрытую за дверцами кровать, и тут его злобредная Сила принялась шуршать драпировками на стенах и хлопать дверцами, которые ходили взад-вперед с отвратительным скрипом.

— Прекрати! — яростно прошипел Сигурд, и шум затих, оставив его наедине со своей преступной тайной, от которой его бросало то в жар, то в холод. Он уже подумывал, не отдать ли меч, но тут же отбросил эту мысль и, чтобы скрыть свою подавлен-

ность, бросился рьяно подбавлять в огонь торфа, не замечая, что в нем попадают человеческие кости. Торф задымился, подсыхая, и Камби, все еще бормоча и напевая, закрыл глаза.

За стенами дома бесновалась буря, с воинственной яростью обрушиваясь на долину, в которой лежал Туфनावеллир. Дом сотрясался и ходил ходуном под натиском дождя и ветра. После особенно гулко-го раската грома Камби встре-пенулся.

— Ну вот, — сказал он, — пора приниматься за работу. Микла, развяжи мешок, который я принес. Надеюсь, ты знаешь, как надо мастерить ведьмину узду?

Сигурд отодвинулся — слегка, но не настолько, чтобы не видеть, как Камби и Микла принялись мастерить три уздечки из самых омерзительных материалов, какие он только мог себе представить. Камби так и не сказал, где он собрал все это, — но мастерились уздечки из разных частей человеческих останков. Поводья были сделаны из полосок кожи, удила из шейных позвонков, и Сигурд потерял дар речи от священного трепета — у него на глазах обретала форму магическая снасть.

В самом разгаре трудов кто-то заскреб-ся у двери и застонал. Тотчас же Сигурд вскочил с мыслью о Вигбьёде, который выполз из могилы, чтобы отомстить обидчику, то есть ему, Сигурду. Его сотоварищи переглянулись и снова с головой ушли в работу.

Сигурд же не мог оторвать глаз от двери и раз сто, не меньше, проверял, надежно ли она заперта.

— Мои челюсти! — провыли из-за двери, и у Сигурда волосы встали дыбом. — Отдайте мне мои челюсти!

— Нет у нас твоих челюстей! — рывкнул Рольф, уже привыкший к обилию друзей в Туфнавеллире. — Пошел вон в могилу!

— Мои челюсти! — не сдавался упырь.

— Не обращайтесь на него внимания, — посоветовал Камби, не подымая глаз от зловещего дела рук своих. — Ему сразу надоест, и он сам уберется прочь.

— Мои челюсти! — взвизгнул друг. — В огне!

Микла, потеряв терпение, вскочил и схватил из очага охапку челюстей и зубов.

— Открывай дверь, Сигурд! Разве можно работать под такой галдеж? — Сигурд, охваченный ужасом, медлил, и Микла нетерпеливо рывкнул на него: — Ну, чего испугался? Открывай!

Сигурд отодвинул засовы и приоткрыл дверь на самую малость. В эту щелку Микла швырнул добытые из огня кости. Друг был явно удовлетворен и больше не давал о себе знать. Сигурд, однако, никак не мог отделаться от мыслей о Вигбьеде. Всякий раз, когда дверь содрогалась, его так и передергивало от ужаса. Он уже подумывал, не лучше ли, когда рассветет, потихоньку вернуть меч на прежнее место.

Ветер завывал вокруг дома, точно согласный хор упырей, и сотрясал дверь, пытаясь из всех сил проникнуть внутрь. Внезапно по двери замолотили оглушительные удары. Этот грохот всех застал врасплох, но в Туфнавеллире быстро привыкли к загадочному стуку в дверь. Микла заметил, что драуг на сей раз, судя по звуку, великоват, а Рольф слегка посерьезнел. Сигурда прошиб холодный пот от худшего страха, который только он до сих пор испытывал, — страха вины и грозящего разоблачения. Он не сомневался, что стучит Вигбьёд.

Снова дом огласили громкие удары, сопровождаемые яростным криком. Голос что-то неразборчиво пробормотал, и снова на дверь обрушились удары, такие мощные, что она затряслась. Сигурду оставалось только тешить себя мыслью о толщине торфяных стен и крепости двери — но тут он вспомнил зловредного Мори, который запросто мог бы распахнуть дверь и впустить разъяренного драуга. Такие шуточки вполне во вкусе упыреныша! Бешеный рев и крики по ту сторону двери ничем не напоминали Сигурду жалкого мертвеца, который прошлой ночью умолял его об одном — вернуть ему место вечного успокоения.

Рев и крики тем временем стали разборчивей, и уже можно было различить слова.

— Мой меч! Отдайте мой меч! Воры-ы-ы!.. — Последнее слово перешло в такой дикий вой, что у Сигурда мурашки побежали

по спине. Он украдкой покосился на Миклу и Камби, пытаясь понять, не подозревают ли они неладное.

— Не обращайтесь вы на него внимания, — снова посоветовал Камби, не поднимая глаз от наполовину сшитой уздечки. — Ничего он нам не сделает, если только не ворвется в дом. Не отвлекайся мы — давно бы уже справились.

На Сигурда он не глядел, но тот был наверняка убежден, что Камби знает о краже меча. Сигурд решил, что утром вернет клинок по первому же требованию Камби. Сейчас, однако, тот был целиком поглощен колдовскими уздечками.

Где-то после полуночи буря унеслась прочь, и Туфनावеллир странно затих. Все други тоже куда-то подевались. В тучах засияла луна, мирный светоч в бледном северном небе. Камби кивнул и сделал последний стежок.

— Стихии на нашей стороне, — одобрительно проговорил он.

Сигурд с большой неохотой покинул безопасный дом, но он хорошо понимал, что противиться было бы нелепо. Он беспрестанно озирался, готовясь увидеть Вигбьёда, тащущегося сразу во всех темных уголках Туфनावеллира, и ни на шаг не отступал от Камби, который вел всю компанию на поиски Гросс-Бьерна. Искать пришлось недолго — три пары остроконечных ушей выглядывали из-за конька крыши коровника.

— Ага, вот и он, — сказал Камби. — Что ж, я думаю, нетрудно будет сманить его отсюда. Пойдем на луг — там довольно места, чтобы его погонять как следует.

— Зато и укрыться негде, — проворчал Сигурд. — Что если твои уздечки нас подведут?

Камби невозмутимо указал ему на гору камней, высившуюся в самом центре луга, и начал свой колдовской речитатив. Морок недоверчиво прислушивался и приглядывался к своим врагам, отчего-то вышедшим на открытое место. Наконец он заворчал и трусцой двинулся к ним, с любопытством подергивая хвостом. Микла, Камби и Рольф не дрогнули, продолжая песнопение, но Сигурд, когда Гросс-Бьерн с шумом и топотом направился прямо к нему, метнулся к груде камней. Он услышал злобный скрежет зубов и прибавил ходу... но тут морок растянулся на земле, сбитый с ног заклятием Камби. Сопя и задыхаясь, Гросс-Бьерн поднялся на ноги, свирепо поглядел на Сигурда и Камби и галопом помчался прочь, яростно охаживая себя по бокам хвостом и отфыркивая клубы вонючего дыма.

Камби глянул на Сигурда с мягким упреком, и тот раскаянно решил в следующий раз непременно выстоять.

Гросс-Бьерн пытался напасть снова и снова, но всякий раз внезапно останавливался и стремглав удирал прочь, прежде чем Камби успевал подойти достаточно близко, чтобы сотворить заклинания.

— Он что-то подозревает, — сказал Камби после десятой неудачи.

— В первый раз он совершенно точно пошел за Сигурдом, — заметил Микла. — Может, нам спрятаться за камнями, а Сигурд пускай подойдет поближе и подманит морока.

— Тебе, видно, не хочется узнать, что спрятано в шкатулке, — ответил Сигурд. — Если я сегодня умру, никто и никогда не узнает, где я ее спрятал.

— Умирать тебе и не придется, — сказал Микла. — Просто выйди на луг, достаточно далеко, чтобы Гросс-Бьерн осмелился на тебя броситься. А мы будем у тебя за спиной — на случай, если что-то стрясется.

Сигурда эти слова не слишком убедили, но все же он отошел на несколько шагов от камней. Гросс-Бьерн тотчас его заметил и выбрался из темного ущелья, настороженно задирая вверх все три головы. Морок помедлил, чтобы оценить положение, и снова двинулся вперед мягким кошачьим шагом. Сигурд пятился, жалея, что спасительные камни все же чересчур далеко. Морок ускорил шаг, целеустремленно сверкая глазами. Сигурд развернулся и пустился бежать — в тот самый миг, когда морок сжался, готовясь прыгнуть. Зубы твари трижды, раз за разом, щелкнули у него за спиной, точно три захлопнувшиеся ловушки. Сигурд метался, точно заяц, зигзагами, а Гросс-Бьерн мчался за ним широкими полукругами, с каждым разом их сужая. Совершив последний отчаянный прыжок, Сигурд

достиг наконец спасительных камней, а за ним ретиво мчался Гросс-Бьерн — точь-в-точь чудовищный терьер, который гонится за крысой.

И тут из своего укрытия встал во весь рост Камби, вытянув перед собой руки и нараспев произнося заклинание. Морок настороженно воззрился на него, рыча, и повернулся, намереваясь унести ноги. Микла громко вскрикнул от досады. Однако морок сумел лишь сделать несколько шагов вприпрыжку и замер, весь дрожа, бока его тяжело вздымались, глаза сверкали. Изо всех сил он пытался высвободить ноги, но они увязли намертво в самом липком болоте Туфнавеллира. Камби подтолкнул Рольфа и Миклу, и сам принялся подбираться поближе к мороку.

Гросс-Бьерн прижал уши и яростно рычал, но Камби все шел вперед, не прерывая заклинаний. Уродливые головы морока поникли, рычание понемногу перешло в хрипение. Хвост, бешено хлеставший бока, обвис, и морок, перестав яростно дрожать, тихо замер. Сигурд затаил дыхание. Камби приблизился к чудовищу и принялся надевать уздечку на одну из опущенных голов.

Внезапно Гросс-Бьерн конвульсивно взметнулся, захрапел и, стряхнув оцепенение, отшвырнул уздечку высоко в воздух. Камби тотчас отпрянул, а Микла выскочил из укрытия с пронзительным криком, чтобы отвлечь морока от убегающего Камби. Гросс-Бьерн с готовностью бросился к Микле, щелкая

зубами и яростно сверкая всеми шестью глазами. Камби воспользовался случаем и погрузил свой меч меж ребер морока, замедлив его натиск на Миклу. Гросс-Бьерн с ужасным криком взвился на дыбы, шатаясь, шагнул было к расселине — и рухнул ничком, вытянув головы к лощине и запутавшись в собственных ногах.

— Сдох?.. — облегченно вскрикнул Сигурд, веря и не веря такому счастью.

Камби покачал головой и медленно, неуклюже опустился на колени, чтобы отдышаться.

— Морока не так-то легко убить, — пояснил он, — ведь эти твари не совсем и живые. Морок — это прежде всего сильные и коварные чары, их-то и надо разрушить. Сейчас отдохнусь, и пойдем глянуть на него.

— Очень уж темно, — возразил Сигурд. — Может, подождем до утра?

— Нет, — не согласился Камби, — сейчас.

Они с опаской спустились в лощину, где лежал морок. Микла засветил посох, и они увидели тварь — она вытянулась на боку, и меж ребер все еще торчал меч. Вид и запах был такой, словно морок издох неделю назад, и все его глаза были плотно закрыты. Сигурд шагнул было поближе, чтобы приглядеться, но Рольф ухватил его за плащ и оттащил, весь дрожа.

— Непохоже, чтобы эта тварь издохла, — прошептал он. — Вдруг это все притворство?

Камби обеспокоенно подергал себя за нижнюю губу.

— Когда я выдерну меч, будьте готовы ко всему.

Он поставил ногу на ребро морока и с силой дернул к себе клинок. Морок тяжело всколыхнулся — и в один миг ожил, взметнувшись перед самыми их глазами, точно смерч. Он схватил Камби, яростно им потряс и отшвырнул прочь, чтобы приняться за остальных, которые уже успели броситься врассыпную: Микла и Рольф в одну сторону, Сигурд в противоположную. Морок гнался за Рольфом и Миклой, покуда не обнаружил, что Сигурда с ними нет; тогда Гросс-Бьерн развернулся и бросился на поиски.

Сигурд между тем наугад ломился через кустарник лощины, не зная, то ли прятаться, то ли пытаться удрать от чудовища. Он карабкался вверх по крутому склону лощины, смутно надеясь, что ему, быть может, удастся добраться до дома, но фыркание Гросс-Бьерна, раздавшееся почти за самой его спиной, быстро убедило Сигурда, что надежда его напрасна. Он решил, что на сей раз обречен, и, сорвав с пояса секиру, вскочил на пригорок и приготовился дорого продать свою жизнь. Морок вынырнул из лощины, жадно ища глазами Сигурда, и в этот миг на ближайшем могильнике появился Мори. Упыреныш подпрыгивал и дико вопил:

— Сюда, Сигурд, сюда! Скорее!

Не задумываясь, Сигурд припустил к Мори. Маленький друг манил его к себе и взывал от радостного хохота, когда Сигурд нырнул в могильник, а копыта морока тяжело ударили по тому месту, где он был мгновение назад. В припадке восторга Мори покатился по мягкой сырой земле.

— Какая прелесть! Он чуть-чуть не вышиб из тебя мозги!

Сигурд в отчаянии прижался к земляной стене, даже не замечая, что сидит на костях. Он ни о чем не мог сейчас думать, кроме одной картины, которая стояла перед его глазами: морок швыряет через плечо Камби, раненного и окровавленного.

— Опять помешало мое злосчастье! — простонал он, глядя, как зубы Гросс-Бьерна щелкают и брызгают слюной в тщетном стремлении до него добраться.

— Не падай духом! — посоветовал ему Мори. — Гросс-Бьерну еще предстоит прикончить Рольфа и Миклу. Вот когда ты избавишься от своих друзей — это будет то еще злосчастье! — Эта мысль так рассмешила Мори, что он снова скорчился на земле, вопя и заливаясь смехом.

— Ну ты и дрянь! — с сердцем сказал ему Сигурд. — Отвлеки лучше Гросс-Бьерна, а я пойду погляжу, жив ли Камби.

Мори, все еще хихикая, утер заслезившиеся глазки.

— Надеюсь, что нет. Хорошо бы ты подольше оставался в Туфнавеллире, дружок. Ты

воистину худшее злосчастье, какое только выпадало этим местам.

— Вот уж нет, — отрезал Сигурд, — я с радостью уберусь отсюда. И чем скорее, тем лучше!

— Вот жалость-то! Я к тебе даже привязался. Впрочем, больше всех обожает тебя старый Вигбьёд, а ведь он не так прикован к Туфनावеллиру, как я, грешный. Интересно, как тебе понравится путешествовать, когда мстительный старый друг будет наступать тебе на пятки? Ему подвластны ужасные чары, и он ничего так не желает, как получить назад свой меч. Ты сделал глупость, забрав у него меч и не получив с него клятвы не преследовать тебя.

— Глупость! Ты мне прежде ничего об этом не говорил.

— Разве? О, как же я был беспечен! Какая ужасная ошибка! Ну да ничего, в Туфनावеллире без Вигбьёда будет поспокойнее, да и Ульфрун скажет спасибо, что ты увел его прочь. А уж как она будет тебе благодарна, что по милости Гросс-Бьерна избавилась от муженька!.. — Мори хохотал так, что совсем обессилел и мог лишь отдуваться и дрыгать ногами. Сигурд сжигал упырениша убийственным взглядом, сокрушаясь, что при нем нет меча. Его Сила гудела вокруг Мори, точно стайка голодных трупных мух.

— Ты зачем это сделал, ломоть сушеной гнили? Это Бьярнхард тебя подбил? Тебе-то какая от всего этого польза?

Мори одарил его жуткой ухмышкой:

— Никакой. Просто люблю причинять людям страдания. Это так забавно! А с тобой еще и легко. Ты же сказал, что ради меча готов на все, и вот, пожалуйста, — Камби мертв, Вигбьед разъярен, да и Ульфрун обо-злена ничуть не меньше Вигбьеда. А теперь, пожалуй, даже больше — ведь это из-за тебя Камби занялся магией и его прикончил морок.

Сигурд понимал, что он прав.

— Все это дело рук Бьярнхарда, — с горечью сказал он. — Сам по себе я никогда не смог бы натворить столько дел. Теперь-то я понимаю, что он никогда не был мне другом. Он всего лишь хотел заполучить шкатулку. Так вот, передай ему, маленькая дрянь, что мне до него нет дела даже вот на столько! — И он щелкнул пальцами перед сморщенным носом Мори.

— Хо-хо, надо же! Значит ли это, что ты решил отдать Вигбьеду меч? Экая неблагодарность, даже для скиплинга! Бьярнхард для тебя немало потрудился. — Мори захихикал, злобно впиваясь в Сигурда своими запавшими глазками. — Испугался?

— Ты отлично слышал, что я сказал! Поди отвлеки морока, чтобы я мог выбраться отсюда. Я честно заработал этот меч и ничего не должен Бьярнхарду.

Мори залился фыркающим хохотом и отправился отгонять Гросс-Бьерна. Когда морок, набив две пасти из трех иголками дикоб-

раза, наконец отступил, а вернее, позорно удрал, Сигурд выбрался из могильника и опрометью помчался к большому дому.

Он застал там Рольфа и Миклу, которые собирали рабов и поденщиков Камби, вооружая их серпами, вилами, камнями и палками. С большой неохотой вся эта компания отправилась за Миклой к расселине на поиски Камби. Ко всеобщему изумлению, и более всего — к изумлению самого Камби, он оказался жив, хотя и сильно изранен зубами морока. Нескоро еще Камби сможет опрокидывать наземь овцу перед стрижкой...

Ульфрун, не теряя попусту времени, взяла в свои руки бразды правления Туфнавеллиром. На следующий же день после ранения Камби она послала за своими тремя братьями, чтобы те помогли ей управляться с делами в усадьбе, якобы пока не выздоровеет Камби, однако Сигурд втайне сомневался в этом. Ульфрун открыто не вынуждала незваных гостей убираться прочь, но ясно дала им понять, что именно их винит в ранении Камби и в ухудшении нрава Вигбьёда, — каждую ночь теперь драуг наводил ужас на весь Туфнавеллир. Проделки Мори тоже стали и опасней, и разорительней, и большая их часть приходилась на долю Сигурда. Ульфрун стала подозревать, что именно Сигурд — источник всех окрестных злосчастий, и он не мог с ней не согласиться.

После прибытия братьев Ульфрун, которые явно обладали семейным сходством со своей

скупой и негостеприимной сестрицей, Микла, Сигурд и Рольф решили, что пора отправляться в путь. Они испросили разрешения попрощаться с Камби, и Ульфрун нехотя позволила им повидаться с ним в последний раз. Она держала мужа сущим пленником, не позволяя ему вставать с постели, и кормила жидкой кашей, вареной брюквой, слабым чаем и прочими питательными «яствами».

Камби приветствовал их едва слышным голосом, но явно был рад их видеть. Ульфрун шаркала поблизости, так же неохотно давая им проститься, как неохотно отдала она нежеланным гостям плату за труд и съестные припасы в дорогу. На их вопросы она отвечала куда скорее, чем Камби, тугодум, успевал собраться с мыслями и открыть рот, но все же он ухитрился сказать, как ему жаль, что они уходят, так и не укротив Гросс-Бьерна, и как он сожалеет о враждебном поведении друга своего отца, тем более что при жизни Вигбьёд был гостеприимен и дружелюбен. Когда Ульфрун уже откровенно и сурово выталкивала гостей из комнаты раненого, Камби успел крикнуть им вслед:

— Кажется, уздечки остались у тебя, Микла? Я надеюсь скоро услышать, что вам удалось уничтожить Гросс-Бьерна! Вы ведь не сдадитесь, верно?

— Конечно, нет, — отвечал Микла и, как ни оттирала его Ульфрун, ухитрился пожать руку Камби. — Мы сотрем его в порошок или

же отправим назад к Бьярнхарду. И вряд ли тебе придется много терпеть от Вигбьёда — ведь мы уйдем и больше не будем ему докучать.

Камби перевел на Сигурда доброжелательный и встревоженный взгляд.

— Долог путь до Свартафелла, — задумчиво проговорил он. — Долог и опасен. Помни, однако, что я твой друг и что ты всегда сможешь вернуться в Туфнавеллир, что бы ни случилось.

Сигурду не пришлось отвечать — очень уж торопилась Ульфрун поскорее от них избавиться. С нарастающим стыдом Сигурд думал об украденном мече и о том, как просто было бы сейчас вернуть его... однако он терпеть не мог сдаваться, тем более когда дело зашло так далеко. В конце концов, ему ведь так или иначе приходится отстаивать свое право на шкатулку, так что он будет заодно и бороться за меч. Да и как оружие он пригодится, поскольку Микла наотрез отказался вернуть ему прежний клинок.

За день пути они миновали усадьбы нескольких соседей Камби и пришли в Квигудалир, где им вежливо сообщили, что в рабочих не нуждаются. Сигурд недоверчиво удивился, поскольку хозяева усадьбы отстали в стрижке от Туфнавеллира, а поденщиков у них было всего трое.

— Дурная слава бежит впереди нас, — вполголоса заметил Микла, когда Сигурд поделился с ним этими мыслями.

Гостеприимство Квигудалира, без особой охоты предложенное путникам на одну-единственную ночь, отличалось такой скупостью, что Сигурд почти радовался, что им не придется задержаться здесь подольше. Хозяин указал им угол в доме, где нежеланные гости могли поставить коней, и помост подальше от очага, где им предлагалось спать. Пища была грубая и скудная. Все обитатели усадьбы, от хозяина до последнего раба, сторонились гостей с таким боязливым и смиренным видом, что Сигурд не мог понять, злит его это или озадачивает.

— Что это с ними стряслось? — прошептал он Микле, когда они вечером готовились ко сну на своем неудобном помосте. — Они же знают, что мы здесь не задержимся. В жизни не видывал таких негостеприимных льёсальвов! И слова нам не сказали.

— Видно, им и раньше приходилось иметь дело с мороками, — пробормотал Рольф.

Микла оперся на локоть.

— Не морока они боятся. Им неохота разгневать Бьярнхарда и Йотулла, а всем известно, что мы удираем от Бьярнхарда. Камби известный бунтовщик, а здешний боязливый народец не желает быть заподозренным в опасной склонности к мятежу.

Сигурд только фыркнул:

— По мне так Камби со своей независимостью и счастливей, и куда мужественней, чем этот нытик Гейрмунд с его трусливой преданностью Бьярнхарду!

— Я-то уж точно буду рад поскорее убраться отсюда, — отозвался Рольф. — Эти льёсальвы больше смахивают на доккальвов, привыкших к дневному свету. Бьюсь об заклад, они найдут способ известить Бьярнхарда, где мы. Лучше б, Микла, мы здесь вовсе не останавливались!

Микла покачал головой.

— Ничего, уладим. Я уж как-то говорил об этом с Камби, и он посоветовал мне наложить на них особое заклятие. Утром они даже забудут, что мы здесь были! — Он довольно захихикал.

— Сомневаюсь, что какое-нибудь заклятие вынудит их забыть Гросс-Бьерна, — со вздохом отозвался Рольф.

Сигурд промолчал, в глубине души с опаской помянув Вигбьёда, чей меч был сейчас спрятан под его ложем. Днем Сигурд нес клинок на спине, прикрыв плащом; впрочем, он понимал, что долго не сможет его скрывать.

Гросс-Бьерн и Вигбьёд появились в Кви-гудалире незадолго до рассвета. Дверь дома внезапно затряслась под яростными ударами Вигбьёда, и сонные псы завывали от ужаса. Гросс-Бьерн вопил и бушевал на крыше коровника, и вся скотина, разнеся в прах стойла и ограды, разбежалась в безумии кто куда. Гейрмунд и его робкие сыновья изрядно струхнули, когда Вигбьёд начал колотить в дверь, и умоляли Миклу спасти их. Микла любезно сотворил несколько заклинаний, но

Вигбьёд ответил собственными заклятиями, от которых едва не рухнул весь дом. Лишь когда ночной сумрак просветлел, предрекая зарю, драуг отступил. Друзья поспешно собрали пожитки, предложили свою помощь в поисках разбежавшегося скота — отвергнутую в двух словах — и, не позавтракав, двинулись в путь.

Сигурд ехал вперед, ощущая, что в молчании Рольфа и Миклы есть что-то обвиняющее. Он знал, что Камби скорее всего рассказал Микле про меч Вигбьёда, и от души жалел, что поддался на искушение Мори и обокрал драуга.

— Что же мы такое натворили, если Вигбьёд нас преследует? — наконец осведомился с горечью Рольф, когда путники остановили коней на вершине зеленой, с отвесными склонами горы. Внизу, едва видный, лежал Квигудалир.

Микла ничего не сказал, даже не бросил подозрительного взгляда на Сигурда.

— Поживем — увидим, — наконец злое отозвался он.

— Вигбьёд не захочет отдаляться от Туфнавеллира, — с надеждой заметил Сигурд. — Все же там его могила и люди, на которых наслал его Бьярнхард.

— А может быть, Бьярнхард передумал, — вставил Рольф, — и послал Вигбьёда за нами?

— Нет, — сурово ответил Микла, — дело совсем не в этом... но всем нам предстоит

страдать, пока не откроется истина. Я уж не говорю о страхах и несчастьях здешних жителей, у которых мы надеялись поработать, покуда не доберемся до Свартафелла. — Он говорил это, глядя исключительно на Рольфа, и Сигурду оставалось лишь надеяться, что если у него на душе и скребут кошки, это не слишком заметно по его физиономии.

В следующие пять дней пути они трижды останавливались в разных усадьбах, где хозяева приветливо встречали их, покуда не появлялись мороки. Иные селяне сочувствовали им, иные хранили верность Бьярнхарду, но никому не хотелось, чтобы его дом переворачивал вверх дном озлобленный драуг, а скотина до смерти пугалась выходок Гросс-Бьерна. Путники едва успевали заработать немного еды — ровно столько, чтобы добраться до следующей усадьбы. Они очень скоро поняли, что ночевать в чистом поле означает драться без устали ночь напролет. Если бы не магическое искусство Миклы, оба морока без труда добрались бы до них. Микла потерял много сил и к тому времени, когда путники добрались до Гуннавика, выглядел совсем больным. Поскольку они, как всегда, рассчитали так, чтобы прибыть в усадьбу рано утром, то работали весь день напролет. Вечером Микла ничего не ел и, вместо того чтобы посидеть в веселой компании, рухнул на свой тюфяк и тут же заснул. Хозяин усадьбы, Гуннар, задиристый

коротышка с колючей рыжей бородой, не скрывал своей ненависти к Бьярнхарду и страшно оскорбился, когда Сигурд осмелился предостеречь его о том, что их преследуют мороки.

— Мороки, ха! В Гунनावике не принято трястись при одном упоминании Бьярнхарда! — объявил он, воинственно сверкая глазами в предвкушении какой-никакой, а стычки. — Да мой шурин — первостатейный маг, и эти мороки у него попляшут, будь уверен! Я скажу моим ребятам подготовиться к встрече, и уж мы их встретим, этих мороков!..

Его воодушевление почти не улеглось, даже когда стало известно, что шурин-маг отправился погостить в соседнюю усадьбу и раньше, чем через три дня, назад не вернется. Ночь между тем приближалась, и Сигурд все тревожнее поглядывал на Миклу. Гуннар тоже смотрел на спящего, наклоня голову к плечу, — точь-в-точь старый петух, поглядывающий на что-то одним глазом.

— У него горячка, — убежденно сказал он и, позвав к себе слугу, приказал позаботиться о больном. — Боюсь, дружок, сегодня ночью вряд ли он нам поможет справиться с мороками. Он и так уже не в себе, и непохоже, чтобы ему скоро полегчало. Чтоб этому Снорри на месте провалиться! И что его понесло в Гаутрвеллир, да еще именно сейчас? Ну да не огорчайся, мы все едино покажем этим морокам, что в Гунनावике не боятся

Бьярихардовых тварей. Мы честные добрые
льёсальвы, и драка нам нипочем. — Он рас-
хаживал по дому, радостно и бодро отдавая
приказы, но Сигурд, отнюдь не ободренный
его речью, все сидел возле бредящего Миклы
и не сводил с него глаз, терзаясь самыми не-
добрыми предчувствиями.

Глава 14

Когда около полуночи в Гунनावике появился Гросс-Бьерн, он обнаружил, что на скотном дворе все заперто на крепкие засовы, а все животные загнаны в стойла. Гуннаровы сыновья, поденщики и рабы с луками и дротиками притаились под стенами и на порогах. Едва только морок торжественно уселся на крыше конюшни и принялся вопить и рычать, лучники повскакали и вмиг утыкали стрелами его серую шкуру. Непривычный к такому обращению, Гросс-Бьерн с ворчанием взмыл в воздух, поджав обычно наглый хвост. Отлетев на безопасное расстояние от стрелков, морок приземлился и долго в бессильной ярости колотил копытами землю, стонал от боли и выкусывал стрелы.

С Вигбьёдом справиться было не так легко. Он проковылял по двору и, как и ожидали, принялся ломиться в дверь дома, однако когда на него обрушились дождем стрелы, драуг ответил нападающим порывом чародейского ветра и мокрого снега. Сигурд, прятавшийся в доме, тотчас понял, что замысел Гуннара пошел прахом. Рольф с угрюмым видом обнажил секиру.

— Не знаю, пойдет ли это нам на пользу, но если он переступит порог, я его в лапшу

изрублю, — сказал он, кивая на не слишком крепкую дверь. Внутри дома защитников оставалось немного, и все они обеспокоенно прислушивались к беспорядочным крикам снаружи и грохоту ударов, обрушившихся на дверь.

Миклу, лежавшего за спиной Сигурда, била горячая дрожь, он обливался потом и вздрагивал от грохота и криков.

— Сигурд, — едва слышно прошептал он. — Отдай меч.

— Какой меч? — Рольф озадаченно глянул на замывшегося Сигурда.

Сигурд колебался еще немного, но все же признался:

— Когда мы были в Туфнавеллире, я украл меч. Это был меч Вигбьёда, и теперь он пришел за ним.

— Сигги!.. — только и смог вымолвить Рольф. — Как... как только тебе такое в голову пришло? Камби был к нам так добр, несмотря на морока!

Сигурд кивнул с несчастным видом.

— Я знаю, что сделал ужасную глупость, но я и думать ни о чем не мог, только бы заполучить новый меч. Это Мори, проклятый упыреныйш, меня соблазнил.

— Ну так нельзя было допускать, чтобы он тебя соблазнял! Отдай меч, Сигги. — Рольф вздрогнул и съежился, потому что дверь угрожающе затрещала.

— Поздно! — Сигурд отпрянул от двери. — Что сделано, то сделано. Без магии друта теперь назад не загонишь, а Микла нам

помочь сейчас не в состоянии. — Он бросил тревожный взгляд на тюфяк, где лежал Микла, едва сознававший, что творится вокруг. — Знаю, знаю, я не должен был позволить Мори обвести меня вокруг пальца. Уверен, все они в сговоре с Бьярнхардом и Йотуллом, но что же я сейчас-то могу сделать?!

Он рывком развернулся к двери — она треснула, и уродливое лезвие огромной секиры прорезало в ней дыру. Сигурд нырнул в угол, где хранились его пожитки, и среди них меч Вигбьёда. Миг спустя он уже сжимал меч в руке. Рольф отпрыгнул от двери в ту самую минуту, когда она взорвалась брызгами льда и щепок и в пролом с оглушительным ревом, размахивая секирой, точно косой, ворвался древний седой драуг. Его голова в капюшоне почти задевала балки, а руки были вдвое длиннее, чем у Сигурда. Завидев, что Сигурд держит в руках меч, упырь взревел еще громче и ринулся на него с секирой. Движения у него были тяжеломерно медлительны.

Сигурд и прочие защитники дома бросились врассыпную, и Сигурд, пробегая мимо, на ходу ударил мечом по ноге драуга. Острейший клинок легко прорезал стгнившую ткань и высохшую плоть и едва не отсек ногу у колена. Сигурд храбро резанул по руке упыря, отрубив ее одним ударом. Вигбьёд заревел еще яростнее и наугад замахал секирой. Увертываясь от ударов, Сигурд отсек раненую ногу, которая даже не слишком досаждала драугу, — он и не замечал своих потерь, по-

куда Рольф не ухитрился отрубить у него и вторую ногу.

Теперь, сравнившись с другом в росте, Рольф и Сигурд быстро с ним справились, хотя и немало изумлялись, когда Вигбьёд, лишившись головы, все еще довольно бойко размахивал секирой. В считанные минуты они вдвоем изрубили друга на мелкие кусочки. Сигурд с немалым трудом выдрал секиру из разрубленной руки, которая все еще шарилась вокруг и шевелилась, как живая.

Люди Гуннара, вне себя от пережитого ужаса, собрали останки друга в мешок, положили туда же увесистый булыжник, и кто-то отнес мешок к заливу и швырнул с утеса в бездонную синеву ледяной воды. Когда Рольф и Сигурд снова обрели дар речи, им как-то не хотелось поздравлять друг друга и пускаться в обычную для таких побед похвальбу. Сигурд рассказал Рольфу, как он похитил меч, безрадостно запинаясь и стыдясь собственной глупости. Рольф с серьезным видом соглашался с тем, как Сигурд клял свою тупость и эгоизм, которые стоили здешним крестьянам стольких ценных животных; а теперь еще и Микла заболел, и все из-за того, что он, Сигурд, вовремя не покался в своем преступлении.

— Хорошо уже и то, что мы, по крайней мере, покончили с Вигбьёдом, — сказал наконец Рольф. — А ты все же добыл себе славный меч, хотя и дорогой ценой. Можешь быть доволен, Сигги.

— Мог бы, — ответил Сигурд, — но мне слишком стыдно.

— Тебе не пришлось бы стыдиться, если б не поступал дурно, да еще зная, что ошибаешься, — заметил Рольф.

Весь день напролет, пока Сигурд работал, Гуннар часто останавливался около него, не скупясь на добрые слова, и это чрезвычайно подбодряло Сигурда. Гуннар заверил его, что они могут оставаться в усадьбе сколько пожелают и после того, как Микла выздоровеет, а он, Гуннар, уж заставит своего шурина поработать мозгами и избавиться от Гросс-Бьерна. При упоминании морока глаза рыжего коротышки блестели, и Сигурд, внутренне забавляясь, подозревал, что хозяин Гуннавика предвкушает новую стычку с Гросс-Бьерном. Если б рост Гуннара равнялся его воинственности и свирепости, из рыжего вышел бы настоящий великан.

Сигурд еще более воодушевился вечером, узнав, что Микле явно полегчало. Это, да еще растущая уверенность, что драуг в самом деле уничтожен, почти что развеселило Сигурда. Если Гросс-Бьерн этой ночью появится в Гуннавике, он, не успев причинить много вреда, отведаст все такого же гостеприимства.

Сигурда не слишком удивило, что ночью Гросс-Бьерн не стал подходить к усадьбе близко, но предпочел шнырять в ущельях и горах к северу от Гуннавика и жалобно мычать, изображая заблудившуюся телку, в безнадежной попытке выманить кого-нибудь из

дома. Гуннар, однако, пересчитал весь свой скот и строго-настрого приказал никому не выходить наружу после темноты, разве что ему понадобятся стрелки из лука.

На следующий день Микле стало настолько лучше, что он мог поесть и даже поболтать. Сигурд пришел к нему и рассказал о краденном мече. Микла явно шел на поправку, потому что довольно ядовито заметил:

— Меня ты не удивил. Я знал обо всем этом с той минуты, как ты принялся затевать глупости с этой дохлятиной Мори. Я бы сразу мог сказать тебе, чем это кончится, но решил, что лучше тебе испытать все на собственной шкуре. Твою гордыню полезно время от времени щелкать по носу.

Сигурд проглотил резкий ответ.

— Ты прав, — выдавил он. — В будущем я постараюсь меньше думать о себе и о том, как бы исполнить все свои желания, во благо или на горе. Теперь-то я знаю, каким был глупцом. Микла, мне бы почаще слушать твои советы. Ты ведь не откажешь мне, если я попрошу?

— Ты не спросишь у меня совета, а если и спросишь, вряд ли ему последуешь. — Микла испытующе взглянул в лицо Сигурду и мрачно вздохнул. Однако он все же смягчился и пожал ему руку. — Ладно, Сигурд, помогу, но мои советы не всегда будут тебе по нраву, и услышь ты их — вряд ли исполнишь.

Сигурд задумался и понял, что Микла прав.

— Тогда напомни мне, что я сам об этом просил, и тогда, быть может, мне будет не

так трудно принять твой совет. Да, кстати, мы с Рольфом решили, что надо бы попытаться еще раз взнудать Гросс-Бьерна, — вот только вернется Снорри. Судя по рассказам Гуннара, он малый не промах.

Микла покачал головой.

— Лучше нам отправляться в Свартафелл, и поскорее — как только я смогу сесть в седло. Гуннар, вне сомнения, был бы рад оставить нас здесь и на месяц, и на два, но шка тулка не дает мне покоя.

Сигурд с трудом мог скрыть разочарование.

— Это ведь не займет много времени... — начал было он, но усталый понимающий взгляд Миклы словно говорил: «Вот видишь, тебе не нужны ничьи советы! А я что говорил?»

Сигурд ушел, проглотив свою гордыню и мучаясь отвратительным вкусом этого блюда. Он утешился тем, что наточил свой новый меч и долго им любовался, размышляя о том, что в конце концов дела обернулись не так уж плохо.

Этим вечером Гуннар устроил празднество в честь своих гостей, и веселье затянулось до поздна. Выставили стражей, дабы отгонять Гросс-Бьерна, но они неизменно сообщали, что морок восседает на утесах по берегам залива и зловеще вопит на все лады, но к усадьбе не приближается. Самые храбрые гости предлагали всяческие способы расправы с Гросс-Бьерном и брались осуществить их самолично, если дело до того дойдет, но Сигурд

крепко сомневался, что они в самом деле мечтают о подобной схватке.

Когда гости разошлись по домам — кроме самых нестойких, которые свалились спать прямо под столами, — Рольф и Сигурд сгребли в кучу угли в очаге и уютно устроились по обе стороны от него на помосте. Микла еще раньше удалился в удобную хижину, где он мог выспаться, не тревожимый праздничным шумом.

Сигурду показалось, что он едва успел смежить веки, когда совсем рядом что-то тяжело упало на пол. Он прислушался, но стук не повторился, и Сигурд, успокоившись, снова начал засыпать. И снова — глухой звук падения. Сигурд опасливо огляделся в темноте, но ничего не услышал и не заметил ничего странного в тусклом свете луны, проникавшем в дымовые отверстия. Он сидел на помосте, задрал голову, и в этот миг отверстие над ним затемнилось, и что-то увесистое со знакомым глухим стуком упало в погасшие угли очага.

— Что это? — сонно прошептал с другого помоста Рольф.

Сигурд спрыгнул на пол, обогнул очаг и подошел к помосту, на котором спал Рольф. Он сжимал в руке меч и сам себе не решался признаться, что в горле застрял тугой комок страха.

— Можешь посветить, Рольф? — спросил он, стараясь, чтобы голос его звучал небрежно.

Рольф услужливо зажег небольшую лампу и поднял ее повыше.

— Что это?! — тут же вскрикнул он и едва не выронил лампу.

В погасшем очаге лежали отрубленная кисть руки и два куска ноги. На мгновение оба они онемели, не в силах оторвать глаз от жуткого зрелища. Сигурд почувствовал, что волосы у него на голове встали дыбом, а кровь застыла в жилах.

Затем Рольф неуверенно засмеялся.

— Это, должно быть, Микла решил подшутить, — прошептал он. — Наверно, сидит на крыше и бросает вниз куски высохшего трупа, чтобы нас как следует попугать.

Сигурд улыбнулся с облегчением, но все же невольно вздрогнул, когда из отверстия упал еще один кусок мертвечины. За ним последовали другие.

— Не нравится мне такая шутка, — ворчал Сигурд, хмурясь, и взял у Рольфа лампу, чтобы самому присмотреться. — Ага, вот рука. Она как будто... — Вдруг он вскрикнул и вскочил на помост, уронив лампу и едва не подпалив тюфяк Рольфа. — Она шевельнулась, Рольф! Клянусь тебе, я видел это сам!

Рольф потянулся за другой лампой.

— Тебе привиделось, Сигги, — сказал он, безуспешно пытаясь скрыть дрожь в голосе. Он отыскал другую лампу и засветил ее, подняв выше. В тот же миг что-то прошуршало по полу, приближаясь к ним с другого конца зала. Посветив в том направлении, они поначалу разглядели лишь спящих гостей и створки стенной ниши, из-за которых доносился

довольный храп Гуннара. Затем Сигурд заметил какое-то движение.

— Крыса, — с отвращением сказал он, но миг спустя, присмотревшись, едва сдержал крик ужаса. Это была секира Вигбьёда, которую он сам припрятал в углу в ту памятную ночь. Теперь секира двигалась к ним по полу, неловко подпрыгивая, будто кто-то дергал ее за веревочку.

Рольф при виде секиры глубокомысленно застонал и направил свет на куски мертвого тела. Мелко нарубленные останки сами собой сортировались, укладывались по местам. Правая рука потянулась к секире. Друг еще не успел сесть со злобной ухмылкой на мертвом лице, а Сигурд уже понял, что это Вигбьёд. Он заорал во все горло, но только эхо было ему ответом. И псы, и люди спали мертвым сном.

— Проснитесь, болваны! Друг! — призывал Сигурд, а мертвец между тем поднялся и с воинственным ворчанием двинулся к ним. Вигбьёд был так высок, что ему пришлось согнуться, а руки его были толщиной в ствол дерева. Секира свистнула, прорубая стропило, оказавшееся на пути у друга, и под его тяжелой ногой хрустнула, рассыпавшись в щепки, скамья. Сигурд и Рольф пятились, а чудовище высилось над ними, доставая до стропил, точно оживший детский кошмар, — впечатление, которое усиливалось тем, что им так и не удалось разбудить ни единого человека в доме. Наконец они разом бросились вперед и отсекли — с немалым трудом — одну ногу, но

разрубленные части почти мгновенно срослись, а упырь взъярился еще сильнее.

Когда им удалось отрубить еще кусок, Рольф швырнул отсеченную часть тела в другой конец зала и не давал ей вернуться, пока Сигурд продолжал наступать на упыря. Так они и делали впредь, но поскольку рука или нога то и дело ухитрялись проскочить мимо Рольфа именно в ту минуту, когда удары Сигурда уменьшали друга до приемлемых размеров, битва изможденным воинам чудилась нескончаемой. Они сражались без отдыха, пересиливая боль в руках и смутно понимая, что уже, должно быть, наступило утро, потому что все более яркий свет проникал в дымовые отверстия и щели в стенах.

Кто-то колотил кулаками в дверь и громко кричал, но ни Сигурд, ни Рольф не могли улучить минутку, чтобы отпереть дверь. Сигурду показалось, что он узнал голос Миклы. Мгновение спустя запоры и засовы отвалились сами собой, дверь распахнулась настежь, и в проем хлынул солнечный свет, ярко озарив темный и пыльный зал. Поток света упал на Вигбьёда, который как раз, опираясь на локоть, замахнулся секирой на Сигурда, — тот только что весьма удачно отрубил у друга последнюю ногу. Секира мертвеца пролетела через весь зал и по самую рукоять врубилась в толстую балку. Многие годы спустя Гуннар неустанно показывал гостям эту памятку о битве с упырем, благоразумно умалчивая, что сам он эту битву проспал без задних ног.

Морок с каменным стуком рухнул на земляной пол, и голова, плечи и руки, попавшие в полосу света, превратились в камень. Прочие части тела, оставшиеся в тени, съежились до обычных размеров. Микла настороженно шагнул в дом, занеся посох. Гуннар и его домочадцы вмиг очнулись от зачарованного сна и после секундного замешательства обступили груды останков друга и засыпали вопросами Сигурда и Рольфа.

Сигурд пробился через хор восторгов и поздравлений и схватил за руку Миклу.

— Теперь ему конец? — только и спросил он.

Микла вежливо отстранил Гуннара, который, похоже, считал, что упыря прикончили могучие чары, куда более замечательные, чем те, которые способен сотворить его знаменитый шурин Снорри.

— Я наверняка и не знаю, — вполголоса ответил он Сигурду. — Собери все оставшиеся части тела и, само собой, камни. Сложим их в мешок, произнесем подобающие случаю заклинания для усмирения другов, а затем отправим все в Туфнавеллир и будем надеяться на лучшее.

Сигурд кивнул и не без сожаления снял с пояса меч.

— Я положу туда и клинок, и Вигбьёд, быть может, отныне будет мирно почивать в своей могиле... — Ему пришлось долго бороться с собой, и борьба была не из легких.

Когда они собрали в мешок все останки друга, Сигурд сунул туда же меч, стараясь

даже мельком не глянуть на него. Микла совершил над мешком необходимые заклęcia и ритуалы, к примеру воткнул иголки в подошвы драуга, чтобы тот больше не бродил по земле. Ободренный этим действием, Гуннар клятвенно обещал доставить мешок в Туфнавеллир, лично Камби. При упоминании этого имени Сигурд задумчиво потер маленький амулет, который дал ему маг из Туфнавеллира; точно такой же амулет висел на шее у Рольфа, как будто Камби заранее знал, что им понадобится защита от ходячего мертвеца. Сигурд устыдился, поняв, что Камби действительно было известно о похищенном у Вигбьёда мече. Совсем худо стало Сигурду, когда он вспомнил, с какой неизменной добротой относился Камби к нему, вору.

Они покинули Гунनावик уже после возвращения Снорри, и провожали их, как героев, хором уговаривая вернуться и погостить еще. Гуннар дал им троих запасных коней и довольно провизии, чтобы хватило до самого Свартафелла. Рыжий толстяк много слышал о горах, в которых жил и трудился искусник Бергтор, и с Миклой и Снорри часами рылся в связках карт, пытаясь отыскать, где же находится Свартафелл. Гуннару до смерти хотелось отправиться с ними, но не мог он и покинуть усадьбу. — вдруг Йотулл и Бьярнхард появятся там в поисках Сигурда? Такого события Гуннар никак пропустить не мог. Еще более опечаленный, распрощался с тремя путешественниками Снорри.

Судьба Вигбьёда научила Гросс-Бьерна осторожности, да и удлинявшиеся дни стали изрядной помехой его обычным штучкам. Вид трех колдовских уздечек, которые обыкновенно висели на шесте возле стоянки, заставлял Гросс-Бьерна держаться на приличном расстоянии от путников, и ему оставалось только реветь и фыркать в попытке выманить из лагеря лошадей — но и эту уловку испортил ему Микла, залепив уши коней воском. Впрочем, у морока были в запасе и другие уловки, и путники скоро в этом убедились.

Как-то вечером, в серебристых сумерках, Сигурд сидел один в лагере, а Микла и Рольф привязывали коней в расселине неподалеку. Вдруг он услышал громкий призыв на помощь — он доносился от дальнего края расселины, за стоянкой. Сигурд мгновенно вслушивался — и у него почти не осталось сомнений, что голос принадлежит Рольфу. Он схватился за секиру и со всех ног помчался к расселине, перепрыгивая валуны и огибая кустарник и чахлые деревца. По пути он перескочил через ледяной ручеек, в спешке поскользнувшись на обомшелых камнях. Крики все звучали впереди, там, где дно расселины понижалось. На миг Сигурд удивился, как это Рольф успел забрести так далеко, если только что ушел из лагеря вместе с конями и Миклой, но стремление поскорей спасти друга скоро заглушило эту назойливую мысль.

Он бежал, спотыкаясь, по дну расселины — и вдруг осознал, как разом стемнело вокруг.

Сигурд остановился как вкопанный, и лишь сейчас в голову ему пришло, что он давно уже должен бы отыскать звавшего на помощь Рольфа. Желание выказать себя героем так поглотило его, что он забыл о здравомыслии. Озноб страха пробежал по спине Сигурда, и он повернул было назад — но тут неподалеку что-то плеснуло и скрежетнули камни, на которые наступила чья-то тяжелая нога. Сигурд застыл, напрягая слух, и снова по расселине разнесся пронзительный крик. Теперь-то Сигурд был ближе к его источнику и понял, что слышал не людскую речь, а ритмичные вскрики, искусно подделанные под слова, — и он, как последний болван, попался на эту удочку!

Он поспешно развернулся и стремглав помчался по дну расселины, сопровождаемый раскатами торжествующего хохота Гросс-Бьерна. То и дело Сигурд останавливался, чтобы прислушаться, но всякий раз слышал вкрадчивый тихий стук копыт морока по камням или хруст ветвей, когда тварь пробиралась через кустарник. Сигурд прибавлял шаг, все сильнее отчаиваясь, а между тем вокруг сгущалась тьма. Всякий раз, когда он пытался вскарабкаться вверх по склону расселины, морок опережал его и возникал над самой его головой, скаля зубы и рыча с откоса. Один раз Сигурду даже почудилось, что он вот-вот ускользнет, — но его шарящие пальцы вдруг наткнулись на морду Гросс-Бьерна, и он едва успел спастись от кровожадно щелкнувших зубов.

Как раз перед тем, как небо совсем почернело, ему удалось отыскать пещеру, и Сигурд со всеми предосторожностями на четвереньках забрался в нее. Внутри пещера оказалась невелика, зато здесь было сухо, и Гросс-Бьерн не смог бы протиснуться в нее, разве что изменил бы облик. Чтобы предупредить такую возможность, Сигурд набрал сухих веток и разжег костер у входа в пещеру, говоря себе, что Микла наверняка заметит огонь издалека и непременно придет ему на помощь. Он подбрасывал хворост в огонь, слушая безутешное урчание в пустом животе, и проклинал самого себя — надо же было так поспешно сунуться в западню, которую приготовил для него хитроумный Гросс-Бьерн! Сквозь пляшущее пламя Сигурд различал нимбы, светившиеся вокруг трех голов морока, три пары глаз, холодно сверкавших на него через расселину. Сигурд оглядел свой запас топлива, от души надеясь, что его хватит на всю ночь. Едва огонь начинал угасать, как Гросс-Бьерн подбирался ближе и отступал лишь тогда, когда Сигурд подбрасывал еще хвороста.

Когда ночь перевалила за середину, мороку как будто надоела эта игра, и он удалился прочь по дну расселины, громко фыркая и топая копытами. После этого Сигурд услышал охотничью переключку троллей — они шныряли неподалеку, и оставалось лишь надеяться, что они не заметят и не учуют его костер. Перед самым рассветом хлынул ливень, и вопли троллей стихли. Благодаря судьбу, Сигурд

выбрался из пещеры, как только решил, что посветлело довольно, чтобы не опасаться нападений ни троллей, ни морока, и пошел вверх по ущелью.

Чем дальше он шел, тем тревожнее и запутанней становилось у него на душе. Он миновал уже полдюжины развилок, и каждая из них вполне могла быть той, по которой он прошедшим вечером спускался в расселину. Дождь начисто смыл все следы, и вдобавок утро выдалось туманное. Сигурд готов был разрыдаться от разочарования. То и дело он громко кричал, но в ответ не слышал ни звука. Тогда он сел и попытался послать мысленный зов Микле и Рольфу, но добился только ломоты в висках. Да еще пришла в неистовство его Сила, которая и без того неотступно следовала за ним по пятам, то заводя его в заросли крапивы, то направляя его руку в опасную щель между камнями.

В конце концов, не оставалось ничего другого, как только идти вверх по расселине, пытаясь определить, какой путь окажется самым верным. Сигурд старался припомнить уроки Адиля, который учил его отыскивать потерянные вещи и чутьем находить дорогу. Однако, как назло, едва только Сигурду начинало казаться, что он определил верный путь, как впереди либо вырастала скальная стена, либо шумел водопад.

К полудню Сигурд вынужден был признать, что заблудился. И что зверски проголодался. Устав, он присел на первый попавшийся ка-

мень и нехотя сжевал пригоршню весенних травок, которые собрал, признав съедобными, — без особой, впрочем, надежды утолить голод. Самое разумное было, конечно, ждать, пока его найдут, но очень уж трудно истратить в праздности весь остаток дня, так и не заметив никакого знака, что Рольф или Микла отыскиали его. Надеясь высмотреть их, Сигурд взобрался вверх по склону расселины, но увидел лишь протянувшуюся на многие мили холмистую зеленую равнину, иссеченную тысячью речек, озерце и ручейков, которых породил растаявший снег. До чего же тягостно было ощутить себя одиноким и ничтожным на этой бескрайней равнине!

Перед наступлением сумерек Сигурд принялся искать для себя пещеру на ночь, но, ко все возрастающему унынию, так ничего и не нашел. Он ковылял в сгущающихся сумерках, упорно разыскивая хоть какое-то убежище, в котором проще будет отразить нападение Гросс-Бьерна. Морок, который неотвязно крался следом, примерно на два поворота позади, как будто заметил его неудачу и, судя по зловещему хохоту, немало порадовался этому.

Наконец Сигурд кое-как втиснулся в тесный грот, вернее, в щель между двумя валунами, на которых сверху лежал третий, образуя что-то вроде крыши грота. Сигурд поспешно сгреб в кучу пару пригоршней хвороста и снова забрался в свое ненадежное укрытие. Он сунул руку в карман за огнивом...

и наткнулся на пустоту. Остолбнев от неожиданности, он долго и бессмысленно глядел в никуда, пока до него не дошло, что теперь он почти что бессилен. Сигурд яростно зашарил по карманам, лихорадочно оглядываясь, — вдруг да отыщется другой шанс на спасение? Однако у жалкой пещерки, в которой он укрылся, не было никаких преимуществ, да и в самой расселине искать подмоги можно было с тем же успехом, что и в пустыне. Сигурд крепче сжал в руке секиру и рукавом вытер пот со лба, понимая, что пришло время его последней схватки с мороком и уже неважно, что он к этой схватке не готов.

Гросс-Бьерн трусцой появился в поле зрения, наострив уши и победно размахивая хвостом, точно стягом. В угасающем свете дня было ясно, что он отлично знает о беспомощности Сигурда. Юноша заскрипел зубами и до слез пожалел, что нет при нем Бьярнхардова клинка-берсерка, — с тем мечом он мог бы сразиться с кем угодно и прикончить кого угодно. Морок остановился и принял церемонную позу, вызывающе фыркнув при виде Сигурда, вооруженного секирой.

Сигурд между тем с немалым раздражением следил, как его проказливая Сила дергает его же плащ, хлопая полами. Сила толкала его, точно озорной козленок рожками, и даже метко попала в него несколькими мелкими камешками, чем разъярила Сигурда до такой степени, что он напрямую обратился к ней:

— Всю мою жизнь я не видел от тебя ничего, кроме неприятностей, и сейчас, когда мне предстоит погибнуть самой лютой смертью, ты по-прежнему мучаешь меня! Дурацкое, бессмысленное ты злосчастье — и ничего более. Вот умру я — не над кем будет тебе издеваться! — Он ненадолго оторвал взгляд от Гросс-Бьерна и сердито огляделся, точно в поисках незримого существа, которое дергало его за бороду.

Гросс-Бьерн между тем сделал несколько изящных шагов, словно пританцовывал, игриво склонив набок среднюю голову и скалясь в жутком предвкушении. Сигурд шагнул к нему, взвешивая в руке секиру. Вдруг порыв ветра щекотнул его щеку — и камень размером с кулак стукнул морока между глаз правой головы. От неожиданности Гросс-Бьерн тяжело плюхнулся на хвост, и тут же второй камень с размаху ударил его в грудь с оглушительным стуком. Тварь взревела от боли и ярости, заплетающимся шагом отступая от Сигурда. Он напряженно озирался, но так и не увидел, кто бы мог бросить эти камни. Морок вдруг ринулся на него, взрывая копытами мягкую землю и расшвыривая комья. Сигурд пригнулся, готовясь к стычке, но и на сей раз он был спасен потоком камней, хлынувшим сверху.

Гросс-Бьерн отпрянул, увертываясь от камня размером с бочонок, и попал под залп мелких камешков; спотыкаясь вприпрыжку на катящихся булыжниках, морок шлепнулся

на бок — в озерцо, натекащее у подножия не-
большого водопада. Пока он выбирался отту-
да, в воздухе с убийственной меткостью про-
свистели еще несколько камней — одни про-
барабанили по ребрам, другие по макушкам.
Крупные валуны нехотя выворачивались с на-
сиженных мест и неуклюже катились впе-
ред, точно стремясь отрезать мороку обрат-
ный путь, с грохотом сталкиваясь и высекая
искры. Гросс-Бьерн в несколько отчаянных
прыжков одолел эту преграду и безумным га-
лопом помчался вниз по дну расселины под
ливнем грозно свистящих камней.

Когда скатился последний валун, Сигурд
медленно оглядел груды камней, в беспоряд-
ке рассыпанных у его ног, растрескавшихся,
с изорванными клочьями зеленого мха.

— Ничего не понимаю, — задиристо ска-
зал он в притихшую темноту, — но все рав-
но — спасибо.

Сила мягко подтолкнула его, и вдруг Си-
гурд ощутил, что больше не одинок, — ощу-
щение было теплое и приятное. Он знал, что
больше ему не нужно прятаться в тесной пе-
щерке, и потому бесшумно выбрался на дно
расселины, велел Силе отыскать Рольфа и
Миклу. Она ответила легким толчком вверх
по течению ручья, который тек по дну рассе-
лины, и Сигурд зашагал вперед, часто огля-
дываясь в поисках Гросс-Бьерна.

Луна в эту ночь светила в полную силу.
Гросс-Бьерн почти неслышно крался за Си-
гурдом, предусмотрительно держась подаль-

ше от его Силы. Как ни был Сигурд утомлен и измотан, он не мог отказать себе в удовольствии двигать предметы взглядом; устремленная мысль запускала булыжники в Гросс-Бьерна с силой и меткостью катапульты. Он не знал пока, в какую именно минуту Сила подчинилась его воле, но подозревал, что произошло это в тот самый миг, когда стало ясно, что он погибнет, если хоть что-нибудь не случится. Теперь Сила успокаивала его опасения, направляла ноги так, чтобы они не могли поскользнуться, и уверяла Сигурда, что он непременно отыщет Миклу и Рольфа, — скорее всего, они ищут его в верхней части расселины.

Так что Сигурд чувствовал себя донельзя уверенным и сильным, когда обогнул крутой поворот ручья... и в этот самый миг кто-то — или что-то — беззвучно вырос перед ним как из-под земли и обхватил его громадными волосатыми лапами. Сигурд вырвался, едва сдержав вопль ужаса, и отбежал несколько ярдов по дну расселины, покуда не сообразил, что, собственно, никто за ним не гонится. Тяжело дыша, он остановился и оглянулся.

— Эй! — окликнул его слабый голос. — Есть здесь кто-то — не драуг, не плод моего воображения? Должно быть, почудилось, — добавил говоривший с тяжелым вздохом, который перешел в стон. Сигурд услышал, как звякнула цепь.

— Кто там? — нарочито грубо окликнул он.

— Благодаренье высшим силам, не почудилось! Эй! Помогите! Я попал в ловушку и с радостью заплачу тебе, если только ты меня освободишь! Пожалуйста, помоги мне. Я уже три дня здесь торчу и едва не умер с голоду. Хуже того — вот-вот появится тот, кто устроил ловушку, и тогда мне уж точно конец. Поверь мне, я ничего такого не сделал, чтобы заслужить позорную смерть! Никогда в жизни я не совершал насилия, и для моего достоинства нет большего оскорбления, нежели умереть, как обычный тролль.

Сигурд с изумлением прислушивался к этой речи. У говорившего был хриплый и довольно ворчливый голос, который напомнил ему обидчивых и балованных ветеранов Хальвдана, любивших просиживать вечер у очага в большом доме и хвалиться былыми победами.

— Кто ты? — спросил он, подходя ближе. — И в какую ловушку попал?

— Зовут меня Гриснир, а ловушка, само собой, на тролля! — нетерпеливо отозвался голос. — Больше я о ней ничего не знаю — только то, что застряла нога и болит неимоверно. Если не желаешь мне помочь — уходи, не мучай меня надеждой на спасение! Уходи, и я буду мучиться! — Гриснир испустил жуткий стон и снова забряцал цепью.

Сигурд решил, что вряд ли чужак нападет на него, если у него нога застряла в ловушке, и осмелился подобраться еще ближе, чтобы приглядеться к нему. Он настороженно выглянул из-за валуна — и увидел громадного

тролля, который восседал посреди расселины; некое хитроумное приспособление впилося в его ногу.

— Ты же тролль, — тупо проговорил Сигурд.

Гриснир скрестил руки на груди.

— Конечно же, я тролль, если ловушка эта — не на человека, не на лису, не на птицу, а именно на тролля. Слыхал ли ты когда-нибудь, чтобы тролля изловили чем-то еще? Эта великолепная штучка — дело рук Вигасмида, кузнеца из Слеггъявеллира, и я могу порекомендовать ее, так сказать, по собственному опыту. Тролль, попавший в эту ловушку, уже не спасется. Словом, можешь купить такую за две с половиной марки.

Сигурд подошел еще ближе, и тролль уставился на него горящими глазами.

— Но ведь если я тебя освобожу, ты скорее всего тут же меня прикончишь и сожрешь, разве нет? — осторожно осведомился Сигурд.

Гриснир вздохнул, ссутулив волосатые плечи.

— Я не из тех троллей, что едят все без разбору. Желудок у меня деликатный, а вы, альвы, носите в себе невообразимое количество болезней и поветрий. Не хотелось бы тебя обидеть, но я бы предпочел говядину, изжаренную на огне и пропитанную собственным соком.

От этого описания у Сигурда рот наполнился слюной.

— Я и сам сильно голоден... но мне всегда говорили, что слову тролля верить нельзя.

Гриснир нетерпеливо шевельнулся.

— Послушай-ка, дружок, ты ведь любишь золото? Я знаю, все альвы любят золото. Я дам тебе больше золота, чем ты сможешь унести с собой, только помоги мне выбраться из ловушки. И еще я дам тебе мяса и оленины, сколько сможешь съесть. Мое жилище совсем неподалеку отсюда. Какое предательство — поставить ловушку чуть ли не на моем пороге! Ну же, разве ты не видишь, что я не желаю убивать ни тебя, ни кого-то еще? У меня ужасно болит нога, и все, что я хочу, — скрыться под землю и там подлечить ее. Для тебя это, конечно, мелочь — освободить тролля из ловушки, а для меня — вопрос жизни и смерти.

Сигурд ощутил, как Сила мягко подталкивает его вперед. Он подошел к ловушке и принялся ее разглядывать. Гриснир с надеждой поднял на него сморщенное лицо, скрежеща зубами от боли, покуда Сигурд изучал ловушку.

— Боюсь, у тебя сломана нога, — сказал наконец Сигурд. — Нескоро еще ты сможешь охотиться. Верно, у вас есть вожак, которому будет не по дуню кормить больного тролля?

Гриснир расправил плечи.

— Я тролль-одиночка, а не животное, которое охотится в стае! Я зарабатываю пропитание и золото мудрыми советами и заклинаниями для здешних рыбаков и крестьян. Вот

почему мне особенно горько, что альвы, которым я так долго верил, обратились против меня и поставили на меня ловушку. Знаешь, это обстоятельство ввергает меня в крайнее уныние.

— Где же у этой ловушки защелка? — бормотал Сигурд, разглядывая устройство со всех сторон. Наконец он нашел искомое и обеими ногами встал на защелку — иначе никак нельзя было раздвинуть ее хищные челюсти. Облегченно скуля, Гриснир выволок из ловушки свою сломанную и сильно изорванную ногу и пополз к воде, до которой он не мог добраться три дня. Сигурд, мгновение поразмыслив, протянул ему свой дорожный кубок. Он помог Грисниру обмыть раненую ногу, затем они обвязали ее пахучими листьями, которые Сигурд по указанию тролля нарвал на сырых стенах расселины, и завернули в кусок длинного истрепанного плаща, который тролль носил через плечо. Затем Сигурд помог Грисниру подняться, предложив ему опереться на свое плечо, которое было намного ниже, чем мохнатое плечо спасенного. Тролль кряхтел, стонал и морщился на каждом шагу, часто останавливаясь, чтобы отдышаться и утереть волосатое лицо, обильно покрытое потом.

— За помощь я награжу тебя золотом и драгоценными камнями, — объявил он. — Теперь уже недалеко. Увидишь плоский валун, который лежит на двух других, как подобие дверного проема, — значит, пришли. Дверь в мое жилище прямо там внизу.

Очень скоро Сигурд увидел примету, о которой говорил Гриснир. Из последних сил, шатаясь, они проковыляли по крутой тропинке вверх и рухнули под гигантским портиком, сопя и задыхаясь, однако торжествующе ухмыляясь друг другу.

— Вот бы удивился кое-кто из моих приятелей, если бы сейчас увидал меня! — Сигурд со смехом покачал головой. — В жизни я не поступал так безрассудно.

— Так добросердечно, хотел ты сказать, — со слабым смешком поправил его Гриснир. Из волосяных зарослей на груди он извлек висевший на цепочке ключ. — Ну что же, войдем? Огня там нет, и еды не много, но кое-что пристойное мы все же для себя отыщем.

Глава 15

Сигурд распахнул тяжелую дверь, за которой оказался небольшой коридор — он заканчивался коротким рядом широких ступеней, которые вели наверх. Гриснир показал, где лампа и огниво, и миг спустя мягкий свет лампы на китовом жиру озарил большую и уютную комнату, которая была вырублена прямо в скале, — причем даже с очагом. Напротив массивного стола и кресел, тоже высеченных из камня, высилась гигантских размеров кровать с резными столбиками, на которую Гриснир тотчас и вскарабкался с благодарным стоном. Сигурд озираясь все с большим восторгом, разглядывая искусно вырезанные каменные фигурки, стоявшие на каждой полке и в каждой нише. Он развел жаркое пламя в очаге, и Гриснир указал ему на сундук, покрытый искусной резьбой, — там хранились съестные припасы. Первым делом Сигурд сварил яйца — полную кастрюлю — и прибавил к ним хлеб, поджаренный на угольях.

Когда они немного утолили голод, Сигурд принялся жарить мясо, но то и дело оглядывался на сундук.

— У меня есть резная шкатулка — вот она бы тебе понравилась, — сказал он наконец,

понимая, что и каменные фигурки, и резьба на сундуке — дело рук Гриснира. — Ее смас-терил один гном, Бергтор из Свартафелла, и она почти так же хороша, как твои поделки.

Гриснир сел на кровати.

— Бергтор? Гм, неудивительно, что моя работа, на твой взгляд, почти так же хороша, как его. Он был моим наставником много лет назад, и это он и никто иной убедил меня, до чего приятно жить в одиночку в сердце горы. Я зарабатываю на жизнь своим мастерством и познаниями... во всяком случае, так было три дня назад. Не знаю уж, смогу ли я впредь доверять этим альвам. — Он нахмурился, подергал себя за отвисшие мочки остроконечных ушей. — Э, да ну их совсем! Переверни мясо в последний раз и загляни вон в этот маленький сундучок на полке. Бери оттуда все, что захочешь, или же забирай весь сундучок — как душе твоей будет угодно. Золото и драгоценности немного для меня значат, они нужны мне лишь для обмена. Вчера в это же время я мечтал лишь об одном — чтобы кто-нибудь, подобно тебе, явился и спас меня из ловушки.

С колотящимся сердцем Сигурд заглянул в сундучок. Почти до краев он был наполнен золотыми монетами, украшениями и драгоценными камнями. Вначале он подумал, сколько сможет отсюда взять, затем — сколько сумеет унести. Золото, даже если его немного, — штука увесистая. Он оглянулся на Гриснира — тролль растянулся на каменной кровати, потя-

гивая мед из большой чаши и между глотками ласково поглядывая на Сигурда.

Наконец Сигурд выбрал только один камень — огромный, мерцающий алым, он напомнил Сигурду о Ранхильд. Как хорош был бы этот алый камень на ее белой шее, если б только удалось передать ей подарок, не уточняя, от кого именно!.. Быть может, Ранхильд ненавидит его... но камень он все же взял.

— И это все? — воскликнул Гриснир.

— Больше мне и не унести, — отвечал Сигурд. — Во всяком случае, не туда, куда я направляюсь. Я бы подарил этот камень одной знакомой девушке, если б только довелось еще когда-нибудь увидеть ее. — Он глянул на колечко Ранхильд, блесевшее на его мизинце, и мрачно задумался о всех своих злодеяниях.

— Я так и думал, что ты здесь долго не удержишься, — заметил Гриснир. — Тем более что этакая тварь преследует тебя по пятам! Не знаю, что она такое, да и не особенно желаю знакомиться с ней поближе. Однако я в долгу у тебя, и прежде чем ты уйдешь, я хотел бы расплатиться. Ты упомянул Бергтора. — Он умолк, поскольку считал невежливым чересчур настойчиво расспрашивать гостя.

Сигурд присел на табурет рядом с кроватью Гриснира.

— Я и мои друзья отправились в путь, чтобы повидать Бергтора — с самыми мирными целями. Все, что нужно нам от него, — чтобы он открыл шкатулку, о которой я говорил тебе

раньше; зла мы ему не желаем. Я уверен, ты знаешь, как трудно отыскать Свартафелл, но если ты некогда был учеником Бергтора, стало быть, сумеешь нарисовать для нас карту. И еще — если тебе привелось видеть двоих альвов с шестью конями, кого-то искавших... так вот, они искали меня, и мне бы очень хотелось поскорее встретиться со своими друзьями.

Гриснир одной лапой потер щетинистый подбородок. Затем взял нож и деревянную чурку, и его лапы, с виду такие неуклюжие, стали вдруг быстрыми и ловкими. Размышляя, он вырезал какие-то лица и руны.

— Ну что ж, — сказал он наконец, — надеюсь, ты и вправду не причинишь Бергтору зла. Похоже, вдали от своего племени всякий и добр, и честен, а вот стоит нам собраться вместе... Я верю в твою честность и доброту, а посему дам тебе эту карту в благодарность за то, что ты не побоялся и спас попавшего в беду тролля. Если тебе когда-нибудь понадобится помощь — ты знаешь, где меня найти.

Сигурд принял из его лап резной жезл, в который обратилась чурка, — поначалу он счел этот жезл обыкновенным подарком, но приглядевшись, понял, что это самая настоящая карта с обозначением всех гор и пиков. Он благодарно улыбнулся старому троллю:

— Итак, ты решил снова довериться крестьянам и рыбакам, после того как кто-то из них сыграл с тобой такую мерзкую шутку?

Гриснир лишь махнул лапой и зажмурился.

— Э, я запросто могу узнать, кто поставил ловушку и почему. Кто-то затаил против меня обиду, но я не из тех, кто бежит от боя. Эта гора и долины окрест принадлежат мне. Я упрямый старый плут, и чтобы отвратить меня от друзей, мало одной тролличьей ловушки. По душе мне эти негодяи, хотя один из них и желает мне зла. Нет, обо мне можешь не беспокоиться! Куда важнее найти твоих друзей, прежде чем они отчаются отыскать тебя. Когда я лежал там, в расселине, и прятался, как мог, от убийственных лучей солнца, мне почудилось, что над самой головой простучали копыта. В горячке я было решил, что это драуги или дикая охота или что стук мне в бреду почудился, но теперь мне думается, что это вполне могли быть и твои друзья. На твоём месте я бы завтра вернулся немного назад и искал их следы около того места, где я попался в ловушку. — Он оскалил в дружеской ухмылке редкие крупные зубы. — Ну как, мясо готово? Судя по виду, да. Пережаренное мясо вредно для желудка — быюсь об заклад, что тебе это известно.

Наутро Сигурд с приятным сожалением покинул жилище Гриснира, напоследок получив от него множество заверений в вечной благодарности и приглашений непременно погостить здесь на обратном пути из Свартафелла. Гриснир даже показал, где, под камнем в портике, он прятал запасной ключ, — на случай, если Сигурд появится, когда его не будет дома. Сигурд торжественно пообещал, что

придет, возьмет еду и просушит одежду — если случится попасть под дождь.

— Нет ничего более нездорового, чем сидеть в сырой одежде, — наставлял его Гриснир, поднимая лапу в прощальном жесте. — Я бы не советовал допускать, чтобы ноги промокали в утренней росе, даже в такие юные годы, как твои. Удачи тебе, Сигурд, на твоем пути!

Сигурд еще раз поблагодарил его, и дверь в скале поспешно закрылась — над склоном горы показался уже краешек солнца. Согретый надеждой после рассказа Гриснира о том, как мимо него проезжали Рольф и Микла, Сигурд поспешил к месту, где вчера нашел тролля, и долго осматривал землю вокруг ловушки, покуда не обнаружил следы. Насколько он мог судить, следы были старые, по меньшей мере двухдневной давности, но это его не обескуражило. Он двинулся по следам, твердо убежденный, что Микла обшарит каждое ответвление расселины, чтобы отыскать его.

К полудню Сигурд начинал уже задумываться — может, Рольф и Микла все это время желали присвоить себе шкатулку, а потому были рады возможности от него избавиться? Выбившись из сил, он присел на замшелом валуне, чтобы подкрепиться завтраком, который почти насильно всучил ему Гриснир, твердя, что пищеварению сильно вредит дурная привычка пропускать время завтрака и обеда. Сигурд невольно улыбнулся, вспомнив, как старый тролль учил его сохранять ноги сухими и по возможности не спать

на сырой земле. Покончив с едой, Сигурд вытянулся во весь рост на мягком ложе мха и, отдыхая, глядел на долины, где жили друзья Гриснира — крестьяне и рыбаки; верны ли и они Бьярнхарду или же ненавидят его?

Сигурд задремал, убаюканный мягкостью мохового ложа, пением птиц, которые мастерили гнезда в расселине близ журчащей воды; задремал под ласковым светом солнца и с благостным ощущением, что он в полном одиночестве и безопасности.

Вывала его из сна Сила, которая приняла облик пчелы и с сердитым жужжанием кружилась над его лицом. Сигурд быстро огляделся, чтобы заметить возможную опасность прежде, чем он выдаст себя движением. И увидел над собою всадника, силуэт которого четко выделялся на фоне неба. Сигурд проворно нырнул под защиту мелкого кустарника и посмотрел оттуда на чужака; тот был слишком далеко, чтобы его можно было опознать. Сигурд от всей души надеялся, что это Рольф или Микла, однако понимал, что всадник может оказаться кем-то из местных жителей и счесть, что его, Сигурда, следует прикончить на месте или же доставить на суд вождей и жрецов. Когда всадник наконец повернул коня и исчез за склоном горы, Сигурд испытал сильнейшее разочарование, а его Сила так обозлилась, что все время сдергивала капюшон ему на глаза и швыряла камни в сапоги, покуда он торопливо и осторожно уходил в противоположном направлении.

После того как Сигурду в четвертый раз пришлось усесться на валун, чтобы вытрясти из сапога камешки и помянуть недобрым словом Силу, измучившую его своими штучками, его вдруг осенило — да ведь ему попросту пытаются намекнуть, что он пошел неверной дорогой! Напряженно поразмыслив, Сигурд заключил, что, верно, и в самом деле видел Миклу либо Рольфа. Он со всех ног помчался к месту, где видел загадочного всадника. И верно — двумя холмами дальше по темному разрыву расселины трусили шестеро лошадей и два всадника, совсем маленькие издалека. Сигурд завопил во все горло и замахал руками. В один миг кавалькада развернулась и поскакала к нему, беззвучно, как в добром сне, то совершенно исчезая в провалах низин, то возникая уже гораздо ближе, — гривы и хвосты коней пронизал солнечный свет, превратив их в сияющие плюмажи. Наконец Сигурд услышал глухой стук копыт по мягкой земле и поскрипывание кожи — сон превратился в явь, и Сигурд со всех ног бросился навстречу друзьям. Кони, окружив его, остановились как вкопанные, и Рольф, спешившись, с приветственным воплем бросился к нему на шею.

— Где ты был? Что стряслось? — восторженно твердил Рольф, и ему вторил Микла, который не высказывал столь явной радости и все еще сидел в седле, хмурия брови.

— Это все морок, — пояснил Сигурд. — Я услышал его зов, и мне почудилось, что то

ты, Рольф, зовешь на помощь; вот так я и бежал за ним по дну расселины, пока не понял, что меня одурачили.

— Тебя ждала верная смерть, — укоризненно заметил Микла. — Дивлюсь, как это ты выжил. Тебе пришлось сразиться с Гросс-Бьерном?

Сигурд вспомнил, как овладел своей Силой, и загадочно улыбнулся:

— О да! Я вам расскажу об этом... как-нибудь позже.

— Позже? — возопил Рольф. — Нет, я должен услышать об этом сейчас, немедленно! Микла, сделаем привал и отпразднуем нашу встречу. Сигурд, верно, умирает с голоду!

Микла вздохнул и уступил, укоризненно покачивая головой. Рольф откупорил фляжку лучшего Гуннарова эля, они уселись и пустили фляжку по кругу, слушая рассказ Сигурда. Рольф часто прерывал его радостно-изумленными восклицаниями, и даже Микла, забыв на время о своем недовольстве, вставил два-три словца.

— Должен сказать, что мы оба до смерти рады твоему возвращению, — сказал Микла, когда Сигурд рассказал о встрече с Грисниром. — Я ведь понятия не имел, что делать вот с этим. — Он постучал пальцем по крышке резной шкатулки. — Ну что, все готовы в дорогу?

Что на самом деле спасло Сигурда от словесной взбучки, так это жезл-карта, который

он получил от Гриснира. При виде его настроение Миклы резко изменилось, и долгое время он способен был лишь покачивать головой и вертеть в руках необычную вещицу.

Когда некоторое время спустя путники глубже въехали в горы, Рольф рассказал Сигурду, как они вернулись в лагерь и обнаружили его исчезновение. Вначале они долго ждали, надеясь, что он вернется, затем встревожились, потому что совсем стемнело, но им не хотелось уходить со стоянки и окончательно разминуться с Сигурдом. Весь следующий день они посвятили поискам, но после дождя не могли найти никаких следов, а наутро, перед самым восходом солнца, их разбудили слабые крики сверху, из расселины.

— Морок, — тотчас сказал Сигурд, и Рольф кивнул.

— Микла с помощью маятника определил, что ты где-то ниже, но мы ведь слышали крики, вот и двинулись вверх. Эх, хотел бы я повстречаться с Грисниром! Кто бы мог подумать, что тролль ведет такую достойную жизнь! Надеюсь, на обратном пути мы все его навестим. Ох, до чего же приятно наконец оказаться снова в горах! Никогда в жизни я бы не согласился жить на равнине.

Путники продолжали свой путь к Свартафеллу, и Сигурд все чаще задумывался о шка тулке; все острее мучило его любопытство и желание узнать, что же на самом деле там находится. Непонятно почему, но все чаще вспоминал он и о мече Бьярнхарда, который

вез с собой Микла. Быть может, сейчас, когда Сигурд обуздал свою своенравную Силу и сам стал сильнее, он сможет обуздать и меч и владеть им, не подпадая под проклятие?..

Получив от Сигурда изрядную выволочку, Гросс-Бьерн потерял свою наглость и самоуверенность. Ночами он тихонько шнырял вокруг стоянки, предусмотрительно держась вне досягаемости заклинаний, ворча и рыча от разочарования, когда никто не поддавался на его хитрости с подражанием голосам и переменой обличий. Сигурд чувствовал, что морок приходит в отчаяние; при скудном свете зари или закатных сумерек Гросс-Бьерн выглядел даже несколько изможденным. Он не мог справиться одновременно с Сигурдовой Силой и искусством Миклы, и сознание этого, вероятно, точило его лиходейскую душу.

Как-то вечером, наблюдая, как морок облезленно топчет и роет копытами землю, Микла заметил:

— Вот и Бьярнхард, должно быть, злится не меньше, если знает о нашем путешествии... а я уверен, что знает.

Сигурд подумал о доккальвах, которые гнались за ними от Свинхагахалла, и вслух сказал, что, мол, интересно бы знать, идут ли еще эти доккальвы по их следам, неуклонно собирая нужные сведения в усадьбах, где по пути в Свартафелл работали друзья.

— И кстати, как насчет Йотуллы? — добавил он, озадаченно хмурясь, поскольку маг до

сих пор вызывал у него смешанные чувства. — Как по-вашему, он просто ждет удобной минуты?

Рольф зябко поежился.

— Бьюсь об заклад, именно так. Поверь мне, уж он не упустит случая хорошенько нас припугнуть.

— Да, он будет ждать благоприятной минуты, — сказал Микла. — Йотулл не из тех, кто легко сдается, а я сомневаюсь, чтобы Бьярнхард позволил ему вернуться в Свинхагахалл без этой шкатулки. Я давно уже поджидаю его появления, и единственное, что меня удивляет, — что его пока что не видать.

— Но я бы все же не забывал поглядывать по сторонам, — поспешно добавил Рольф, и в самом деле беспокойно озираясь. — Йотулл не глупец.

— Однако дорога в Свартафелл ему неизвестна, — отозвался Микла. — И он наверняка надеется, что приведем его туда мы. Не забудьте, для него, как и для нас, шкатулка бесполезна, пока ее не открыли. Я уверен, что у Йотуллы готов уже хитроумный замысел, но что бы он там ни задумал — можешь не сомневаться, Рольф, что нас с тобой он намерен известить.

Рольф хмуро согнул и разогнул раненую руку.

— Гнется она пока плоховато, но натянуть тетиву я сумею, так что теперь от меня будет прок.

Сигурд глянул на Миклу.

— А я чувствовал бы себя куда увереннее, если бы при мне был меч, чтобы защищать вас обоих. Послушай, Микла, ведь я уже подчинил себе Силу и сам стал сильнее, так почему бы тебе не отдать мой меч?

Микла тотчас нахмурился так сурово, что глаза почти исчезли под нависшими бровями.

— Никогда, — мгновенно ответил он. — Я уже имел возможность чересчур близко познакомиться с этим мечом, и в другой раз мне, быть может, меньше повезет.

— Ты не веришь мне! — бросил Сигурд, поднимаясь.

— Я не верю мечу, потому что верю проклятью на нем! — огрызнулся Микла.

— Это одно и то же, — гневно ответил Сигурд. — Если б ты верил в мои силы, ты бы не боялся вернуть мне меч. Ты просто считаешь, что я неспособен с ним справиться!

Микла ответил ему таким же гневным взглядом.

— С какой это стати я должен с радостью позволять тебе размахивать мечом, если я же и стану первой его жертвой, стоит тебе обозлиться? Не думаю, Сигурд, чтобы тебе так уж хотелось еще раз ошибиться, если твоя Сила не сумеет обуздать проклятье.

Сигурд повернулся к нему спиной и зашагал прочь, частью для того, чтобы доказать, что умеет держать себя в руках, а частью оттого, что и в самом деле боялся вот-вот выйти из себя. Если он чему за это время и научился, так тому, что с Миклой спорить

бесполезно, — тот был так немыслимо упрям, что ничто не могло заставить его переменить свое мнение, и чем больше его уговаривали, тем тверже он стоял на своем. Чем нелепее было мнение Миклы, тем упорнее он его придерживался.

Несколько дней Сигурд держался с Миклой холодно и неприязненно. Путники ехали по бездорожной и труднопроходимой местности, а потому приходилось передвигаться медленнее и часто устраивать привалы, чтобы дать отдых коням. Сигурд и Микла упорно не разговаривали друг с другом, и приходилось Рольфу болтать за троих. Каждого из них по отдельности Рольф уговаривал прекратить глупую ссору, и Микла уже почти готов был согласиться, но Сигурд объявил, что не скажет ему ни слова, пока ему не вернут меч. Путешествовать с двумя спутниками, которые не замечают друг друга, было тяжким испытанием даже для неисчерпаемо добродушного Рольфа.

Ко всеобщему упадку духа прибавилось постоянное невезение. То и дело они сбивались с пути, и приходилось возвращаться и искать верную дорогу по маятнику Миклы. Частенько надо было пробираться по глубокому снегу и огибать расселины, на дне которых кипела и бурлила вода, вспениваясь на острых зубьях скал. Ночами путники, замерзшие и зачастую промокшие насквозь, ютились под сомнительной защитой скального навеса или в неглубокой пещере, и мысли всех троих неизменно

возвращались к приветливой зелени равнин, которые они так неосмотрительно покинули.

Чем выше они забирались в горы, тем больше у Сигурда было поводов пожалеть себя. Снег становился все глубже, и на открытых местах ледяной ветер все сильнее свистел в промерзших скалах. С протяженного гребня продутой всеми ветрами горы путники спустились в узкую глубокую долину, забитую снежными сугробами. Радуюсь возможности спрятаться от ледяного ветра, кони часто останавливались и щипали редкие пучки заиндевевшей травы, которая пробивалась меж камней.

Микла спешился и долго стоял, глядя на дорогу, по которой они пришли сюда; лицо его было напряженно-хмурым. Впервые за все эти дни Сигурд едва не нарушил свою клятву и не спросил у Миклы, следует ли кто-то за ними по пятам... но в последнюю минуту решил не ронять своего достоинства и смолчал. Рольф тоже, поглядев на Миклу, беспокойно оглянулся назад, но ничего не сказал; вид у него был встревоженный и озадаченный.

Микла резко обернулся, обратив взгляд на снежный завал, который высился впереди. Вонзая посох в снег, он зашагал к гребню завала и оттуда, обернувшись, крикнул:

— Я перейду через завал и проверю — вдруг это просто перемычка над пропастью? Приведите сюда коней и ждите, покуда я не дам знак с той стороны.

Сигурд, злой и изрядно замерзший, вздохнул.

— Не понимаю, зачем он так поступает всякий раз, когда мы переходим снежный завал или ледник, — проворчал он, обращаясь к Рольфу. — Под нами самое меньшее пятьсот футов чистого льда, но для Миклы этого, видно, недостаточно.

Лаской и понуканиями они загиали коней на снег и смотрели, как фигурка Миклы движется по необъятной сверкающей белизне, на всяком шагу пробуя снег впереди посохом. Вдруг Сигурд услышал словно бы тяжкий вздох. Микла на мгновение замер и побежал со всех ног. Снег медленно оседал огромным кругом, захватывавшим почти треть ледника. Рольф и Сигурд невольно закричали от ужаса... и тут снежная перемычка со стонущим вздохом осела в бездонную пропасть в синеве вечного льда, увлекая за собой Миклу.

Рольф и Сигурд на миг застыли, потрясенные, затем опрометью бросились отгонять коней от края снежного завала, спотыкаясь и оскальзываясь в приступе ужаса. Загнав перепуганных коней на вершину ближайшего скального холма, они оглянулись на ледник и гигантскую трещину — снег все еще беззвучно опадал в нее, и края трещины оставались гладкими и блестящими, словно кто-то нарочно срезал их. Рольф бессильно глядел на это, стискивая кулаки, и, качая головой, повторял:

— Я не могу, не могу поверить! Погибнуть вот так... Вот только он был здесь... и его нет.

— То же могло случиться и со всеми нами, — дрожащим голосом пробормотал Сигурд, и вдруг у него так ослабли колени, что он не мог устоять на ногах. Он опустился на валун и обхватил голову руками, жалея от всего сердца, что он и Микла не расстались друзьями. — Как по-твоему, может, подобраться поближе и заглянуть в трещину?

Рольф горестно и медленно покачал головой.

— Скорее всего, мы сами там же и окажемся. Снег ненадежен и опасен. Трещина глубокая, и если он упал на самое дно, его так завалило снегом, что... надежды нет... — Голос его сорвался, и Рольф поспешно отвернулся.

Сигурд стоял около коней, которые окружили его, тревожно округляя ясные глаза, потряхивая гривами и фыркая теплым воздухом в его лицо, — словно чуяли недавнюю смерть. Скоро Сигурд тоже ощутил настоящую потребность поскорее покинуть это страшное место и обеспокоенно окликнул Рольфа:

— Рольф, нам нужно поскорее убраться отсюда! Мне здесь все больше не по себе.

Альв стремительно обернулся, забыв о своем горе:

— Ты прав! Вернемся той же дорогой, которой шли, — чтобы не заблудиться. Придется нам взять повыше, чтобы миновать это место. Ты же понимаешь — карты-то у нас теперь нет.

Это был тяжелый удар. Сигурд перевел взгляд на коня Миклы, который неспешно

рысил рядом с ним, встряхивая заброшенными на шею поводьями. Карта канула в пропасть вместе с Миклой, однако его сума и меч Бьярихарда все еще были приторочены к седлу... Сигурд размышлял о мече — вначале неохотно, потом со все большим волнением. Подобно Рольфу, он все чаще оглядывался назад.

К концу дня они остановились на ночлег. Сигурд без единого слова объявил свое право на меч, сняв его с седла Миклы и приторочив к собственному седлу. Рольф с тревогойглянул на него, но не сказал ни слова. На боку кожаного кошеля он чертил новую карту. Вдвоем им удалось сделать более-менее точную копию карты, вырезанной Грисниром на рунном жезле, — оба они довольно часто вертели жезл в руках и запомнили многое из того, что было на нем изображено. И все же помощи от новой карты было немного. Сигурд утрюмэ сожалел, что прежде они не слишком внимательно приглядывались к карте-жезлу и теперь не могли вспомнить верное расстояние между вехами. Рольф, впрочем, был совершенно уверен, что они не пропустили ни одной вехи, а больше они сейчас ничего и не могли сделать.

Гросс-Бьерн, осмелевший после гибели Миклы, этой ночью мучил их отдаленными криками, которые напоминали зов о помощи, и этого Рольф уже не мог перенести. Измученный, он расхаживал по стоянке, качал головой и бормотал, обращаясь к Сигурду:

— Я знаю, я не могу бросить живого друга и пуститься на поиски того, кто наверняка мертв. Ты ведь не отпустишь меня, правда, Сигги? Помоги мне не сойти с ума, а то, боюсь, я натворю глупостей.

— Сядь и успокойся! — твердо повелел ему Сигурд. — Выпей вон чаю. Ты же знаешь, это Гросс-Бьерн пытается выманить тебя из лагеря. Рольф, тебе нельзя рисковать своей жизнью — иначе я останусь совсем один... со своей шкатулкой. — Он вздрогнул и подбросил хвороста в огонь, хотя топлива у них было в обрез. Они расположились на ночлег в небольшом кратере, по стенам которого шумно струились потоки воды. То и дело вниз осыпались камни, потревоженные, вероятно, копытами рыскающего поблизости Гросс-Бьерна. Эта стоянка была так же безопасна, как и предыдущая, однако Сигурд признался, что чувствует себя на редкость уязвимым, и Рольф согласился с ним от всего сердца. Они бодрствовали почти всю ночь, по очереди задремывая под вопли Гросс-Бьерна. Один раз морок подобрался ближе, намереваясь пугнуть коней, чтобы те сорвались с привязи и разбежались по округе, — но тут пробудилась Сила Сигурда и метнула в морока огненный шар.

— Небольшой, но для первой попытки совсем неплохо, — объявил Рольф, опомнясь от первого замешательства. Сигурд был изумлен куда больше. — Для скиплинга ты научился весьма многому, Сигги. Знание точно

приходит к тебе само собой. Немного упражнений, и вместо шумного и дымного взрыва у тебя выйдет смертоносное копьё чистого пламени. Признаться, я тебе даже завидую. Мне-то всегда удавались лишь пригоршня искр да облако дыма. Скажи мне, как это у тебя вышло?

Сигурд задумался, затем пожал плечами:

— Понятия не имею. Я был так зол на Гросс-Бьерна, что готов был его прикончить, только бы он оказался в пределах досягаемости. Я подумал об этом, и вот что вышло — а больше я ничего не знаю. Как ты думаешь, удалось мне его припугнуть настолько, чтобы он оставил нас в покое до утра?

Рольф зевнул и зябко поежился.

— Хорошо бы! — Он умолк надолго. — Если б он осмелился впрямую напасть на нас — у тебя ведь есть этот меч.

— О да, — кивнул Сигурд, с некоторой гордостью глянув на меч, который лежал в ножнах поперек седла. В конце концов, он оказался прав, а Микла ошибался — можно владеть мечом и не поддаваться соблазну творить зло и насилие. События последних дней, думал Сигурд, сделали его мудрее, печальней и, несомненно, сильнее. Размышления о том, насколько он становится лучше, скоро усыпили Сигурда, и он задремал, уже не тревожимый никакими выходками Гросс-Бьерна..

Несколько дней Рольф пребывал в унынии, и Сигурд полагал, что это из-за гибели Миклы. Рольф почти все время оглядывался, быть

может ожидая увидеть Миклу, который нагоняет их, чудесно живой и невредимый. Ночи стали короткими, и на вечерней заре Рольф часто восседал на каком-нибудь пригорке, неотрывно глядя на дорогу, по которой они шли днем. Как-то раз Сигурд поднялся к нему, твердо решив убедить друга, что бессмысленно на что-то надеяться — ведь после несчастного происшествия на леднике прошла почти неделя.

— Рольф, и что ты там выглядываешь? — довольно раздраженно начал он, поскольку сам предпочитал вечерами отдыхать и есть, благо на двоих еды было более чем достаточно. — Если ты полагаешь, что Микла все еще жив и пытается нагнать нас...

— О нет, нет! Я бы хотел, чтобы всего лишь бесплодная надежда вынуждала меня оглядываться назад. Сигги, неужели ты не чувствуешь? Неужели ничто не возмущает твоего покоя? — Рольф нахмурил брови и теснее запахнулся в плащ — холодный ветер погребально завывал в расселинах скал.

— Ну да, признаться, я в последние дни и сам об этом думал, — отозвался Сигурд. — С тех пор, как меч вернулся ко мне, я чувствую себя уверенней, однако, что верно, то верно — в том месте, где мы потеряли Миклу, мне было слегка не по себе. Как по-твоему, что бы это было такое? Сейчас-то, после твоих слов, я тоже чувствую беспокойство, но это, может быть, из-за морока? Я всегда чую, когда он поблизости.

— Может, это и еще из-за кого-нибудь, кто тоже тебе знаком, — отозвался Рольф, многозначительно глянув на Сигурда.

— Ты имеешь в виду Йотулла? — Сигурд обвел взглядом пустынные окрестности — сплошь нагромождения камней и льда. Приближавшаяся буря медленно заволакивала горные вершины туманной мглой. — Но, понимаешь ли, я, в отличие от тебя, не чую опасности. — Он нахмурился, подумав, что дело, может быть, в том, что Рольф всегда считал Йотулла и Бьярнхарда врагами, а Сигурд испытывал к ним довольно смешанные чувства.

Рольф вздохнул, и изо рта его вылетело облачко индевеющего пара.

— Давай-ка спустимся вниз да разведем костер в пещере, чем мерзнуть здесь, на камне. Даже у Йотулла достанет здравого смысла не пускаться в путь такой ночью. Того и гляди к рассвету выпадет снег.

Пещера, в которой они остановились на ночь, не раз служила приютом для путешественников, и это как будто показывало, что они на верном пути к Свартафеллу и другим поселениям dwarves на севере. Стены пещеры почернели от копоти бесчисленных костров, и неведомые руки нацарапали на них множество рун и посланий к другим путникам. Из оставшегося от прежних ночлегов хвороста Сигурд сложил костер, и кони, оставшиеся снаружи, пришли к пещере, поближе к теплу и свету.

При свете пламени Рольф разглядывал нарисованную ими карту.

— Приближаемся, — с надеждой в голосе сообщил он. — Завтра, если все пойдет как надо, мы начнем спускаться с северных склонов этих гор, прямо в Двергарриг. Там я уж буду поспокойнее — дворги Бьярихарду не друзья, и он даже не пытается изгнать их из подгорных чертогов. Завтра в это же время мы будем ночевать в жилище гнома, а не трястись от холода в жалкой пещере, на камнях и в грязи. Да... А там уж рукой подать до Свартафелла и Бергтора!

Он отложил карту и вытянулся у огня в том месте, где вогнутая стена собирала тепло от костра, однако вид у него при этом был не такой уж довольный. Сигурду казалось, что Рольф прислушивается к звукам, доносящимся снаружи, но сам он ощущал только приближение бури, которое вызывало в нем радостное возбуждение. Он то и дело поднимался с тюфяка и поглядывал на чернеющую стену, которая залила долины и теперь подползала к их скромной пещерке, неся с собой порывы ветра с дождем.

В пятый раз он отвернулся от этого зрелища и уселся на свое место, прежде глянув на лошадей и убедившись, что они не разбегутся во время бури. Затем вдруг поднялся, напряженно прислушиваясь. Рольф встретился с ним взглядом и потянулся к луку.

— Да это все обычные штучки Гросс-Бьерна, — сказал Сигурд, но Рольф медленно покачал головой и сделал ему знак помолчать. Миг спустя с вершины соседнего

гребня горы, к югу от них, донесся слабый крик.

— Это Гросс-Бьерн, — упрямо повторил Сигурд.

— Нет, — сказал Рольф и одним словом-заклинанием мгновенно загасил костер. — Это не Гросс-Бьерн, и если ты хоть немного пошевелишь мозгами, то сам это поймешь. Возьми секиру и будь наготове — вдруг они отыщут в темноте нашу пещеру.

Сигурд схватился за меч, но, подумав, все же предпочел секиру. Снаружи дождь барабанил все сильнее, и он слышал рокот грома, который перекатывался в долинах от утеса к утесу.

— Я ничего не вижу, — пробормотал он, — так что и нас скорее всего не увидят, кто бы ни смотрел.

Он не успел договорить, когда в небе полыхнула ослепительная вспышка молнии, озарив окрестности невысказанно ярким белым светом. Кони беспокойно задергались на привязи.

— Все равно нас найдут, — мрачно сказал Рольф. — Приготовься к драке, Сигги. Мы не отдадим шкатулку так близко от Свартафелла. Надо бы мне было сжечь карту, чтобы она не попала им в руки. — Он принялся шарить в темноте, с шорохом передвигая камни, и Сигурд понял, что он прячет карту, нарисованную на кожаном кошелье. — Они, верно, сохранят нам жизнь, чтобы испытать у нас дорогу, но лучше умереть, чем

допустить, чтобы шкатулка попала к ним в руки.

— Йотуллу и Бьярнхарду? — Сигурд выглянул из пещеры, морщась от дождя, который хлестал по лицу. — Рольф, ты, по-моему, выжил из ума. Разве Йотулл отправится в путь в такую собачью ночь, не говоря уже о Бьярнхарде...

Снова донесся крик, на сей раз гораздо ближе от пещеры, и снова молния хлестнула темноту призрачным своим сиянием. Рольф ничего не сказал в ответ, лишь наложил стрелу. Сигурд снова выглянул наружу — почувдился глухой стук копыт по камням. Вдруг он осознал, что в самом деле что-то слышал, но раскат грома заглушил все, а топот и ржание взбеленившихся коней помешали окончательно. В следующей вспышке молнии он увидел перед пещерой темный шатающийся силуэт, резко очерченный ярким светом. Рольф метнулся вперед с грозным криком, в тот же миг Сигурд занес секиру — но прежде чем он успел ударить, пришелец рухнул ничком.

Рольф выругался и бросил заклинание — костер разгорелся тотчас же, с ревом и жаром, осветив неподвижную фигуру у входа в пещеру. Вдвоем они наклонились над своим неожиданным гостем, который трясся от холода и насквозь промок под дождем, — влага изморосью осела на его плаще. Сотворив знаки для отпугивания зла, Рольф и Сигурд перевернули пришельца.

Это был Микла. Опомнясь от мгновенного потрясения и горьких укоров самим себе, они подтащили его ближе к огню и принялись сушить одежду и устраивать его поудобнее. И одежда Миклы, и он сам изрядно пострадали от его хождения по мукам; кое-как замотанная рука, видно, была сломана, а сапоги стерлись от пяти дней пешего пути. Рольф качал головой и повторял, что никогда, никогда не простит себе, что не попытался вытащить Миклу из пропасти на леднике.

— Весьма похвально, — прозвучал вдруг голос у них за спиной. — А теперь, когда вы позаботились об ученике, может быть, обратите внимание на его наставника?

Глава 16

то ты так уставился, Рольф? — осведомился Йотулл, с обыкновенным своим изяществом усаживаясь у костра и сбрасывая мокрый плащ. — Рад нашей встрече, Сигурд. Ты покинул Свинхагахалл, ни с кем не простившись, а это не слишком-то любезно.

Сигурд быстро очнулся от замешательства. Он глянул на Рольфа, все еще белого от ярости.

— Мы уехали не по своей воле, а...

— Знаю. Вас увез Микла. Он доставил мне бездну хлопот, однако наказания для мятежных или беглых подмастерьев весьма суровы, так что я надеюсь, что он усвоит урок. — Йотулл закинул ногу на ногу, словно чувствовал себя как дома, и не обращал внимания на бешеные взгляды Рольфа и стоны Миклы.

— Он мог умереть! — прорычал Рольф. — Не сомневаюсь, ты вполне способен при удобном случае дать волю своему дикому нраву, а Микла, осмелюсь сказать, вряд ли мог защищаться, когда ты нашел его. Сколько из этих синяков и порезов — твоих рук дело?

Йотулл усмехнулся и сожалеюще покачал головой.

— Да ведь если б я не поспел вовремя, он бы по сю пору торчал в расщелине, промерзший насквозь, точно кусок льда! Плохой подмастерье все же лучше, чем никакого, так что я извлек его на белый свет, между прочим не без труда и опасности. Надеюсь, когда-нибудь Микла будет благодарен мне за риск, который я испытал, спасая его ничтожную жизнь. Он должен быть мне крайне обязан за спасение. Он, конечно, как всегда, упрям, но спеси в нем поубавилось, а?

— Ты дурно с ним обошелся, — все так же гневно продолжал Рольф. — Плохой наставник куда хуже плохого ученика, особенно если этот наставник — лжец, шпион и предатель.

— Сигурд, — сказал Йотулл, — скажи своему приятелю, что он заходит чересчур далеко для низкого раба, каковым он и является. — Маг лениво улыбнулся, и у Сигурда заледенило кровь от его взгляда.

— Умолкни, Рольф, — тотчас же бросил он.

— Отлично, Сигурд. Надеюсь, твоя готовность исполнять мои повеления послужит примером твоим двум приятелям. А теперь подайте мне доброй еды, чего-нибудь горячего; а когда сделаете это, пускай кто-нибудь позаботится о моей лошади. — Он вынул из-за пояса знакомый им всем рунный жезл и с восхищением повертел его перед глазами. — Полагаю, Сигурд, шкатулка все еще у тебя?

— Да, у меня, — спокойно ответил Сигурд. — И я намерен уберечь ее, покуда мы

не доберемся до Свартафелла. — Против его воли, в его голосе прозвучал оттенок вызова.

— Ну так береги, — с усталым вздохом отвечал Йотулл. — До сих пор ты с этим неплохо справлялся, хотя, надо сказать, я был уверен, что в Гунनावике ты лишишься и шка-тулки, и жизни, — помнишь, когда старина Вигбьёд вернулся после того, как вы изрубили его на куски?

Рольф, готовивший еду для Йотуллы, поднял голову:

— Будь ты там, ты уж, верно, ему бы помог. И кстати, говоря о мороках и друзьях, почему бы тебе не избавиться от Гросс-Бьерна? Ты, похоже, решил присоединиться к нам, так что нет нужды в том, чтобы нас изводил еще и морок.

Темные глаза Йотуллы раздраженно сверкнули.

— Ты стал дерзок, Рольф, дерзок и неблагоразумен. Или ты забыл, как я проучил Миклу за его самонадеянность? Если не желаешь познакомиться с моим гневом, будь добр переменить свои манеры.

Рольф отошел глянуть на Миклу, который перестал дрожать и впал в тяжелый сон.

— Если б Микла только мог говорить, он ответил бы тебе, что нам плевать и на твой гнев, и на твои манеры. Что дало тебе право довести Миклу до полусмерти, ворваться сюда, свирепо вращать очами, расточать угрозы? Ты ничем не помог нам раньше, когда мы

голодали и не могли найти себе приюта, а теперь явился раздавать приказания, словно ты всегда был здесь главным! Мы так легко не сдадимся ни Бьярнхарду, ни тебе, Йотулл. Меня не назовешь негостеприимным, но если не хочешь, чтобы тебя прикончили, лучше тебе убраться подобру-поздорову! — Он выхватил меч и шагнул к магу, став между ним и Миклой.

Йотулл лишь изогнул бровь и лениво поднялся на ноги.

— Неужели ты не понимаешь, как ты нелеп? Тебе никогда не выстоять против меня в честном поединке!

Рольф сверкнул глазами, взмахивая мечом:

— Честный поединок? Когда тебе случилось драться честно, Йотулл? Тебе тогда лишь и везет, когда удастся смошенничать.

Йотулл, хмурясь, поглядел на Сигурда, который был так изумлен яростной речью Рольфа, что мог лишь переводить взгляд с одного на другого.

— Сигурд! Если тебе хоть немного дорога жизнь этого щенка, скажи ему, чтобы прекратил скалить зубы, иначе погибели ему не миновать! Ты ведь не пойдешь против старого друга, верно? Я знаю, Сигурд, я могу рассчитывать на то, что ты не выгонишь меня из пещеры в такую бурю.

Сигурд глянул на одно гневное лицо, на другое — и глубоко вздохнул.

— Никого, — проговорил он осторожно, — я не прогнал бы в бурю, даже если она —

твое творение, Йотулл. Выслушайте меня оба, вот что я предлагаю: Йотулл утром покинет нас и пообещает вернуться в Свинхагахалл и больше не пытаться мешать нашему путешествию в Свартафелл. Шкатулка и ее содержимое принадлежат мне, Йотулл, и только я буду решать, что делать с ними, — а что бы я ни решил, я не намерен отдавать их Бьярнхарду или кому другому!

Йотулл покачал головой и вздохнул.

— Я ведь и не упоминал о Бьярнхарде или о том, чтобы кому-то — даже мне — отдавать шкатулку. Я просто пытаюсь защитить тебя, чтобы ты благополучно дожил до того мгновения, когда откроют эту проклятую крышку. Мне шкатулка не нужна, и я не желаю, чтобы она досталась Бьярнхарду. Ничто так не радует меня, как то, что она в твоих руках. Быть может, я говорил чересчур грубо, но ведь я проделал долгий путь, почти не отдыхая, а от этого у кого хочешь настроение испортится. Я не питаю особой любви к Микле — ведь он, в конце концов, бежал от своего наставника и весьма подло его предал, однако ведь не я же так отделал его. Он был изранен, когда я нашел его, и уж верно я не стал бы ничего прибавлять к его страданиям. Какой мне от этого прок? А теперь забудем — на сегодняшнюю ночь — эту глупую ссору и потолкуем завтра утром, когда все мы хорошенько отдохнем. Ну что, идет? — Он воззвал взглядом к Сигурду, и тот кивнул.

— Уладим все завтра, — повторил Йотулл с явным облегчением. — Ну же, Рольф, будь благоразумен. В такую ночь ты бы и собаку за порог не выгнал.

Рольф с отвращением отвернулся от него.

— Ты, Сигурд, стал еще глупее прежнего, если думаешь, что так легко от него отделаешься.

Гнев Сигурда так и всколыхнулся от такого оскорбления, но он заставил себя проглотить гневную отповедь.

— Я знаю, что на самом деле ты так не думаешь, — довольно натянуто проговорил он, — так что я постараюсь забыть эти слова.

Весь остаток вечера Рольф не обменялся с ним ни словом, предпочитая ухаживать за Миклой. Сигурд дружески болтал с Йотуллом, который скоро уверил его, что их дружба ни в коей мере не пострадала после неожиданного исчезновения Сигурда из Свинхагалла; даже Бьярнхард относится к нему с прежней добротой и, понятное дело, беспокоится о его безопасности. Йотулл испросил разрешения взглянуть на меч и, казалось, рад был увидеть его.

Утром очнулся Микла, слабый, как котенок, и раздражительный; тем не менее он рад был вновь увидеть друзей. Возвращение Йотулла он принял с горьким смирением, однако бросал на своего наставника взгляды, полные такой обжигающей ненависти, что Сигурд дивился, как только Йотулл это терпит. Маг отвечал ему холодными взглядами

и выражал надежду, что Микла скоро наберется сил и сможет приступить к прежним своим обязанностям.

— Я скорее умру, — угрюмо пробормотал Микла, убийственно глядя на Сигурда, который пристегивал к поясу меч. — Точно нам других хлопот недостаточно, теперь надо еще беспокоиться, как бы ты не вышел из себя и не поубивал нас всех. Помни, Сигурд, я тебя предупреждал.

— Я и сам о себе позабочусь! — огрызнулся Сигурд. — Знаешь, Микла, я-то надеялся, что воскрешение из мертвых хоть немного исправит твой несносный характер, но ты, вижу, как был злопыхателем, так и остался... и даже хуже прежнего! — Он резко выплеснул в костер остатки чая.

Микла не замедлил бы с ответом, но Йотулл велел ему помолчать.

— Не люблю возвращаться к неприятным для всех разговорам, однако приходится. Я от всей души надеюсь, что за ночь вы все как следует обдумали и не возражаете больше, чтобы я сопровождал вас в Свартафелл. Не в моем вкусе проявлять излишнюю настойчивость и даже прибегать к насилию, однако должен вам напомнить, что у меня есть вот это. — Он поднял выше рунный жезл работы Гриснира.

— Эта вещь принадлежит Сигурду! — воскликнул Рольф, заливаясь краской гнева. — Ты просто украл ее у Миклы! Сигурду подарил ее друг, и лучше верни нам жезл, не то...

— Уймись, — убийственно ледяным тоном отвечал Йотулл. — Почем я мог знать, жив Микла или умер? Когда я нашел его, можно было только гадать, долго ли он протянет.

— Если ты такой честный, так верни нам нашу собственность, — не унимался Рольф, хотя Сигурд знаками приказывал ему помолчать. — Верни безо всяких условий! Я и так знаю, каковы твои условия, и могу тебе сказать, что мы их не примем. Мы отыщем Свартафелл без этого жезла и без твоей сомнительной помощи!

Йотулл пожал плечами:

— Само собой, вы отыщете Свартафелл. Но почем вам знать, пожелает ли Бергтор даже разговаривать с вами? Гномы по природе своей склонны к подозрительности, и вас скорее прикончат или же, в лучшем случае, бросят в темницу, а уж расспрашивать будут потом. А на этом жезле, кстати, послание от Гриснира к Бергтору, говорящее, что владельцу жезла можно доверять. Насколько я знаю гномов, могу вас заверить, что вы и на полет стрелы не подойдете к такой важной персоне, как Бергтор, без рекомендательного послания от кого-то, хорошо ему известного. — Он снисходительно усмехнулся и взял посох. — Ну, Микла, готов ты отправляться в дорогу? Быть может, в последний раз видишь ты своих приятелей, так что запомни их хорошенько.

— О, ты их так просто не оставишь в покое, — проговорил Микла, желчно глянув на

Сигурда и Рольфа. — Ты отправишься к Бергтору и устроишь им какую-нибудь хитроумную западню. — Он предостерегающе шевельнул бровями, выразительно глядя на Рольфа.

Рольф сощурился.

— Тогда мы должны получить этот жезл любой ценой. И если он не отдаст его, согласившись с разумными уговорами, придется нам прибегнуть к убийству! — И он выхватил меч прежде, чем Сигурд успел остановить его.

— Сигурд, — сказал Йотулл, — если ты мне друг, ты станешь на мою защиту.

— Рольф, ты с ума сошел! — воскликнул Сигурд. — Нам нельзя убивать его! Мы должны взять его с собой, пойми же! Убери меч и веди себя благоразумно!

— И не подумаю! — отвечал Рольф, угрожающе взмахнув мечом. — Я ведь говорил тебе еще ночью, что так легко мы от него не отделаемся. Он от нас не отвяжется, Сигурд, а ты — последний болван, если не понимаешь этого.

Йотулл осторожно отступал к выходу из пещеры.

— Ошибаешься, Рольф. Я покидаю вас и забираю с собой вашу единственную надежду увидеться с Бергтором. — Он помахал рунным жезлом и засмеялся, подталкивая перед собой Миклу. — Проститесь со своей удачей!

— погоди! Йотулл, не уходи! — Сигурд бросился было за ним, но Рольф заступил ему дорогу, все еще с мечом в руке.

— Сигурд, не смей его удерживать! — прошипел он. — Болван! Не позволяй Йотулле управлять тобой!

— Нет, это ты болван! — огрызнулся Сигурд, отталкивая его. — Прочь с дороги! Нам нужен рунный жезл!

В ответ Рольф увесистым ударом кулака сбил его с ног. Сигурд перекатился, извернувшись, как его учили. Вскочив на ноги, он схватил меч и бросился навстречу противнику, который приближался к нему с клинком в руках. Ярость проклятия, помноженная на собственный его гнев, заставила его забыть, что перед ним Рольф. Мечи с громким лязгом скрестились в тесноте пещеры, высекая шипящие и звенящие искры.

Сигурд уже изумлялся тому, как умело Рольф управляется с мечом, — но тут Рольф неверно оценил высоту пещеры, меч со скрежетом врезался в скалу и от удара вырвался из его руки. Сигурд мгновение колебался, но проклятие толкало его вперед — завершить бой. Он занес меч — и тут булыжник размером с кулак, вылетев неизвестно откуда, с размаху врезался в его живот. Сигурд скорчился, хватая ртом воздух. На миг он забыл о бое, и Рольф немедленно этим воспользовался. Он вцепился в запястье Сигурда и вывернул меч из его пальцев, не замечая в горячке, что изрезал себе ладони. С громким криком он выскочил из пещеры и проворно вскарабкался по крутому склону горы, увертываясь от гнавшегося за ним Сигурда. На вершине ска-

лы Рольф закрутил меч над головой и с силой швырнул его в полет над рядами иззубренных пиков и расселин в сотнях футов внизу. Меч в последний раз сверкнул слепящей иглой — и исчез из виду. Ни Рольф, ни Сигурд не услышали, как он ударился о камни внизу.

Сигурд не мог заставить себя посмотреть на Рольфа.

— Я даже рад, что этот меч сгинул, — выдавил он наконец. — Прости, что я оказался таким ослом! Глупо было надеяться, что я сумею справиться с проклятием.

— Да уж, осел из тебя первостатейный, — ворчливо согласился Рольф. — Порой мне кажется, Сигурд, что если и есть в тебе что-то хорошее, так это твоя врожденная Сила. Не вмешайся она, ты бы точно меня прикончил — как я и предсказывал когда-то в Свинхагахалле.

— Меча больше нет, — проговорил Сигурд, вздрагивая и ненавидя сам себя. — И больше об этом беспокоиться нечего.

Йотулл вскарабкался на вершину и, казалось, был сильно удивлен, обнаружив, что они сидят рядом и мирно беседуют. Он быстро глянул на Рольфа, на Сигурда, затем с вершины поглядел на расселины и пики внизу.

— Он там? — спросил он вполголоса, недружелюбно глянув на Рольфа.

Сигурд кивнул, и Йотулл покачал головой, словно такое неразумное поведение было выше его понимания.

— Что ж, я, собственно, пришел попроситься и пожелать вам успешно разыскать Бергтора.

— Нет, не уходи, — сказал Сигурд, нагнав за ним. — Поговорим еще о рунном жезле. Если помнишь, Йотулл, мы когда-то были друзьями.

Йотулл наклонил голову:

— О да, я не забыл нашу дружбу, и мне жаль, что ныне мы должны ссориться из-за этого кусочка дерева. Теперь-то я понимаю, что мы равны, а не так, как прежде — когда были могучий маг и слабый скиплинг. Признаться, я восхищен тем, с какой ловкостью ты обвел вокруг пальца и меня, и Бьярнхарда. Ты обрел немалое могущество, Сигурд, и просто стыд, что мы не можем прийти к соглашению, которое выгодно нам обоим.

Сигурд подумал, что если он равен Йотуллу, то маг ему не так уже и опасен.

— Ну что же, если мы не можем от тебя избавиться, придется нам взять с собой и тебя, и рунный жезл. Однако я хочу, чтобы ты поклялся, что не попытаешься обманом выманить у меня шкатулку и ее содержимое, и еще — я требую, чтобы ты избавил нас от Гросс-Бьерна.

— Обещаю, что не стану пытаться похитить шкатулку или ее содержимое, — отвечал Йотулл. — Пускай все силы тьмы поразят меня, если я это сделаю! Что до Гросс-Бьерна, все не так-то просто. Видишь ли, я действительно сотворил этого морока, в чем я со

стыдом и признаюсь, однако власть над ним я отдал Бьярнхарду. Теперь я ничем не могу помешать его коварству. Он может прикончить меня в один миг, и я горько сожалею, что имел глупость ему доверять. Однако я знаю, что могу доверять тебе, Сигурд. Когда-нибудь ты станешь так же велик, как Бьярнхард или Хальвдан, и судьба твоя куда выше, чем быть просто предводителем альвов.

— Ты должен бы лучше знать меня — и не пытаться улестить, — отвечал Сигурд. — Быть может, в будущем я и стану достоин такого могущества, но теперь наше главное дело — разыскать Свартафелл, этим-то мы и займемся. — Собственная речь показалась ему весьма достойной и глубокомысленной, но все испортил хриплый смех Миклы, донесшийся снизу.

— Твое главное дело, Сигурд, — обнаружить, до чего ты доверчив! Еще немного — и ты отдашь шкатулку своим врагам. Что же должно случиться, чтобы у тебя открылись глаза?

Йотулл и Сигурд переглянулись, и маг вздохнул.

— Выбирай сам, кому верить, Сигурд. Я не пытаюсь повлиять на твое решение... однако ты ведь сам очень верно заметил, что вдвоем с Рольфом вам до цели не добраться.

— Я решил, — сказал Сигурд. — Рольф! Ты же понимаешь, что для нас это единственный выход? Последние ночи, когда мы гадали,

доберется до нас Гросс-Бьерн или нет, едва не привели нас к гибели. Ну же, не надо так мрачно смотреть на меня. Ты же не хочешь снова расстаться с Миклой?

Рольф сжал губы и повернулся, чтобы отыскать другой спуск. Теперь, когда гнев его иссяк, он был бледен и едва сдерживал дрожь.

— Не думаю, чтобы мое мнение много значило для тебя, Сигурд. Все, чего я хочу, — покончить с нашими стычками, так или иначе.

— Лучшего для нас и не придумаешь! — взволнованно заверил его Сигурд, но Рольф продолжал спускаться, даже не оглянувшись на него. — Я уверен, что с Йотуллом мы скорее дойдем до Бергтора.

— Посулы и обещания! — вмешался усталый голос Миклы. — Какая глупость! Да что ты, собственно говоря, знаешь о Йотулле?

Сигурд пропустил эти слова мимо ушей. Он чувствовал, что выбрал самое верное решение, хотя Рольф и Микла до самого вечера хранили суровое молчание и, едва он поворачивался к ним спиной, провожали его холодными обвиняющими взглядами.

Он обнаружил, что все время думает о мече, да и Йотулл то и дело поминал его, словно тоже не мог забыть о нем. Сигурд рад был, что меч сгинул, не исполнив мрачного пророчества о трех лиходейских убийствах, — для Сигурда и одного убийства было более чем достаточно.

Этой ночью они остановились на ночлег в уютной зеленой лощинке, где все еще белели небольшие островки снега; расплывающегося в мелкие ледяные лужицы и озера, — трава и мох по берегам этих озерц зеленели ярко, точно изумруды. Кони радовались траве, а Сигурд — избавлению от горных ветров. Более всего, однако, радовало его обладание рунным жезлом, который Йотулл благородным жестом доверия отдал Сигурду, и теперь они знали точно, каким путем идти. Воодушевившись, Сигурд пытался восполнить каменное молчание Рольфа и Миклы веселой болтовней с Йотуллом — так когда-то болтали они в Хравнборге. Тем не менее Сигурд старательно избегал поминать Свинхагахалл. Он не хотел вспоминать о смерти Хальвдана, ни тем более слишком настойчиво расспрашивать мага о Гросс-Бьерне. Сигурд понимал, что должен быть крайне осторожен, чтобы не раздражить опять переменчивый нрав Йотулла.

После ужина, когда выставили часового, Сигурд вспомнил, что должен осмотреть копыто одного из коней — тот расшиб ногу о камень, и пришлось его лечить. Эльфрад, конь Ранхильд, дружески приветствовал его, прихватывая мягкими губами бороду, и Сигурд невольно подумал о прежней хозяйке мышастого жеребца, о том, что дни, проведенные им в Хравнборге, были счастливейшими днями в его жизни, если б только тогда он мог понять это. Пожав плечами, Сигурд

решил, что нет смысла сейчас размышлять об этом.

Он вернулся в лагерь, пройдя мимо Рольфа, который приветствовал его появление невразумительным ворчанием. Сигурд счел это благоприятным признаком — стена молчания вокруг него ослабевает. Он вытянулся на тюфяке, небрежно кивнув Йотулле, который при свете костра листал свои книги. Микла, утомленный днем пути, уже спал. Что-то твердое впилося в спину Сигурду — словно кто-то легкомысленно бросил на его ложе посторонний предмет. Бормоча проклятия, Сигурд сгреб этот самый предмет и отшвырнул прочь — тот с металлическим лязгом ударился о камни. Сигурд схватился за руку, точно ее обожгло, не веря собственным ощущениям. Он долго шарил впотьмах среди камней и колючей поросли, и наконец его рука снова наткнулась на холод заостренного металла.

— Йотулл! — обернувшись, раздраженно крикнул Сигурд. — Это что еще за дурно пахнущие шутки? Мне от них совсем не весело. Когда Рольф выбросил меч, я был только рад, что избавился от его коварных проделок. Я едва не убил им двух своих друзей, так что шутить с этим мечом мне совсем не по вкусу. — Он выпрямился, сердито глядя на Йотулла и Рольфа.

— О чем ты болтаешь? — Маг захлопнул книгу и устало взглянул на Сигурда. — У меня не то настроение, чтоб шутить.

Сигурд глянул на Рольфа, но тот выразительно похлопал ладонью по своему мечу:

— Я с самого заката нес стражу и не сходил с этого места. И поскольку я сам едва не стал жертвой Бьярнхардова меча, клянусь собственным честным клинком, что в жизни не решился бы шутить по поводу проклятия. Что случилось-то, Сигги?

Сигурд уже немного остыл от гнева.

— Кто-то подбросил меч на мой тюфяк, словно чтобы убедить меня, что клинок Бьярнхарда каким-то образом сам меня отыскал. Шутка весьма дурная, и я, похоже, догадываюсь, кто ее устроил... — Он смерил взглядом Миклу, который почти сразу после ужина крепко заснул, и это вроде бы освобождало его от подозрений.

Лицо Йотулла в отблесках пламени стало озабоченно-хмурым.

— Ты уверен, что это был именно меч? — сухо осведомился он. — Дай-ка я гляну на эту штуку. Куда ты ее бросил?

Следуя указаниям Сигурда, маг углубился в кустарник и освещал заросли светящимся навершием посоха.

— Есть! — В его голосе звучало изумление. — Но это же и в самом деле... Сигурд, где ты? Помоги-ка мне его вытащить — он упал в воду.

Сигурд попятился с колотящимся от ужаса сердцем.

— Так пускай себе там и лежит! Это меч Бьярнхарда — я испытал знакомую жуть,

когда коснулся его. Не трогай его, Йотулл, вдруг проклятие перейдет на тебя?

— Чепуха, — буркнул маг. — Ничего со мной не случится. Проклятие ложится на того, кто первым извлечет меч из ножен после того, как клинок совершит последнее из трех предсказанных убийств. Не я вынимал его из ножен, и предсказание еще не до конца свершилось, так что меч мной не завладеет. Принеси мне ножны, если они все еще у тебя. — Йотулл осторожно извлек застрявший меж камнями меч и с ним вернулся в лагерь. Клинок мерцал в тусклом свете, такой знакомый Сигурду и такой зловещий.

— Как он мог отыскать меня? — почти простонал Сигурд, роясь в дорожном мешке в поисках ножен, которые он сохранил. — Рольф, ведь ты же бросил его в пропасть с вершины Ислаберга?

Рольф глядел на меч, ничего не понимая, затем поспешно отступил, осеняя себя всеми знаками, которые, по его мнению, отгоняли зло.

— Само собой, бросил, и упал он там, где ни один смертный не в силах был бы до него добраться. Колдовство привело этот меч к тебе, Сигги. Как же я мог подумать, что так легко избежну предначертанной мне судьбы! Разве не говорил я тебе еще в Свинхагахалле, что обречен погибнуть?

Сигурд смотрел, как Йотулл вкладывает меч в ножны.

— Быть может, — угрюмо сказал Сигурд, — меч потому и вернулся ко мне, что я весь день не мог отделаться от мыслей о нем. Не знаю, право, на что может быть способна моя Сила, но, пожалуй, нам удастся сделать так, чтобы меч больше не тянулся за нами... или чтобы его не тянуло к нам. Как по-твоему, Йотулл, сумеем мы привалить меч валуном, чтобы удержать его на месте?

— Если это твоя Сила увлекла за тобой меч, — отвечал Йотулл, — то что ей стоит отвалить валун? Если же это дело рук Бьярнхарда, то события примут иной — и весьма опасный — оборот.

— Да неужто ты, великий маг, не сумеешь помешать мечу бродяжничать? — с вызовом осведомился Сигурд. — Плевать мне, кто влечет его за нами, но остановить его — дело твое, и только твое. Чтоб ты, да не справился с колченогим уродливым карликом!

Глаза Йотулла опасно вспыхнули, но голос его оставался спокоен:

— Что ж, пожалуй, я сумею помешать мечу нас преследовать... если ты уверен, что хочешь именно этого.

Сигурд не просто был уверен — он не успокоился, покуда Йотулл не завалил проклятый меч грудой лавовых обломков, которые он заклинанием сорвал с окрестных пиков. Этой ночью, стоя на страже, Сигурд чувствовал, как то и дело, против его воли, взгляд приковывает гора лавовых плит и крупного щебня. Он от чистого сердца надеялся, что в

последний раз видел меч Бьярнхарда. У него на глазах лиходейский клинок был похоронен под немыслимой тяжестью камня, и если он опять выберется на волю, значит, скромные способности Сигурда здесь совсем ни при чем.

Этой ночью меч так и не вернулся, и Сигурд заснул в полной уверенности, что из лавовой могилы проклятию не выбраться. Утром, однако, он обнаружил, что клинок уютно дремлет на его руке, мерцая в неверном утреннем свете. Сигурд с воплем отскочил, точно едва не сунул руку в западню. Рольф встретил известие о возвращении меча безнадежным вздохом и глубокомысленным покачиванием головы, а Микла криво, торжествующе усмехнулся.

— Уж не Йотулл ли следующая цель проклятия? — злорадно шепнул он на ухо Сигурду. — Он ведь ходит у тебя в лучших дружках, так что само собой ясно, что его тебе и предстоит прикончить. Если это правда, то я всем сердцем за то, чтобы сбересть клинок для такого приятного случая.

Сигурд ясно сказал ему, что думает о подобном совете. Поостыв немного и собравшись с мыслями, он опять принялся требовать, чтобы Йотулл избавился от меча. На сей раз маг произнес над мечом немало заклинаний, завернул его в мешок из последа жеребенка и бросил в глубокое озеро, дно которого терялось в непроглядно черной сердцевине земли.

— А он, похоже, от души старается, — заметил Рольф, наблюдая за творившим заклинания Йотуллом. — Можно подумать, что он и вправду хочет избавиться от меча... только мне не верится, чтоб ему заодно не хотелось убраться нас с тобой, Микла, со своего пути.

Микла лишь пожал плечами и искоса глянул на Сигурда.

— Чем же мы с тобой, Рольф, можем ему помешать? Сколько мы ни старались, а Йотулл добился всего, чего пожелал.

— Почему тебе знать, чего на самом деле желает Йотулл? — тотчас возразил Сигурд. — Его судить нелегко, тем более что ты к нему несправедлив. Не забудь, он ведь вытащил тебя из расселины!

Микла резко обернулся к нему.

— Кто бы брался судить! — огрызнулся он. — Хальвдан дважды спасал тебе жизнь, а разве ты был к нему справедлив? Так и не приставай ко мне со своими самодовольными суждениями! — Он особенно остро глянул на Сигурда и побрел к лошадям.

Сигурд вскоре забыл о своих сомнениях — он осознал вдруг, насколько близко подошли они к Свартафеллу. Повсюду видны были следы копей: гномы в этих горах усердно разрабатывали рудные жилы, возводя курганы пустой породы, извлеченной из самого сердца гор. Дважды путники миновали входы в чертоги, высеченные под горами, обильно поросшими лесом, однако ни разу не заметили ни

единого их обитателя. Гномы, как объяснил Йотулл, предпочитают подземную жизнь и ночное время, хотя солнце не причиняет им вреда, а только сильно беспокоит — в отличие от троллей или доккальвов, для которых единственное касание солнечного луча означает мгновенную смерть.

Как только солнце закатилось за горизонт и наступили недолгие сумерки, из шахтных отворов начали выбираться дверги; скоро они сновали повсюду, и путникам частенько приходилось останавливаться и объяснять, кто они такие. Суровые рудокопы обступали всадников, разглядывали рунный жезл и как последнее доказательство требовали показать им резную шкатулку. Затем, вдоволь покачав головой, потоптавшись и пошептавшись друг с другом, они указывали путникам направление и стояли, провожая взглядом чужаков, покуда те не скрывались из виду.

Наконец путники заметили одинокого гнома, который шагал по дороге рядом с огромной грохочущей повозкой. Повозку тащил коренастый мохнатый пони, очень уж малорослый для этакой махины, — тащил на одном только упрямыстве. Повозка была так нагружена дровами, что, казалось, урони сверху еще одну сухую веточку — и все обрушится на пони и его хозяина.

— Эге-ге! — воскликнул старый гном, увидев, что его нагоняют чужаки, и остановился, уставясь на них; то же сделал и пони. Сигурд прежде думал, что может переглядеть

в упор кого угодно, но очень скоро убедился, что гномы мастера играть в гляделки.

— Эге-ге! — весьма выразительно повторил старик. — Что это вы, альвы, подделываете у нас, в Двергарриге? Сдается мне, вы обычно оставляете нас в покое, покуда вам не вздумается устроить добрую заварушку, а уж заварушка непременно начнется, стоит лишь явиться вашему брату, колдуну. Ты колдун, каких я видел сотни, точно так же, как я дровосек, каких вы, приятели, видали тысячами.

Пока Йотулл объяснял, в чем дело, Сигурд глаз не мог оторвать от большого блестящего топора, который старик нес на широком плече. Одежда на гноме была грубая и неопрятная, седые волосы и борода торчали во все стороны. Он подозрительно поглядывал на Сигурда маленькими глазками, которые почти скрывались за складками загорелой и грязной кожи, однако в этом взгляде Сигурд не заметил ни низости, ни убожества.

— Так вы, стало быть, ищете старину Бергтора, ага? — Дровосек почесал ухо топором, и Сигурд подумал, что когда-нибудь старик, чересчур задумавшись, невзначай лишится этой важной части тела. — Так уж получается, что вот этот груз для Бергтовой кузни. Я сам его туда и доставлю. — Старик выдавливал слова нехотя, словно жался в чем-то дурном; затем старый гном еще неохотнее добавил: — Я бы мог и вас

провести туда, отыскать-то жилище Бергтора нелегко. Если, конечно, вам, ребята, по душе путешествовать с этакой свитой. — Он потыкал пальцем в скрипящую повозку и малютку пони, который выглядывал из-за густой челки, точно ласка из щели в живой изгороди.

— Весьма любезное предложение, — отзывался Йотулл, — однако, опасаясь я, мы будем тебе лишь помехой. Наши кони шли весь день без отдыха и совсем вымотались, так что придется нам сегодня искать, где остановиться на ночлег. Ты же, полагаю, только что отправился в путь, и мы не смеем так рано прерывать твое путешествие.

Дровосек помотал головой:

— Да мне-то какая разница! Я и так собирался заехать в Драфдритшоф пропустить кружечку-другую эля, а уж если пожелаю, так просижу там и всю ночь, и следующий день. А вам, может, и удастся уломать старого Драфдрита отыскать для вас местечко на ночь да чего перекусить. — Судя по его тону, надежда на гостеприимство Драфдрита была слабая.

— Что ж, мы не желаем быть препятствием твоим делам, — отвечал Йотулл, — да и не станем докучать твоему приятелю Драфдриту, если он не охотник до незваных гостей. Быть может, мы скорее доберемся до ближайшего селения.

Дровосек пожал плечами и испытующе поглядел на небо.

— Меня-то ваши дела ничуть не касаются, но ежели вы и вправду собираетесь в Свартафелл, то ближайшее селение вам вовсе не по дороге. Ну да не в моих обычаях вмешиваться в чужие дела, так что поезжайте вы в Эйядалир. Драфдрит, кстати, содержит корчму для проезжих, гостей у него довольно. Я уж скажу ему, что послал вас дальше по дороге, и вам не придется страдать от неудобств его дома и отвратительного вкуса пива.

— Тебе бы следовало раньше упомянуть, что он содержит трактир, — раздраженно заметил Йотулл.

— Вы не спрашивали, — холодно ответил дровосек и коротко свистнул малютке пони; тот послушно сунул голову в хомут и поволок прочь крятящую повозку со всем ее грузом, а следом, с топором на плече, неуклюже зашагал его хозяин.

Немного поспорив, путники решили все же испытать на себе сомнительное гостеприимство Драфдритшофа, полагая, что плохие постели и невкусная кормежка все же лучше, чем ничего. Они довольно легко отыскали корчму и тотчас же углядели у порога знакомую грудку дров, при которой не хватало лишь востроглазого пони. К немалому изумлению путников, Драфдрит и его сыновья, которых внешне трудно было различить по возрасту, встретили гостей вежливо и радостно, и скоро они расположились на отдых в самом гостеприимном доме, какой только встречался

Сигурду за всю его жизнь. Сигурд все не мог отвести глаз от старого дровосека — тот сидел в темном уголке, потягивая свой эль. Перехватив его взгляд, старик утрюмо покачал головой и, прикрывая рот ладонью, громко прошептал:

— Ну разве я вам не говорил, что здесь хорошего мало? Смотрите, мое дело — предупредить.

Он моргал подслеповатыми глазками, которые с каждым глотком светились все ярче, однако ни эль, ни веселое пение не могли смягчить его ворчливое настроение. Позднее Сигурд узнал от одного из гостей, что старый дровосек попросту гордится тем, что за шестьдесят с лишним лет ни о чем не сказал доброго слова.

Утром тяжкий стук деревянных башмаков дровосека разбудил весь дом на час раньше обычного, а его ворчание подгоняло путников поторапливаться. Сигурд удивлялся, как это старик и пальцем-то может шевельнуть после невероятного количества эля, которое он поглотил прошедшим вечером, однако к тому времени, когда путники и их кони были готовы трогаться в путь, скрипучая повозка и востроглазый пони поджидали их с нетерпением, как сказал дровосек, чуть ли не полутра.

Йотулла немало злило, что им приходится применяться к неспешному ходу провожатого и его тележки, но когда он попытался вывести у дровосека нужное направление, старый

упрямец лишь нахмурился и покачал головой, словно Йотулл весьма упал в его глазах.

— И вовсе-то незачем так торопиться, — проворчал он. — Мы и так скоро будем на месте, может, даже скорее, чем вам бы хотелось. Старина Бергтор — дубина неотесанная, невежа, а от его гостеприимства и тролль свихнется. То, чем он вас угостит, и крысам не по вкусу. Станный народ у вас на равнинах — виданное ли дело, плестись в такую даль просто для того, чтобы повидаться с кузнецом! Да не надо мне ничего объяснять — терпеть не могу совать нос в чужие дела! — И он даже обошел повозку, заковыляв дальше, по другую сторону от пони, чтобы не выслушивать никаких нежеланных объяснений.

К концу дня путники оставили позади копи и начали подниматься выше в горы по крутой и извилистой каменистой тропе. То и дело приходилось им подталкивать в гору перегруженную повозку, хотя дровосек и ворчал, что пони, мол, и сам вытянет, а вообще, взбрело же в голову кузнецу поселиться так высоко и на отшибе!

На закате путники остановились у груды шлака возле заброшенной шахты, и дровосек с мрачным удовлетворением объявил:

— Вот тут-то мы и расстанемся. Привет честной компании!

И он повел пони к зияющему отвору шахты, косяки которого были исчерчены осыпающимися рунами.

Йотулл бросился за ним:

— Погоди-ка, старый чудака! Ты сказал, что покажешь нам дорогу к Свартафеллу, а эта дыра мало похожа на жилище такой важной персоны, как Бергтор. Так, что ли, принято в ваших местах помогать пришельцам — заводить их в заброшенные места, подальше от поселений, и пусть себе блуждают в поисках дороги? Если ты именно это задумал, дружок, будь уверен, у тебя окажется так много причин для горьких сожалений, что твое нынешнее ворчание покажется мышинным писком! — Глаза его уже сверкали тем убийственным огнем, который был так не по душе Сигурду.

Дровосек обернулся и грозно глянул на Йотулла:

— Я ведь только сказал, что вы можете за мной доехать до Свартафелла, ведь этот-то груз для Бергторовой кузни. Не говорил же я, что и сам направляюсь в Свартафелл! Очень уж ты самонадеян, милый друг.

Йотулл схватился за посох.

— Хочешь сказать, что ты и не собирался приводить нас к Свартафеллу? — осведомился он, стараясь говорить спокойно.

— Так ведь я же привел вас сюда или нет? — огрызнулся дровосек.

— Да, но это не Свартафелл!

— Да ну? — деланно изумился старик. — С чего это ты взял?

— Так ты хочешь сказать, что это и есть Свартафелл?! — не выдержав, закричал Йотулл.

Дровосек замялся, но, видимо, понял, что дальше шутить опасно.

— Кое-кто зовет это место Свартафелл, — проворчал он.

— Что ж ты этого так прямо и не сказал? — воскликнул Сигурд.

Дровосек смерил его неодобрительным взглядом.

— А вы и не спрашивали.

Глава 17

е могу поверить, чтобы важная персона могла обитать в такой дыре, — ворчал Йотулл, когда путники пробирались по темному ходу, в конце которого мерцал неясный свет. Тут и там были разбросаны груды неочищенной породы — безо всякой заботы о том, чтобы между ними оставался проход. Незнакомые, покрытые ржавчиной орудия для добычи руды в тусклом свете выглядели немного зловеще. Подойдя ближе к кузне, путники услышали фыркание и топот коней, с которыми смешивались громкие крики и ругань — обычные звуки, которые издают мужчины, пытаясь вынудить сильного и беспокойного коня сделать что-то против его воли.

Войдя в подземный зал, где располагалась кузня, они увидели, что огромный мохнатый мышастый конь вырывается из рук полудюжины гномов, — те повисли на узде и гриве, увертываясь от мощных ударов передних и задних копыт. Конь толкнул своих мучителей к семерым коням, что стояли поодаль, и те громко заржали, принялись лягаться, взвиваться на дыбы и натягивать до упора недоуздки. После долгой и яростной возни кто-то из гномов все же усмирил мышастого строптивца,

укусив его за ухо; конь унялся, подобрал ноги и лишь слегка вздрагивал да косился враждебно. Однако стоило подмастерью кузнеца ухватить мышастого за копыто, как все сражение, включая ругань и ляганье, повторилось сызнова. Наконец коня повалили набок, крепко спутали веревками, и подмастерье принялся зачищать широченные копыта.

Затем Бергтор, самый дородный и закопченный из шестерых гномов, заметил наконец, что к нему в кузню пожаловали незваные гости. Он скрестил руки на груди и хмуро воззрился на дровосека в ожидании объяснений. Старик указал большим пальцем себе за спину и проворчал:

— Я вез тебе топливо, а эти вот альвы увязались за мной. Уж не знаю, кто они и чего от тебя хотят, а по мне, так от чужаков одни неприятности.

Бергтор стянул с рук плотные перчатки и заткнул их за пояс. Был он могуч и плотен, явно в расцвете лет и намного выше всех гномов, каких до сих пор встречал Сигурд; борода и волосы почернели и встопорщились оттого, что Бергтор постоянно обжигал их в кузне.

— Ну, незнакомцы, с каким же делом вы явились ко мне? Я — Бергтор из Свартафелла.

Его низкий голос раскатился под сводами, заглушив и сердитое фырканье поваленного коня, и уханье мехов, — другой подмастерье раскалял железо, чтобы выковать подкову.

Йотулл шагнул вперед и отвесил гордый поклон.

— Я — маг Йотулл, и привел к тебе скиплинга Сигурда, чтобы ты взглянул на вещьцу своей работы и попробовал ее открыть. — Он сделал знак Сигурду, который выступил вперед с резной шкатулкой в руках.

— Я думаю, — сказал Сигурд, — этот замок когда-то сделал ты. Видишь, вот твоё имя вырезано на шкатулке.

Бергтор отодвинул Йотуллу и бережно взял шкатулку в огромные, черные от въевшейся копоти ладони. Хмурая гримаса на лице сменилась радостным изумлением.

— Откуда у тебя эта шкатулка? Давным-давно смастерил я ее, еще до того, как добыча руды стала таким прибыльным делом. Теперь-то я все больше подковываю этих зловредных коней да чиню разные орудия. Когда-то руки мои имели дело с красивым деревом, с золотом и серебром, а теперь все железо да железо. — Он вздохнул и покачал головой. — Погоди, дай-ка подумать... ну так и есть, я сделал эту шкатулку на свадьбу одной высокородной даме. А впрочем, здесь не место для разговоров. Ступайте за мной — выпьем кружечку-другую и потолкуем.

Дровосек так и просиял при упоминании выпивки и с радостью потопал за ними по узкому коридору, который привел в небольшую, довольно захламленную комнатку. В комнатке висел густой чад от большого куска подгоревшего мяса. Бергтор уселся в большое черное кресло, которое заскрипело под его тяжестью, и поставил шкатулку на стол перед собой.

— Давно уже я не брал в руки маленьких резцов и молоточков для такой тонкой работы, — проговорил он, любовно глядя на шкатулку, затем громко позвал служанку и велел принести всем эля. — Не надо бы торопиться открывать ее. Знать бы, что там внутри? — Он потряс шкатулку, прислушавшись к мягкому шороху.

Глаза Йотулла так и сверкнули.

— Ее содержимое тебя не заинтересует. Шкатулка много лет пребывала в мире скипингов, и вряд ли туда положили что-то важное.

Сигурд и Рольф воззрились на мага в немом изумлении, а Микла мрачно усмехнулся. Йотулл украдкой глянул на них, предостерегая.

— Так зачем же вам нужно ее открывать? — Бергтор усмехнулся и указательным пальцем потер свой закопченный нос. — Если в шкатулке нет ничего ценного, что же, вы проделали такой путь только так, для интересу?

— Я не это имел в виду, — приятным тоном ответил Йотулл, — а только то, что для тебя эта вещь вряд ли окажется ценной. Само собою, это не золото и не драгоценности, иначе и звук был бы другой. Так что в шкатулке нет ничего, что могло бы приглянуться гному.

Бергтор ухмыльнулся, показав крупные, словно у коня, зубы.

— Понимаю! Ты боишься, как бы я не отобрал у вас эту вещицу. Э, друг мой, тревожиться тебе незачем. Немногое в этом мире

может сейчас пробудить мою алчность. Ныне я уже не так молод и жаден, каким был, когда сработал эту шкатулку.

— А давно ли это было? — спросил Сигурд. — Быть может, ты сделал шкатулку для моей бабушки?

— Может быть, да только я не могу припомнить, чтобы в те времена я делал что-то для жителей иного мира. Случается, конечно, время от времени смастерить какую-либо мелочь для лишенных Силы скиплингов, но вот эту шкатулку я сработал для высокородной дамы. Была ли она из альвов? Да нет, погодите... ну конечно из скиплингов. Ха-ха, теперь-то я вспомнил! Была она дивно хороша и должна была стать женой альвийского ярла. Асхильд — вот как ее звали. Эту милую шкатулочку подарил ей муж для всяких драгоценных безделушек. Ах, какая же она была славенькая, эта девушка, и представьте себе — она сама пришла сюда вместе с ярлом, потому что очень уж ей хотелось поглядеть на черного гнома.

Сигурд поспешно отставил вырезанный из рога кубок.

— Да ведь это была моя мать! Я совсем не помню ее, она умерла рано, и воспитывала меня бабушка. Если моя мать была женой альва, стало быть, и я наполовину принадлежу к этому миру, а наполовину — к миру скиплингов. Понятно теперь, откуда у меня врожденная Сила! — Он улыбнулся Рольфу, который просиял и многозначительно ему подмиг-

нул. — Но что еще ты знаешь о моих родителях, Бергтор? Ты и представить себе не можешь, как бы мне хотелось узнать о них побольше, а бабушка умерла, так и не успев мне все рассказать. — Он взволнованно подался вперед, никого и ничего не видя, кроме кузнеца.

Добродушные глаза Бергтора затуманились, и он мягко покачал головой.

— Подумать только, что ты вот с этой шкатулкой пришел сюда из иного мира, чтобы разыскать своего отца! Должно быть, ни одна живая душа, кроме меня, не могла бы сообщить тебе его имя, так что я польщен и тронут, что могу рассказать тебе то, отчего наши сердца возрадуются до конца дней своих. Имя твоего отца, друг мой, — Хальвдан.

Сигурд вскочил, не сдержав громкого вопля и с грохотом опрокинув скамью. Грохнув кулаком по столу, он прорычал прямо в озадаченное лицо Бергтора:

— Нет! Этого не может быть!

— Эй, в чем дело? — спросил кузнец, поднимаясь, и в его удивленном голосе промелькнула нотка гнева.

Вскочил и Йотулл.

— Сигурд, сядь, уймись! Это не может быть тот самый Хальвдан — в мире альвов такое имя не редкость. Да я сам знавал в своей жизни пять или шесть Хальвданов! Успокойся, не строй из себя дурака.

Сигурд сел и закрыл лицо руками, пряча свой стыд. Его трясло от пережитого ужаса.

— Извини, Бергтор, — пробормотал он, — извини, что я был так груб, но я... меня так потрясло это имя. Я должен объясниться, хоть это и нелегко. Видишь ли, я убил альва... которого звали именно так, убил совсем недавно, по несчастной случайности. Теперь ты понимаешь, как ужасно было услышать от тебя... ну да ладно. Я бы, пожалуй, прошелся, прежде чем открывать шкатулку. Быть может, тебе пригодится лишняя пара рук, чтобы подковать этих восьмерых коней?

Бергтор уныло поскреб подбородок.

— Я бы, конечно, с радостью, да только невежливо это — заставлять гостя рисковать руками и ногами, а то и шеей в возне с этими сумасшедшими жеребцами. Всякий раз, когда их приводят подковать, я так и жду, что уж на сей раз мне точно вышибут мозги.

Сигурд решительно встал.

— Это-то мне и нужно! Рольф, согласен повеселиться?

Рольф, белый как мел, бессмысленно глядел в пустоту. Услышав вопрос Сигурда, он тряхнул головой, избавляясь от непонятного оцепенения.

— Почему бы и нет?

Он побрел за Сигурдом к кузне, и за весь вечер они больше не обменялись ни словом. Когда коней наконец подковали, Рольф и Сигурд с радостью нырнули в кровати, которые указал им Бергтор, и Сигурд был так измотан, что спал без кошмаров.

Проснувшись утром, он тотчас вспомнил, что сегодня будет открыта шкатулка, и страх стиснул ему горло. Когда он присоединился к своим спутникам, уже сидевшим у очага в трапезной Бергтора, его ждал еще один неприятный сюрприз. На столе лежал меч Бьярнхарда.

— Я нашел этот клинок у двери твоей спальни, — сообщил Бергтор. — Очень уж беспечно ты обходишься с такой ценной вещью. Я бы на твоём месте хранил этот меч в ножнах.

Сигурд лишь тупо кивнул, не в силах оторвать глаз от блестящего клинка, который насмешливо мерцал в отблесках пламени. Завтрак, который состряпала кухарка Бергтора, застревал у него в горле. Он косился на резную шкатулку, стоявшую на почетном месте, на полке, и жалел, что когда-то отыскал ее в сундуке Торарны.

Залив завтрак еще несколькими кувшинами эля, дровосек пошел разгружать повозку. Сигурд было предложил ему помощь, но старик лишь косо глянул на него и сообщил, что никто, кроме него, не притронется и пальцем к его дровам, ибо не всякий дурак справится с таким трудным делом, как разгрузка дров, — и в глубоком возмущении удалился, тряся головой и что-то бормоча себе под нос.

— Я передумал, — сказал Сигурд, когда Бергтор снял с полки шкатулку. — Я не хочу знать, что там внутри.

Йотулл метнул на него убийственный взгляд.

— Не надо, Сигурд. Хочешь ты того или нет, а шкатулку придется открыть сейчас. Не для того я тратил свое драгоценное время, подгоняя тебя и подбадривая, чтобы ты в последнюю минуту обманул мои ожидания. Ты откроешь шкатулку и примешь то, что в ней находится, — что бы это ни было. Боюсь, я тебя переоценил и ты вот-вот меня разочаруешь. Привести тебя сюда, Сигурд, было нелегко, и впереди у тебя долгий путь, но если будешь мне подчиняться, я обещаю тебе славу и процветание. Если же ты не сделаешь то, что тебе предназначено, — потерпишь крушение. Мы будем поддерживать тебя лишь до тех пор, пока ты будешь вести себя соответственно нашим замыслам. Сейчас я покажу тебе, что происходит с теми, кто становится у меня на пути! — Он извлек из сумы небольшой сверток и развернул тряпицу. Сигурд отпрянул, когда маг бросил на стол перед ним мертвую птицу — маленького сокола с запавшими глазами и скрюченными когтями.

— Адиль! — сдавленно воскликнул Рольф. — Так значит, это и вправду ты убил его! Это я и подозревал.

Йотулл кивнул, неотрывно глядя на Сигурда жесткими сверкающими глазами.

— Да, я убил Адила. Принесши сюда шкатулку, Сигурд, ты ввязался в опасную игру, и Адиль не первый, кто проиграл в ней свою жизнь. И не последний. Мы искали эту шкатулку много лет, дольше, чем ты живешь на свете, и когда нашли — не тратили время на

добрые чувства и мягкосердечие. Ты знаешь, своими глазами видел, что произошло с Тонгуллем; а мы с Бьярнхардом убили бы и в тысячу раз больше ради содержимого этой шкатулки. Подумать только — все годы поисков между нами и ею стояли лишь ничтожная старуха и мальчишка-молокосос! Погляди еще разок на старину Адиля и подумай, есть ли у тебя еще сомнения, кому подчиняться.

Сигурд гневно оттолкнул от себя мертвую птицу, даже не глянув на нее.

— Так вот к чему мы пришли, Йотулл! Ты притворялся моим другом, но все, чего ты хотел, — это завладеть содержимым шкатулки. Ты ведь знаешь, что там внутри, верно?

Йотулл уже больше не пытался придать своему лицу приятное выражение.

— Конечно же знаю, глупец! — презрительно бросил он. — А теперь, прежде чем будет открыта шкатулка, я требую, чтобы ты принес мне клятву верности, дабы подтвердить свою покорность в будущем, — или жизнь твоя не будет стоить и ломаного гроша!

— Я не стану клясться! — резко ответил Сигурд, кладя ладонь на рукоять секиры. — С какой стати я должен продавать свою свободу тебе или Бьярнхарду, если шкатулка принадлежит мне, и более никому? Бергтор, куда Йотулл в Свартафелле, мы не станем открывать шкатулку. Он не друг мне и никогда им не был! — Он ожег Йотулла полным ненависти взглядом человека, осознавшего, что он предан.

Бергтор положил на шкатулку свою тяжеловесную ладонь и озабочено поглядел на своих гостей.

— Друзья мои, — сказал он, — а ну-ка, поговорим спокойней. Слишком уж серьезен этот разговор о смертях, клятвах и угрозах. Сдается мне, что вот этот юноша и впрямь имеет больше всего прав на шкатулку, а ты, колдун, пытаешься завладеть тем, что тебе по праву не принадлежит, хотя ты и много лет за ним охотился. Не по вкусу мне, чтобы в моем доме травили и изводили моего гостя, особенно когда занимается этим тот, кто объявил себя другом Бьярнхарда. Боюсь, Йотулл, что если ты и дальше будешь угрожать Сигурду, то лишишься моего гостеприимства.

Йотулл перевел на Бергтора высокомерный взгляд своих горящих глаз.

— Да я плевать хотел и на тебя, и на твое гостеприимство! — фыркнув, отвечал он. — Сделаешь то, что я велю, и дело с концом, а не то некому будет подковывать коней в Свартафелле! Этот спор — между мною и Сигурдом, и твое неуклюжее вмешательство здесь не к месту. Так что либо займись поисками подходящего ключа к шкатулке, либо разбей ее крышку. Мне дела нет, как ты вывернешься, но чтобы шкатулка была открыта немедленно!

Бергтор снова поставил шкатулку на полку и со зловещей усмешкой скрестил руки на груди.

— Дверг-кузнец может не опасаться угроз колдуна-доккальва, даже если тот когда-то и был льёсальвом. Я знаю, как ты предал Хальвдана из Хравнборга, и в моем сердце не может быть приязни к предателям и убийцам.

Йотулл изогнул одну бровь и поглядел на Рольфа и Миклу.

— Который же из них тебе все это наплеал? Ему предстоит заплатить за это собственной жизнью.

— Это я все ему рассказал, — тут же воскликнул Микла. — Я долго ждал случая отомстить за себя, Йотулл, и вот дождался. С первого дня, как ты появился в Хравнборге, я знал, что ты в душе доккальв.

— Рольф, позови всех из кузни! — приказал Бергтор, снимая с пояса молот. — Мы будем судить этого соглядатая за все его преступления, и светлым праздником памяти Сноуфелла будет тот день, когда мы повесим его и затопчем в трясину его протухшие останки!

Йотулл поднялся, недоверчиво усмехаясь и сжимая в руке посох.

— Уж не думаешь ли ты, что сумеешь одолеть полноправного чародея-доккальва? Тогда могу предостеречь тебя, что у предательства есть свои несомненные преимущества. Я знаю все заклинания и светлых, и темных альвов, и ни солнце, ни подземный мрак нисколько мне не страшны. Если твои прокопченные гномишки осмелятся хоть пальцем прикоснуться ко мне, я прикончу их на месте!

Навершие его посоха вспыхнуло слепяще-белым пламенем, и маг презрительно помахал посохом перед самым носом Бергтора, едва не подпалив ему бороду.

Вместо ответа Бергтор вскинул свой молот и с такой силой ударил по посоху, что пламя взорвалось жаркими багровыми искрами, а Йотулл зашатался. Огненный ореол очертил кузнечный молот и могучую руку, которая сжимала его. Бергтор шагнул вперед, знаком указывая Рольфу отправляться исполнять его повеление.

— Одну мелочь ты упустил из виду, колдун! — пророкотал он низким зловещим голосом. — Дверги-кузнецы — служители самого Тора! Я главный кузнец, и у меня еще трое кузнецов-помощников, не считая троих подмастерьев. Мы ведь не только куем железо, но и кое-чем другим занимаемся!

Он вытянул руку, и вдруг его ладонь наполнилась раскаленными вишнево-алыми углями, а меж пальцев брызнуло оранжевое и голубое пламя.

— Сядь, колдун, и положи свой посох на стол, так, чтобы он все время был у нас перед глазами.

Йотулл поколебался, оценивая, сможет ли он выстоять под ударами Силы Бергтора. Затем, все с тем же горделивым презрением, он сел и положил на стол свой посох. Вполне возможно, что на его решение повлияло и появление шестерых кузнецов, вооруженных молотами.

— Дюри, — сказал Бергтор, — нам нужна цепь, способная удержать колдуна. Волшебная цепь. Найдется у тебя что-нибудь подходящее?

Дюри фыркнул в обгоревшую рыжую бороду.

— Есть ли у меня цепь, которая удержит колдуна? Да у меня припасена такая, что удержала бы и самого Фенрира, если б только мне пришла охота гоняться за волками.

Он зашагал в кузню, чтобы отыскать нужную цепь, и Йотулл воззрился на Бергтора с ненавистью и высокомерием.

— Только не думай, что это помешает Бьярнхарду добраться до шкатулки! — проворчал он. — Что до тебя, Сигурд, то по пятам за тобой все еще следует Гросс-Бьерн, да и меч твой еще не совершил двух предсказанных убийств. Проклятие не оставит тебя в покое, покуда не исполнишь того, что предначертано. Если хочешь избавиться и от морока, и от проклятья — прикажи Бергтору прогнать этих неуклюжих болванов и тотчас же открыть шкатулку!

Сигурд покачал головой:

— Нет, Йотулл, теперь-то я знаю тебе цену. Глупцом я буду, если еще раз доверюсь тебе.

Рольф и Микла кивнули, воодушевленно блестя глазами, и Микла испустил громкий облегченный вздох.

— А я уж боялся, что он никогда не прозреет! — прошептал он Рольфу.

Вдруг из кузни донесся громкий крик Дюри и топот бегущих ног, сопровождаемый

какой-то возней за дверь. Дверь распахнулась прежде, чем кто-либо успел открыть ее, чтобы поглядеть, что случилось, и в комнату хлынули доккальвы с обнаженными мечами. Кузнецы встретили их ударами молотов, но Бергтор удержал их повелительным криком, и они, опустив оружие, отступили.

— Прежде чем сражаться, я хочу понять, с кем и за что мы сражаемся! — прогремел Бергтор, широкими шагами выходя на середину комнаты. Молот, вскинутый над его головой, был охвачен ярким пламенем. Доккальвы у двери попятились и выставили вперед острия мечей. — Кто вы такие? Какое дело привело вас ко мне?

Доккальвы отвечали враждебными взглядами из-под шлемов, пятась до тех пор, куда между ними и Бергтором не оказался одинокий воин. Пришелец сделал несколько ковыляющих шагов вперед, и пламя Бергторова молота осветило его черты.

— Это Бьярнхард! — воскликнул Сигурд и, пытаясь скрыть испуг, добавил: — Берсерк!

Бьярнхард, зловеще ухмыляясь, повернулся к нему:

— А, это ты, Сигурд? Я должен был догадаться, что ты первый меня узнаешь. Что случилось? Почему все эти великаны торчат здесь с таким мрачным и злобным видом, если их ждет работа в кузне?

Йотулл вскочил:

— С радостью тебе объясню, Бьярнхард! Они объявили меня своим пленником и имели

наглость пригрозить, что будут судить меня за то, что я предал Хальвдана. Сигурд отказывается помогать нам и не желает, чтобы Бергтор открыл шкатулку. Если бы ты поменьше мешкал, добираясь сюда, верно, удалось бы избежать кровопролития, но теперь, сдается мне, у нас нет иного выхода, как только перебить их всех. Во всяком случае, в будущем это избавит нас от многих хлопот. — И он окинул Сигурда, Рольфа и Миклу взглядом, полным холодного злорадства.

Бергтор помотал головой, точно разъяренный медведь.

— Если только вы посмеете тронуть кого-то из этих троих, я клянусь, что никто и никогда не откроет эту шкатулку, избежав проклятий и поветрий, которые опустошат все земли на сотни лет!

— Нет-нет, в этом нет нужды! — взволнованно проговорил Бьярнхард, ковыляя поближе к Бергтору. — Давайте же присядем и спокойно обсудим это дело, как пристало разумным мужчинам! Позволь я объясню тебе, почему ты должен открыть для нас эту шкатулку...

— Я открою ее только для Сигурда! — объявил Бергтор, скрестив руки на груди и отвернувшись от Бьярнхарда; молот, однако, он все еще сжимал в кулаке.

— Да будет тебе, — не отступал Бьярнхард, — разве ты, как и мы, не понимаешь, что Сигурд в этой игре уже не в счет? Его все равно что нет на свете, и то же самое,

кстати, будет и с тобой, если ты не станешь следовать всем известному правилу: слабейшие должны подчиняться повелениям сильнейших, если хотят сохранить свою шкуру в целости и сохранности! Речь уже не только о тебе, но и о прочих кузнецах. Подумай, сколько познаний и искусности исчезнет из мира, если все они бессмысленно погибнут в стычке!

— Бессмысленно они не погибнут, — хладнокровно отвечал Бергтор. — Прежде чем умереть, я хотя бы успею разmozжить твою башку, и тогда в Свинхагахалле будет править Йотулл, если ему, конечно, удастся уцелеть, а нет — так найдется другой негодяй, помельче. Но запомни — даже если все мы до единого сейчас погибнем, мое проклятие все равно дождетсЯ того, кто когда-нибудь отыщет шкатулку.

— Значит, вот ты как решил? — допытывался Бьярнхард. — Бессмысленная бойня, в которой никто не выиграет и все проиграют?

— Твой проигрыш — мой выигрыш! — прорычал Бергтор, без малейшего усилия взмахнув молотом. — Если ты издохнешь, мир избавится от гнусного пакостника, а если умру я, найдутся еще кузнецы, которые займут мое место в Свартафелле.

Бьярнхард покачал головой:

— Ты, друг мой, играешь не по правилам. В этой игре мы непременно должны так или иначе прийти к соглашению. Быть может, я должен заплатить тебе золотом, чтобы ты со-

гласился открыть шкатулку? Что ты на это скажешь?

— Скажу, что это шкатулка Сигурда, так что лучше отдай свое золото ему, если уж тебе так не терпится пристроить свое богатство, — отвечал кузнец.

Бьярнхард обратил свою лисью ухмылку к Сигурду:

— Ну, старый мой дружок, ты, верно, уже понял, что проиграл так или иначе, так почему бы тебе не перестать упрямиться и не велеть открыть шкатулку? Так, быть может, ты спасешь свою жизнь. Я ведь не стану возражать против того, чтобы тебя отпустили подобра-поздорову, только держись подальше от Йотуллы. Ты ведь понимаешь, что дальше сопротивляться бессмысленно? Подумай, Сигурд, ведь мы с тобой всегда были добрыми друзьями! Поверь мне еще раз — я советую тебе открыть для нас шкатулку и уж позабочусь, чтобы с тобой ничего дурного не произошло.

Он уверенно усмехнулся и быстро, украдкой глянул в сторону Йотуллы.

Сигурд стоял молча, колеблясь. Он поглядел на окаменевшие от страха лица Рольфа и Миклы, которые напряженно ожидали его ответа.

— Прежде чем я скажу «да» или «нет», — медленно заговорил он, неотрывно глядя на Бьярнхарда, — я хочу разузнать побольше об этой шкатулке. Что ты знаешь о ней, Бьярнхард, — если не упоминать того, что внутри?

Хромой ярл пожал плечами:

— История как история, но я тебе ее расскажу, — пусть время потеряем, да зато успеешь поразмыслить, что к чему. Шкатулка была сработана вот этим мрачным типом, Берг-тором, для одного весьма известного ярла, который имел несчастье жениться на женщине из рода скиплингов, — не иначе как ее красота усыпила его обычную бдительность, а то бы он прежде подумал, как ослабит его эта женщина. Ради нее он отказался от войны с врагами, к которым, вне всякого сомнения, отнoshусь и я. Она даже отняла у него половину его Силы и замкнула ее в некоей шкатулке — для верности, чтобы ее супруг не вернулся к столь нелюбезному ей ремеслу воина.

Как это ни странно, ярл согласился, что будет хранить и защищать свои владения, вместо того чтобы отвоевывать новые земли павшего Сноуфелла. Благородно, ничего не скажешь, однако весьма глупо. Как-то вечером, когда ярл находился в отъезде, шайка доккальвов напала на его дом и сожгла его до основания со всеми, кто был внутри... то есть, как потом выяснилось, не со всеми.

Мать этой женщины — в своем роде истинная ведьма, которая докучала молодым с первого дня их брака, по слухам, сумела спастись из огня с младенцем, сыном ярла, и с этой самой шкатулкой — с ее стороны весьма осмотрительный поступок, но нам он принес немало волнений, поскольку она тотчас же вернулась в мир скиплингов и успешно за-

терялась из виду на двадцать с лишним лет. Тем не менее в прошедшем году мы ее наконец нашли. Как видишь, довольно скучная история; или все же прикажешь мне продолжать? Собственно, у истории самого ярла конец весьма и весьма прелюбопытный.

Сигурд слушал Бьярнхарда, и его бросало то в жар, то в холод, когда он осознавал, насколько эта история совпадает с его собственной жизнью. Украдкой он вцепился пальцами в край стола, сопротивляясь неистовым порывам, которые, казалось, вот-вот овладеют им.

— Нет, довольно и этого! Бергтор, я желаю, чтобы ты открыл шкатулку.

— Сейчас? Сейчас, когда эти волки только и ждут, чтобы отнять у тебя знак твоего первородства, едва лишь увидят его?

Сигурд мельком глянул на Рольфа и Миклу, которые смотрели на него с отчаянием и немой мольбой.

— Да, Бергтор, — твердо сказал он, — я готов поступить так, как они хотят... и как заслуживают. Пожалуйста, делай, как я говорю!

Йотулл и Бьярнхард обменялись торжествующими взглядами, и все доккальвы, напряженно следившие за этой сценой, успокоились, перестали угрожающе хмуриться и даже оперлись о мечи, словно решив, что оружие им больше не понадобится. Бергтор посмотрел на Сигурда с невыразимой мукой, затем медленно снял с полки шкатулку и поставил

на стол, каждым своим движением выражая сильнейшее разочарование и уныние. Укоризненно поглядывая на Сигурда, он запустил руку в кошель, привешенный к поясу, извлек оттуда массивное кольцо, унизанное ключами, и нехотя начал перебирать их один за другим. Наконец он выбрал один ключ и попытался вставить его в замок шкатулки, но ключ не подошел. Все ключи представляли собой плоские кусочки металла с двумя дырочками, которые должны были совпасть с устройством замка шкатулки. Огромные искусные пальцы Бергтора двигались со всей медлительностью и неуклюжестью, на какие он мог осмелиться, а Бьярнхард и Йотулл из-за его спины жадно следили за поисками.

Наконец Бергтор не мог уже дольше оттягивать минуту, когда будет найден нужный ключ. Он вставил ключ в замок и до упора продвинул его в прорезь — раздался щелчок, означавший, что замок открыт. Бьярнхард потянулся было к шкатулке, но Бергтор, не касаясь крышки, толкнул шкатулку через стол к Сигурду. Сигурд тотчас прикрыл шкатулку обеими ладонями и пристально, жестко поглядел на Бьярнхарда и Йотулла.

— В твоем рассказе, Бьярнхард, недостает одной подробности, — негромко проговорил он. — Как звали того злосчастного ярла, чей дом и семью ты так бессмысленно уничтожил?

Бьярнхард широко ухмыльнулся и в притворном удивлении отступил.

— Как, неужели ты еще не угадал? То был Хальвдан из Хравнборга, твой отец, которого ты убил своей же собственной рукой!

Все, кто был в комнате, застыли от изумления, а затем повернулись друг к другу, чтобы выразить в невнятных возгласах свое отношение к такой поразительной новости. В этот миг Сигурд рывком распахнул шкатулку, схватил ее содержимое и через всю комнату прыгнул к полке, на которую он прежде положил проклятый меч. Дыхание у него перехватило так сильно, что он едва не задохнулся, когда натягивал на руку черную перчатку, пару к той, которую Хальвдан носил за поясом и которой усмирял Йотуллу и Гросс-Бьерна. Тотчас же он ощутил ее мощь, а когда схватился за меч Бьярнхарда, раздалось шипение, словно раскаленный металл швырнули в воду.

Со страшным, отчаянным криком, в котором слились все его многолетние мечты об отце и родовом имени, Сигурд прыгнул через стол и столкнулся с ледяной молнией Йотуллы, которая рассыпалась в крошево, не причинив ему вреда, — так ломаются стрелы о стальной доспех. Ледяная молния ни на миг не задержала Сигурда; еще прыжок — и он оказался лицом к лицу с Йотуллом, безмерно изумленным Йотуллом, — последнее, что успел сказать колдун, было первое слово заклинания бегства, а последнее, что он видел, была вновь увидевшая свет перчатка Хальвдана на руке, которая сжимала меч, обагренный

его кровью. Смертельно раненный, Йотулл рухнул, придавив собой Бьярнхарда.

Хромой ярл делал отчаянные попытки выбраться из-под обмякшего тела Йотулла прежде, чем Сигурд до него доберется. Доккальвы, оцепеневшие от неожиданности, ринулись было в бой, но кузнецы тотчас их остановили молотами и огнем. Сигурд едва не срубил Бьярнхарда, но тот успел скрыться за спинами своих доккальвов, которые проворно подхватили своего ярла и со всех ног бросились наутек от грозной перчатки и не менее грозного меча, который косил, как траву, всякого безумца, который осмеливался заступить дорогу Сигурду. Два-три отважных доккальва, которые пытались сразиться с обезумевшим от гнева Сигурдом, сумели все же задержать его настолько, чтобы дать Бьярнхарду и своим сотоварищам добежать до коней. Беглецы ускакали в ночь, потеряв немало воинов и свою всегдашнюю заносчивость.

Сигурд взял бы одного из мышастых жеребцов и помчался следом, однако Бергтор повелел запереть все наружные двери.

— Пускай себе трусы уносят ноги, Сигурд. Ты ведь и так знаешь, где отыскать Бьярнхарда, если он вдруг тебе понадобится. Нас слишком мало, чтобы нагнать их, и вдобавок они могли бы навредить тебе заклятием. Ну же, остынь — ты ведь заполучил Йотулла, пусть хоть это будет тебе каким-никаким, а утешением.

Сигурд соскользнул со спины мышастого жеребца, все еще сжимая меч, который не дважды и не трижды исполнил предназначенное ему количество убийств. Он побрел в кузню, где под слоем пепла все еще краснели раскаленные угли. Швырнув меч на угли, Сигурд сделал одному из подмастерьев знак стать к мехам. Затем он обернулся к озадаченному и ошеломленному Бергтору и проговорил:

— Нет мне утешения. Вот этим мечом я убил собственного отца.

Бергтор глядел на него с безграничной грустью, но не мог найти ни единого слова. Молчали и Рольф и Микла, от души сострадая ужасу положения, в котором оказался Сигурд.

— Расплавь этот меч, — приказал Сигурд напряженным, но ровным голосом. — Позаботься о том, чтобы ни единая его частица не попала больше в руки смертных, или же злосчастье будет преследовать всякого, кто когда-нибудь захочет владеть этим клинком.

Бергтор сурово кивнул:

— Мне известна глубочайшая расселина, которая доходит до самых огней и расплавленного камня Муспелльхейма. Никто и никогда не сумеет поднять наверх металл, который я брошу в эту расселину.

Сигурд ответил безучастным кивком. Он не сводил глаз с перчатки, которая все еще облежала его руку, и вдруг ощутил в груди пустоту — это улетучились безмерный гнев и отчаяние. Теперь он испытывал совсем иной

гнев, и тот касался его одного. Сигурд медленно стянул с руки перчатку и бросил ее на захлавленную рабочую скамью Бергтора. Он так обессилел, что даже не стал смотреть, как выволакивают прочь убитых им врагов. Тяжело опустившись на низкий табурет, он вяло смотрел, как искусные руки Бергтора раскаляют и гнут проклятый меч, ударами молота сбивая его в бесформенную массу.

— Завтра я отнесу его к той самой расщелине и избавлюсь от него окончательно, — проговорил Бергтор, который от жары обливался потом, но как будто даже повеселел. — Уф, ничто так не поднимает дух, как добрая работа! Я бы, пожалуй, чего-нибудь съел и выпил, а ты как, Рольф? Микла, Сигурд! Что вы на это скажете?

Рольф и Микла тотчас воодушевленно с ним согласились, но Сигурд покачал головой:

— Делайте, что хотите. Я бы просто посидел здесь, поглядел на угли в горне... а потом, пожалуй, можно и спать.

— И то верно, час поздний, — согласился Бергтор. — Я бы и сам не прочь посидеть немного возле горна. Я всегда считал, что лучше места для отдыха после дня работы не найти, — сидишь себе у наковальни и смотришь, как в сумраке краснеют угли. Прикажу-ка я кухарке приготовить нам ужин, и мы съедим его прямо здесь.

Сигурд лишь пожал плечами, даже не глянув на него. Рольф и Микла съели свой ужин, и мирное тепло от горна скоро положило

конец их бессвязной болтовне, окончательно их убавя. Наконец и Бергтор тоже начал клевать носом. Он долго боролся с дремотой, но после сдался и отправился на покой. Спал он крепко, и снились ему недобрые сны; проснулся он внезапно, ощутив знобящий холодок сквозняка. Бергтор вскинулся, громко фыркнув, и подозрительно огляделся, решив было, что ему просто что-то привиделось во сне. Затем он вскочил и принялся расталкивать Рольфа и Миклу.

— Поднимайтесь живо и выходите наружу! — приказал он и на всякий случай растолкал еще двоих подмастерьев. — Сигурд оставил здесь шкатулку и перчатку, а сам ушел.

Глава 18

Первое, что пришло в голову Сигурду, — отыскать Гросс-Бьерна и позволить ему завершить дело, ради которого его и сотворил Бьярнхард. Морок-то отыскался сам, стоило лишь Сигурду покинуть безопасные стены свартафеллской кузни, однако Сила Сигурда и на сей раз вмешалась и отогнала Гросс-Бьерна помимо воли своего господина. К тому же тварь за последнее время стала осторожной, а стремительное бегство Бьярнхарда и его доккальвов порядком испугало Гросс-Бьерна. После нескольких быстрых наскоков на Сигурда, которые были совершены больше для виду, чем с действительным намерением убить, морок бежал на безопасное расстояние. На этом расстоянии и держался Гросс-Бьерн во все последующие дни скитаний Сигурда, однако ни разу не упустил скиплинга из виду — может, надеялся, что Сила Сигурда ослабнет или потеряет бдительность.

Подозревая, что друзья из лучших побуждений будут разыскивать его, Сигурд выбрал самую пустынную и опасную местность в Двергарриге, чтобы укрыться там ото всех. Днями он бродил, охотясь за мелкой дичью, поскольку обнаружил, с немалым отвращени-

ем к себе самому, что у него недостает даже силы воли, дабы уморить себя голодной смертью, а ночами отбивал охотничьи нападения голодных троллей. К тому времени, когда снова наступила зима, Сигурд одичал и бешеным нравом мог сравниться с троллями, которые неизменно охотились за ним — но уже не пропитания ради, а чтобы уничтожить соперника.

Ко времени зимнего солнцестояния Сигурд сдался и позволил первобытному стремлению выжить окончательно одержать верх над ненавистью к себе, которую он испытывал из-за убийства Хальвдана. В суровых горах пропитания было в обрез, а потому тролли перенесли свои охотничьи уголья поближе к доккальвийским поселениям на равнинах. За ними последовал и Сигурд, поскольку поддерживал свое существование тем, что нападал на троллей и отнимал у них уже награбленное. Он не испытывал никаких угрызений совести, поедая баранину, принадлежавшую тем самым доккальвам-хуторянам, которые так безжалостно гнали прочь его и его друзей, когда они впервые шли по этому пути в Свартафелл.

Тролли относились к нему с почти сверхъестественным ужасом, и этот трепет еще усиливался от бешеных выходов Гросс-Бьерна, особенно когда мороку удалось попробовать на зуб жесткую шкуру одного-двух троллей. Потеряв таким образом примерно дюжину собратьев, тролли стали относиться к Гросс-Бьерну как к воплощенному божеству

истребления теплокровных — действия, которое неизменно встречало у троллей поддержку и восхищение, даже когда они сами и становились его жертвами.

Когда воцарилась сумрачная и холодная зима, а самая доступная дичь давно уже была переловлена и съедена, Сигурд и тролли начали равно страдать от постоянного голода. Поскольку пищи было совсем в обрез, а дичи и вовсе не осталось, тролли принялись охотиться на Сигурда. Эти сражения неизменно снабжали и охотников, и добычу изрядным количеством жареной тролльчатины, пищи грубой, но сытной, которой должно было бы хватить до конца зимы, покуда Сигурд оставался в силах защищать себя секирой Хальвдана, а зубы Гросс-Бьерна вкупе с копытами превращали нападавших в груды безжизненной плоти.

Наконец случилось так, что Сигурд сумел прикончить вожака троллей, косматого гиганта с обгрызенными ушами и одним глазом — второй был потерян в недавней схватке с неустоимым Гросс-Бьерном. Сигурд давно уже нуждался в добротном и теплом плаще, а потому он без особых церемоний аккуратно освешивал покойного вожака и набросил его шкуру себе на плечи — под внимательными взглядами уцелевших троллей, которые наблюдали за всей этой сценой с безопасного расстояния. Затем, не забывая оглядываться, Сигурд укрылся в скальной расселине и оттуда смотрел, как тролли деловито нарезают из

погибшего соплеменника ломти мяса, портя при этом вдвое больше продукта. Когда был разведен костер и мясо более-менее поджарилось, Сигурду, к его немалому изумлению, предложили мир, а заодно и солидный ломоть жареного мяса, которое, как и ожидал Сигурд, оказалось жестким и безвкусным. Троллей в шайке осталось так мало, что даже им стало ясно: надо что-то делать, иначе никто из них не доживет до весны. Троллям всего-то и требовался умный вожак, чтобы под его водительством совершать успешные набеги на владения доккальвов, живших на равнинах. Сигурд мгновение подумал — и согласился возглавить шайку.

Весь остаток зимы Сигурд и его тролли наводили ужас на равнинные поселения, щадя только усадьбы мятежных льёсальвов. Тролли нагуливали жирок и пополняли шайку все новыми охотниками, а Сигурд получал все большее удовольствие, терзая грабительскими набегами доккальвов. Все чаще вспоминал он о Бьярнхарде, засевшем в Свинхагахалле, и уже начинал прикидывать, удастся ли ему следующей зимой увести свою шайку дальше на запад.

Доккальвы не желали смиряться с таким бессовестным грабежом. Они расставляли многочисленные ловушки и устраивали охотничьи рейды. Шли слухи о человеке, который предводительствует троллями, и слухи эти дали пищу множеству побасенок, в высшей степени жутких и насквозь лживых. Сам

Бьярнхард назначил награду за поимку вожака троллей, но награду эту так никто и не получил, чего нельзя сказать о карах, обещанных хрым ярлом после того, как стало ясно, что человека-тролля так и не могут изловить.

Доккальвы становились все бдительнее, и это могло бы стать немалой помехой для шайки, однако зима катилась к концу, и горы снова закишели дичью, и троллям было чем набить брюхо в перерывах между набегами на доккальвийские усадьбы. Сигурд тщательно обдумывал планы своих грабительских походов и ухитрялся нападать именно тогда, когда большая часть доккальвов охотилась за ним же где-то в другом месте, а защищать их скот и овец было почти что и некому.

Удача изменила Сигурду в одну весеннюю ночь, когда его шайка наткнулась на охотников, залегших в засаде на скалах над обычной тролличьей тропой. Ливень стрел и копий обрушился на троллей, и одна стрела ранила Сигурда в ногу. Он не мог отступать наравне с удирающими троллями, и они, как то водится у тролличьего племени, без малейших сожалений покинули Сигурда на произвол судьбы, едва убедившись, что он стал им бесполезен, — чары умного и непобедимого вожака тотчас развеялись в прах.

Оставшись один, Сигурд кое-как перетянул рану остатками изорванной рубахи и из последних сил заковылял вниз по ущелью, прочь от своих преследователей. Когда рассвело, он укрылся у небольшого водопада, чтобы пере-

вести дух. Лежа в надежном своем укрытии, Сигурд дал волю мыслям, и они беспорядочно метались, от одной совершенной им глупости к другой, выхватывая из памяти знакомые лица. Думал он и о том, уж не пришел ли на самом деле конец, которого он так страстно желал когда-то. Гросс-Бьерн бродил поблизости, поглядывая на Сигурда и с непоколебимым терпением дожидаясь той минуты, когда его жертва окончательно ослабнет. Сигурд смотрел на морока и вспоминал о Бьярнхарде и об отмщении, которое тот несомненно заслужил. С грустью думал он о Микле и Рольфе — и как же это он не мог понять с самого начала, что именно они, а не Йотулл и Бьярнхард, и есть его истинные друзья! И с еще горшей скорбью вспоминал Сигурд своего отца Хальвдана, а также Ранхильд, которую он ныне потерял навеки из-за собственной слепой и неумной гордыни. Беспомощный и бессильный, лежал он, истекая кровью, в ущелье, меж безжалостных валунов, и думал, что предал в своей жизни всех, кому должен был бы доверять, что позволял своим врагам льстить себе и с небывалой легкостью обводить себя вокруг пальца. Что же, испустить дух в жалком одиночестве, подобно раненому троллю, — именно такой конец он и заслужил, и если мстительные доккальвы отыщут его еще живым — тем лучше.

К ночи Сигурду стало совсем худо, и он едва осознавал, что с ним творится. То ему чудилось, что он опять в Хравнборге, то — что

он вернулся в дом своей бабушки в Тонгулле. Однако чудилось Сигурду, что рядом с ним не Торарна, а Ранхильд. Он все еще хранил тети-ву, сплетенную из ее волос, подаренное ею колечко и алый камешек, хотя и порывался много раз выбросить все это прочь. На мгновение приходя в себя, Сигурд видел, как будто бы Ранхильд склоняется над ним, — но ее лицо тут же превращалось в косматую физиономию тролля. Затем он решил, что враги, должно быть, отыскивали его и теперь везут на суд и расправу, перекинув, точно полупустой мешок, через спину мохнатого конька, мерно трусящего по каменистому дну ущелья. Последняя внятная мысль Сигурда была о том, какие странные у этого коня ноги — огромные, косматые, с кривыми черными когтями вместо копыт.

Придя в себя, Сигурд с немалым удивлением обнаружил, что как будто все еще жив. Осознав это, он решил, что прежде всего надо бы разобраться, где же он находится и кто доставил его сюда. В отсветах низкого пламени он разглядел десятки смеющихся физиономий, которые, корча гримасы, глядели на него из темноты, и ужас охватил Сигурда, пока он не понял, что это всего лишь фигурки, вырезанные из дерева или камня. Какое-то воспоминание ворочалось в его обессиленном мозгу, но он никак не мог заставить себя вспомнить, в чем дело.

Затем он увидел груды пестрых вытертых шкур, которая едва заметно шевельнулась.

Длинная шерстистая лапа выпросталась из груды шкур, чтобы помешать содержимое закопченного котелка, висевшего над огнем очага. Да это же тролль, изумленно сказал себе Сигурд — уж не решились ли все-таки тролли из его шайки вернуться за своим раненым вожаком? Однако у его троллей не могло быть ни такого уютного убежища с очагом и вырубленными в каменных стенах нишами, ни тем более такой роскошной кровати, как та, в которой он лежал, — не кровать, а царственное ложе, с резными столбиками по всем четырем углам и грубым, но чистым бельем.

— Гриснир! — наконец осенило Сигурда. Решение этой загадки истощило все его силы, и он вновь осел на ложе со счастливым и облегченным вздохом.

Гриснир, шаркая, подошел к кровати и приложил косматую лапу ко лбу Сигурда.

— Горячка прошла, — объявил он. — И ты признал меня — впервые за все время. Похоже на то, что эта отравленная доккальвийская стрела все же не сумела сделать свое лиходейское дело.

Сигурд открыл глаза и не мог удержаться, чтобы не ответить на жутковатую гримасу, которая у старого тролля означала довольную ухмылку. Трудно было найти более уродливое и милое зрелище, чем морщинистая физиономия Гриснира с двумя рядами радостно оскаленных зубов.

— Ох, Гриснир, ты, мне, должно быть, снишься! — со вздохом проговорил Сигурд.

от всего сердца сожалея, что чувствует себя таким слабым. — Как поживает твоя нога?

— Плохо гнется, хромает, а в сырую погоду ноет так, точно голодный медведь запустил в нее свои зубы, — тотчас ответил Гриснир. — Впрочем, не жалуюсь. В конце концов, я остался в живых и теперь могу отплатить тебе добром за то, что ты когда-то спас одного старого тролля. Теперь моя очередь тебя спасать, и ты представить себе не можешь, что это за удовольствие! Похоже, в этом ущелье плохо пришлось не только моей ноге, — добавил Гриснир, вежливо намекая, что хотел бы узнать побольше о том, как именно Сигурд получил свою рану.

Мимолетная радость Сигурда тотчас испарилась.

— Боюсь, Гриснир, то, что ты сделал, не принесет добра ни мне, ни кому-то другому. Если только обитатели долины обнаружат, что ты спас жизнь человеку-троллю, которого все ненавидят, то выследят тебя, изловят и пригвоздят твою старую шкуру к стене амбара!

Гриснир только шире заухмылялся и потер мохнатые лапы, выражая крайнее удовольствие.

— Так значит, ты и есть тот самый человек-тролль, который устроил такой переполох среди доккальвов? Большой радости ты не мог мне доставить!

— Погоди, дай договорить! Я стал вести жизнь тролля из-за ужасного деяния, которое

я, пока жив, не смогу себе простить. Это тяжкая ноша, Гриснир. Я убил своего отца. Я послужил неразумным орудием в руках его злейших врагов. Когда я умру, мне не будет жаль себя, да и никто другой меня не пожалеет.

Сигурд смолк и уставился в потолок, не желая видеть, как радость на лице Гриснира сменится презрением.

Старый тролль некоторое время молчал, задумчиво ковыряя в ухе грязным когтем.

— Время от времени мне слышатся голоса, — пробормотал он в крайнем волнении. — Голоса привели меня к тебе той ночью, когда я отыскал тебя в ущелье, и с тех пор они не дают мне покоя. Микла, Рольф, Ранхильд — вот имена тех, кто зовет тебя днем и ночью. Кто они, Сигурд, твои враги? Если это так, одно лишь твое слово — и я готов погибнуть, защищая тебя. Это верно, ты совершил ужасное и горестное деяние, однако я никогда не отвернусь от тебя. Ты и так довольно скорбишь, и я не стану прибавлять новой тяжести к твоему бременю. Оставайся здесь, у меня, столько, сколько пожелаешь, — даже навсегда, если захочешь.

Сигурд не сомневался в искренности старого тролля.

— Гриснир, — сказал он, — ведь я тебе только в тягость. Я и самому себе в тягость, как же это получается, что ты так добр ко мне?

Гриснир пожал плечами и, на миг задумавшись, поднял глаза к потолку.

— Покуда ты жив, часть моего сердца принадлежит тебе, и что бы ты ни сделал, я твой друг. Так что же — хочешь изведем этих троих, которые так настойчиво зовут тебя? Только скажи!

Сигурд, выбившись из сил, снова прикрыл глаза.

— Нет, Гриснир, — прошептал он, — ведь это мои друзья! Истинные друзья, как и ты. И я все-таки думаю, что лучше бы вы все предоставили меня моей судьбе, какова бы она ни была, — жить одичалым троллем, бесславно погибнуть... или что там еще я заслужил.

Гриснир встрепенулся:

— Ну уж нет, этого никак нельзя допустить! Я вижу, ты сильно устал, так что советую тебе выспаться. Твои друзья все-таки не скоро разыщут тебя, а к тому времени, когда это случится, хорошо бы тебе выздороветь и окрепнуть.

Сигурд послушно закрыл глаза.

— Гриснир... — пробормотал он. — Я хочу остаться здесь насовсем. Я не хочу возвращаться к ним.

— Ну так никто тебя и не гонит... — успокаивающе отвечал Гриснир и на цыпочках вернулся к очагу, где в закопченном котелке закипало, брызгая на огонь, какое-то варево.

Миновали последние зимние дни, и весна уже вступила в свои права, когда Сигурд наконец почувствовал, что прежняя сила вернулась к нему. Резные фигурки, которые так забавляли его в дни болезни, окончательно ему

опостытели, когда солнце уже прочно обосновалось в небесах. Он понимал, что должен остерегаться, как бы не попасть на глаза тем, кто все еще питал ненависть к человеку-троллю, однако никакая сила не могла в теплый солнечный день удержать его в темной и тесной пещере.

— Похоже, мое жилище становится для тебя тесновато, — заметил как-то Гриснир, глубокомысленно наморщив большой лоб. — Скоро, очень скоро твои друзья наконец услышат твой зов.

Сигурд помотал головой — на душе у него все еще было беспокойно.

— Не знаю, как я смогу и в глаза им посмотреть, — пробормотал он, в глубине души отлично сознавая, что не сможет прятаться до конца жизни в пещере тролля.

— Прошлой ночью я видел еще одного твоего приятеля, — задумчиво продолжал Гриснир. — Морок, которого наслали на тебя Бьярнхард и Йотулл, знает, что ты жив, и ждет тебя. Когда-нибудь, Сигурд, тебе все равно придется как-то с ним управиться.

— Да знаю, — пробормотал Сигурд, — знаю. Гриснир, неужели тебе и вправду так уж хочется от меня избавиться? Я понимаю, ты привык к одиночеству...

Гриснир громко фыркнул, обрывая его:

— Избавиться! Надо же, до чего додумался! Я же говорил — можешь оставаться здесь навсегда, если только захочешь. Только я ведь ясно вижу, что ты все чаще стал поглядывать

по сторонам, да и сам ты знаешь, что предназначен для более важных дел, чем заживо хоронить себя в подземной конуре!

Сигурд вздохнул и криво усмехнулся.

— Ладно, — проговорил он, сердечно похлопав старого тролля по спине, — я же знаю, что ты скажешь, что путешествие только пойдет мне на пользу, что я буду счастливей в пути, а ты хочешь только одного — чтобы мне было хорошо.

— Да как же ты догадался? — воскликнул Гриснир. — Слово в слово я так и хотел сказать!

— Может быть, обострились мои способности, — подмигнул ему Сигурд, — а впрочем, нельзя ведь жить в одной пещере с троллем и не вести с ним самое близкое знакомство!

Все это время Гриснир обучал Сигурда управлять своей врожденной Силой, и с наступлением весны Сигурд одним напряжением мысли мог творить такие чудеса, которые и не снились ему год назад. Гриснир заверил его, что еще немного обучения — и он будет таким же альвом, как всякий чистокровный альв, благодаря врожденной мощи, которую унаследовал он от своего отца Хальвдана. Теперь Сигурд знал, как призвать Рольфа и Миклу, а Гриснир научил его слышать их мысленные призывы. К своему удивлению, чаще всего Сигурд слышал Ранхильд, особенно когда прикасался к ее колечку или к тевиве, сплетенной из ее волос; и именно Ран-

хильд послал он свой первый зов через неизведанные просторы магии мысли. Затем он воззвал к Микле и Рольфу — их зов был сильнее и часто смешивался с неведомо чьим призывом, быть может кузнеца Бергтора, который все еще разыскивал Сигурда.

— Они приближаются, — объявил Гриснир однажды вечером, когда они сидели на пороге пещеры, глядя, как темнота спускается на вершины гор.

— Я тоже чувствую, — отозвался Сигурд, куда больше волнуясь и радуясь, чем он сам ожидал.

— Интересно, так ли им обрадуется Гросс-Бьерн, — лукаво заметил Гриснир. — Я подозреваю, что твои друзья несут с собой кое-что весьма для него любопытное.

С минуту они оба разглядывали морока, который восседал на вершине холма, разумно держась подальше от Силы Сигурда. Гросс-Бьерн больше не пытался запугивать их проявлениями дерзостной силы. Он шнырял вокруг Гриснирсфелла, отощавший и одичавший, ища случая прибегнуть к очередной хитроумной уловке. Пока Сигурд болел, морок пытался проникнуть в пещеру под самыми разными личинами, однако ни разу не сумел обмануть Гриснира. Гросс-Бьерн больше не тратил силы в бессмысленных приступах ярости — он делал все, чтобы добраться до Сигурда. Прежде он превращался в полдюжины волков или иных хищников, однако в последнее время более хитро менял свой облик. Один раз он

прополз под дверь в виде пучка соломы, но Сигурд тотчас же швырнул незваного гостя в огонь, и морок долго был в трубе, состязаясь с оглушительным ревом ветра. Морок превратился в яростную бурю, которая захватила Сигурда в миле от пещеры, и пришлось ему часа два прятаться под скалой, пока он не догадался, как отогнать морока с помощью своей Силы. Неудивительно, что Гросс-Бьерн все больше впадал в уныние и в отчаянии опустился до дешевых фокусов, которые только смешили Сигурда и Гриснира.

Морок из кожи лез, чтобы задержать появление Миклы и Рольфа, устраивал дожди, наводнения, снежные бури — и все же пришел день, когда путники подошли к пещере и громко застучали в дверь. Сигурд поспешил им открыть, и гости с хохотом ввалились в пещеру, едва не прикончив его тумакami, щипками и медвежьими объятиями, — так им хотелось убедиться, что Сигурд им не снится. Гриснир торопливо запер дверь — приближалась метель — и посоветовал им поберечься: снять поскорее промокшие плащи и сапоги и просушиться у очага, пока не будет готов ужин.

Когда общий галдеж немного утих, Рольф воскликнул:

— Ох, Сигурд, глазам своим не верю — неужели это ты? У тебя в бороде две седые пряди, точно ты старик, да к тому же ты хромаешь. Что же такое с тобой стряслось, если ты сумел состариться буквально на глазах?

— Зима в этом году выдалась долгая и тяжелая, — отвечал Сигурд, улыбнувшись при мысли, как бы у Рольфа полезли на лоб глаза, если б рассказать ему, как он, Сигурд, предводительствовал шайкой троллей.

— Что ж, тяжелые времена закончились, — объявил Микла со всегдашней своей серьезностью и желанием выразаться так, чтобы все его поняли. — Никто не винит тебя, Сигурд, за то, что случилось в Свинхагахалле. Ты ведь ничего поделать не мог. Если б только ты объяснил все воинам Хравнборга, они непременно простили бы тебя и только питали бы еще большую ненависть к Бьярнхарду. Поверь мне, Сигурд, надо тебе вернуться в родные места, а не скрывать свой стыд и позор среди чужих.

Казалось, он готовился к спору, однако Сигурд, неожиданно для него, ответил:

— Конечно же, Микла, ты прав. Ты и всегда был прав. Я уже давно думаю, что должен бы встретиться лицом к лицу с воинами Хравнборга и принять приговор, который они мне вынесут. Но все-таки прежде мне надо сделать еще кое-что... Рольф, ты ведь прихватил с собой мою шкатулку с перчаткой?

Глаза Рольфа заискрились.

— Само собой! Ты хочешь, Сигурд, объявить о своем праве на перчатку?

Взгляд Сигурда был прикован к шкатулке, которую Рольф вынул из своего седельного мешка.

— Я буду смиренным ее слугой, — отвечал он, — и позволю ей направлять меня на добрые дела по ее разумению. Трудно все же надеяться, что в Хравнборге с нетерпением ожидают моего возвращения... однако мне в голову пришла мысль, которая наверняка склонит их на мою сторону. Завтра ночью, если все пойдет как надо, я начну наконец готовить свою месть Бьярнхарду.

Ночь выдалась тихая и мирная, серебристые облака, затянувшие небо, отражали звездный свет, и в этом мягком сиянии все было видно как на ладони. Гросс-Бьерн, восседавший на утесе над пещерой Гриснира, презрительным фырканьем приветствовал появление своих врагов. Сигурд вытащил из-за пояса перчатку и натянул ее на руку, затем предупредил друзей, чтобы они держались на безопасном расстоянии, и поднялся на пригорок на другой стороне ущелья; Гросс-Бьерн глухо и подозрительно рычал, с интересом наблюдая за его действиями.

— Гросс-Бьерн, я вызываю тебя и твоих создателей на поединок! — прокричал Сигурд. — Ты и Бьярнхард — трусливые малодушные твари. Если есть у тебя хоть что-нибудь вроде чести, спускайся со своего насеста и сразись со мной. Если же ты откажешься, я всему Скарпсею расскажу, какое ты ничтожество — куча старых костей и шерсти, да еще три пустые головы, которые только и могут что глотку драть! Давай, морок, пошевеливайся — или, может, ты боишься меня?

Гросс-Бьерн в ответ яростно зарычал и замолотил копытами по кремнистой земле, с таким бешенством тряся всеми тремя головами, что их гривы извивались, точно змеи. Синий огонь полыхнул в его глазах, очертил его бледным сиянием. Чудище взвилось на дыбы, отвечая на вызов Сигурда рычанием, ревом и лязганьем своих смертоносных клыков. Затем морок ринулся на Сигурда вниз по каменистому склону, вытянув все три шеи, оскалив клыки и с убийственной яростью грохоча по камням копытами. В тот самый миг, когда, казалось, морок вот-вот растопчет Сигурда, тот отступил на шаг и кулаком в перчатке со всей силы ударил по спине твари.

— Браво! — завопил Рольф, видя, как морок перекувырнулся через головы и, задыхаясь, рухнул наземь.

В одно мгновение Гросс-Бьерн вскочил на ноги, пылая прежней яростью. Несколько секунд он рыл землю копытами, хлестал себя хвостом по бокам — словом, применял все свои обычные уловки, дабы напугать будущую жертву, затем снова ринулся в атаку. На сей раз Сигурд нанес удар по горлу правой головы, и это так резко оборвало стремительный бег морока, что Гросс-Бьерн рухнул на колени и, проехавшись вперед по земле, под конец совершил еще один кувырок. Если бы Сигурд сражался секирой, он уже сейчас мог бы прикончить морока; однако он хотел честной схватки и потому бестрепетно позволил Гросс-Бьерну подняться на ноги.

Морок злобно сопел, пожирая глазами противника, и скреб одним копытом каменистую землю.

— Сигурд, он задумал изменить облик! — обеспокоенно крикнул Гриснир. — Берегись, не дай ему обмануть тебя! Ты уверен, что обойдешься без нашей помощи?

— Еще как уверен, — отвечал Сигурд, не сводя глаз с Гросс-Бьерна. — Пусть себе превращается во что захочет — ему хорошо известно, что эта перчатка в сотню раз сильнее любого его обличья. Ну же, Гросс-Бьерн, бейся или уноси ноги! Все равно когда-нибудь я найду тебя и завершу дело, которое начал этой ночью.

Гросс-Бьерн затряс головами и помчался вперед, но в последнее мгновение резко встал и начал принимать облик озерного чудовища, которое Сигурд видел в Хравнборге. Монстр высился над ним, изрыгая яд и хлеща воздух пучками щупалец. Сигурд отрубил скользкое щупальце, которое обвило было его запястье, затем крепко ухватил длинную змеевидную шею и принялся душить морока. Гросс-Бьерн дико заверещал и принялся вырываться. Внезапно Сигурд обнаружил, что стискивает шею морока уже в обычном его виде и увесистые копыта молотят воздух, пытаясь сделать из противника лепешку, а две другие головы грозно щелкают зубами. Не ослабляя захвата, Сигурд изо всех сил ударил ближайшую голову кулаком между глаз, и от такого удара Гросс-Бьерн зашатался. Другой удар, по носу

второй головы, свалил чудище на колени, а Сигурд все душил его, пока едва не свернул голову, и та пронзительно заскулила, прося пощады.

Микла покинул свой безопасный наблюдательный пост и в несколько прыжков оказался около Сигурда, на бегу рывком открывая суму.

— Я сохранил уздечки! — торжествуя воскликнул он, выхватывая из сумы пригоршню этого диковинного снаряжения, и тотчас же принялся прилаживать уздечку к одной из голов Гросс-Бьерна.

— Отдай их мне! — задыхаясь, прохрипел Сигурд. — Прочь отсюда, Микла, пока он не сломал тебе шею!

Гросс-Бьерн принялся вырывать и лягаться.

— Да ничего со мной не случится, — отвечал Микла, потирая ушибленную ногу. — Я же тебе помогаю... Ага, готово! Теперь займемся и другими головами.

Морок яростно вертел взнузданной головой, но поделаться ничего не мог. Сигурд набросился на среднюю голову, которая была крупнее и злее остальных и настолько сильна, что ей удалось сбить его с ног. Два ряда зубов зловеще защелкали над самой его головой, и морок перевалился набок, стремясь своей тяжестью смять и раздавить Сигурда. Тот было вскочил, но острые зубы впились в его ногу... и тут же разжались, когда Гриснир, одним гигантским прыжком пролетев к ним от порога пещеры, оседлал шею морока и погрузил

желтые острые клыки в ухо Гросс-Бьерна. В награду за такой подвиг морок со всей силы заколотил им об землю, пытаясь избавиться от врага, так нагло вцепившегося в его шею.

Сигурд угомонил тварь страшным ударом меж ушей средней головы. Обезумев окончательно, Гросс-Бьерн осел на задние ноги, а Сигурд, повиснув на толстой шее, свободной ладонью зажал ноздри чудища. Задыхаясь, Гросс-Бьерн судорожно разинул пасть, и Микла тотчас же ловко сунул в нее удила и затянул уздечку на средней голове. Не желая оставаться в стороне, Рольф храбро метнулся вперед и вцепился в повод. Загнанный, униженный и скулящий, Гросс-Бьерн уже почти не сопротивлялся, когда наконец взнуздали его последнюю голову, изрядно пострадавшую после попыток разбить о камни Гриснира. Старый тролль, целый и невредимый, высвободил свои зубы из уха Гросс-Бьерна и наконец соскользнул с его шеи.

— Ну, теперь-то он у нас в руках! — объявил он, отступая, чтобы полюбоваться на морока, который кое-как поднялся на дрожащие ноги и нетвердо стоял, свесив почти до земли взнузданные головы. — Что же мы теперь с ним будем делать?

Микла обмотал поводья вокруг запястья, измученный и запыхавшийся от борьбы с Гросс-Бьерном, но тем не менее весьма довольный.

— Он вернется к своему господину, Бьярнхарду, и принесет с собою замечатель-

ный груз. Ну-ка, Сигурд, какими проклятиями хочешь ты наградить своего старого врага? Назови их, а уж я наложу проклятие на Гросс-Бьерна. Может быть, ты выберешь огненное проклятие, или пусть Гросс-Бьерн загоняет Бьярнхарда до смерти, как тот пытался поступить с тобой? Что ты выбираешь?

Сигурд дернул за узду, которую он держал так, чтобы смотреть в мутный глаз морока.

— Нет, Микла, всего этого недостаточно для Бьярнхарда. Или для доккальвов, которые кишмя кишат на равнинах, некогда принадлежавших Сноуфеллу. Знаешь, Микла, чего я хочу? Поветрия. Поветрия, которое пронесется от одного доккальвийского поселения к другому, а после него останутся лишь могильные курганы и опустевшие жилища. Бьярнхард услышит о его приближении и захочет спастись, но поветрие будет преследовать его, пока на поверхности Скарпсея не останется ни одного доккальва. Лъёсальвов проклятие не затронет, и тогда можно будет возродить Сноуфелл.

Рольф взирал на Сигурда с восторгом и почти священным трепетом.

— Сигги, да ведь это же просто замечательно! Наконец-то придет конец нашему изгнанию! Больше нам не придется скрываться в горных фортах.

— Ну, так скоро это не закончится, — сказал Микла после долгих размышлений. — Когда поветрие двинется на запад, оно погонит перед собой доккальвов. Придется нам укрепить форты против изголодавшихся и

отчаявшихся разбойничьих шаяк. Нам понадобится сильный вождь. — Он и Рольф разом поглядели на Сигурда, который стоял около укрощенного чудовища.

Сигурд кивнул, все еще пристально разглядывая Гросс-Бьерна.

— Да, хотел бы я оказаться там, где Гросс-Бьерн и его проклятие наконец настигнут Бьярнхарда. Не думаю, чтобы Бьярнхард был способен на благородную и отважную смерть, и я предвижу, что умрет он в одиночестве, ибо ему не дано пробуждать верность в сердцах своих подданных. Его ждет жалкая одинокая смерть... — Он прервал свои размышления вслух и обернулся к своим спутникам. — Ну что же, Микла, когда ты начнешь творить наше проклятие?

— Да прямо сейчас и начну, — отвечал Микла, раскрывая свою суму.

Завершив заклинания, для которых понадобились кое-какие необычные и довольно отвратительные предметы, Микла развел небольшой костер прямо перед ноздрями понурившихся голов Гросс-Бьерна и принялся сжигать каких-то сушеных зверюшек, травы и кости, попутно чертя знаки на земле и призывая земные стихии прийти к нему на помощь. Дым заволок налитые кровью глаза морока, клубясь и стремительно густея, затем взмыл в ночное бледное небо, источая омерзительную вонь, точно открылись разом тысячи могильных курганов. Гросс-Бьерн застонал и забился, с такой силой дергая пово-

дья, что Рольф и Сигурд с трудом удерживали его.

— Отпускайте, — сказал Микла, завершив долгое бормотание, и в его усталом голосе промелькнула нотка торжества. — Глядите, вот и полетел!

Чудовище взмыло в небо гигантской черной тенью, которая тотчас же как будто расплылась в массивную непроглядно-черную тучу, — она все шире расплывалась по небу, пока зловещая тьма совершенно не поглотила серебристые ночные облака. Туча поплыла к западу, точно саваном накрывая каменистый лик острова.

— Дело сделано, — с удовлетворением проговорил Сигурд. — А теперь — возвращаемся в Хравнборг.

Глава 19

оследние мили до Хравнборга усталые кони шли шагом. Первый же дозорный, замеченный путниками, развернул коня и сумасшедшим галопом ускакал прочь — чтобы передать известие об их возвращении на следующий дозорный пост, откуда по цепочке новость доберется до самого Хравнборга. В форту уже знали о поветрии, придуманном Сигурдом, — смертоносное дыхание проклятия уже заполняло равнины.

Когда путники изможденным шагом приближались к последнему дозорному посту, Сигурд уже почти что сожалел, что дал уговорить себя вернуться. Он достойно отомстил Бьярнхарду и всем доккальвам за гибель Хальвдана, однако все равно существует некто, кто не удовлетворится этим отмщением, а именно — Ранхильд. Сигурд страшился встречи с ней, страшился презрения, которым Ранхильд навеки наградит его за все его ошибки и слабости. Даже обладание второй перчаткой Хальвдана не сможет очистить его от позорного пятна — потери уважения Ранхильд...

— Кто-то скачет нам навстречу, — объявил Микла, просяив. — До чего же хорошо наконец-то вернуться домой!

Всадник галопом скакал к ним, быстро приближаясь. Сердце Сигурда тревожно забилося — всадник был одет в красное, а этот цвет всегда носила Ранхильд... Миг спустя он и впрямь признал гибкую фигурку Ранхильд, ее светлые волосы, развевавшиеся на ветру.

Она рывком осадила коня и спрыгнула на землю, в спешке едва не упав. Сигурд торопливо спешил, решив, что Ранхильд, верно, бросится на него с кинжалом и пешим ему проще будет защищаться. Нужно будет схватить ее и крепко держать, покуда ее ярость не поостынет, а потом — передать ее Микле и бежать прочь... На краткий миг он подумал, что лучше уж было остаться в чужих краях, чем вернуться сюда и увидеть ненависть в ее глазах.

Спотыкаясь, Ранхильд бежала к Сигурду по неровному склону холма и, к немалому его изумлению, смеялась. Кинжала в ее руке не было, а лицо сияло радостью встречи. Сигурд настороженно шагнул навстречу, все еще до конца не доверяя ей, — и Ранхильд бросилась в его объятия, точно сокол, с небес падающий на добычу. Руки ее тесно обвили его шею, влажная от слез щека прижалась к его лицу. То была чистейшая радость, и когда Сигурд понял это, он, сгорая от стыда, крепко и благодарно обнял Ранхильд.

— Вот уж чего не ожидал, — сказал он, глядя, как Ранхильд утирает слезы краем его потрепанного плаща, все еще наполовину смеясь и наполовину плача.

— Гляди-ка, да ты весь в лохмотьях, — пробормотала она, в последний раз всхлипнув, и тут же расхохоталась, увидав следы его неумелых попыток зачинить рубаху. — Хорошо, что я сшила тебе новую, — точно знала, что она скоро тебе пригодится! Я вижу, мое колечко все еще у тебя... а как же тетива?

— Вот здесь, — Сигурд коснулся своей шеи. — Но послушай... я знаю, мне не может быть прощения... Я почти уже решил не возвращаться сюда после того, что... ну, что ты знаешь. Мой отец...

Веселье разом погасло в глазах Ранхильд, и она улыбнулась Сигурду тепло и одновременно грустно.

— Ты наконец-то отрастил бороду, но в ней тут и там седые пряди. Должно быть, прошедший год был суров с тобой, если оставил по себе такие следы. Хальвдан, верно, едва узнает тебя.

Сигурд ощутил, как кровь отхлынула от лица.

— Что ты сказала? — полушепотом, белея, переспросил он.

Ранхильд обернулась на гребень холма, в направлении, откуда она явилась.

— Сейчас сам увидишь, что я сказала, — отвечала она, кивком указывая на всадника на вороном коне, который шагом приближался к ним.

Сигурд не помнил, как шел по склону холма навстречу Хальвдану. Он положил ладонь на холку коня, не зная, что сказать, и во рту

у него так пересохло, что, верно, ни одно слово не протиснулось бы в горло. Хальвдан был все тот же — суровый, мрачный, с настороженными глазами. Раненую руку он прятал под плащом, и плечи его подозрительно горбились.

Сигурд вцепился в гриву коня, понимая, что первым должен бы подать голос.

— Можно мне... то есть хочешь ли ты, чтобы я вернулся? — наконец выдавил он.

Плечи Хальвдана слегка обмякли.

— Только если сам ты этого хочешь, — ворчливо ответил он. — Я не стану больше силой удерживать тебя там, где ты не пожелаешь оставаться.

— Микла и Рольф... они ведь так и не сказали мне, что ты жив. Даже не намекнули! Так это твой зов я слышал так часто и никак не мог признать... А я-то думал, что это Бергтор зовет меня!

— Это я запретил им сказать тебе всю правду, — пояснил Хальвдан. — Я не хотел, чтобы ты вернулся в Хравнборг только потому, что считал своим долгом предстать передо мной. Ты должен был вернуться по собственной воле, а не ради того, чтобы просить прощения.

— Почему же ты с самого начала не сказал мне, кто я такой? — спросил Сигурд. — Если бы ты рассказал все, я бы наверняка поверил.

Хальвдан покачал головой и извлек из-за ворота плоский ключик, привешенный к

тонкой цепочке. Он передал ключик Сигурду.

— Вот ключ от шкатулки. Много раз я подумывал, не отдать ли тебе этот ключ, но всякий раз опасался того, что сотворил с твоим разумом Йотулл. Последствия моего поступка могли бы погубить Хравнборг, хотя не по твоей вине. Если бы ты тогда, уже зная, что я твой отец, обратился против меня, боль от такого удара была бы куда страшнее, чем от раны, которую я получил в Свинхагахалле.

Сигурд отвел глаза.

— Я так счастлив, что не убил тебя.

Хальвдан показал ему амулет, висевший у него на шее, — золотой топорик.

— Этот охранный талисман когда-то подарил мне Адиль. Не знаю, что спасло мне жизнь — эта безделушка или лекарское искусство целителей из Арнлётшофа. Такого, как я, упрямого старого ярла прикончить не так-то легко. Если б ты получше упражнялся, может, тебе бы это и удалось. А впрочем, и так почти удалось.

— Ты слишком добр ко мне, — пробормотал Сигурд. — Я вел себя, как последний тупица, и ты это знаешь. Так вот какой разговор я подслушал тогда в конюшне!.. Дагрун уговаривал тебя рассказать мне, кто я такой, только... — Он запнулся и горько вздохнул. — Наверно, все же тогда я и впрямь бы тебе не поверил.

— Конечно, не поверил бы — уж Йотулл бы об этом позаботился, — подтвердил Хальв-

дан. — Он бы запросто убедил тебя, что я лгу, — даже если б я в качестве доказательства открыл шкатулку и предъявил тебе перчатку.

Сигурд кивнул.

— Как же я мог быть таким легковверным?

— Тебя обманули. Такое время от времени случается с каждым. Если бы не искусная ложь Йотуллы, я думаю, ты и сам бы очень скоро отыскал истину... однако Йотулл убедил тебя, что ты похищен и обманут, а он — твой единственный друг. Да и сам я тоже ошибся. Я был слишком горд и опасался, что ты не захочешь быть моим сыном. Слишком долго я ждал подходящей минуты, чтобы открыть тебе правду, — непростительная тактическая ошибка для старого воина! — Он сурово сдвинул брови, точно и впрямь обдумывал свой военный промах. — Надо было все рассказать тебе еще при первой нашей встрече, когда я увидел тебя на холме под дождем... но тогда твоя бабка сказала мне, что сын Асхильд умер давным-давно. Как видишь, я тоже с трудом могу распознать ложь, когда она исходит от того, кому я доверяю.

Сигурд оглянулся на запад и вспомнил Тонгуль.

— Не вини ее. Она боялась, что я брошу ее одну. После гибели моей матери у нее больше никого не осталось.

Хальвдан тяжело, невесело вздохнул:

— О да, бедная Бергдис так никогда и не смирилась, что альв отнял у нее дочь, и только

меня винила в ее смерти. Я приехал тогда, чтобы, согласно обычаю, забрать тебя с собой, — я ведь знал, что Бьярнхард скоро начнет разыскивать тебя и перчатку. Когда дела в Тонгулле стали идти все хуже, я заподозрил правду. Бьярнхардовы тролли выжили оттуда почти всех, кто мог бы помочь нам, но Бергдис все не обращалась ко мне за помощью. Даже сейчас мне не верится, что она могла быть так жестока... но, видно, она до самой смерти так и не простила мне свои обиды. Да, многое пошло бы по-иному, если бы в тот злосчастный день, когда Бьярнхард и его банда нагрянули в Хравнборг, я оказался дома!.. — Лицо Хальвдана потемнело от тяжких воспоминаний. — А тут еще и Йотулл. Тысячу раз я мечтал о малейшем, хоть с пылинку, доказательстве его измены — и я бы в тот же миг его уничтожил. Мага трудно разглядеть насквозь... Глупцом я был, не подумав, что он при первой же возможности попытается переманить тебя к Бьярнхарду!

— Йотуллу я отплатил за все, — отозвался Сигурд. — Да и Бьярнхард тоже не избегнет расплаты.

Он вынул из потайного кармана шкатулку и повертел ее в руках, разглядывая.

— Шкатулка принадлежит тебе, и вот — я возвращаю ее. Перчатка там, внутри.

— Нет, перчатка твоя, и ты распорядишься ею согласно своим желаниям. — Хальвдан поглядел вниз, на равнины у подножий гор, и глаза его жестко сверкнули, — Только вдвоем

мы сможем отвоевать то, что некогда нам принадлежало. Я мечтал об этом с того дня, как ты появился на свет, и теперь мои мечты обернутся кошмаром для Бьярнхарда. — Он подобрал поводья и знаком подозвал Миклу, Рольфа и Ранхильд. — В Хравнборге, Сигурд, тебя встретят, как героя. Один только Дагрун знал с самого начала, кто такой на самом деле скиплинг. — Лицо Хальвдана, изборозженное следами утрат и ненависти, смягчила вдруг неловкая улыбка.

— Но я совсем не чувствую себя героем, — обеспокоенно проговорил Сигурд. — Ты уверен, что они простили меня? — Он указал взглядом на Хравнборг, припавший, как всегда, к своему скалистому насесту на склоне горы.

— Уверен, — ответил Хальвдан, протягивая ему руку. — Даю тебе в этом честное слово.

Сигурд горячо ответил на его рукопожатие. Глядя наконец в лицо своего отца, он не сомневался, что их отношения в будущем сложатся радостно и счастливо, хотя и не могут обойтись без столкновений такие характеры, удивительно схожие во всем, включая и недостатки.

Поветрие бушевало по всему Скарпсею, и под его натиском уже зараженные остатки доккальвов отступали в подземные твердины, унося заразу с собой. Были заброшены все

процветающие селения и богатые копи — там остались лишь самые упорные доккальвы, но и они, неизбежно разделяя общее злосчастье, один за другим заболели и умирали. Иные доккальвы все еще пытались бежать от неминуемого дыхания смерти, но незараженных поселений с каждым месяцем оставалось все меньше и меньше. Когда миновал год, льёсальв мог проехать весь Скарпсей из конца в конец, не опасаясь более больных и малочисленных доккальвов, а когда прошло еще полгода, разошлись слухи, что на поверхности Скарпсея не осталось ни одного доккальва. Те, кто когда-то покидал свои древние подземелья ради щедрых посулов Бьярнхарда, теперь не желали подниматься на поверхность, чтобы случайно не подцепить заразу.

Не без грусти обитатели Хравнборга собирались вернуться на плодородные равнины и возродить былой образ жизни. Первым делом они намеревались отстроить прежний Хравнборг, который некогда сожгли дотла головорезы Бьярнхарда. Отважные воины Хальвдана должны были ныне превратиться в его подданных и поклясться снова встать под его руку на защиту их домов, полей и стад, буде им возникнет угроза.

В самый разгар сборов, когда грузили возки, телеги, навьючивали коней — и каждый день прощались с друзьями, уславливаясь скоро встретиться снова в возрожденном Хравнборге, — к порогу Сигурдова дома явилось мрачное напоминание о былом. Ран-

хильд, которая вот уже почти год была его женой, как-то ранним утром открыла заднюю дверь и едва не наступила на жалкий сверток тряпья — в поисках убежища несчастный заполз на крыльцо. Ранхильд едва глянула на него — и заторопилась назад, в дом, разыскивать Хальвдана и Сигурда. Они прервали беседу с Рольфом и Миклой и с удивлением выслушали ее сообщение:

— Там у кухонной двери умирающий. Похоже, это дряхлый доккальв, страдающий от поветрия.

Ранхильд говорила спокойно, но от упоминания поветрия всем стало не по себе, хотя они и знали, что зараза убивает лишь доккальвов.

— Скажу, чтобы его отнесли в конюшню, и пусть себе там умирает, — объявил Сигурд, поднимаясь, чтобы позвать Дагруна из большого зала, где он трапезничал с другими воинами Хальвдана.

— Нет, погоди. Вначале посмотрим на него, — остановил его Хальвдан, и брови его знакомо сошлись к переносице — движение, оставшееся с тех времен, когда он хмурился гораздо чаще, чем теперь. — У меня странное ощущение... а впрочем, нет, что за глупости! Пойдем, Микла, чего же ты ждешь? Поглядим на беднягу — быть может, еще очень долго нам на глаза не попадется ни один доккальв.

— И это совсем неплохо, если хотите знать мое мнение, — слегка обеспокоенно пробормотал Рольф.

— Ну так сиди здесь, — фыркнул Микла, — только стыдно, если Ранхильд окажется храбрее тебя. — Он ухмыльнулся и подтолкнул Рольфа к кухне, где Ранхильд разглядывала умирающего доккальва, наклонясь и упираясь кулаками в бедра; вид у нее был весьма критический.

— Похоже на то, что некогда он был довольно важной персоной, — сообщила она Сигурду. — Давай-ка отнесем его поближе к очагу.

Сигурд нахмурился:

— Как, внести в наш дом заразу? Послушай, Ранхильд, не довольно ли будет с него конюшни?

— Дайте-ка мне прежде взглянуть на его лицо, — проговорил Хальвдан, опускаясь на колени возле скорчившегося оборванца и переворачивая истощенное тело так, чтобы было видно высохшее от страданий лицо несчастного. — Да, это поветрие — сомнений быть не может. Похоже, он и до болезни был калекой — у него горб и... — Голос его сорвался, когда он увидел, что вместо одной ноги у доккальва истертая деревянная культя.

Истончившиеся веки доккальва задрожали, приподнялись, и растрескавшиеся губы шевельнулись в едва слышном шепоте:

— Хальвдан? Это ты, Хальвдан?

— Бьярнхард! — вскрикнул Сигурд, и Хальвдан повторил за ним это восклицание.

— О да, Бьярнхард, — просипел калека, весь дрожа в лихорадке. — Я пришел, чтобы

умереть со своими врагами, если уж мои друзья все умерли... да впрочем, были ли у меня друзья? И ты тоже здесь, Сигурд? Да, пришел для тебя счастливый день — ты своими глазами увидишь мой конец и конец проклятия, которое ты обратил против меня. А ты все такой же простофиля, как прежде?

— Да, такой же, но теперь я это знаю, — огрызнулся Сигурд, — так что теперь это мне так не вредит, как когда-то. Можем ли мы хоть чем-то облегчить тебе последние минуты? Даже я не решился бы прибавить еще что-то к твоим мучениям, хотя когда-то и мечтал об этом.

— Ничто не делает человека таким щедрым, как победа, — проворчал Микла. — Смотри, не сделай его последние минуты настолько приятными, что он, чего доброго, раздумает умирать.

Бьярнхард едва заметно покачал головой и утомленно прикрыл глаза.

— О, не тревожьтесь, — прошептал он, — я не стану вам обузой. Вы же наверное знаете, что стоит насланному вами проклятию впиться в тело, как спасения можно не ждать. Но знаешь, Хальвдан, я бы не прочь умереть, в последний раз испробовав доброго крепкого эля. Между нами ведь нет больше счетов, правда? Мы, как могли, старались стереть друг друга с лица земли, и ты победил. Что же, все проходит.

— Да, все проходит, — подтвердил Хальвдан, поддерживая одной рукой голову своего

заклятого врага, влил ему в рот эля, хотя Бьярнхарду едва удалось сделать один глоток. Сигурд с изумлением смотрел, как Хальвдан устраивал Бьярнхарда поудобнее, насколько это было возможно при его болезни, и потом сидел при нем остаток дня. Когда на закате Сигурд, уходивший по делам, вернулся, он узнал, что Бьярнхард умер.

Хальвдан приказал развести костер; Бьярнхардово тело сожгли, а пепел развеяли на все четыре стороны. Хальвдан и Микла, который относился ко всем этим действиям с легким неодобрением.

— Ты и впрямь облегчил ему конец, — заметил Сигурд, когда церемония завершилась. — А мы все ночь напролет поддерживали огонь и не выспались. — Он покосился на Ранхильд, которая проворно разгребала раскаленные угли, ядовито упрекая Рольфа за то, что тот ухитрился заснуть на посту.

— Теперь все кончено. — Хальвдан тяжело оперся на посох, глядя, как восходящее солнце окрашивает розовым низко нависшие тучи. — Ты прав, он не заслуживал такой смерти — чтобы кто-то сидел с ним и как должно похоронил его или сжег его тело. Однако я сделал все это не ради него, но ради себя. Я вовсе не чувствительный болван, и меня бы вполне устроило зрелище Бьярнхардова тела, терзаемого лисами и воронами.

— Так почему же... — начал Сигурд и прикусил язык, когда Ранхильд одарила его выразительным взглядом, как делала это час-

тенько, когда Сигурд задавал слишком много вопросов, которые задавать ему вовсе не следовало. Меняя тему, он ворчливо заметил: — Жаль, что мы так сильно выжгли здесь землю. Можно подумать, что в нее ударила молния, правда? Уж и не знаю, будет ли здесь еще расти трава.

Хальвдан ласково взглянул на него.

— О, — сказал он тихо, — не тревожься за землю. Она исцелится.

Он ступил на бесплодную, истерзанную огнем землю и чуть слышно повторил:

— Она исцелится.

Литературно-художественное издание

Элизабет Бойе
ВОИН И ЧАРОДЕЙ

Легенды Скарпсея
Летопись вторая

Руководитель проекта
Геннадий Белов

Редактор
Сергей Фроленок

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Людмила Борисова
Татьяна Андрианова
Татьяна Бородулина

Верстка
Алексея Положенцева

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано к печати 16.05.96.

Формат издания 84×108_{1/32}. Печать офсетная. Гарнитура Сенчури.

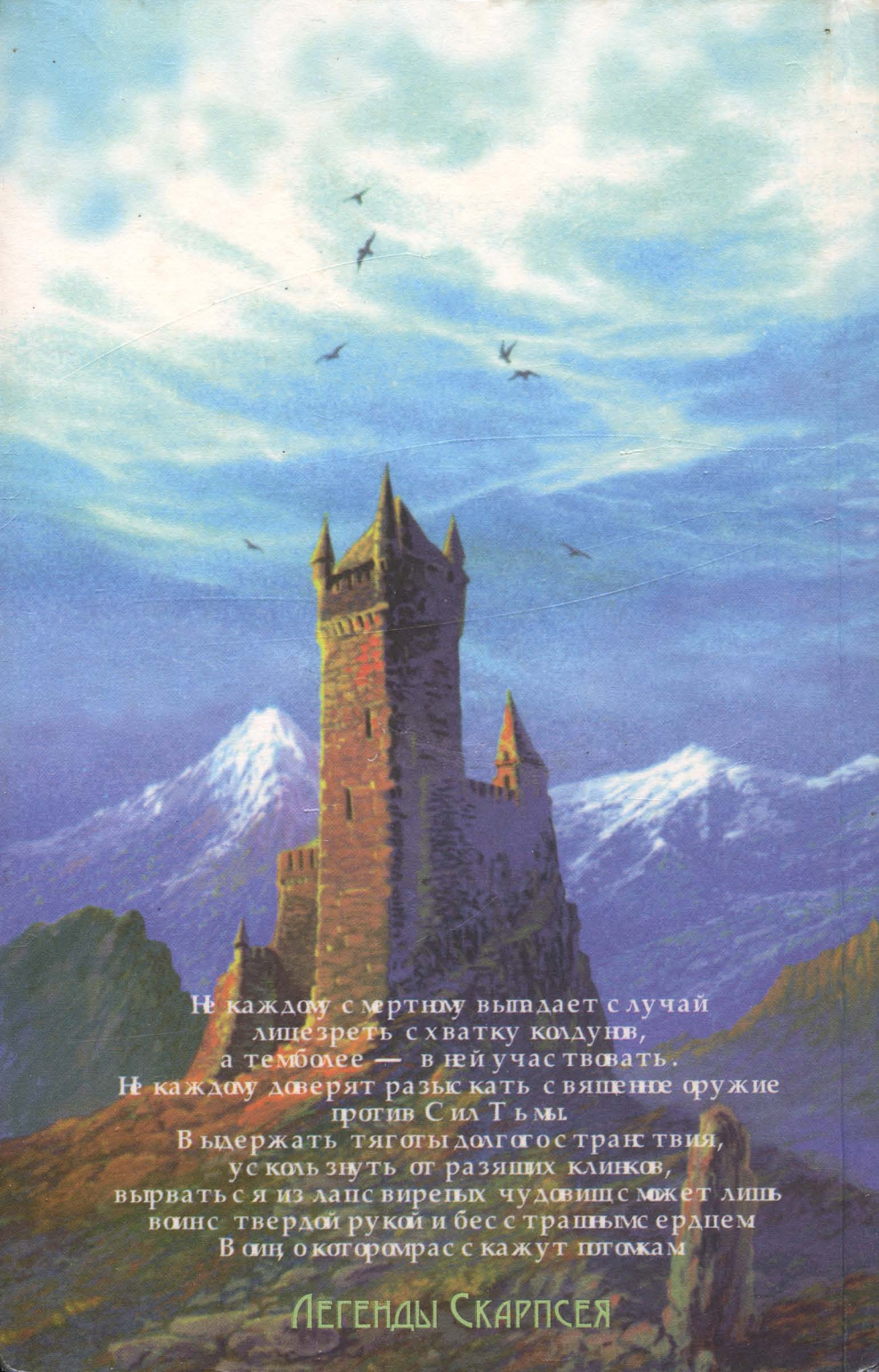
Тираж 30 000 экз. Усл. печ. л. 25,2. Изд. № 56. Заказ № 311.

Издательство «Азбука».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии им. Володарского Лениздата.

191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

Не каждому смертному выпадает случай
лицезреть схватку колдунь,
а тем более — в ней участвовать.
Не каждому доверят разыскать священное оружие
против Сил Тьмы.
Выдержать тяготы долгого странствия,
ускользнуть от разящих клинков,
вырваться из лап вихревых чудовищ может лишь
воин с твердой рукой и бесстрашным сердцем.
В олице, о котором расскажут потомкам.

ЛЕГЕНДЫ СКАРПСЕЯ